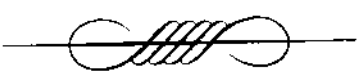

МИРЫ БИМА ПАЙПЕРА
МАЛЕНЬКИЙ ПУШИСТИК
МИРЫ БИМА ПАЙПЕРА • МАЛЕНЬКИЙ ПУШИСТИК

БИМ ПАЙПЕР

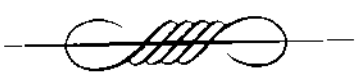
МИРЫ БИМА ПАЙПЕРА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1997

МАЛЕНЬКИЙ ПУШИСТИК

ПУШИСТИК РАЗУМНЫЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1997

Миры Бима Пайпера. Маленький Пушистик / Пер. с англ. — Полярис, 1997. — 377 с.

В эту книгу вошли два романа, открывающие знаменитую трилогию о фантастически обаятельных инопланетянах-пушистиках — «Маленький Пушистик» и «Пушистик разумный».

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом об авторском праве. Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчиков. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

Иллюстрация на обложку печатается с разрешения художника и его агентов: Glassonion Ltd. (США) и Александра Корженевского, Россия

The Little Fuzzy
Copyright © 1962 by H. Beam Piper

Fuzzy Sapiens
Copyright © 1964 by H. Beam Piper

© Издательство «Полярис»,
перевод, оформление, составление, название серии, 1997

ISBN 5-88132-335-1

От издательства

Пожалуй, не найдется в мире научной фантастики автора, о котором было бы известно так мало.

Справочник «Писатели-фантасты XX века» пишет о нем: «Пайпер, Г(енри) Бим. 1904—11.11.1964. Родился в Алтуне, шт. Пенсильвания. Работник инженерной службы Пенсильванской железной дороги». И все. «Энциклопедия научной фантастики» может сообщить чуть больше, однако, если верить ей, Пайпер работал на железной дороге детективом до своего увольнения в середине 50-х. Не известно в точности даже имя писателя — по некоторым данным, его звали Гораций Бим Пайпер. Однако все источники сходятся в одном — с того момента как в 1947 году первый рассказ Пайпера «Снова и снова» появился в журнале «Эстаундинг», этот писатель занял свое, особое место в жанре НФ. Нельзя сказать, что он был обязан своим возвышением только привязанности, которую питал к его творчеству редактор «Эстаундинг», прославленный Джон Кэмпбелл, ставивший Пайпера выше всех прочих «открытых» им фантастов — а среди них были и Азимов, и Хайнлайн. Несмотря на то что взгляды Кэмпбелла и Пайпера, как политические, так и литературные, во многом схожи, в конечном итоге писатель ценой собственной жизни доказал свою самостоятельность.

Большая часть написанного Пайпером публиковалась первоначально именно в виде рассказов или романов «с продолжением» в «Эстаундинг». Лишь после смерти писателя многие из них были изданы в виде книг — отдельных романов и сборников. Кое-что так и не увидело свет при жизни Пайпера, оставшись в черновиках до нового всплеска интереса к его творчеству в 80-е годы. И всплеск этот — не случайность. Пайпер во многом обогнал свое время.

Почти все произведения Пайпера укладываются в рамки двух циклов. Первый из них, меньший, составили рассказы о «полиции паравремени», предвосхищающие «Патруль времени» Андерсона. Полицейские из мира Первого уровня следят за развитием бесчисленных параллельных миров, ответвляющихся от «основного потока» истории, а когда необходимо — и вмешиваются в их развитие, охраняя собственное существование, как в романе «Лорд Кальван Иновременный» (книжное издание — 1965).

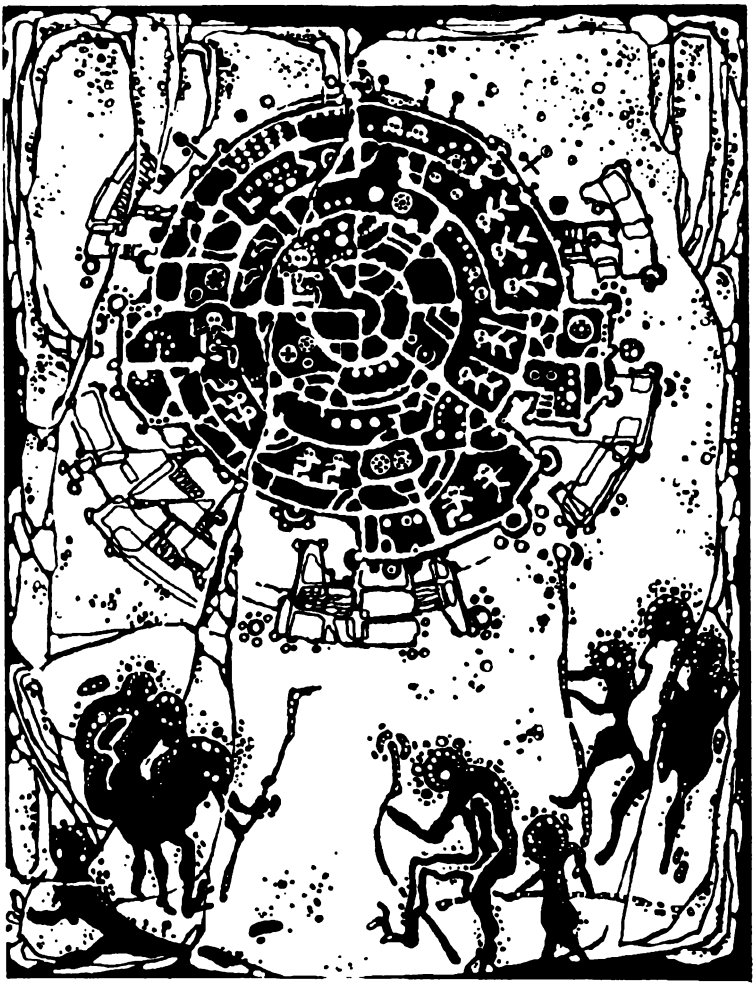
Второй цикл обычно называют «Историей терранского человечества». Почему именно «терранского» — сказать легко; непреложным требованием Кэмпбелла-редактора было отсутствие в публикуемых произведениях инопланетных конкурентов человечества. Айзек Азимов,

разъяренный подобным требованием, вообще отказался писать об инопланетянах. Пайпер поступил проще — ни одна из четырнадцати разумных рас его Галактики, кроме человека, не вышла в космос самостоятельно. На свой лад эта «история будущего» превосходит и «Академию» Азимова, и «Техническую цивилизацию» Андерсона, уступая им лишь в одном — к моменту смерти писателя она осталась незавершенной и обрывочной. Целые периоды галактической истории остались лишь в виде намеков в разрозненных произведениях писателя. Но монументальность и размах «Академии», проработанность деталей «Технической цивилизации» меркнут в сравнении с «Историей терранского человечества», потому что Пайпер смог добавить к ним то, что не давалось многим куда более известным фантастам, — человечность и убедительность.

А самая известная часть истории, принадлежащая к условному подциклу «Федерация» (сам писатель никогда не подразделял «Историю» на циклы) — трилогия о пушистиках — самых обаятельных инопланетянах в мировой фантастике. В этих трех романах — «Маленький Пушистик» (1962), «Пушистик разумный» (1964) и «Пушистики и другие» (1984; роман был восстановлен по рукописи) — проявились лучшие качества Пайпера-писателя. Их с одинаковым удовольствием читают и взрослые, и дети. Золотистые мохнатые существа с планеты Заратуштра легко покоряют сердца не только героев книги, но и целых поколений читателей. И в то же время эта на первый взгляд почти детская книга поставила в свое время вопрос, который десять лет спустя со значительно меньшим успехом подняла Урсула ле Гуин в своем «Слово для "леса" и "мира" одно» — допустимо ли наживаться за счет более слабой, не способной защитить себя расы? И индивидуалист, проповедник свободного предпринимательства Пайпер в лице своего alter ego, старателя Холлоуэя, твердо отвечает: «Нельзя». Хотя так просто объявить милых и добрых пушистиков, не умеющих даже обрабатывать камень, пушными зверьками — и добывать на их родине драгоценные солнечники...

Помимо трилогии о пушистиках, в собрание сочинений Генри Бима Пайпера вошли произведения, описывающие более поздний период «Истории терранского человечества» — роман «Космический викинг» (1963) и две повести. Федерация, во времена которой была колонизирована Заратуштра, распалась после междоусобной войны, и только базы «космических викингов», живущих разграблением накопленных Федерацией запасов, сохраняют какое-то подобие цивилизации. Но именно они станут создателями Империи, которая вновь объединит заселенные миры.

Карьера писателя, обещавшего стать одной из ярчайших звезд в истории жанра, оборвалась трагически. Оказавшись в долгах из-за финансовой аферы, гордый потомок южан Генри Пайпер не захотел просить помощи у друзей. 11 ноября 1964 года он вошел в пустой дом, написал предсмертную записку: «Мне жаль оставлять за собой такой беспорядок, но если бы я мог разобраться — не уходил бы», выбрал ружье из своей внушительной коллекции оружия и застрелился. А его роль в НФ проще всего определить, вспомнив: не найдется другого фантаста, чьи работы породили бы такое количество продолжений и подражаний. И очень немногих фантастов через три десятилетия после их смерти вспомнят с такой любовью и почтением.

МАЛЕНЬКИЙ ПУШИСТИК

Глава 1

Джек Холлоуэй почувствовал, что смотреть на это солнце, сверкающее, как раскаленный апельсин, без прищура он уже не в состоянии. Он поднял было руку, чтобы надвинуть пониже шляпу, но тут же вынужден был ее опустить, чтобы успеть нажать на кнопку, контролирующую антигравы, и изменить их частоту пульсации, одновременно при этом другой кнопкой выпустив еще сотню ног манипулятора. С минуту он просто посидел, попыхивая короткой трубочкой (от которой его седые усы изрядно пожелтели по краям) и глядя вниз на развевающуюся на кусте, растущем в расщелине скалы ярдах в пятистах, красную тряпку.

— Этот будет хорош, — с довольной улыбкой пробормотал он. Как у всякого человека, много времени проводящего в одиночестве, у него была привычка разговаривать с собой вслух. — Посмотрим, как он пойдет.

Он всегда смотрел. Он помнил каждый из по меньшей мере тысячи взрывов (включая и несколько термоядерных), которые собственноручно произвел за многие годы работы на стольких планетах, что, пожалуй, не смог бы сразу и припомнить все их наименования. Все взрывы были не похожи один на другой, и всегда было на что посмотреть. Даже на такой пустячок, как этот. Щелкнув включающим систему тумблером, он на ощупь привычным движением нажал кнопку, посылающую активизирующий взрыв радиоимпульс, и красная тряпка тут же исчезла в клубах взметнувшихся пыли и дыма, которые, поднимаясь к небу из темного ущелья и попадая под солнечный свет, изменяли цвет с серого на медный. Манипулятор слегка качнулся на антигравах; летящие во все стороны

глыбы камня ломали деревья и с плеском падали в небольшую речушку.

Джек подождал, пока машина выровняется, и подплыл к раскопу. Хороший взрыв получился: он раскидал глыбы песчаника и аккуратно вскрыл кремневую жилу, не особенно развороти в ее. Теперь большие куски кремня лежали на поверхности, и выдернуть их из породы было легко, как шатающийся зуб. Он выдвинул захваты и раскачал ими один из ближайших, а затем, подцепив его выпущенными из днища клешнями, бросил на свободный участок между речушкой и скалой. Затем подхватил еще один обломок и еще один, а потом еще и еще до тех пор, пока не наготовил себе образцов для исследования на весь день. Тогда Холлоуэй посадил машину и, прихватив коробку с инструментами и ручной антиграв на длинной ручке, выпрыгнул на землю. Он открыл коробку, надел рукавицы и щиток для глаз и, вооружившись микроволновым сканером и вибромолотком, приступил к работе.

В первом обломке не оказалось ничего достойного внимания: сканер показал наличие однородной породы. Подцепив антигравом, Джек своротил его в речку. Лишь в пятнадцатом образце он обнаружил наличие пород разной плотности, что доказывало присутствие внутри него солнечника. Или чего-нибудь другого. Чаще всего оказывалось что-то другое.

Примерно пятьдесят миллионов лет назад, когда планета, в течение последних двадцати пяти лет называвшаяся Заратуштрой, была еще молода, в ее морях существовала форма жизни, схожая с земной медузой. Когда они умирали, оседавшие на дно тела засасывались в ил, который со временем заносило песком. Летели века, растущие с течением времени массы песка давили на ил все больше и больше, до тех пор пока он не превращался в кремень с вкраплениями погребенных медуз. По необъяснимому капризу природы некоторые из камней в результате неизвестных биохимических процессов обладали качеством термофлюоресценции: если их носить как украшения, то под воздействием тепла человеческого тела они начинали светиться.

И на Земле, и на Бальдре, и на Фрейе, и на Иштар самый крошечный кусочек обработанного солнечника стоил небольшого состояния. Цены на него были очень высоки и устойчиво держались. Сдерживая нетерпеливую дрожь в руках, Джек начал вибромолотком осторожно обкалы-

вать кремень вокруг неизвестного включения. Наконец его труды увенчались успехом, и он увидел пока еще наполовину погруженный в пустую породу гладкий желтый голыш величиной с фасолину.

— Это еще ничего не значит, может, он только прикидывается, — пробормотал Джек, продолжая работу. Достав наконец камешек, он потер его рукавицей. — Не очень-то похоже, чтобы это было то, что надо.

Он потер энергичнее, а затем подержал над чашечкой горящей трубки. Но камень так и не откликнулся.

— Еще одна медуза, которая вела неправильный образ жизни, — вздохнул Джек и отшвырнул голыш.

За его спиной в кустарнике что-то зашуршало, и, краем глаза отметив легкое движение, он резко обернулся, а его правая рука одним движением скинула рукавицу и автоматически метнулась к бедру. Причиной шума оказалось существо длиной с фут, покрытое толстым панцирем, с двенадцатью ногами, длинными антеннами и двумя парами мощных зубастых челюстей. Джек поднял осколок кремня и с проклятием запустил его в тварь. Еще одна чертова сухопутная креветка, чтоб ей пусто было!

Джек не переваривал этих креветок: они были омерзительны, что, впрочем, не было, конечно, их виной. Главная их вина заключалась в том, что они уничтожали все, что им попадалось на глаза. Они периодически проникали в лагерь и там перепробовали на зуб абсолютно все его вещи. Они залезали внутрь машин, очевидно, считая смазку отменным лакомством, что не раз уже приводило к серьезным неполадкам. Они сжирали изоляцию с электропроводки. Они забирались к нему в постель и даже пару раз пытались попробовать на вкус его самого — а кусались они пребольно! Никто не любил сухопутных креветок, даже сами сухопутные креветки.

Тварь ловко увернулась, отскочила в сторону на пару футов и замерла на месте, издевательски тряся антеннами, словно насмехаясь. Рука Джека вновь метнулась к бедру, но он заставил себя сдержаться: каждый патрон здесь был на вес золота, и тратить их на эту мразь было просто ребячеством. Хотя с другой стороны — ни одна пуля, угодившая в цель, не пропадает совсем уж даром, а он в последнее время давненько не упражнялся в меткости. Он снова нагнулся, поднял еще один камень и швырнул его, метя на фут левее креветки. В ту же секунду его пальцы ухватились за рукоятку длинноствольного револьвера, и,

прежде чем камень успел приземлиться, дуло уже смотрело в сторону мишени. Креветка ударилась в бегство, но раздался выстрел, и псевдоракообразное разлетелось на кусочки. Джек удовлетворенно кивнул:

— Вот так-то. Старина Холлоуэй до сих пор бьет только в яблочко.

Еще совсем недавно ему не приходилось доказывать самому себе, что реакция и меткость у него отменные. Теперь же возраст давал о себе знать. Он поставил пистолет на предохранитель и сунул его в кобуру. Затем поднял рукавицу и снова надел ее.

Столько этих проклятых креветок, как в это лето, он еще не видел! И в прошлом году ему пришлось от них несладко, но ни в какое сравнение с нынешним годом это даже не идет. Да и все старожилы Заратуштры в один голос говорили то же. Этому, конечно же, наверняка было очень простое и естественное объяснение; столь простое, что потом он поразится, насколько оно очевидно и насколько надо быть тупым, чтобы не заметить его сразу. Возможно, окажется, что дело тут в необычайно сухом лете. Или в том, что увеличилось количество съестного для креветок, или, наоборот, уменьшилось число их естественных врагов.

Хотя он и слыхал, что у сухопутных креветок нет и никогда не было врагов, но сильно в этом сомневался: кто-то же их убивает! Он не раз натыкался (даже у самого лагеря) на пустые, расплющенные панцири. Внешне это выглядело так, словно на них наступили тяжелым копытом, а затем насекомые выели все изнутри. Надо будет спросить у Бена Рейнсфорда — уж он-то должен знать.

Еще через полчаса работы Джеку снова попался обломок кремня с неоднородной структурой. Он отложил его в сторонку и взялся за вибромолоток. На сей раз внутри оказался нежно-розовый камешек размером с большой боб. Джек осторожно извлек его из основной породы и потер: камешек тут же отозвался россыпью теплых искр.

— Ага! Вот это уже то, что надо!

Он потер его посильнее, а затем подогрел над тлеющей трубкой, и камешек ярко засветился. «Не меньше чем на тысячу солов, — довольно усмехнулся Джек. — Да и цвет хорош». Он снял рукавицы и вытащил из-под рубахи висевший на груди замшевый мешочек, в котором уже было с полторы дюжины сияющих как угольки солнечников.

Он с минутку полюбовался на свое сокровище, а затем присоединил к нему новую находку.

Виктор Грего слушал запись собственного голоса и, полируя большим пальцем солнечник, любовался его сиянием. Машинально он отметил, что в его голосе слышатся явные горделивые нотки, обычно не присущие сухому, невыразительному стилю отчета. Он хмыкнул: ну что ж, если кому-то из тех, кто шесть месяцев спустя прослушает эту запись в Йоханнесбурге на Терре, это не понравится, то он советует им получше разглядеть груз, который прибыл с расстояния в пятьсот световых лет. Золото, платина и гадолиний в слитках. Меха, биохимикаты и бренди. Духи, дающие сто очков вперед любым синтетическими имитациям запахов; сверхтвердая древесина железного дерева, качество которой еще не научились копировать в пластике. Пряности. И стальной сундук, доверху набитый солнечниками. Лишь предметы роскоши возможно перевозить на такие расстояния, если хочешь, чтобы межзвездный полет окупился.

Он говорил еще и о другом. Мяса вельдбизонов заготовлено на семь процентов больше, чем в прошлом месяце (что по сравнению с прошлым годом составляет почти двести процентов), так как оно пользуется все повышающимся спросом у дюжины планет, которые не в состоянии наладить сами производство продовольствия земного типа. Зерно, кожа, пиломатериалы. И Виктор перечислил еще с десяток наименований товаров, которые Заратуштра может сама производить в достаточном количестве и потому не нуждается в импорте их с Терры. Больше не придется ввозить ни рыболовные крючки, ни пряжки для туфель, ни даже горючее для ракет и динамит, запчасти для антигравов, инструменты, лекарства, синтетические ткани. У Компании больше нет необходимости заботиться о Заратуштре; теперь Заратуштра позаботится о Компании.

Пятнадцать лет назад, когда компания «Заратуштра» прислала его сюда, здесь имелось лишь крохотное поселение из нескольких лепившихся друг к другу на краю сделанного наспех посадочного поля лачуг, как раз на том самом месте, где сейчас стоит его небоскреб. Сегодня же население Мэллори-порта насчитывает семьдесят тысяч человек. А количество людей, расселившихся по всей планете, скоро достигнет миллиона. И вряд ли это предел.

Растет количество металлургических заводов, химических фабрик и различных комбинатов. Налажена добыча большинства из радиоактивных руд, и даже недавно начали выдавать на экспорт небольшими партиями очищенный плутоний.

Запись закончилась, голос замолчал. Виктор перемотал ее и передал в радиорубку. Через двадцать минут ее копия будет уже на борту корабля, который сегодня ночью стартует на Терру. Когда он закончил, раздался звонок видеофона.

— Мистер Грего, вас вызывает доктор Келлог, — сообщила из приемной секретарша.

Он кивнул, нажал пару кнопок, и ее лицо исчезло в смешении цветных точек. Затем изображение прояснилось, и теперь уже на Виктора смотрел с экрана начальник научного отдела Компании. Тайком взглянув на свое изображение на контрольном экранчике, закрепленном над основным, Виктор послал своему собеседнику открытую, радушную, обаятельную, сияющую всеми тридцатью двумя зубами улыбку.

— Здравствуйте, Леонард. Надеюсь, все у нас в порядке?

Когда все шло путем, доктор Келлог требовал к себе чрезмерного, несколько даже незаслуженного уважения, а если что-то сбоило, спешил свалить вину за это на кого угодно, лишь бы не успели обвинить его самого.

— Добрый день, Виктор. — Келлог гордился, что называет своего шефа по имени, однако тон его был почтителен и исключал даже намек на панибратство. — Ник Эммерт уже говорил с вами сегодня о проекте по Большому Черноводью?

Ник был посланником Федерации и представлял на Заратуштре правительство Терры. Кроме того, он был крупнейшим акционером лицензированной компании «Заратуштра».

— Нет. А он что, собирался?

— Это очень странно, Виктор. Он только что связался со мной и сказал, что у него был неприятный разговор об эффекте, который наблюдается в результате обильного выпадения дождей в районе Пьедмонта на континенте Бета. Его это очень беспокоит.

— Хорошо, я поинтересуюсь этими сверхобильными осадками. Но, в конце концов, мы же осушили на Бете с полмиллиона квадратных миль болот, и в том районе ветры дуют в основном с запада. Поэтому в восточных рай-

онах влажность должна была понизиться. Так кому же это не нравится и что до этого Нику?

— Ник боится, что это вызовет нежелательные толки на Терре и может настроить против нас общественное мнение. Мне ли вам рассказывать, насколько оно консервативно и при том сентиментально: любая деструктивная эксплуатация ими тут же встречается в штыки.

— Боже милосердный! Да у кого же повернется язык назвать освоение пятисот тысяч квадратных миль земель под фермы и плантации «деструктивной эксплуатацией»?

— Ну, пока что Ник тоже не использовал этого термина, конечно же, нет. Но он сильно озабочен тем, что на Терре кто-то занимается подтасовкой фактов с целью доказать, будто мы здесь нарушаем экологический баланс и можем вызвать засухи. Меня это тоже, кстати, сильно беспокоит.

Виктор понимал истинную причину беспокойства их обоих. Эммерт боялся, что Федеральное ведомство по делам колоний начнет его гнобить за то, что он вызвал на них огонь со стороны консерваторов. Келлог же опасался, что ему поставят в вину то, что, не просчитав до конца всех возможных последствий, он запустил проект в действие. Сев в кресло начальника научного отдела, он занял наивысший пост в Компании, на который только мог рассчитывать, и теперь находился в положении кэрролловской Черной Королевы, вынужденной очень быстро бежать, для того чтобы остаться на месте.

— В этом году осадков выпало на десять процентов меньше, чем в прошлом, и на пятнадцать — чем в позапрошлом, — продолжал Келлог. — Мало того, что об этом уже начинают трубить в «Новостях Заратуштры» типы, не имеющие никакого отношения к Компании, так даже кое-кто из моих людей уже поговаривает о побочных экологических эффектах. А вы понимаете, что может случиться, если эти местные слухи донесутся до Терры. Фанатики-консерваторы сразу же вцепятся в них и устроят большой скандал.

А Леонард воспримет все это как личное оскорбление. Он полностью идентифицировал себя с Компанией. Для него она была чем-то более значительным и сильным, чем он сам, — чем-то вроде Бога.

Виктор Грего же идентифицировал Компанию с самим собой. Для него она была сильным, большим и послушным аппаратом, находящимся у него под полным контролем.

— Леонард, критика со стороны консерваторов вряд ли нанесет Компании хоть какой-то ущерб. И уж никак не отразится на наших дивидендах. Вы, по-моему, слишком болезненно реагируете на критику. А откуда Эммерт обо всем узнал? От кого-то из ваших людей?

— Это исключено, Виктор. Именно это и беспокоит его больше всего. Шум поднял тот тип, Рейнсфорд.

— Кто такой?

— Доктор Беннет Рейнсфорд, естествоиспытатель. Из института ксенологии. Я никогда не доверял тамошней братии: они вечно суют носы куда не следует, и институт периодически пересылает результаты своих исследований прямехонько в ведомство по делам колоний.

— А, да, я понял, кого вы имеете в виду: такой низенький, с рыжими бакенбардами, в вечно жеваном костюме, словно спит, не раздеваясь. Ну и что с того, что парни из «ксено» суются повсюду и докладывают обо всем на Терру? Вы что же, раньше этого не знали? — Грего уже начал раздражаться. — Я не вижу во всей этой истории ровно ничего, Леонард. Рейнсфорд просто провел обычный рядовой анализ метеорологических наблюдений. Я предлагаю вам дать указание своим синоптикам проверить его и, если он окажется правильным, передать службе новостей вкупе с другими вашими научными исследованиями.

— Ник Эммерт считает, что Рейнсфорд — тайный агент Федерации.

Виктору стало смешно. Конечно же, в компании «Заратуштра» были тайные агенты. Да их там сотни! Он знал об этом и мирился, как с необходимым злом. За ним следили люди всех крупных акционеров, таких, как «Межпланетный экспорт», Банковский картель и транслиния «Терра—Бальдр—Мардук». У Ника Эммерта имелась целая армия шпионов и осведомителей, а агенты Федерации следили за ними всеми. Да, Рейнсфорд вполне мог оказаться агентом, и его маска ученого-фаната была идеальным прикрытием. Но история с Большим Черноводьем и выеденного яйца не стоила. Ник Эммерт просто пытался выжать еще одну взятку; плохо, что у перегруженной совести не бывает коротких замыканий.

— Предположим, что так оно и есть, Леонард. И что же он может о нас такого страшного рассказать? Мы лицензированная компания, и у нас есть полное легальное право действовать в рамках лицензии. Ну, правда, рамки эти весьма неопределенны, и нам позволяется многое, так

как планета здесь необитаемая и относится к классу три. Поэтому Компания властвует тут безраздельно. Мы можем творить все что угодно, лишь бы это не выходило за рамки Федеральной конституции. И пока мы за них не выходим, Нику Эммерту не о чем беспокоиться. Так что выкиньте из головы всю эту дурацкую сплетню, Леонард! — Грего поймал себя на том, что заговорил слишком резко, и на лице Келлога уже появилось обиженное выражение. — Я знаю, как вы болеете душой за всю информацию, которая идет отсюда на Терру. Это очень похвально, но...

И так дальше, в таком стиле, до тех пор, пока Келлог снова не расцвел. Виктор закончил разговор на оптимистической ноте, отключил экран и в голос расхохотался, откинувшись на спинку кресла. Но экран тут же вновь засветился, и раздался звонок. Грего ткнул пальцем в кнопку, и появившаяся секретарша сообщила:

— Мистер Грего, на связи мистер Генри Стенсон.

— Хорошо, подключайте. — И Виктор вовремя прикусил язык, чуть было не добавив вслух, что будет рад для разнообразия поговорить с умным человеком.

На экране уже возник худощавый старик с тонкими губами и множеством морщинок в уголках глаз.

— Здравствуйте, мистер Стенсон. Рад вашему звонку. Как самочувствие?

— Спасибо, прекрасно. Как у вас?

Виктор ответил, что не жалуется.

— Как шарик? — осведомился его собеседник. — Крутится? Не рассинхронизировался еще?

Виктор тут же машинально перевел взгляд на самую роскошную вещь в кабинете — огромный глобус Заратуштры, сделанный для него Стенсоном. Он висел в шести футах от пола на автономном антиграве, подсвеченный с одной стороны оранжевым, будто местным светилом, и медленно поворачивался, а вокруг него бесшумно скользили два спутника.

— Глобус движется точно по графику, и с Дарием тоже все в порядке. А вот Ксеркс на несколько секунд отстает от своей истинной позиции.

— Это ужасно, мистер Грего! — Стенсон был глубоко потрясен. — Я займусь им прямо завтра с утра. Мне следовало его проверить уже давно, но вы сами знаете: так много дел и так мало времени, чтобы успеть их все переделать.

— Да, у меня те же проблемы, мистер Стенсон.

Они поговорили еще немного о том о сем, и мистер Стенсон стал прощаться, извиняясь, что отнял у мистера Грего столько его драгоценного времени. Если он и имел в виду, что его время тоже дорого ценится, этого он не сказал. Экран опустел, и Грего еще несколько секунд сидел, слепо уставясь на него и мечтая о том, как было бы здорово, если бы в его организации имелась хотя бы сотня таких вот Генри Стенсонов — людей с его мозгами и характером; хотя бы сотня таких искусных мастеров — это даже для мечты маловероятно. Генри Стенсон мог быть только один, как был только один Антонио Страдивари. Но почему же тогда такой человек довольствуется работой в маленьком магазинчике на такой заштатной планете, как Заратуштра?

Виктор вновь залюбовался глобусом. Мимо сейчас величаво проплывал континент Альфа с мерцающим в оранжевых лучах огоньком, отмечавшим местонахождение Мэллори-порта. Дарий — спутник, использовавшийся транслинией «Терра—Бальдр—Мардук» в качестве космодрома, висел прямо над ним. Второй спутник — Ксеркс — наполовину скрылся за глобусом. Ксеркс был единственным, что не принадлежало компании «Заратуштра»: на нем находилась военная база Федерации. И это было здесь единственным напоминанием о том, что существует нечто посильнее и побольше Компании.

Герд ван Рибек ждал Рут Ортерис в комнате для коктейлей и неотрывно следил за эскалатором, чтобы не пропустить ее появления. Вот и она. Он поставил на стойку свой бокал, где еще оставалось с дюйм хайболла со льдом, и, когда она, сойдя со ступенек, нашла его глазами, приветственно помахал рукой. Заметив, с какой радостью она помахала в ответ, он поднялся и пошел ей навстречу. Рут легонько поцеловала его в щеку, но от ответного поцелуя уклонилась.

— Выпьем по капельке для аппетита? — предложил Герд.

— Да, с удовольствием! Весь день только об этом и мечтала.

Он проводил ее к одному из обслуживающих бар автоматов, ввел в него свою кредитную карточку и подставил графин, вмещавший четыре порции, под струю миксера, выбрав тот коктейль, что они обычно пили. Пока графин наполнялся, он обратил внимание на то, как Рут сегодня

одета: на ней были черный свитер, бледно-лиловая шейная косынка, салатовая юбка. Костюм этот мало походил на парадно-выходной.

— Что, школьный департамент тебя опять не отпускает? — спросил он.

— Комиссия по делам несовершеннолетних, — вздохнула она и достала с полки пару бокалов. — Пятнадцатилетний грабитель.

Они отыскали столик у стены, чтобы быть подальше от гомона, заполнявшего комнату для коктейлей. Как только Герд наполнил ее бокал, Рут тут же одним глотком отпила половину, вынула из пачки сигарету, прикурила и жадно затянулась.

— Опять Помойка-сити? — спросил ван Рибек.

Рут кивнула:

— Прошло всего лишь двадцать пять лет с того дня, когда открыли эту планету, и у нас уже имеются свои трущобы. Я провела там сегодня в компании двух полицейских большую часть дня. — Видно было, что ей не хочется говорить на эту тему. — А ты чем сегодня занимался?

— Рут, тебе обязательно надо попросить доктора Маллина как-нибудь зайти к Леонарду Келлогу и скромно так, ненавязчиво, попросить отпуск.

— Ты что, соскучился по неприятностям? — резко перебила она.

Герд скривился и отхлебнул из бокала.

— Вокруг него всегда неприятности. Создавать их у него в характере. Рут, говоря откровенно и используя выражения, которые ты профессионально презираешь, Лен Келлог — козел из козлов и круглый дурак! — Он отпил еще глоток и угостился сигаретой из ее пачки. — И я сейчас обосную свое мнение, — продолжил он после того, как прикурил. — Так вот: пару дней назад он сообщил мне, что получил сведения о небывалом нашествии сухопутных креветок на Бете и хочет, чтобы я быстро и хорошо выяснил причины этой чумы египетской.

— Ну и?..

— Я сделал пару видеозвонков, сел, написал отчет и послал ему. И тем самым приставил дуло к своему виску. Мне надо было бы потратить на это как минимум парочку недель и сделать из простой статистики шедевр.

— А ты что сделал?

— Я изложил факты. Демографический взрыв у креветок напрямую зависит от изменения климатических условий. Они зарывают свои яйца в землю, и вылупившийся молодняк каждую весну должен прорыть выход наружу. Если выпало достаточно осадков, многие из них тонут в грязи, так и не успев выбраться на поверхность. Судя по годовым кольцам на пнях, последняя весна на Бете была самой сухой за последние несколько веков. Следовательно, большинство из молодняка выжило, а так как самки их являются партеногенезными, то все они отложили яйца на следующий сезон. Нынешняя весна оказалась еще суше, и в результате вся центральная Бета просто кишит сухопутными креветками. А что с ними делать теперь, я не знаю.

— И он решил, что это всего лишь твои домыслы?

Герд раздраженно помотал головой:

— Не знаю, что уж он там решил. Психолог у нас ты, вот и попытайся понять, что у него в голове. Я отослал ему отчет вчера утром. Сначала, похоже, он был им удовлетворен. Сегодня в полдень он посылает за мной и заявляет, что все нужно переделать. И еще пытается меня убедить, что на Бете с дождями все в порядке и это не имеет никакого отношения к креветкам. Но это же идиотизм! Я пользовался информацией, почерпнутой из отчетов его же собственных метеорологов и климатологов. Тогда он стал ныть, что служба новостей давит на него и требует разумных объяснений по поводу креветок. Я ответил, что единственное разумное объяснение он уже получил, тогда он заявил, что этот вариант опубликовать не сможет. Я, видишь ли, должен изобрести еще что-нибудь.

— Если ты не любишь фактов, то начинаешь их игнорировать, и тогда, если тебе все же нужны факты, придумываешь их, как тебе удобно, — задумчиво проговорила Рут. — Типичный случай страусиной позиции. Это еще не психоз и не психоневроз, но вряд ли можно назвать подобное поведение абсолютно нормальным. — Она уже покончила с первой порцией коктейля и теперь маленькими глотками смаковала вторую. — Интересный случай. А у него есть какая-нибудь собственная теория, отрицающая твои выводы?

— Я о такой не слышал. У меня создалось впечатление, что вопрос об уровне осадков на Бете просто не должен обсуждаться и затрагиваться вообще.

— Странно. А на Бете больше ничего не происходило, что не укладывалось бы в привычные рамки?

— Вроде нет. Во всяком случае, я ничего такого не слышал. Ну, естественно, причиной, вызвавшей такую великую сушь в последние два года, был проект осушения болот. Но я не вижу...

Герд потянулся к графину, чтобы налить еще, но на дно его бокала упало лишь несколько капель. Он взглянул на часы.

— Слушай, как ты думаешь, может нам еще по рюмочке, для аппетита, а? — спросил он.

Глава 2

Джек Холлоуэй приземлил манипулятор рядом со своим лагерем, выстроенным из сборных домиков. С минуту он просто сидел в кабине, осознавая, насколько устал за сегодняшний день. Затем заставил себя вылезти из кабины, пересек небольшую лужайку, отпер двери в своем жилом домике и пошарил в темноте рукой по стенке, чтобы зажечь свет, но на пороге задержался и оглянулся на поднимающийся Дарий.

Спутник был окружен кольцом тусклого сияния, и Джек вспомнил, что днем заметил в вышине стайку перистых облаков. Может, ночью и пойдет дождь. Не будет же длиться эта жара до бесконечности. Последнее время Холлоуэй оставлял манипулятор на ночь под открытым небом, но сегодня, пожалуй, стоит загнать его в гараж. Он вернулся к машине, распахнул двери ангара и завел манипулятор под крышу. Лишь вернувшись к жилому домику, он вспомнил, что так и оставил двери нараспашку.

— Дурак безмозглый! — выругался он в сердцах. — Да теперь внутри кишмя кишат креветки!

Он быстро обыскал всю комнату: заглянул под массивный рабочий стол и журнальный столик, пошарил под стойкой для ружей, перевернул все стулья, залез за видеофон и переворошил металлический шкаф, в котором хранилась библиотека микрофильмов, — нигде ничего. Лишь тогда он позволил себе снять шляпу и повесил ее на крючок. Затем достал из кобуры пистолет, положил его на стол и направился в ванную помыть руки.

Но как только он включил там свет, из душевой раздалось пронзительное: «Уиииик!»

Он резко обернулся и встретился взглядом с двумя огромными глазами, испуганно взирающими на него из

клубка золотистого меха. У существа были круглая головка, довольно большие уши, маленький вздернутый носик, и черты его лица отдаленно напоминали человеческие. Оно сидело на корточках и в такой позе достигало не больше фута в высоту. На его крошечных ручках большие пальцы отстояли от ладони совсем как у человека. Джек наклонился, чтобы получше разглядеть нежданного гостя.

— Добро пожаловать, малыш, — ласково сказал он. — Никогда не видел здесь никого и близко похожего на тебя. Кто ж ты такой?

Существо серьезно поглядело на него и тоненьким голоском ответило:

— Уиик.

— А, ну да, конечно. Ты Маленький Пушистик. И этим все сказано.

Джек осторожно, боясь случайным резким движением напугать малыша, стал подходить ближе, не переставая при этом говорить ровным, ласковым тоном:

— Бьюсь об заклад, ты проскользнул сюда, пока дверь стояла настежь. Ну что ж, если Маленький Пушистик нашел дверь открытой, то почему бы ему в самом деле не войти и не посмотреть что там, внутри?

Он осторожно коснулся гостя пальцем. Малыш слегка отстранился, но затем в свою очередь протянул ручку и крохотными пальчиками потрогал его рукав. Холлоуэй тихонько погладил его, приговаривая, что меха мягче и шелковистее он в жизни не встречал, а затем взял малыша на руки. Тот счастливо уиикнул и обхватил ручонками его шею.

— А в самом деле, почему бы нам с тобой не стать добрыми друзьями? Как ты на это смотришь? А может, ты проголодался? Ну что ж, пойдем поищем чего-нибудь себе на ужин.

Джек взял его как маленького ребенка (во всяком случае, он вроде помнил, что видел, как держат детей на руках) и выпрямился. Малыш весил не больше двадцати фунтов. В первую секунду он испуганно забился в его руках, но затем успокоился, и, похоже, ему даже понравилось, что его несут. В комнате Джек уселся в любимое кресло и при свете торшера внимательно разглядел своего нового знакомого.

Он явно принадлежал к млекопитающим, и, хотя на Заратуштре было на удивление много различных предста-

вителей этого класса, этот малыш поставил Джека в тупик. Его явно стоило отнести к приматам, если пользоваться терранской классификацией. Но ни на Терре, ни на Заратуштре до сих пор не встречали ни одного представителя данного вида. Пожалуй, на этой планете его можно было бы выделить в отдельный класс. Класс Маленьких Пушистиков — лучше не придумаешь.

Да и никто бы не смог придумать лучшей систематизации для определения вида существа с планеты класса три. На планетах класса четыре, скажем на Локи, Шеше или Торе, наименование животных было привилегией аборигенов. Вам было достаточно ткнуть пальцем в незнакомого зверя, и какой-нибудь местный доброхот тут же вываливал на вас кучу непроизносимых звуков, из которых с трудом вычленялось: «Шшто фы х'тите усснать?» Вам оставалось только занести остальное в словарь, пытаясь выразить местные фонемы земными буквами, и дело в шляпе — «аэтоещечто» обретало законное имя. Но на Заратуштре не у кого было спрашивать. А значит, быть существу Маленьким Пушистиком, и все тут.

— Чем бы тебя угостить, Маленький Пушистик, а? Что ты любишь? Ну-ка, открой ротик и покажи Папе Джеку, что у тебя там приспособлено для жевания.

Обследование рта малыша показало, что зубы у него мало чем отличаются от человеческих.

— Ага, значит, мы всеядные. Ну-ка, посмотрим, как тебе понравится полевой рацион внеземного употребления, тип три.

Пушистик издал звук, который Джек истолковал как согласие попробовать. Во всяком случае ему это вряд ли повредит: ПР-3 уже пробовали давать местным млекопитающим, и никаких плохих последствий не наблюдалось.

Джек отнес малыша на кухню и посадил на пол, а сам взял с полки жестянку с рационом, открыл ее, отломил от золотисто-коричневой лепешки крохотный кусочек и протянул своему гостю. Маленький Пушистик принял угощение, обнюхал его, издал удовлетворенный «уиик» и запихнул целиком в рот.

— Сразу видно, что ты никогда не сидел на одном этом пирожном по много месяцев подряд!

Джек разрезал лепешку и накрошил половину ее в блюдечко. Наверное, Маленькому Пушистику захочется и попить. Джек начал было наполнять водой миску, как для собаки, но потом, взглянув, как его гость деликатно сидит

на корточках и ест руками, передумал. Он свинтил с пустой бутылки из-под виски крышечку и положил ее рядом с миской с водой. Маленький Пушистик очень хотел пить, и ему не пришлось объяснять, как пользоваться крышечкой.

Заниматься кулинарными изысками для себя сегодня не хотелось, и Джек, порывшись в холодильнике, собрал всего понемножку и бросил на сковородку. Пока ужин разогревался, он присел у стола и закурил трубку. Вспыхнувший в зажигалке язычок пламени заставил Пушистика еще шире раскрыть глаза, но вид Папы Джека, испускающего клубы дыма, привел его уже в полное изумление: он так и застыл на корточках, зачарованно разглядывая это чудо, и не пошевелился до тех пор, пока ужин не разогрелся и трубка не была отложена в сторону. Тогда малыш деловито вернулся к прерванной трапезе, продолжая аккуратно брать крошки ПР-3 с блюдечка.

Но вдруг, издав пронзительное «уиик», он опрометью кинулся в кабинет. Правда, через несколько мгновений он вернулся, торжественно таща в руках какой-то продолговатый предмет, отливавший металлическим блеском, и бережно положил его рядом с собой.

— Что это ты принес, Маленький Пушистик? Можно Папа Джек посмотрит?

Холлоуэй тут же узнал свою собственную стамеску, которую с неделю назад вынес из домика, чтобы починить что-то в сарае, а потом куда-то так засунул, что, сколько ни искал, найти не смог. Это его несколько насторожило: существ, заботящихся об оружии, уже трудно называть дикими животными. Поев, он сложил тарелки в раковину и присел на корточки рядом со своим новым другом.

— Ну-ка, дай Папе Джеку посмотреть на эту штуку, Маленький Пушистик. Да не бойся, Папа ее не отнимет, он только посмотрит немножко и отдаст.

Стамеска затупилась и была вся в зазубринах; ее явно использовали не так, как до́лжно использовать инструменты, предназначенные для работы по дереву. Ею, видно, и копали, и применяли как рычаг. Но, похоже, в основном Маленький Пушистик употреблял ее как оружие. Она подходила ему по размерам и по весу и стала для него орудием на все случаи жизни. Холлоуэй положил стамеску на пол рядом с малышом и принялся за мытье посуды.

Маленький Пушистик с минуту с интересом понаблюдал за его действиями, а затем занялся исследованием

кухни. Кое-что пришлось убрать от него подальше. Сначала он рассердился, но потом, видно, понял, что эти вещи ему вряд ли смогут пригодиться. Наконец тарелки были помыты.

В кабинете было еще больше интересных вещей. Одной из них оказалась корзинка для бумаг. Малыш обнаружил, что она легко опрокидывается, тут же вывалил все содержимое на пол и немедленно принялся за его исследование. Он откусил кусочек от листа бумаги, задумчиво пожевал и с недовольной гримаской выплюнул. Потом он выяснил, что комок бумаги можно снова превратить в лист, и с увлечением принялся ее расправлять. Следующим открытием оказалось то, что расправленные листы можно снова смять. Когда и это надоело, он размотал катушку со старой лентой для пишущей машинки и с восторгом запутался в ее витках. Наконец содержимое корзинки потеряло для него интерес, и он направился к дверям, но Джек поймал его и вернул к месту учиненного разгрома.

— Нет, Маленький Пушистик, — сказал он. — Негоже вываливать на пол мусор и уходить как ни в чем не бывало. Ты должен все сложить обратно. — Холлоуэй прикоснулся к опрокинутой опустевшей корзинке и отчетливо произнес: — Корзинка. Для мусора.

Затем Джек поставил ее, не отрывая от пола (как это мог бы сделать сам Маленький Пушистик), и, подняв кусочек бумаги, бросил его в корзинку на высоте плеча малыша. Следующий комок бумаги он протянул Пушистику и еще раз повторил: «Корзинка. Для мусора».

Маленький Пушистик пристально посмотрел на него и уиикнул что-то такое, что по интонации вполне можно было понять, как: «Чего это с тобой, Папа Джек? Ты что, сдурел?» Но после еще нескольких настойчивых попыток Холлоуэя он смирился и стал подбирать мусор с пола. Вскоре все снова лежало в корзинке за исключением яркой пластиковой коробочки для дискет и широкогорлой бутылочки со свинчивающейся крышкой. Пушистик показал их Джеку и спросил:

— Уиик?

— Да, конечно, ты можешь забрать их себе. Но сначала Папочка хочет тебе кое-что показать. — И он продемонстрировал, как открывается и закрывается коробочка, а потом — как свинчивается и навинчивается крышка бутылочки. — Таким вот образом. А теперь попробуй сам.

Малыш озадаченно рассмотрел бутылочку еще раз, затем сел на пол и зажал ее между колен. С первого раза ему не повезло: он стал вращать крышку не в ту сторону и только закрутил ее крепче. Это вызвало у него возмущенное «уиик».

— Нет-нет, продолжай. Попробуй еще раз. У тебя получится.

Маленький Пушистик снова оглядел бутылочку и попытался повернуть крышку в обратную сторону. На сей раз дело пошло на лад. Держа в ручке освобожденную крышку, он издал горделивое «уиик», что нельзя было истолковать иначе как «Эврика!» Затем он внимательно исследовал винтовую нарезку на горлышке и внутри крышки и снова навинтил ее.

— Слушай, а ты ведь умница, Маленький Пушистик, — похвалил его Джек. Но лишь через несколько мгновений осознал, сколько смекалки проявил малыш, сообразив, что свинчивание и навинчивание нужно обязательно делать в разных направлениях. Ни одно из известных Холлоуэю животных на это не было способно. — Надо будет рассказать о тебе Бену Рейнсфорду.

Не откладывая дела в долгий ящик, он направился к видеофону и набрал комбинацию вызова лагеря натуралистов, находившегося семью милями ниже по течению Змеиного ручья в устье Холодноструйки. Но у Рейнсфорда была подключена система автоответчика; на экране появилась надпись: «Ушел в экспедицию. Буду пятнадцатого. Оставьте свое сообщение».

— Бен, это Джек Холлоуэй. Я тут только что наткнулся кое на кого, кто может тебя весьма и весьма заинтересовать, — сказал Джек и вкратце изложил все события сегодняшнего вечера. — Я надеюсь, что он останется здесь или где-нибудь поблизости до твоего возвращения. Он кардинально отличается от всех животных, которых я встречал на этой планете.

Джек выключил экран, и Пушистик, который с огромным интересом следил за ним, разочарованно отвернулся. Холлоуэй вновь уселся в кресло и взял малыша на колени.

— А теперь смотри сюда, — сказал он, включая телевизор с видеоприставкой. — Думаю, тебе это понравится.

Он выбрал наугад фильм, и на экране забушевал снятый с близкого расстояния один из пожаров, который устраивала Компания, выжигая сухие мертвые леса, для реализации проекта Большого Черноводья. Маленький

Пушистик отчаянно заверещал, бросился к Папе Джеку на шею и спрятал личико в складках его рубашки. Ничего удивительного, похоже, раньше малыш уже встречался с лесными пожарами и ничего хорошего от них не ожидал. Холлоуэй покопался в каталоге и выбрал фильм, снятый с верхушки небоскреба Компании в Мэллори-порте, находившемся отсюда на три часовых пояса западнее. Город, залитый ярким солнечным светом, лежал перед ними как на ладони. Маленький Пушистик так и замер, не в силах оторвать восторженных глаз от явившегося чуда. Да, для парнишки, проведшего всю жизнь в джунглях, это было потрясающим зрелищем.

Затем пошли виды космопорта и еще многое и многое другое. Вид планеты, снятой из открытого космоса, с плывущим рядом Дарием озадачил его окончательно. Но внезапно посреди записи симфонического концерта в исполнении оркестра Большой оперы Мэллори-порта он вырвался из рук Джека, спрыгнул на пол, схватил свою стамеску и взвалил ее на плечо, словно двуручный меч.

— Что за черт? Ой-ей!

Комнату пересекала сухопутная креветка, ухитрившаяся проникнуть в дом, пока дверь была открыта, и до сих пор где-то прятавшаяся. Пушистик бросился к ней, обогнал ее, развернулся и с размаху опустил острие своего оружия на ее шею, с такой силой и точностью, что голова твари отлетела в сторону. Потом он окинул свою жертву внимательным взглядом и, вновь подняв стамеску, пару раз с силой ударил ее по спине, с сухим треском раскалывая панцирь. А затем уселся рядом на корточках и, аккуратно выковыривая из образовавшейся дыры кусочки мяса, приступил к еде. Потом с помощью той же стамески отделил челюсти и вообще использовал инструмент вовсю, выковыривая им мясо из труднодоступных уголков. Покончив с креветкой, он облизал пальчики начисто и вновь направился к креслу.

— Нет, — сказал ему Джек, указывая на остатки панциря. — Корзинка для мусора.

— Уиик?

— Корзинка. Для мусора.

Маленький Пушистик собрал все до единого остатки своего пиршества и отправил их туда, куда следует. А после этого вскарабкался к Папе Джеку на колени и смотрел удивительные картинки до тех пор, пока его не сморил сон.

Джек тихонько встал и осторожно, чтобы не разбудить, уложил малыша на теплое сиденье. На кухне он налил себе стаканчик, уселся за стол и, закурив трубку, принялся за дневник. Но вскоре скорбное «уиик», донесшееся из кабинета, возвестило о том, что Пушистик проснулся и обнаружил, что колено, на котором он так уютно устроился, исчезло.

Однако предложенное ему в качестве постели одеяло, сложенное в несколько слоев в одном из углов спальни, вполне его удовлетворило, особенно после того, как он лично убедился в отсутствии в комнате мелких насекомых и жучков. Он принес из кабинета свои коробочку и бутылочку и положил их рядом на полу. А затем, подхватив стамеску, бросился к дверям и нетерпеливо уиикнул. Джек выпустил его, и Пушистик, отойдя футов на двадцать, выкопал при помощи своего универсального инструмента небольшую ямку, использовал ее по назначению, вновь закидал землей и бегом вернулся назад.

Ну что ж, похоже, что пушистики живут стаями и уже умеют строить себе дома — гнезда на деревьях, а может, роют норки в земле. Конечно, какой домовладелец позволит использовать свою спальню как туалет? А если кто-то из малышей все же проштрафится, то родители быстро вобьют в него хорошие манеры. Судя по поведению, Маленький Пушистик признал это место своим домом.

На следующее утро, как только рассвело, Маленький Пушистик забрался к Папе Джеку в постель и постарался стянуть с него одеяло. Он оказался не только грозным истребителем креветок, но и прекрасным будильником. Но самым главным его качеством было то, что он стал ненаглядным Маленьким Пушистиком старого большого Папы Джека. Малыш снова попросился на двор, и на сей раз Холлоуэй сопроводил его, прихватив кинокамеру, и запечатлел весь процесс на пленке. Надо подумать о том, как сделать отдельную маленькую дверцу с щеколдой, чтобы малыш мог сам открывать и закрывать ее. Сказано — сделано, и все время до завтрака Джек посвятил осуществлению этой идеи. Через пару часов личный вход для Пушистика был готов. Малыш сразу сообразил, что к чему, и быстро научился обращаться с щеколдой.

Джек тем временем направился в мастерскую, разжег огонь в небольшом горне и на краю круглой наковаленки выковал остроконечный, достаточно широкий меч четы-

рех дюймов в длину. Клинок получился острым и достаточно массивным, и Джек, чтобы его лучше сбалансировать, приварил к рукояти круглую шишечку. Маленький Пушистик подхватил подарок, опробовал его в рытье ямок и устремился в густую траву на поиски креветок.

Джек ни на шаг не отставал от него и заснял на пленку две встречи малыша с креветками, закончившиеся для последних безвременной и скорой смертью. Пушистик орудовал новым клинком умело и артистично. Для овладения мастерством на таком уровне малышу явно было маловато недели упражнений с найденной стамеской.

Джек направился в сарай, лишь в самых общих чертах представляя орудие Пушистика, на котором тот набил себе руку, но нашел его почти сразу лежащим, очевидно, на том самом месте, где малыш его бросил, когда увидел стамеску. Это была прямая ветка железного дерева в фут длиной, с ободранной корой и до блеска отполированная (скорее всего солнечником). На одном конце она расширялась лопаточкой, причем достаточно широкой, чтобы обезглавить креветку, а второй конец был заострен. Джек отнес ее в кабинет, сел за рабочий стол и при помощи лупы детально оглядел. На остром конце он обнаружил частички почвы: так и есть — малыш работал ею одновременно как пикой и как киркой для рытья ямок. Лопаточка же использовалась как по прямому назначению, так и в качестве секиры и разбивателя панцирей. Причем было видно, что, когда Маленький Пушистик взялся за работу над этим орудием, он уже ясно представлял себе, что именно хочет сделать. Он обработал свой инструмент с великой тщательностью, доведя почти до совершенства, но вовремя успел остановиться, чтобы не переборщить.

Наглядевшись, Джек убрал орудие Пушистика в верхний ящик стола и стал раздумывать, что бы такого приготовить на обед, как вдруг малыш ворвался в кабинет, сжимая в ручках свое новое оружие и взволнованно вереща.

— Что случилось, малыш? У тебя неприятности? — Холлоуэй поднялся, взял со стойки ружье, проверил заряд и мягко сказал: — Сейчас Папа Джек посмотрит, что можно сделать.

Маленький Пушистик осторожно пошел вслед за ним через большие двери на улицу, готовый в любую минуту дать стрекача. «Неприятностями» малыша оказалась гарпия — тварь, размерами и внешним видом почти не

отличающаяся от вымершего земного птеродактиля, которая, конечно, могла слопать его в один присест. Очевидно, она уже атаковала его раз и теперь заходила на повторное пике, но навстречу ей устремилась шестимиллиметровая пуля, и гарпия, сделав сальто в воздухе, камнем рухнула на землю.

Реакция Пушистика на происшедшее оказалась неожиданной: почти не взглянув на поверженного врага, он бросился к отлетевшей пустой гильзе, подобрал ее и просительно уиикнул. Услышав, что ее можно забрать себе, малыш стремглав помчался в спальню, чтобы присоединить новое приобретение к остальным сокровищам. Когда он вернулся, Папа Джек взял его на руки и отнес в гараж, где вместе с ним уселся на кресло в центре управления манипулятором.

Сначала вибрация антигравов и подъем в воздух слегка напугали Пушистика, но, когда он увидел, как клешни подхватили гарпию и машина поднялась на пятьсот футов вверх, полет стал доставлять ему удовольствие. Они поднялись на пару миль вверх по речушке, которая на всех последних картах именовалась Ручьем Холлоуэя, выкинули там гарпию и вернулись назад, сделав широкий круг над горами. Маленький Пушистик был в восторге.

После ленча малыш немного соснул на кровати Папы Джека, а пока он спал, Папа слетал на манипуляторе к карьеру, произвел еще пару взрывов, обработал еще одну кучу кремня и нашел еще один солнечник. Нечасто ему приваливало такое счастье — находить камни два дня подряд.

Вернувшись в лагерь, он застал Пушистика разделывающим креветку у самых дверей домика.

После обеда (Пушистику понравилась еда, приготовленная на огне, если только она была не слишком горячей) они как добрые друзья отправились в кабинет. Джек вспомнил, что в ящике, куда он утром убрал креветкобоец, лежат болт с гайкой. Он достал их и протянул Пушистику. Тот с минуту повертел их в пальчиках, затем сбегал в спальню и притащил оттуда свою бутылочку. Уже со знанием дела он свинтил крышку, потом навинтил и повторил ту же операцию с болтом.

— Видел, Папочка? — Во всяком случае его «уиик» имело приблизительно такую интонацию. — Ничего сложного.

После этого он опять отвинтил крышку, бросил в бутылочку болт с гайкой и плотно завинтил крышку снова.

— Уиик, — заметил он с ноткой самодовольства.

И у него было полное право быть довольным собой. Он только что произвел обобщение, объединив бутылочку и болт в общий класс предметов со свинчивающимися деталями. Чтобы снять деталь, надо повернуть ее влево, чтобы снова надеть — нужно повернуть вправо, предварительно убедившись в том, что нарезка сошлась. А так как он умел различать «право» и «лево», то, стало быть, мог давать качественную оценку предметам, и это могло сформировать у него зачатки абстрактного мышления. Может, пока еще рано думать об этом всерьез, но все же...

— Папа Джек заимел очень умного Маленького Пушистика. Но вот вопрос: ты взрослый Маленький Пушистик или еще дитя? А, неважно! Я буду называть тебя Профессор Доктор Пушистик.

И Джек задумался: какие задачи поставить перед «профессором» в будущем? Однако если он действительно тот, кем кажется, то вряд ли будет разумным обучать его разбирать предметы на части, по крайней мере на первых порах. А то неровен час Джек как-нибудь вернется домой и обнаружит что-нибудь из жизненно необходимого в разобранном виде. И хорошо, если это потом можно будет снова собрать. Наконец, приняв решение, он направился в чулан и, перерыв его снизу доверху, нашел искомое: жестяную коробку. Вернувшись назад, он обнаружил, что Маленький Пушистик добрался до его тлеющей трубки, оставленной в пепельнице, и, задыхаясь от кашля, пытается ее курить.

— Эй, детка, не думаю, что это пойдет тебе на пользу!

Он отобрал трубку, вытер ее о рукав и зажал в зубах, затем поставил жестянку на пол, а Пушистика посадил рядом с ней. В коробке лежало фунтов десять различных камней. Прилетев на Заратуштру, Джек собирал образцы местных минералов, а когда разобрался, что к чему, то забросил свою коллекцию, оставив лишь двадцать—тридцать самых красивых камешков. Теперь он был рад, что не выкинул их.

Маленький Пушистик сначала изучил самое жестянку и пришел к выводу, что крышка, должно быть, относится к тому типу вещей «которые-можно-отвинтить», и смело открыл ее. Изнутри крышка сверкала как зеркало, и он заинтересовался ею, но лишь до того момента, когда понял, что видит в ней отражение самого себя. Он вдумчиво уиикнул по этому поводу и переключил внимание на

банку. Очевидно, он пришел к выводу, что данный предмет относится к типу вещей «которые-можно-опрокинуть» (вроде мусорной корзины), поскольку тут же вывернул ее содержимое на пол. А затем стал изучать камешки, раскладывая их отдельными кучками.

Кроме его очевидного интереса к изображениям на экране, это было первым реальным доказательством того, что пушистики обладают полихромным зрением. Мало того, что он разложил их по цвету — камни лежали теперь в ряд, идеально расположенные по спектру: от обломка кварца цвета аметиста до темно-красного голыша. Ну что тут скажешь — разве что он видел радугу и запомнил порядок цветов. А может, он жил раньше рядом с большим водопадом, над которым всегда стоят радуги, когда есть солнце? Или это был его собственный способ распределять цвета?

Оглядев плоды своей работы, он занялся составлением из камней орнаментов, используя как основные элементы круги и спирали. Закончив очередной шедевр, он издавал довольное «уиик», предлагая обратить внимание на его работу, затем, с минуту полюбовавшись ею, перемешивал камешки и брался за составление нового узора. Маленький Пушистик обладал еще и художественным мышлением: он был способен создавать бесполезные вещи, получая удовольствие как от самого процесса, так и от созерцания его результатов.

Наигравшись, он собрал камешки назад в банку, плотно закрыл и покатил ее в спальню, чтобы пополнить свою сокровищницу новым приобретением. Но новое оружие Маленький Пушистик, отправившись спать, взял с собой в постель.

На следующее утро Джек открыл новую банку ПР-3, налил полную миску воды и, придирчиво проверив, не осталось ли на виду чего-нибудь, что могло оказаться вредным для Маленького Пушистика или чем он мог бы пораниться, улетел на манипуляторе на карьер. Он проработал все утро, переворошив по меньшей мере тонну кремня, но — безрезультатно. Тогда он зарядил еще серию взрывов, вызвал еще пару лавин песка и вскрыл еще пару кремневых жил. Умотавшись, он присел под сенью большого пулл-болла и принялся за ленч.

Полчаса спустя он обнаружил включение с медузой, которая вела неправильный образ жизни и питалась не

тем, чем надо; через некоторое время ему попалось подряд четыре включения, и в двух из них отыскались солнечники; а перебрав еще четыре или пять кусков пустой породы, он нашел и третий. А почему бы и нет: вдруг здесь братская могила этих медуз? К полудню у Джека набралось целых восемь полноценных камней и еще один уродец красного цвета, зато с дюйм в диаметре. Несомненно, существовала какая-то неизвестная причина, согнавшая их вместе в этот участок древнего океана, но кто мог рассказать о ней теперь? Джек собирался сделать еще пару взрывов, но передумал, решив, что сегодня и так припоздинился, и направился в лагерь.

— Маленький Пушистик! — позвал он во весь голос, открывая входную дверь. — Ты где? Папа Джек разбогател! Нужно это отметить!

Тишина. Он позвал снова, но не услышал в ответ ни уиканья, ни топота маленьких ножек. Джек решил, что его питомец, уничтожив всех креветок в округе, отправился на охоту в джунгли. Отстегнув пистолет и бросив его на стол, он пошел на кухню. Большая часть оставленного рациона была съедена. В спальне Джек обнаружил, что малыш снова вывалил камни из банки и составил из них новый орнамент. Стамеска лежала сверху на одеяле. Ровно по диагонали.

Собрав обед и поставив его в духовку, Джек вышел из дома и еще несколько раз позвал. Затем вернулся в кабинет, приготовил себе виски с содовой и льдом и уселся в кресло, чтобы с комфортом отметить свои сегодняшние достижения. Почти не веря себе, он вдруг осознал, что добыл сегодня камней по меньшей мере на семьдесят пять тысяч солов. Он положил их в мешок и, потягивая мелкими глотками напиток, погрузился в самые что ни на есть приятные мысли, пока резкий звонок из кухни не возвестил, что обед готов.

Ел он в одиночестве. Но впервые за многие годы, когда это было для него естественным, почувствовал легкий дискомфорт. А вечером, копаясь в библиотеке, обнаружил, что она состоит либо из книг, которые уже зачитаны до дыр, либо из справочников. Несколько раз Джек ловил себя на том, что прислушивается, не хлопнула ли маленькая дверца, но в доме стояла тишина. Он решил пойти спать.

Проснувшись утром, он первым делом взглянул на постель малыша, но там по-прежнему лежала стамеска.

Прежде чем отправиться на карьер, он открыл еще одну банку рациона и поменял воду в миске.

В этот день Джек нашел еще три солнечных камня, но машинально сунул их в мешочек, не испытывая никакой радости. Работу он закончил рано и около часа кружился над лагерем, вглядываясь в окрестности. Но не увидел никого. Банка с рационом на кухне была не тронута.

А что, если бравый Маленький Пушистик, вооруженный чудесным новым мечом, забыл о бдительности и встретился с кем-то, кто много больше его: страхоптичиной, лешаком чащобным или еще одной гарпией? А может, все проще: он не способен долго оставаться на одном месте, и его увлекло к новым приключениям?

Нет, ему нравилось здесь. Здесь ему было интересно и весело. Джек печально покачал головой. Когда-то он тоже жил там, где мог бы быть счастливым, если бы только нашел себе дело по плечу. И он ушел, оставив за спиной чужую печаль. Может, и Маленький Пушистик поступил так же? Может, он просто не сумел понять, как много он значил здесь и как пусто стало без него?

Джек пошел на кухню и смешал коктейль, чтобы привести себя в норму. Если тебе грустно — выпей, а от выпивки станет еще грустней и захочется выпить еще, и чем дальше, тем грустней, а ты все пьешь и пьешь... Нет. Он выпьет только одну порцию, ну разве что чуть-чуть больше обычной, а потом пойдет спать.

Глава 3

Джек резко проснулся, протер глаза и взглянул на часы: полдесятого вечера. Ну вот теперь действительно самое время принять стаканчик и лечь спать. Тело занемело от неудобной позы, в которой он задремал. Джек с трудом встал и потащился на кухню, где плеснул в стакан виски, вернулся в кабинет, сел за стол и открыл свой дневник. Он уже заканчивал записи, как вдруг услышал за спиной шорох открываемой маленькой дверцы и тоненький голосок:

— Уиик!

Джек вскочил:

— Маленький Пушистик!

Малыш еще раз уиикнул, придерживая дверь, чтобы не закрылась. И снаружи донесся ответ. А затем в дом вошел еще один пушистик, и еще один, и еще, и еще. Гостей

было четверо, и на руках у одного сидел крохотный шарик с белой шерсткой. Каждый из них был вооружен креветкобойцем, похожим на тот, что лежал в столе у Джека. Вся компания замерла на пороге, с любопытством оглядывая комнату. А Маленький Пушистик, отбросив свое оружие, бросился к Холлоуэю, который в свою очередь кинулся к малышу навстречу, подхватил его на руки и уселся, обнимая его, прямо на пол.

— Так вот почему ты исчез и заставил Папу Джека поволноваться! Ты хотел привести сюда всю свою семью, дружок?

Остальные пушистики сложили свое оружие у порога рядом со стальным клинком, но подойти к человеку пока не решались. Джек заговорил с ними как можно мягче и спокойнее, и Маленький Пушистик что-то уиикнул по-своему. Наконец один из гостей поддался уговорам и, приблизившись, сначала осторожно пощупал рукав рубашки Джека, а потом, осмелев, вскарабкался к нему на колени и подергал за усы. А через минуту они в полном составе облепили его — даже самочка с младенцем. Детеныш был таким крохотным, что легко умещался на ладони Джека, но отнюдь не был беспомощным: по рукаву рубашки он забрался ему на плечо, а затем и на голову, где преспокойно уселся, чувствуя себя вполне комфортно.

— Твои домочадцы будут обедать? — спросил Холлоуэй.

Маленький Пушистик радостно уиикнул — он уже знал слово «обед». Джек отнес всю компанию на кухню и предложил им холодное жареное мясо вельдбизона, юмми-ямс и плоды пулл-болла. А пока гости угощались из пары больших мисок, вернулся в кабинет, чтобы осмотреть вещи, которые они принесли с собой. Два креветкобойца были сделаны из дерева, как и тот, что Маленький Пушистик бросил в сарае. Третий был из тщательно отполированного рога, а четвертый, похоже, был выточен из кости какого-то большого животного, типа зебралопы. Кроме того, там лежали еще топорик, отделкой напоминавший оружие нижнего палеолита, и несколько обработанных кусочков кремня в форме апельсиновой дольки. Их размеры — пять дюймов в длину — несколько озадачили Джека: скребком они могли служить лишь для таких рук, как у него. Минутку поразмышляв, он обратил внимание на иззубренные края и наконец догадался, что скорее всего это пилы. Кроме того, было еще три отлично обработанных

ножа и несколько раковин, очевидно, используемых в качестве сосудов для питья.

Он закончил исследование как раз в тот момент, когда в комнату вернулась леди пушистик. Вид у нее был довольно встревоженный, но, убедившись, что ничто из семейной собственности не пропало и не испорчено, она несколько поуспокоилась. Ее детеныш был занят кусочком плода пулл-болла, который держал в одной руке, второй крепко вцепившись в мамину шерстку. Увидев Джека, он запихнул в рот остатки фрукта и моментально снова вскарабкался по рубашке ему на голову. Джек подумал, что надо сообразить, как отучить его от этого, прежде чем он подрастет и станет слишком большим и тяжелым.

А через минуту в комнату вернулись остальные члены семейства, шаля, толкаясь и заливаясь при этом радостным уиканьем. Мамуля тут же соскочила с колен Джека и присоединилась к всеобщему веселью, а детеныш скатился со своего трона и вцепился в шерстку на ее спине. Джек смотрел на них и думал, что потерял *своего* Маленького Пушистика, но теперь — вот дьявол! — у него целых пять пушистиков и беби в придачу!

Гости подняли такой переполох, что хозяин спешно принялся стелить им в кабинете, а затем перенес туда же постель Маленького Пушистика вместе со всеми его сокровищами. Один Маленький Пушистик в спальне — это приятно, но пятеро, да еще с младенцем — уже чересчур.

Вся компания шумно устроилась на ночлег и мгновенно заснула, чтобы набраться сил и повеселее разбудить Джека утром.

А утром он отковал каждому по стальному клинку, такому же, как для Маленького Пушистика, и еще с полдюжины на тот случай, если пушистиков прибавится. Кроме того, он сделал миниатюрный топорик на деревянной рукоятке, смастерил из обломка циркулярной пилы ручную мини-пилу, а из четырехдюймового куска стальной пружины наковал шесть крошечных ножей. Собственные же орудия забрать у пушистиков оказалось гораздо легче, чем он ожидал. Хотя они и имели сильно развитое чувство личной собственности, но уже прекрасно понимали, что такое выгодный обмен. Поэтому все артефакты из дерева, кости, камня и рога благополучно перекочевали в ящик письменного стола. Ну вот, начало холлоуэевской коллекции оружия и предметов быта заратуштрианских пуши-

стиков положено. Может, когда-нибудь он и завещает ее институту ксенологии Терранской Федерации.

Естественно, обзаведясь новыми креветкобойцами, семья пушистиков тут же, немедленно, захотела испытать их в деле. А Джек ходил вокруг них с камерой и ловил интересные моменты. За утро они прикончили полторы дюжины креветок, и потому идея ленча не вызвала у них особенного энтузиазма, но, когда Джек решил подкрепиться, они уселись вокруг и принялись таскать маленькие кусочки с тарелки. Очевидно, они просто решили составить ему компанию. А потом в полном составе отправились на сиесту. Пока они спали, Джек не решился оставить лагерь и наконец смог переделать массу разных дел по хозяйству, до которых у него руки месяцами не доходили. Пушистики проснулись ближе к вечеру и тут же подняли на лужайке перед домом невообразимый гвалт.

Джек возился с обедом, когда они внезапно, перепуганно вереща, ввалились в дом. Маленький Пушистик и еще один самец тут же направились на кухню. Малыш присел на корточки и приложил одну руку к верхней челюсти, растопырив большой и указательный пальцы, а второй, сжав кулак и отставив один палец, коснулся лба. Затем выпрямился, вытянул руку вперед и издал странный гавкающий звук, не похожий на его обычное нежное уиканье. Пантомиму пришлось повторить еще раз, пока Джек наконец не сообразил, в чем дело.

Пушистик изобразил большое плотоядное животное, которое здесь именовали просто «чертова скотина» (вот вам еще один пример зоологической классификации на планетах класса три), имевшее один рог на лбу и еще парочку по обе стороны верхней челюсти. Эта тварь была настолько велика, что не то что крохотных пушистиков, но и человека могла перепугать до полусмерти. Джек отложил в сторону нож, которым крошил юмми-ямс, вытер руки, по дороге к стойке для ружей вслух пересчитал всю семейку и облегченно вздохнул, обнаружив, что все на месте.

Для данного случая шестимиллиметровка, которой он уложил гарпию, была легковата; он выбрал большую двустволку калибра 12,7 и проверил наличие запасных патронов. Маленький Пушистик вышел вместе с ним и указал влево, остальные остались в доме. Пройдя около двадцати футов, Холлоуэй стал обходить домик против часовой

стрелки. С северной стороны чертовой скотины не оказалось. Он уже хотел было завернуть за угол и обследовать восточную сторону, как вдруг Маленький Пушистик выскочил перед ним и заверещал, указывая ему за спину. Джек резко обернулся и как раз вовремя: прямо на него неслась туша с атакующе выставленным верхним рогом. Где была его голова?! Он же знал, что чертовы скотины частенько применяют прием петли, чтобы зайти в тыл к охотнику и атаковать его!

Чисто рефлекторно он вскинул оружие и нажал на курок. Ружье бухнуло, сильно ударив в плечо, и пуля, войдя в лоб чертовой скотины, остановила животное в броске и отбросила полутонную тушу назад. Вторая пуля попала прямо в грибообразное ухо, и тварь, взбрыкнув в последний раз, застыла без движения. Джек машинально перезарядил двустволку, но третий выстрел уже не понадобился: чертова скотина была мертва. Однако, не предупреди его Маленький Пушистик, сейчас мертвым был бы он, Джек Холлоуэй.

Он понял это, глядя на пушистика, мирно разыскивающего в траве стреляные гильзы. Потирая плечо, болевшее от отдачи ружья, Джек вернулся в дом и поставил ружье на стойку. Потом с помощью манипулятора оттащил тушу чертовой скотины подальше от лагеря и водрузил ее на верхушку высокого дерева, где она станет шикарным нежданным угощением для гарпий.

Вечером после обеда пушистикам пришлось еще раз поволноваться. После заката, вернувшись после игрищ на лужайке, вся семья чинно устроилась в кабинете вокруг Маленького Пушистика, который стал на практике демонстрировать им принцип обращения с вещами «которые-можно-развинтить». В качестве учебных пособий он использовал болт с гайкой и бутылочку с крышкой. И вдруг откуда-то сверху на них обрушился резкий громкий звук. На секунду они застыли, оцепенело глядя на потолок, а затем опрометью кинулись прятаться за стойкой для ружей. Существо, издававшее такие звуки, могло оказаться пострашнее чертовой скотины, и, что бы Папа Джек с ним ни сделал, находиться на поле боевых действий было слишком опасно. Они испуганно следили, как Папа Джек спокойно встал с кресла, приблизился к двери и вышел на улицу. Ну да, откуда же им было знать, как звучит сирена полицейского аэропатруля?

Машина зависла над лужайкой, слегка накренилась и приземлилась. Из нее вышли двое, и, поскольку луна светила ярко, Холлоуэй сразу узнал обоих: лейтенант Джордж Лант и его пилот Ахмед Хадра. Джек помахал им и спросил:

— Что-то случилось?

— Нет, мы просто решили заглянуть к тебе и посмотреть, как ты тут обосновался, — ответил лейтенант. — Мы не так уж часто бываем в этих местах. А у тебя как, случалось что-нибудь?

— После прошлого раза пока ничего.

В «прошлый раз» его навестили двое лесных бродяг — безработных пастухов вельдбизонов, прослышавших о замшевом мешочке, который он носил на груди. Все, что тогда потребовалось от полиции, — это забрать трупы и написать рапорт.

— Входите, только не хватайтесь сразу за оружие. Хочу показать вам кое-что интересное.

Как раз в эту минуту из дома вышел Маленький Пушистик и подергал Джека за штанину. Тот взял его на руки и посадил к себе на плечо. Все остальное семейство, решив, что дело принимает не такой уж страшный оборот, столпилось у дверей, с любопытством разглядывая пришельцев.

— Эй, что за дьявольщина! — Лант так и застыл на полдороге к дому.

— Пушистики. Ты что, хочешь сказать, что никогда их раньше не видел?

— Нет, никогда. Что это такое вообще?

Полицейские снова двинулись к дому, и Джек, шуганув семейку с дороги, вошел в кабинет. Лант и Хадра остановились на пороге.

— Я вам только что сказал. Это пушистики. Другого наименования для них я не знаю.

Парочка пушистиков подошли к лейтенанту поближе, оглядели его с ног до головы, и один из них спросил:

— Уиик?

— Они тоже хотят знать, что вы такое вообще, и, как видите, задают вопрос весьма членораздельно.

Лант минутку подумал, затем махнул рукой, снял пояс с кобурой и повесил его на крючок у двери, а сверху пристроил свой берет. Хадра немедленно последовал его примеру. Это было знаком, что сейчас они как бы временно не на службе и могут принять по стаканчику, если

им, конечно, предложат. Один из пушистиков тут же вцепился в штанину Ахмеда, требуя к себе внимания, а леди пушистик гордо продемонстрировала лейтенанту Ланту своего малыша. Хадра растерянно взял на руки пушистика, усиленно теребившего его штанину.

— В жизни не видел ничего подобного, — сказал он. — Откуда они взялись, Джек?

— Ахмед, ты же о них ничего не знаешь, — резко одернул его Лант.

— Но они не причинят мне вреда, лейтенант. Джеку-то они ничего не сделали, ведь так? — Он сел на пол, и еще пара пушистиков забралась к нему на колени. — Чем они тебе не нравятся? Они же ласковые, как щенята.

Но Джордж Лант был не из тех, кто позволял своему подчиненному у него на глазах делать то, что он сам сделать боялся; поэтому он тоже сел на пол, и леди пушистик тут же вручила ему своего беби. Резвый младенец в одну секунду оказался у него на плече и попытался забраться на голову.

— Расслабься, Джордж, — посоветовал ему Джек. — Они всего лишь пушистики, и все, что им нужно, — это подружиться с тобой.

— Я побаиваюсь незнакомых форм жизни, — признался Лант. — Ты сам здесь уже достаточно давно и знаешь, что всякое бывает...

— Это не такая уж и незнакомая форма жизни: я бы отнес их к местным млекопитающим. Ты эту форму жизни каждое утро получаешь на завтрак и знаешь, что их биохимические процессы идентичны нашим. Или ты боишься, что они заразят тебя пятнистой чумой или какой другой гадостью? — Холлоуэй поставил Маленького Пушистика на пол, чтобы тот смог присоединиться к родственникам.

— Мы исследуем эту планету уже двадцать пять лет, и никто еще не встречал ничего похожего на них.

— Да ты же сам сказал, лейтенант, — встрял Хадра, — что Джек здесь уже достаточно давно и знает, что делает.

— Ну хорошо... Они просто ласковый маленький народец. — Лант осторожно снял малыша с головы и попытался вернуть его матери, но тот продолжал цепляться за цепочку его свистка, тщетно пытаясь выяснить, что висит у нее на конце. — Но голову даю на отсечение, для тебя это слишком шумная компания.

— Ну, вы тут продолжайте знакомиться, чувствуйте себя как дома, а я пока пойду на кухню и приготовлю чего-нибудь освежающего.

Джек зарядил сифон содовой, достал из холодильника лед и вдруг услышал заливистую трель полицейского свистка. Он открыл бутылку виски, и тут в кухню ворвался Маленький Пушистик, изо всех сил дуя в свисток, а за ним гнались двое, пытаясь отобрать эту прекрасную вещь. Джек открыл еще одну банку ПР-3, и в ту же секунду в кабинете засвистел еще один свисток.

— У нас в участке их целая коробка! — крикнул ему Лант, пытаясь перекричать свистунов. — Похоже, эти два нам придется списать как потери во время служебной операции.

— Благодарю, очень мило с твоей стороны, Джордж. Уверяю тебя, пушистики оценят дар по достоинству. Ахмед, займись организацией бара, пока я буду раздавать детишкам сладости.

Пока Хадра смешивал коктейли, а Джек крошил в блюдечко рацион, Лант встал с пола и сел в свободное кресло, а веселая семейка расположилась вокруг, все еще оглядывая его с неослабевающим интересом. Но предложенное угощение заставило их хотя бы ненадолго позабыть обо всем, даже о свистках.

— Что я хотел бы узнать прежде всего, Джек, — сказал Лант, взяв бокал, — так это откуда они пришли. Я здесь уже пять лет и никогда ничего даже подобного им не видел.

— А я здесь на пять лет дольше тебя, однако видел не больше твоего. Думаю, они пришли с севера, из той местности, что лежит между Кордильерами и Западным побережьем. За исключением нескольких редких посадок и воздушных обследований горных пиков на высоте десяти тысяч футов, там же ничего не делалось. Эти земли практически не исследованы. Мы знаем о них так мало, что запросто могли проглядеть пушистиков. И их там может быть полным-полно.

Он начал рассказывать о своей первой встрече с Маленьким Пушистиком, и, когда дошел до того места, когда тот при помощи стамески разделался с креветкой, Лант и Хадра выпучили глаза от удивления.

— Так вот в чем дело! — воскликнул Ахмед. — А я-то ломал голову над расколотыми панцирями, из которых было выедено все мясо. Это один к одному похоже на то, что ты рассказал. Но ведь не все же они вооружены стамесками! Как ты думаешь, чем они пользуются в естественных условиях?

— А вот что! — Джек открыл ящик и стал один за другим вынимать оттуда образцы творчества пушистиков. — Вот это Маленький Пушистик выбросил, когда нашел мою стамеску. Все остальное они притащили, когда заявились сюда всем семейством.

Полицейские встали и подошли к столу, чтобы разглядеть все поближе. Лант тут же стал доказывать, что пушистики не в состоянии создать подобные вещи. Правда, при этом он пользовался не аргументами (которых у него не было), а силой личного убеждения. Тем временем пушистики, покончив с ПР-3, расселись полукругом на полу у телевизора, выразительно поглядывая на него. Джек вспомнил, что, кроме Маленького Пушистика, ни один из них еще не видел эту штуку в действии. Тут Маленький Пушистик вскочил в его кресло и, протянув ручку, преспокойно включил экран, на котором возникла освещенная лунным светом южная равнина, снятая с верхушки одной из стальных башен, которые используют пастухи вельдбизонов. Ему это показалось малоинтересным, и, повертев ручку настройки, он отыскал ночной футбольный матч в Мэллори-порте. Это ему понравилось больше. Он удовлетворенно уикнул и, спрыгнув на пол, присоединился к остальным зрителям.

— Я видел и земных обезьян, и кхолфов с Фрейи, которые тоже обожают смотреть телевизор и умеют обращаться с переключателем программ, — заметил Лант, но голос его звучал неуверенно, словно это была последняя попытка удержать свои позиции перед полной капитуляцией.

— Кхолфы умные, — согласился Ахмед. — И тоже используют орудия труда.

— А сами они их делают? А инструменты для обработки своих «орудий труда», такие, например, как эта пила, они мастерят? — У оппонентов не нашлось что ответить. — Нет. И никто этого не делает, кроме людей, как мы, и пушистиков.

Джек впервые позволил себе сказать об этом вслух; впервые он сам себя убедил окончательно в том, о чем все время думал и что вертелось у него в подсознании, но не выпускалось наружу. Но для полицейских подобная мысль все еще была дикой.

— Ты хочешь сказать, что думаешь, будто они... — начал Лант.

— Но они же не разговаривают и не умеют добывать огонь! — перебил его Ахмед не допускающим возражений тоном.

— Ахмед, ты сам прекрасно понимаешь, что правило «говорит—добывает огонь» не является мерилом разумности со строго научной точки зрения.

— Но ведь это общепринятый тест, проверенный, — поддержал своего подчиненного Лант.

— Этот критерий был введен для того, чтобы первооткрыватели планет не имели права убивать или брать в рабство местных живых существ, оправдываясь тем, что приняли их за обычных диких животных. Да, любой, кто владеет членораздельной речью и умеет добывать огонь — разумен. Это закон. Но ведь отсюда не следует, что кто-то другой, не умеющий этого делать, — неразумен. Да, я никогда не видел, чтобы кто-нибудь из моих гостей разводил костры, но, поскольку у меня нет острого желания приехать однажды из карьера и обнаружить на месте дома пепелище, я не собираюсь учить их этому. Но в том, что между собой они как-то общаются, я абсолютно уверен.

— А Бен Рейнсфорд их уже видел? — спросил Лант.

— Бен отправился в какую-то экспедицию. Я вызвал его сразу же, как только Маленький Пушистик заявился сюда. Но он вернется не раньше пятницы.

— Да, точно, я же знал об этом, — пробормотал лейтенант, не сводя обалделого взгляда с пушистиков. — Мне очень хотелось бы знать, что он по данному поводу скажет.

Если Бен скажет, что они неприкосновенны, то Лант безоговорочно это примет. Бен — классный эксперт, а лейтенант всегда высоко ценил профессионалов. Но до тех пор он не будет принимать никаких решений. Кроме единственного: первое, что он сделает завтра, — это пройдет вместе с Ахмедом медицинский осмотр, дабы выяснить, не набрались ли они паразитов.

Глава 4

К манипулятору Папы Джека пушистики отнеслись довольно спокойно: он был не похож на то ужасно завывавшее чудовище, что прилетало накануне. Холлоуэй улетел в карьер и за целое утро нашел лишь один некондиционный солнечник, зато после обеда в мешочек добавились два довольно приличных. Домой он вернулся довольно рано и нашел все семейство в кабинете: они были заняты

опрокидыванием корзинки для мусора и складыванием рассыпавшегося хлама обратно. Кроме обычного мусора в корзинке оказался и расколотый панцирь неосторожно забредшей в дом креветки. После обеда Джек пригласил пушистиков в кабину манипулятора и довольно долго катал их над горами и лесами вокруг лагеря.

На следующее утро он обнаружил еще одну жилу в другом конце ущелья и провел весь день, взрывая песчаник, чтобы ее обнажить. В следующий визит в Мэллорипорт придется побегать по магазинам и поискать хороший отбойный молоток, так как вручную рыть отводной канал, чтобы речушка не залила жилу, — удовольствие маленькое. Все это заняло столько времени, что приступить к исследованию породы в тот же день Джек уже не смог.

Вернувшись домой, он заметил еще одну нарезающую круги над лагерем гарпию и сшиб ее манипулятором, а потом добил из пистолета. Наверняка гарпии считали пушистиков таким же лакомством, каким пушистики считали креветок.

Войдя в кабинет, он обнаружил всю семейку бдительно прячущейся под стойкой для ружей.

На следующий день в первых же образцах из новой жилы отыскались еще три солнечника. Похоже, без всяких шуток, Джек наткнулся на братскую могилу медуз. В тот день он рано закончил работу и, подлетая к лагерю, заметил стоящий на лужайке аэроджип и невысокого человечка с рыжими бакенбардами, одетого в мятую куртку цвета хаки, на скамейке перед дверью в кухню. Его камера и еще кое-что из аппаратуры лежали высоко на полке, вне досягаемости пушистиков, но они не очень переживали, так как новый гость отдал им в распоряжение себя. Беби пушистик, естественно, восседал у него на голове.

Увидев Джека, гость помахал рукой, снял младенца, отдал его на попечение мамаши и встал.

— Ну и что ты о них думаешь, Бен? — крикнул Джек, сажая манипулятор.

— Так я тебе сразу и сказал! — со смехом ответил Бен Рейнсфорд. — Спустившись с гор, я тут по дороге навестил наших полицейских и решил уже было, что второго такого враля, как лейтенант Лант, во всей Галактике не сыщешь. Но, вернувшись домой, обнаружил твое сообщение и, бросив все, прилетел сюда.

— Долго меня ждал?

Пушистики оставили Рейнсфорда в покое и всей компанией помчались навстречу приземлившемуся манипулятору. Джек спрыгнул на землю, и семейство сгрудилось вокруг него, радостно цепляясь за штанины и счастливо уикая.

— Да не очень, — ответил Бен, взглянув на часы. — Мой Бог! Оказывается, я проторчал здесь уже три с половиной часа! Сам не заметил, как время пролетело. Знаешь, а у твоих малышей очень хороший слух: они услышали твое приближение гораздо раньше, чем я.

— Ты уже видел, как они бьют креветок?

— Это что-то, скажу я тебе! Я уже успел заснять массу уникальных кадров. — Бен помотал головой, словно все еще не веря собственным глазам. — Джек, это просто невероятно!

— Ты, конечно, останешься пообедать с нами?

— Да ты меня теперь отсюда не выгонишь! По крайней мере, пока я не услышу все, что ты о них знаешь. Причем я хотел бы записать твой рассказ на диктофон, если ты, конечно, ничего не имеешь против.

— Напротив, я буду только рад. Но только давай сначала поедим. — Холлоуэй опустился на скамейку, и пушистики моментально облепили его с ног до головы. — Познакомься: вот этот пришел сюда первым. Я зову его Маленьким Пушистиком. Остальных он привел сюда пару дней спустя. Это — Мамуля пушистик и ее Беби. Эта парочка — Майк и Мицци. А вот этого я назвал Ко-Ко за особую артистичность, с которой он разделывается с креветками.

— Джордж говорил, что ты называешь их пушистиками. Ты хотел бы, чтобы это имя осталось как официальное название вида?

— Конечно. Они именно пушистиками и являются, разве не так?

— Ну что ж, а отряду присвоим твое имя, — сказал Бен. — Как ты смотришь на такую классификацию: семейство «пушистики», род пушистиковых, разновидность: пушистик Холлоуэя — Pushisticus pushisticus Holloueus.

Джек подумал, что звучит довольно прилично. И, кстати, до сих пор на планетах класса три никому и в голову не приходило давать латинские определения местной фауне.

— Полагаю, что сюда их привело нашествие креветок.

— Да, конечно. Джордж говорил мне, что ты считаешь, будто они пришли из северных лесов. Пожалуй, это единственное место, откуда они могли прийти. И похоже, это разведывательный отряд. Скоро их здесь будет полным-полно. Интересно, с какой скоростью они размножаются?

— Не думаю, что очень интенсивно. В этой семейке на троих самцов и двух самочек всего один детеныш. — Он снял Майка и Мицци с колен, пустил их на траву и встал. — Пойду готовить обед. А пока я буду возиться на кухне, можешь ознакомиться с образцами их личного творчества.

Джек поставил обед в духовку и, приготовив две порции виски с содовой, зашел в кабинет. Рейнсфорд сидел за столом и разглядывал инструменты пушистиков. Он машинально взял бокал, отпил пару глотков и лишь тогда, оторвавшись от созерцания креветкобойцев, прошептал:

— Это просто потрясающе, Джек!

— Это больше чем потрясающе — это уникально. Единственная коллекция оружия и бытовых предметов аборигенов Заратуштры.

Бен Рейнсфорд бросил пытливый взгляд на Холлоуэя:

— Ты имеешь в виду, если я тебя правильно понял, что они... — Он усмехнулся. — Что ж, ты абсолютно прав. — Он отпил большой глоток, отставил стакан, взял креветкобоец, сделанный из рога, и снова заговорил: — Любая зверюшка... пардон, любое существо, способное сделать подобную вещь, для меня, без всяких сомнений, является представителем местных аборигенов. — Бен помолчал, задумавшись. — Что ж, Джек, мы обязательно сделаем запись твоего рассказа. Ты не против, если я покажу ее Хуану Хименесу — это глава сектора млекопитающих в научном отделе Компании. И еще одному человеку из Компании ее очень надо послушать — Герду ван Рибеку. Он у них главный ксенонатуралист, как и я, кстати, но специализируется на вопросах эволюции.

— Ну почему же нет? Пушистики — это научное открытие. А открытия должны быть обнародованы.

Маленький Пушистик, Майк и Мицци с писком выскочили из кухни. Маленький Пушистик взлетел на кресло, включил телевизор и, со знанием дела орудуя переключателем, отыскал фильм о лесном пожаре в Большом Черноводье. Майк и Мицци зачарованно глядели на экран, изредка повизгивая, словно два малыша, смотрящих страшную сказку. Но теперь они уже знали, что из экрана

на них ничто не выпрыгнет и не причинит им никакого вреда.

— А что ты скажешь, если я привезу их сюда, чтобы они посмотрели на твое открытие?

— Ну, думаю, пушистики ничего не будут иметь против: они любят компанию и новые впечатления.

В кабинет вошли Мамуля с младенцем и Ко-Ко, и оба с видимым удовольствием присоединились к остальным. Но как только раздался звонок, возвещающий, что еда готова, все вскочили на ноги, а Ко-Ко метнулся к телевизору и выключил его. Бен улыбнулся:

— Я знаю одну семью, где родители угробили кучу времени на то, чтобы приучить своего восьмилетнего обалдуя выключать телевизор перед уходом. А то ведь так и бросал включенным.

После обеда Бен и Джек занялись записью, и на весь рассказ, начиная с первого испуганного «уиик» в ванной до последних событий, ушло около часа. Закончив, Бен Рейнсфорд добавил пару слов от себя, выключил магнитофон и посмотрел на часы.

— Восемь вечера. Значит, в Мэллори-порте пять. Если я прямо сейчас попробую найти Хименеса, то, пожалуй, успею захватить его в научном отделе. Он всегда ненадолго задерживается после работы.

— Вперед! А что, если мы ему покажем пару пушистиков? — Джек убрал со стола пистолет и бумаги, посадил туда Маленького Пушистика и Мамулю с Беби и, придвинув кресло так, чтобы оно тоже попадало в обзор видеофона, уселся, взяв на колени остальных. Рейнсфорд тем временем набрал номер, а затем взял у мамаши малыша и усадил его себе на голову.

Экран засветился, мигнул, и на нем появилось лицо молодого человека, мимолетно взглянувшего на верхний контролирующий экран, дабы убедиться в том, что он виден анфас. Это было лицо спокойного, уравновешенного, доброжелательного, коммуникабельного человека, стандартная копия тысяч других лиц, словно сошедших с конвейера общеобразовательной системы на Терре.

— О, Беннет, какой приятный сюрприз! — с обаятельной улыбкой заговорил молодой человек. — Я даже предста... — На секунду он застыл с открытым ртом, затем издал удивленный возглас и лишь тогда снова обрел дар речи. — Что это там у вас на столе, во имя Дай-Буцу?!

Никогда ничего подобного не видел! *И что это у тебя на голове?!*

— Семья пушистиков, — меланхолично ответил Рейнсфорд. — Нормально развитый, зрелый мужчина, нормально развитая зрелая женщина и их нормально развитое, но пока незрелое дитя. — Он снял Беби с головы и вернул его мамаше. — Я их классифицирую как Pushisticus pushisticus Hollouеus Zaratustra. Этот джентльмен, что слева от меня, — Джек Холлоуэй. Он добывает солнечники и по сути является первым, кто их обнаружил. Джек, это Хуан Хименес.

Они символически пожали сами себе руки в древнем терро-китайском жесте приветствия, который до сих пор использовался для знакомства по видео, и уверили друг друга во взаимной симпатии (хотя при этом голос Хименеса звучал скорее растерянно, нежели искренне и дружелюбно). И во время всей церемонии знакомства он смотрел не на Джека, а на пушистиков, чинно сидевших у него на коленях.

— Откуда они свалились? — наконец выговорил он. — А вы уверены, что они с этой планеты?

— Доктор Хименес, они пока еще не умеют строить космические корабли, так как пребывают, по моему определению, в раннем палеолите, — улыбнулся Джек.

Доктор Хименес принял последнюю реплику за шутку и от души расхохотался. Это был смех того сорта, который можно мгновенно включить или выключить, как лампочку, так как лицо Хименеса вновь вытянулось, как только Рейнсфорд заверил его, что пушистики действительно представители местной фауны.

— Все, что мы успели о них узнать, записано на пленку. Там материала на час. У тебя есть шестидесятая скорость? — Говоря, Бен готовил пленку к передаче. — Все в порядке, можешь подключаться, и мы тебе сейчас быстренько все перепишем. И вот еще: желательно, чтобы на прослушивание ты пригласил Герда ван Рибека — его это касается в первую очередь.

Когда Хименес подал знак, что у него все готово, Рейнсфорд нажал на кнопку, и магнитофон издал резкий, типичный для перезаписи на большой скорости звук, продолжавшийся с минуту. Этой минуты хватило, чтобы пушистики всполошились, но в тот момент когда они уже собрались удрать, перезапись кончилась.

— Надеюсь, что, когда вы с Гердом все прослушаете, у вас появится большое желание познакомиться с этим народцем поближе. И было бы недурно, если бы ты прихватил с собой и хорошего психолога, способного разобраться в их образе мышления. Джек вовсе не шутил, говоря о раннем палеолите. Если они все же неразумны, то от приобретения интеллекта их отделяет расстояние не толще атома.

Трудно сказать, кто сейчас был больше испуган: пушистики или Хименес.

— Вы что, действительно хотите убедить меня, что они разумны? — Он растерянно смотрел то на Джека, то на Бена. — Хорошо, после того как мы с Гердом прослушаем эту запись, я вам перезвоню. Вы находитесь в трех часовых поясах к западу от нас? Хорошо, я постараюсь связаться с вами где-то около полуночи, по вашим часам. Договорились?

Хименес позвонил даже на полчаса раньше и говорил уже не из офиса, а из своей квартиры. Он сидел за столом, уставленным напитками и закусками. Но центральное место на столе занимал портативный магнитофон. Рядом с ним сидели еще двое. Один из незнакомцев, мужчина примерно одного возраста с Хименесом, судя по лицу, обладал чувством юмора, но был неуравновешен, не очень-то коммуникабелен и не особо следил за внешним видом. Второй была женщина с гладкими блестящими черными волосами и улыбкой Моны Лизы.

Пушистики уже засыпали на ходу, и только миска с ПР-3 была способна заставить их пободрствовать еще немножко. Но тут они моментально проснулись. Беседа по видеофону оказалась для них гораздо интереснее видеофильмов и телепередач.

Хименес представил своих коллег как Герда ван Рибека и Рут Ортерис.

— Рут из отдела доктора Маллина. Она работает в школьном департаменте и является членом комиссии по делам несовершеннолетних. Думаю, она справится с вашими пушистиками не хуже любого ксенопсихолога.

— К тому же у меня есть опыт работы с инопланетянами, — вставила женщина. — Я работала и на Локи, и на Торе, и на Шеше.

Джек кивнул:

— Я тоже бывал на этих планетах. Так вы приедете сюда?

— Да, конечно же, — вступил в разговор ван Рибек. — Мы вылетаем завтра сразу после полудня. И останемся у вас на пару дней. Но не волнуйтесь, никаких хлопот мы вам не причиним: моя воздушная шлюпка достаточно велика, чтобы служить домом для всех троих. Теперь расскажите подробнее, как вас отыскать.

Джек объяснил и дал точные координаты своего лагеря. Ван Рибек все подробно записал.

— Но есть одно важное условие, на соблюдении которого я буду настаивать, — сказал Джек, когда все было улажено. — Его нужно обсудить раз и навсегда, чтобы больше никогда к нему не возвращаться. Это маленькие люди, а не лабораторные животные, и я требую, чтобы с ними обращались соответственно. Вы не должны причинять им никакого вреда, обижать их, раздражать и понуждать делать то, что им не хочется.

— Конечно, мы согласны. Мы вообще ничего не будем делать с пушистиками без вашего на то согласия. Может, вам надо привезти что-то из города?

— Да, пожалуй. В лагере мне позарез кой-чего не хватает. Я заплачу вам тут, на месте. Мне нужны три ящика ПР-3. Ну, еще какие-нибудь игрушки. Доктор Ортерис, вы тоже слушали запись? Отлично. Тогда привезите еще и то, о чем бы вы отчаянно мечтали, если бы были пушистиком.

Глава 5

Виктор Грего не спеша раздавил окурок в пепельнице и, запасясь терпением, продолжил разговор:

— Да, Леонард, это действительно очень интересное и, вне всяких сомнений, очень важное открытие, но я не понимаю, почему вы так всполошились. Вы боитесь, что я стану вас ругать за то, что его сделали люди, не принадлежащие к Компании, и обскакали нас в научном приоритете? Или вы, может, считаете, что все это не более чем происки Беннета Рейнсфорда, который состряпал дьявольский план по развалу Компании и (почему бы и нет?), попутно, уничтожению всего человечества?

Леонард Келлог побелел как мел и поджал губы:

— Виктор, я только сказал, что эти двое — Рейнсфорд и Холлоуэй — пытаются убедить всех и каждого, что их зверюшки, которых они называют пушистиками, вовсе не являются животными. Они абсолютно уверены в том, что это разумные существа.

— Ну и хорошо, но тогда... — Только сейчас до Грего дошло, насколько важным было сообщение Келлога и насколько оно затрагивало его собственные интересы. — О Боже, Леонард! Приношу вам свои извинения; вы были абсолютно правы, отнесясь к вопросу с предельной серьезностью. Ведь в результате всего этого Заратуштру могут перевести в категорию планет класса четыре...

— А наша Компания имеет неограниченную лицензию только на планету класса три, не имеющую разумного населения, — закончил за него Келлог.

Если на Заратуштре обнаружены исконные аборигены, то лицензия автоматически аннулируется.

— Вы понимаете, что произойдет, если окажется, что они правы?

— Могу себе представить! Договор придется пересматривать, и, когда ведомство по делам колоний узнает, какого класса теперь эта планета, с Компанией никто церемониться не станет...

— Они ничего не будут пересматривать, Леонард. Федеральное правительство просто займет позицию, чтобы Компания вернула все инвестиции, и нам оставят лишь то, что мы сумеем с документами в руках отстоять как свою собственность, а все остальное превратится в собственность государства.

Итак, прощайте, бескрайние равнины континентов Бета и Дельта с пасущимися тучными стадами вельдбизонов, все неогороженные пастбища и весь скот, на котором не будет клейма Компании. Прощайте, еще не открытые залежи полезных ископаемых и неосвоенные пахотные земли; да на то, чтобы оттягать даже Большое Черноводье, в которое вложено столько сил, уйдут годы и годы судебных тяжб и разбирательств. Трансли́ния «Терра—Бальдр—Мардук» потеряет все привилегии монополиста, разорится на судебных издержках, и в любом случае монопольное право Компании на импорт-экспорт на Заратуштре вылетает в трубу. Сюда, на готовенькое, нахлынут чужаки и заполонят всю планету...

— Да у нас прав останется не больше, чем у компании «Иггдразиль», сидящей на куче гуано на одном из континентов! — взорвался Виктор. — Да и то лет через пять они сделают на навозе летучих мышей больше, чем мы получим от эксплуатации всей планеты!

И надежный, дружески расположенный к Компании (да и к тому же один из ее основных акционеров) Ник

Эммерт тоже будет вынужден оставить свой пост и уехать, а ему на смену заявится губернатор колонии с вооруженной до зубов армией и огромным бюрократическим аппаратом. Потом начнутся выборы в парламент, и вот, пожалуйста: любой Том, Дик или Гарри, имеющий на Компанию зуб, начинает качать права и устанавливать свои законы. Ну и конечно же — как же без них обойдутся! — вездесущая комиссия по соблюдению прав и интересов аборигенов, сующая свой нос куда ни попадя.

— Но они же не могут совсем отобрать у нас лицензию. Ее ограничат, да, но что-то же нам должно остаться, — талдычил свое Келлог.

Кого он пытается обмануть, себя самого, что ли?

— Но это же несправедливо!

Боже, да кого это волнует!

— Ведь мы же не виноваты, что так вышло!

Виктор вздохнул, собрался и терпеливо, словно разговаривая с ребенком, объяснил:

— Леонард, да поймите же наконец, в Федеральном правительстве вопрос о том, справедливо это или нет и кто виноват, не зададут даже шепотом. Да это самое правительство грызет локти из-за того, что выдало нам лицензию, с того самого момента, как поняло, какой кусок на самом деле мы получили. Еще бы, ведь эта планета во многом лучше, чем была Терра даже до всех атомных войн. И теперь, когда им в руки сам идет шанс забрать ее назад законным путем, вы думаете, их что-нибудь остановит? Если зверюшки с континента Бета действительно разумны, то наша лицензия стоит не больше, чем испачканный чернилами клочок бумаги, на котором она написана. И это конец всему. — Он помолчал с минуту. — Вы слышали запись, что Рейнсфорд передал Хименесу. И они действительно там долго и убедительно на пару с этим Холлоуэем доказывают, что эти существа разумны?

— Ну, не совсем так. Холлоуэй, тот — да, называет их не иначе как людьми, но он ведь всего лишь необразованный старатель. Рейнсфорд так и не открыл свою позицию до конца, он пока избегает конкретных выводов, но зато позволяет делать их всем кому не лень.

— И что? Каковы ваши выводы? Они разумны?

— Судя по отчету, да, — мрачно признал Келлог. — А значит, скорее всего так оно и есть.

Да, конечно, так оно и есть. Они разумны. Раз уж даже Келлог не может этого отрицать.

— Тогда они покажутся разумными и вашим людям, которые сегодня отправляются на Бету с целью их изучения. А ученые никогда не задумываются о последствиях своих открытий, им кроме чистой науки ничего не надо. Леонард, настоятельно прошу вас лично проследить за ходом исследований и позаботиться о том, чтобы они не сделали никаких преждевременных заявлений, о которых нам пришлось бы впоследствии пожалеть.

Судя по виду Келлога, это задание пришлось ему совсем не по душе. Оно требовало от него диктата и нажима на своих подчиненных, а он терпеть не мог подобных методов.

— Да, — с большой неохотой протянул он, — думаю, что я смогу это сделать. Дайте мне только пару минут, Виктор, чтобы собраться с мыслями.

Для самого Леонарда годился только один метод: зажать его так, чтобы он не смог вывернуться или отболтаться, и тогда он вцепится в работу зубами. Может, это и не очень-то корректно, зато эффективно.

— Я думаю, что нужно привлечь Эрнста Маллина, — наконец произнес Келлог. — Этот Рейнсфорд не имеет психологического образования. Может, на Рут Ортерис он и производит впечатление, но, чтобы убедить Маллина, личного обаяния мало. Особенно если я предварительно накручу Маллина как следует. — Он подумал еще с минутку и продолжил: — Еще нам нужно забрать пушистиков у Холлоуэя. И тогда мы спокойно можем опубликовать отчет о проведенном исследовании, где в самых пышных фразах воздадим хвалу Рейнсфорду и Холлоуэю за открытие нового вида — и даже признаем принятую ими классификацию, — но при этом очень ясно дадим понять, что пушистики не являются расой разумных существ. А если Рейнсфорд заупрямится и попытается что-то доказать, мы заклеймим его как злонамеренного обманщика и мистификатора.

— Как вы думаете, он уже послал отчет в институт ксенологии?

Келлог отрицательно покачал головой:

— Подозреваю, что он хочет приложить для пущей важности к их с Холлоуэем голословным утверждениям и скороспелым выводам подтверждение представителей Компании, которым он попытается во время исследований задурить голову. Поэтому я самолично отправлюсь на Бету, сразу, как только улажу дела здесь.

В эту минуту доктор Келлог уже был полностью уверен, что идея о его присутствии на Бете принадлежит ему самому. Кроме того, он успел убедить себя, что отчет Рейнсфорда — ложь и фальсификация. Ну что ж, если ему так легче работать — его дело.

— Да, если его не остановить, то в самом скором времени отчет пойдет в институт. И тогда где-то через год сюда прибудет комиссия с Терры. К этому времени Рейнсфорд и Холлоуэй должны быть окончательно дискредитированы. А пушистиков я поручаю лично вам. Вы должны забрать их у старателя и привезти сюда, а дальше моя забота, чтобы представителям с Терры, когда они прибудут, уже некого было исследовать. Пушистики, — повторил Грего с отвращением, — покрытые мехом животные, я правильно понял?

— Да, Холлоуэй упоминал об их на удивление мягком и шелковистом мехе.

— Отлично. Обязательно упомяните об этой их особенности в официальном отчете. Даже подчеркните особо. И сразу после его опубликования Компания назначит премию в размере двух тысяч солов за каждую шкурку. К тому времени когда доклад Рейнсфорда дойдет до Терры и комиссия соберется ехать сюда, здесь уже некого будет изучать.

— Но, Виктор, это же геноцид! — всполошился Келлог.

— Чушь! Геноцид — это истребление разумных существ, а не пушных зверьков. И это уже ваше с доктором Малином дело, каким именно образом вы заставите поверить в данный факт всю Заратуштру.

Пушистики, весело игравшие на лужайке перед домом, вдруг застыли и как один повернули головы на запад, а затем всей гурьбой помчались к дверям кухни и стали царапаться в нее.

— Это еще что за новости? — удивился Холлоуэй.

— Они услышали приближение аэрошлюпки, — объяснил Рейнсфорд. — Вчера перед твоим прибытием они вели себя точно так же. — Он еще раз оглядел стол, сервированный для приема гостей на открытом воздухе в тени перистолистного дерева. — У нас все готово?

— Все, кроме ленча, и на его приготовление уйдет еще не меньше часа. Но я займусь им прямо сейчас.

— Джек, посмотри-ка, у тебя глаза получше моих... О-о! Я и сам уже их вижу. Надеюсь, что наши детки произведут на них хорошее впечатление.

С самого завтрака Рейнсфорд находился в нервном возбуждении. И дело тут было не в важных гостях из Мэллори-порта: в научных кругах имя Бена ценилось выше, чем имя любого из тех, кто работал в Компании. Просто он очень переживал за пушистиков.

Аэрошлюпка выплыла из-за скалы и по спирали пошла на посадку на лужайку возле лагеря. Когда машина опустилась на траву, отключив антигравы, и прибывшие спрыгнули на землю, пушистики как по команде вскочили со скамейки возле кухни и устремились навстречу гостям.

На Рут Ортерис были широкие брюки, заправленные в высокие ботинки, и свитер. Герд ван Рибек, видно, не впервые проводил полевые исследования: на нем были крепкие башмаки, помятый костюм цвета хаки, и он был вооружен, причем неплохо, что свидетельствовало о хорошем знании дикой местности, каковой являлся Пьедмонт. Хименес надел тот же спортивный костюм, что и вчера во время сеанса видеосвязи. Все трое были нагружены фото- и киноаппаратурой.

Гости приветственно замахали руками, пушистики тут же сочли это за приглашение к действию и сделали все, чтобы немедленно обратить внимание на себя. Наконец, после бурного знакомства и рукопожатий все вместе — люди и пушистики — направились к столу под деревьями.

Рут Ортерис села на траву и взяла на руки Мамулю с младенцем. Беби тут же заинтересовался висевшим у нее на шее на тоненькой цепочке и так привлекательно сверкавшим серебряным брелоком. А затем попытался забраться к ней на голову. Рут пришлось потратить немало времени, чтобы мягко, но решительно отговорить его от этого. Хуан Хименес разрывался между Мицци и Майком, каждый из которых претендовал на особое внимание к себе, и без остановки наговаривал свои впечатления в портативный диктофон (преимущественно на латыни). Герд ван Рибек восседал в шезлонге и вовсю общался с сидевшим у него на коленях Маленьким Пушистиком.

— Знаете, во всем этом есть что-то загадочное, — сказал Герд. — То есть дело не столько в том, что на двадцать пятом году исследований планеты вдруг обнаружился новый вид, сколько в том, что он попросту уникален. Вы только посмотрите: у него даже намека нет на хвост, а ведь на планете, кроме них, нет ни одного бесхвостого вида млекопитающих. Отсюда следует, что ни одно из млекопитающих с Заратуштры не имеет с ними ни малейшей

родственной связи. Взять хотя бы нас, людей: мы принадлежим к весьма многочисленному семейству приматов, которое насчитывает около пятидесяти с лишним видов. В то время как вот этот парнишка вообще не имеет здесь ни одного родственника.

— Уиик?!

— Но, похоже, его это мало волнует. Я прав, дружок? — Ван Рибек легонько похлопал Маленького Пушистика по плечу. — По крайней мере мы обнаружили самого низкорослого гуманоида. Хоть в этом мы можем быть уверены. Эй-эй, что там происходит?

Ко-Ко, до сих пор спокойно сидевший на коленях Рейнсфорда, насторожился, спрыгнул на землю, подхватил свою палку-копалку, оставленную возле стула, и нырнул в густую траву. Люди вскочили на ноги, гости подхватили камеры на изготовку, и лишь пушистики слегка растерялись: чего это все переполошились, а? Ведь это же всего-навсего сухопутная креветка, что в ней такого особенного?

Ко-Ко прыгнул ей наперерез и легонько шлепнул по носу, чтобы она остановилась. Затем, приняв картинную позу, вознес свой клинок и с артистической точностью обрушил на шею креветки. На его выразительной мордашке появился легкий оттенок скорби, он отпихнул голову креветки в сторону и, двумя ударами разбив панцирь, деловито принялся за еду.

— Теперь я понимаю, почему вы назвали его Ко-Ко, — заметила Рут, вешая камеру на плечо. — А остальные? Они тоже ведут себя так же элегантно?

— Ну, у Маленького Пушистика несколько другая тактика: он предпочитает подобраться со спины, а затем, сделав резкий прыжок и оказавшись у нее перед носом, моментально наносит удар. Мамуля для страховки сначала обрубает им ножки. Майк и Мицци предпочитают нападать со спины. Но все они применяют в разных вариациях один и тот же прием: сначала обезглавливают животное, а потом разбивают панцирь.

— Угу. Значит, это основное, — задумчиво кивнула Рут. — Инстинктивное. Технику нападения каждый разрабатывает свою или копирует чужую. Посмотрим, чей метод выберет Беби, когда начнет убивать креветок. Вовсе необязательно, что он скопирует свою мамочку.

— Эй, вы только поглядите! — воскликнул Хименес. — Он же ест, как аристократ, с помощью специального крючка для омаров!

В продолжение всего ленча разговор вертелся исключительно вокруг пушистиков. А объекты обсуждения преспокойно уминали предложенное угощение, светски переуиикиваясь о чем-то между собой. Герд ван Рибек предположил, что они обсуждают странные обычаи и нелепое поведение людей. Хименес вскинул на него глаза и, слегка смутившись, поинтересовался, серьезно ли говорит ван Рибек.

— Вы знаете, на меня самое большое впечатление из вашего рассказа произвел эпизод с чертовой скотиной, — сказала Рут Холлоуэю. — Известно, что любое домашнее животное умеет привлекать внимание хозяина к каким-то необычным явлениям и может предостеречь его в случае опасности. Но я ни разу не встречала случая, когда фрейянские кхолфы или даже терранские шимпанзе прибегали бы для этого к имитационной пантомиме. Маленький Пушистик же символически изобразил основные, характерные исключительно для чертовой скотины детали ее внешнего вида.

— Так ты считаешь, что следующая часть пантомимы: вытянутая вперед рука и странный звук, который он издал, — была призывом воспользоваться ружьем? — заинтересовался ван Рибек. — Ведь он уже видел, как вы стреляли в гарпию.

— У меня на сей счет нет двух мнений. Он просто сказал мне: «За дверью большая гадкая чертова скотина — застрели ее, как ту гарпию». И, как вы помните, если бы он не предупредил меня, эта тварь меня бы убила.

— Понимаю, что я не специалист, — нерешительно сказал Хименес, — и вы изучаете пушистиков уже столько, что вас можно назвать экспертом в данной области, но... Вы уверены, что судите объективно? Не увлеклись ли их поведенческой линией, внешне напоминающей человеческую? Не приписываете ли им подсознательно чисто человеческие мотивации поступков?

— Я не готов пока ответить на ваш вопрос, Хуан. И не думаю, что стану отвечать на него вообще. Поживите тут немного, пообщайтесь с пушистиками подольше и тогда можете снова задать его. Но только спрашивайте тогда уже не меня, а себя.

— Теперь вы понимаете, Эрнст, в чем заключается наша задача, — весомо, словно припечатав пресс-папье все

вышеизложенное, сказал Леонард Келлог и замер в тоскливом ожидании ответа.

Эрнст Маллин сидел, облокотившись на стол и опершись подбородком на ладони. Он молчал, и его лицо абсолютно ничего не выражало, лишь в уголках рта залегли две маленькие круглые морщинки, словно губы взяли в скобки.

— Да. Я, конечно, не юрист, но...

— Этот вопрос решают не законники, а психологи.

Теперь вся тяжесть проблемы легла на плечи Маллина, и он хорошо это понимал.

— Я должен сначала сам посмотреть на них, лишь тогда я смогу принять решение. У вас с собой запись с рассказом Холлоуэя?

Келлог кивнул.

— И что же, они с Рейнсфордом располагают неопровержимыми доказательствами разумности этих существ?

Келлог ответил так же обтекаемо, как уже отвечал на тот же самый вопрос, заданный Виктором Грего:

— Отчет содержит голословные утверждения Холлоуэя, якобы основанные на событиях, единственным свидетелем которых явился сам Холлоуэй.

— Ах так. — Маллин позволил себе слегка улыбнуться. — А в этой области он отнюдь не профессионал. Как, кстати, в данном случае и Рейнсфорд. При всем моем уважении к нему как к ксенонатуралисту я не могу не признать, что в психологии он полный чурбан. А следовательно, профессионально не подготовлен к тому, чтобы критически и объективно оценить наблюдения и выводы этого старателя. Что же до тех фактов, свидетелем которых был он сам, то и здесь мы не можем с уверенностью утверждать, что он оценил их корректно.

— Как и не можем быть уверены в том, что все это лишь злонамеренная фальсификация.

— Это слишком серьезное обвинение, Леонард.

— Но ведь такое бывало, и не раз. Вспомните хотя бы того парня, который якобы обнаружил в пещерах Кении изображения, оставленные марсианами. Или клятвенные заверения Хеллермана о том, что ему удалось скрестить терранскую мышь и торианского тилбраса и даже будто бы получить потомство. Да примерам несть числа.

Маллин задумчиво кивнул:

— Никто из нас не хочет даже думать о подобных вещах, но они тем не менее происходят. Как вы верно подметили,

Рейнсфорд относится к типу людей, вполне способных на подобную аферу. Он закоренелый эгоист и индивидуалист и к тому же обладает плохо сбалансированным, резким характером. Допустим, он действительно мечтает о некоем сенсационном открытии, которое укрепит его позиции в мировой науке, принесет ему славу и увековечит его имя. И тут ему попадается престарелый старатель, в чей изолированный от цивилизованного мира лагерь забрели несколько необычных зверьков. Старик со скуки нянчится с ними, учит их несложным трюкам и в конце концов начинает подсознательно проецировать на них свои личностные качества, в результате убеждает сам себя, что они такие же люди, как и он. Рейнсфорд понимает, что это редкая удача и его звездный час: он может объявить себя первооткрывателем ни много ни мало новой разумной расы и увидеть весь просвещенный мир у своих ног. — Маллин снова улыбнулся: — Да, Леонард, такое тоже возможно.

— В таком случае нам необходимо прекратить все это до того, как оно успеет разрастись в скандал мирового масштаба, как было в случае с гибридами Хеллермана.

— Ну, прежде всего нам нужно внимательно прослушать запись и понять, что мы имеем для начала. Затем мы должны провести тщательное, беспристрастное исследование зверьков и объяснить Рейнсфорду и его сообщнику, что попытки всучить серьезным ученым под видом открытия некомпетентные домыслы не проходят безнаказанно. И если мы не сумеем убедить их в этом частным порядком, нам придется обличить их публично.

— Я уже слышал запись, но хотел бы послушать ее еще раз вместе с вами. Нам нужно проанализировать ее, чтобы разобраться, каким именно трюкам Холлоуэй научил зверьков, и быть готовыми, увидев их, разобраться в подоплеке.

— Да, конечно, — согласился Маллин. — Мы можем приступить к прослушиванию прямо сейчас. А потом обсудим, какого рода опровержение следует опубликовать и какие доказательства необходимы, чтобы подкрепить его фактами.

После обеда пушистики как обычно устроили игрища на лужайке перед домом, но, как только опустились сумерки, вернулись в кабинет и занялись одной из игрушек, которые привезли из Мэллори-порта, — большой коробкой с разноцветными шариками и палочками из гибкого

пластика. Конечно же, они понятия не имели, что это конструкторский набор для изготовления моделей молекулярных цепочек, зато быстро разобрались, что штырьки можно втыкать в специальные дырочки в шариках и строить трехмерные цветовые композиции.

Это было гораздо интереснее, чем цветные камешки. Сначала каждый пушистик создал по собственной композиции, а затем, разобрав их, они общими усилиями принялись за сооружение одного большого комплекса. Несколько раз он у них разваливался, если не полностью, то частично, но малыши упорно возобновляли свои творческие искания. Естественно, все это сопровождалось бурной жестикуляцией и красноречивым уиканьем.

— Они обладают художественным вкусом, — заметил, глядя на них, ван Рибек. — Я видел множество абстрактных скульптур — так вот, половина из них и в подметки не годится тому, что они сейчас сооружают.

— Инженеры они тоже весьма неплохие, — добавил Джек. — Они уже понимают, что такое баланс и центр тяжести. Вы заметили, они стараются хорошо скрепить все детали и не делают свое творение слишком высоким, чтобы не завалилось?

— Джек, я все думаю о том вопросе, который вы предложили мне задать самому себе, — сказал Хименес. — Вы помните, что я прибыл сюда одолеваемый сомнениями. Нет, я нисколько не сомневался в вашей честности, просто допускал, что ваша очевидная симпатия к пушистикам могла сыграть с вами дурную шутку, преувеличив их достоинства и уровень развития. Теперь я думаю, что вы были даже излишне сдержанны в их оценке. Они действительно пребывают на грани пробуждения разума. Никогда в жизни не видел ничего подобного.

— Почему же на грани? — вмешался ван Рибек. — Рут, ты сегодня вечером что-то слишком много молчишь. Скажи, а ты как считаешь?

— Герд, еще слишком рано делать какие бы то ни было выводы, — недовольно фыркнула она. — Я вижу, что они способны на кооперацию ради достижения общей цели, но, простите, считать эти их «уиик-уиик-уиик» разумной речью...

— А давайте-ка на минуту забудем о правиле «говорит — добывает огонь», — предложил ван Рибек. — Ведь если они работают вместе, реализуя общий проект, значит, имеют какой-то способ общаться между собой.

— Дело не в общении, а в умении создавать символы. Мыслить. Если ты откажешься от вербальных символов, то будешь не способен ни на одну разумную мысль. Ну, попробуй, подумай. Но не о чем-нибудь конкретном: например, поменять кассету в магнитофоне или перезарядить пистолет — этому можно научить при помощи дрессировки многих животных. Ты попытайся выразить мысль без слов.

— А как насчет Хелен Келлер? — невинно спросил Рейнсфорд. — Ты хочешь сказать, что, до того как Энн Салливан* научила ее говорить, девочка не обладала разумом?

— Нет, конечно. Не передергивай. Хелен мыслила, но применяла для этого не слова, а зрительно-сенсорные образы. — Но от Рейнсфорда не укрылась обида во взгляде Рут: ему таки удалось выбить у нее из-под ног один из краеугольных камней, на которых строились ее рассуждения. — И, в конце концов, она по наследству от длинной цепи предков получила мозг развитого мыслящего существа!

В воздухе повис вопрос: на каком основании Рут считает, что пушистики не обладают ничем подобным?

— Ну а если предположить, так, просто в качестве отработки аргументации, — сказал Джек, — что речь не может быть изобретена до того, как существо начнет мыслить и разумом осознает ее необходимость?

— Ну, вы меня вернули в детство, — рассмеялась Рут. — Когда я изучала психологию на первом курсе, мы с пеной у рта спорили на эту тему. Но когда подошли к выпускному курсу, уже поняли, что это вопрос из серии: «что было раньше, курица или яйцо?», и перестали забивать себе голову.

— И напрасно, — буркнул Рейнсфорд. — Это очень хороший вопрос.

— Будет хорошим, когда на него появится ответ, — парировала Рут.

— А может, однажды и появится, — мягко сказал Герд. — И ключ к нему прямо перед вами. Я бы сказал, что эти ребята находятся на грани появления разума, и держу пари, что знаю, с какой стороны границы.

— Ставлю все солнечники из своего заветного мешочка, что на нашей! — горячо воскликнул Джек.

---

* Хелен Келлер — слепоглухонемая девушка, чьи воспоминания о периоде ее обучения речи стали классическими трудами по психологии слепоглухонемых. Энн Салливан — ее учительница. *(Примеч. ред.)*

— А может быть, мы пока остановимся на том, что будем считать их «отчасти разумными»? — предложил Хименес.

— Это то же самое, что сказать «отчасти мертв» или «отчасти беременна»! — взорвалась Рут. — В таких случаях бывает либо «да», либо «нет» — третьего не дано!

— Вопрос разума в моей области не менее важен, чем в твоей, Рут, — одновременно с ней заговорил Герд. — В эволюции и естественном отборе разум играет не меньшую роль, чем физиология. И обретение его — один из важнейших шагов по эволюционной лестнице любого вида, включая и нас, между прочим.

— Извини, Герд, помолчи-ка минутку, — перебил его Рейнсфорд. — Рут, ты сама поняла, что сказала? Почему не может существовать трех различных степеней развития интеллекта?

— Не может. Имеется в виду совсем другое: это степени развития процессов мышления, уровня сознания, если угодно. Когда психология стала такой же точной наукой, как физика, мы научились измерять интенсивность умственных процессов, как, скажем, температуру. Но разумное существо качественно отличается от неразумного. Мало подняться на верхушку шкалы «ментальной температуры». Возникновение разума находится, продолжая аналогию, «в точке ментального кипения».

— Чертовски точная аналогия, — восхитился Бен. — И что же происходит, когда точка кипения достигнута?

— Вот это-то мы и должны выяснить, — ответил вместо Рут ван Рибек. — Именно об этом я пытался сказать минуту назад. Мы можем рассказать о причинах возникновения интеллекта сегодня не больше, чем в году «зеро» или в 654 году доатомной эры.

— Минутку. — На сей раз его перебил Джек. — Прежде чем мы полезем в эти дебри, давайте для начала выработаем общее определение разумного существа.

Ван Рибек расхохотался:

— А вы когда-нибудь пробовали добиться от биолога точного определения «что есть жизнь»? Или у математика точного определения «что есть число»?

— Вот-вот, что-то вроде этого, — мрачно поддакнула Рут, не отрывая глаз от пушистиков, которые, закончив свое творение, расхаживали вокруг него и оглядывали со всех сторон, словно размышляя, не добавить ли еще пару деталей для гармонии, но только так, чтобы не испортить

общей композиции. — Как я уже говорила, качественное отличие разумного существа от неразумного заключается в его способности выражать свои мысли, сохранять и передавать их другим, способности обобщать и способности формулировать абстрактные идеи. Кстати, я и словом не упомянула о правиле «говорит—добывает огонь».

— Так вот: Маленький Пушистик умеет выражать свои мысли и способен к обобщениям, — заявил Джек. — Он символически изобразил чертову скотину, показав только три рога, а ружье — как длинный, издающий специфический звук предмет, который направляют на цель. Ружье может убить животное. Гарпия и чертова скотина — животные. Если ружье убило гарпию, оно может убить и чертову скотину.

Хуан Хименес, который все это время просидел нахмурившись, сосредоточенно что-то обдумывая, внезапно спросил:

— Вы можете мне назвать самую малоразвитую разумную расу из нам известных?

— Кхугхры с Иггдразиля, — быстро ответил Герд ван Рибек. — Кто-нибудь из вас бывал на Иггдразиле?

— Я видел, как одного типа в Мимире пристрелили за одно то, что он назвал другого сыном кхугхра, — сказал Джек. — Тот, кто его пристрелил, бывал на Иггдразиле и хорошо понял, кем его назвали.

— А я прожил с ними несколько месяцев, — продолжал ван Рибек. — Да, они умеют добывать огонь — этому я их научил. И показал, как обжигать концы копий для прочности. Да, они говорят. Я даже освоил их язык в совершенстве. Все восемьдесят два слова. Нескольких самых умных, так сказать, представителей местной интеллигенции, я обучил обращаться с мачете так, чтобы не порезаться. А их гиганту мысли я даже мог доверить нести кое-что из оборудования. И он очень неплохо справлялся, особенно если я не спускал с него глаз. Но я никогда не позволял ему и притронуться к моей камере или ружью.

— Они способны на обобщение? — спросила Рут.

— Детка, они ничего другого и не делают! Каждое слово их языка — это широчайшее обобщение. «Хрууша» — живая вещь. «Нууша» — плохая вещь. «Дхишта» — вещь, которую можно есть. Продолжать? Осталось еще целых семьдесят девять обобщений...

Но не успел кто-либо остановить его, как вдруг затрезвонил видеофон. Пушистики моментально расселись под

ним полукругом, и Джек нажал кнопку приема. На экране появился человек в сером кителе. Он имел волнистые седые волосы и очень походил на Хуана Хименеса, только был лет на двадцать постарше.

— Добрый вечер. Холлоуэй у экрана.

— О, мистер Холлоуэй, добрый вечер. — Мужчина с энтузиазмом потряс руками в жесте символического знакомства. — Я Леонард Келлог, директор научного отдела Компании. Я только что прослушал запись, в которой вы рассказываете о... о пушистиках? — Он посмотрел на пол. — А вот это и есть те самые зверьки?

— Это *пушистики*. — Джек надеялся, что до визитера дойдет смысл интонации. — Здесь также находятся доктор Беннет Рейнсфорд, доктор Хименес, доктор ван Рибек и доктор Ортерис.

Краем глаза он отметил, что Хуан внезапно заерзал, словно сидел на муравейнике, ван Рибек с каменным лицом уставился в пол, а Бен Рейнсфорд подавил ухмылку.

— Полагаю, у вас возникло множество вопросов, — как ни в чем не бывало продолжил Джек. — Но мы не все находимся в поле визора. Извините за задержку, сейчас мы разместимся так, чтобы вы могли видеть всех.

Словно не замечая бурных протестов Келлога, что в этом нет никакой особой необходимости, Джек дождался, когда все стулья были переставлены ближе к экрану и ученые расселись. Тогда, словно ему это только сейчас пришло в голову, он усадил каждому из них на колени по пушистику: Ко-Ко — Герду, Мицци — Рут, Майка — Хименесу, Маленького Пушистика — Бену. У себя на коленях он устроил Мамулю с младенцем.

Как он и рассчитывал, Беби немедленно полез по рубашке, чтобы забраться на голову. Вся эта суматоха была затеяна специально для того, чтобы перехватить у Келлога инициативу и выбить его из колеи. Судя по выражению лица последнего, это удалось. Джек подумал, что неплохо бы еще обучить смышленого малыша по какому-нибудь незаметному сигналу дергать за нос того, на чьей голове он расположился.

— Вот теперь мы можем поговорить о записи, сделанной вчера вечером, — самым светским тоном сказал он Келлогу.

— Да, мистер Холлоуэй, с удовольствием. — Улыбка заведующего научным отделом с каждой секундой утрачивала искренность и дружелюбие, пока не превратилась в

застывшую гримасу, словно все его лицевые мышцы были сведены чудовищным спазмом, и выражение глаз, которых он не мог оторвать от Беби пушистика, стало самым что ни на есть ошалелым. — Должен признаться, я был просто поражен тем высоким уровнем сообразительности, который продемонстрировали эти существа.

— И теперь хотите лично разобраться, сколько я вам наврал, а сколько сказал правды? Не примите это за упрек: первое время я сам себе боялся верить.

Келлог издал мелодичный смешок, продемонстрировав свое стоматологическое снаряжение во всей красе.

— О нет, мистер Холлоуэй, прошу вас, поймите меня правильно. Я вовсе не думал ни о чем подобном.

— Надеюсь, что так, — неприязненно вставил Рейнсфорд, — ведь если вы помните, я лично подтвердил все рассказанное Холлоуэем.

— Конечно, Беннет, об этом даже не стоило говорить. Позвольте мне поздравить вас с выдающимся научным открытием. Совершенно новый вид млекопитающих...

— Которые могут стать девятой по счету разумной расой в Федерации! — закончил за него на той же сверхоптимистической ноте Рейнсфорд.

— Боже милостивый, Беннет! — Келлог мгновенно убрал с лица улыбку, словно сбросил балласт, и устремил на натуралиста возмущенно-шокированный взгляд: — Неужели даже в такой момент вы не можете удержаться от шуточек?

Затем его взгляд снова устремился на пушистиков, и на лице вновь засияла ослепительная улыбка. Он даже издал деликатный смешок.

— Простите, но я думал, что вы прослушали запись, — сухо заметил Рейнсфорд.

— Конечно, прослушал! Эти зверюшки просто изумительны! Они уникальны! Но разумны?.. Это уж простите. То, что их можно научить нескольким трюкам и они используют в качестве оружия камни и палки, вовсе не доказательство... — Улыбка вновь погасла, и лицо моментально приняло выражение убийственной серьезности. — Подтвердить ваши поспешные суждения могут лишь планомерные и тщательные исследования.

— Я не могу с уверенностью поручиться в том, что они разумны, — вступила в разговор Рут Ортерис. — По крайней мере до послезавтра у меня не будет такой уверенности. Но уже сейчас я могу сказать: вполне может статься,

что они мыслящие существа. Их способность к обучению и мотивация поступков приблизительно соответствуют уровню развития восьмилетнего терранского ребенка. И в развитии они превосходят многих взрослых особей известных нам малоразвитых разумных рас. Я свидетельница, что никто их никаким трюкам не обучал, они учатся всему сами, наблюдая и делая выводы.

— Доктор Келлог, хоть процессы мышления и не моя сфера, — поддержал ее Хименес, — как специалист я могу сказать, что они обладают всеми физическими характеристиками, свойственными разумным расам: нижними конечностями, специализированными для передвижения; верхними конечностями, приспособленными для различных манипуляций; они прямоходящие, обладают стереоскопическим зрением, большой палец на руке отставлен — короче, все эти признаки всегда определялись нами как, по крайней мере, стимулирующие развитие разума.

— А я лично уже убежден, что они разумны, — с апломбом заявил ван Рибек. — Но для меня важнее именно то, что сейчас они как раз стоят на пороге, на подступах к сознанию. Это первая в своем роде раса. До сих пор человечество еще не встречало своих братьев на данном уровне развития. Я верю, что изучение пушистиков поможет нам разобраться, какими путями идет становление сознания.

Келлог, приложивший немало усилий для того, чтобы вызвать этот взрыв энтузиазма, теперь был готов быстро направить его результаты в нужное ему русло.

— Уму непостижимо! Это войдет в историю науки! Но теперь, я думаю, вы и сами понимаете, насколько бесценным сокровищем являются ваши пушистики. Их немедленно надо переправить в Мэллори-порт, где в идеальных лабораторных условиях самые лучшие ученые планеты, самые квалифицированные психологи...

— Нет!

Джек снял Беби с головы, передал его матери, а ее саму поставил на пол и легким шлепком отослал в сторону. Все это он проделал чисто рефлекторно, но сознание тут же напомнило ему, что в том, чтобы расчищать площадку для выяснения отношений с плоским экранным изображением человека, находящегося на самом деле в двухстах с лишним милях отсюда, нет никакого смысла.

— Хорошо, забудем об этом и продолжим разговор, — выдавил он из себя.

Но Келлог продолжал разливаться соловьем, словно не замечая его в упор:

— Герд, у вас есть аэрошлюпка, дело лишь за тем, чтобы оборудовать ее уютными, комфортабельными клетками...

— *Келлог!*

Говорун осекся на полуслове и ошарашенно застыл с открытым ртом. Он был предельно возмущен: впервые за много лет к нему обратились без всяких титулов — просто по фамилии, и что еще возмутительнее — впервые за всю жизнь на него кричали.

— Вы что, оглохли, Келлог? Вам надо повторять дважды? Нет? Тогда выкиньте из головы эту чушь про клетки. Пушистики отсюда никуда не поедут.

— Но, мистер Холлоуэй, неужели вы не отдаете себе отчета в том, что этих существ надо тщательно изучить? Неужели вы не хотите, чтобы они заняли свое законное место в природной иерархии?

— Если вы хотите изучать их, приезжайте сюда и занимайтесь этим на месте. И то до тех пор, пока не начнете раздражать их. Или меня. А что до изучения, то в данный момент оно уже идет полным ходом. Им занимается доктор Рейнсфорд и три представителя вашей Компании. А если вам и этого мало, то добавьте еще и мои собственные наблюдения.

— И еще, на тему высококвалифицированных психологов, — добавила Рут Ортерис тоном, приближавшимся по холодности к точке замерзания по Кельвину. — Надеюсь, уровень моей профессиональной квалификации не вызывает у вас сомнений, доктор Келлог?

— Ну что вы, Рут, как можно? Вы не так меня поняли, — залебезил Келлог. — Но здесь требуется особая специализация...

— О да! — горячо подхватил Рейнсфорд и деловито осведомился: — И сколько же у вас сейчас в центре специалистов по пушистикам? Я-то считал, что единственный специалист на планете — Джек Холлоуэй. Но ведь он и так здесь.

— Я имел в виду главного психолога Компании доктора Маллина.

— Ну что ж, пусть приезжает. Но он должен учесть, что на каждый опыт с пушистиками должен получить мое личное разрешение, — усмехнулся Джек. — Так когда же вас ждать?

Келлог сказал, что предположительно не позже завтрашнего вечера. Он даже не поинтересовался, как добраться до лагеря. Затем, предприняв пару попыток вернуть разговор в русло дружеских, добросердечных отношений и поняв, что старается без толку, попрощался и отключился. С минуту все молчали, затем Хименес укоризненно произнес:

— Джек, вы могли бы быть с доктором Келлогом и чуточку полюбезнее. Может, вы просто не до конца понимаете, как много зависит от этого человека. Нам нельзя сбрасывать его со счетов.

— Для меня он никто. И любезничать с ним я не стану. Слишком много чести! Да и на людей такого сорта это плохо действует. Стоит заговорить с ними вежливо, как они тут же попытаются сесть вам на голову.

— А я и не знал, что ты знаком с Леном, — удивился Рейнсфорд.

— Я его впервые видел. Просто он типичный представитель своего вида, к сожалению, широко распространенного. Как ты думаешь, Бен, ждать нам его завтра вместе с этим Маллином?

— Еще бы! Примчатся со всех ног! Разве они могут допустить, чтобы мелкие сошки из Компании и вообще какие-то приблуды, к Компании не принадлежащие, их обошли? Теперь нам нужно быть трижды осторожными, иначе где-то через год мы получим с Терры сообщение о том, что на Заратуштре открыта новая разумная раса Pushisticus pushisticus Kellog. Хуан верно подметил, что этого человека нельзя сбрасывать со счетов. Надеюсь, теперь ты понял почему?

Глава 6

Запись окончилась, дальше шла чистая пленка. Несколько мгновений царила полная тишина, и поэтому обычно столь привычное клацание, с которым на куполе автоматически открылся один солнечный щит и закрылся второй, прозвучало чуть ли не громом. Коммодор Алекс Напье мрачно оглядел угрюмый, вздыбленный пейзаж Ксеркса и черное небо над его таким близким горизонтом. Протянув руку, он не глядя взял со стола любимую трубку и задумчиво постучал ею о край пепельницы, выбивая остатки пепла. Все молчали. Он медленно стал уминать пальцем табак в чашечке.

— Ну так что, джентльмены? — Вопрос прозвучал как разрешение начать обсуждение.

— Может, первым выскажешься ты, Панчо? — обернулся к главному психологу капитан Конрад Грейбенфельд.

— Сначала скажите, на сколько процентов можно доверять этому источнику.

— Ладно. Я познакомился с Джеком Холлоуэем тридцать лет назад на Фенрисе, когда я только-только получил лейтенанта. Сейчас ему должно быть около семидесяти. Так вот: если Джек говорит, будто видел что-то, я ему безоговорочно верю. Беннет Рейнсфорд также заслуживает полного доверия.

— А агент? — уперся Айбарра.

Грейбенфельд обменялся быстрыми взглядами со Стивеном Элборгом, офицером разведки, и после разрешающего кивка капитана Элборг сказал:

— Один из лучших. Тебе не о чем беспокоиться, Панчо.

— Что ж. Все это выглядит так, что они разумны, — сдался Айбарра. — Вы же знаете, я всегда ждал и боялся, что рано или поздно это случится.

— Ты хочешь сказать, что это хороший предлог влезть в дела тех, кто под нами?

Психолог секунду смотрел на Грейбенфельда так, словно не понял вопроса. Потом, сообразив, что имеет в виду капитан, помотал головой:

— Нет. Я не об этом. Я говорю о том, что ждал случая, когда будут открыты существа, по уровню развития стоящие на самой грани возникновения разума. Кто-то, кто не умещается в пресловутое правило «говорит—добывает огонь». И как же это попало к нам, Стивен?

— Мы получили ее в ночь на прошлую пятницу. По-видимому, эта запись уже имеет несколько копий. Вот одну-то из них наш агент передал в центр в Мэллори-порте, а там ее вместе с комментариями агента отложили для нас, — объяснил Элборг. — В центре быстро провели стандартную проверку в главном здании Компании. В тот момент все выглядело вполне невинно, никакого «к оружию, свистать всех наверх». Но в субботу вечером (по времени Мэллори-порта) мы получили отчет о том, что доктор Келлог, прослушав эту запись (копию, сделанную Хуаном Хименесом для архива), тут же немедленно связался с Виктором Грего.

Грего, конечно же, моментально понял, чем это пахнет. Он послал Келлога и главного психолога Компании Эрнста Маллина на континент Бета с приказом найти способ выдать открытие Холлоуэя за грубую научную фальсификацию. Следующим шагом Компания предполагала объявить пушистиков ценными пушными зверьками и открыть на них большую охоту в расчете на то, что, когда с Терры прибудет комиссия, чтобы проверить меморандум Рейнсфорда, все зверьки будут полностью истреблены.

— Об этом трюке с охотой я еще не слышал, — поднял голову коммодор.

— Мы можем легко это доказать, — заверил его Элборг.

Только Виктору Грего могла прийти в голову такая идея. Напье медленно зажег трубку. Черт подери, он вовсе не собирается вмешиваться во все это. Ни один коммодор военного космического флота до него еще ничего подобного не делал. Для объявления чрезвычайного положения на планете-колонии должны быть очень веские причины, и это всегда влечет за собой уйму проблем: масса расследований, комиссий, а кончиться может, чего доброго, трибуналом. А верховный суд штатских вообще не принимает в расчет исполнение долга. Конечно, существуют и более важные и высокие принципы, нежели исполнение долга. Например, суверенитет Терранской Федерации или незыблемость Федеральной конституции. И права инотеррaн, которые до́лжно соблюдать в первую очередь. Похоже, Конрад Грейбенфельд думал о том же.

— Если эти пушистики действительно разумные существа, то тогда, — медленно сказал он, — все действующие на планете институты автоматически упраздняются. Компания, администрация колонии, короче — все. Заратуштра становится планетой класса четыре — вот единственный вывод из этой записи.

— Но мы не можем ввести войска на планету, пока у нас не будет достаточно серьезной причины для этого. Панчо, похоже, решение зависит главным образом от тебя.

— Боже упаси, Алекс! — замахал руками Айбарра. — Ты не можешь так говорить. Кто я такой? Никто. Всего лишь самый заурядный доктор медицины и психологии. В Федерации есть множество психологов лучше и компетентнее меня, вот пусть они и...

— Панчо, но ведь они все на Терре в пяти световых годах отсюда, в шести месяцах полета в один конец. Да, вопрос вмешательства полностью на мне, но решать,

разумны они или нет, должен ты. Тебе, конечно, не позавидуешь, но освободить тебя от принятия решения, извини, не могу.

Джек даже слушать не стал ван Рибека, пытавшегося объяснить, что они все втроем чудесно могут заночевать на борту его шлюпки. Через минуту Герд уже устраивался в гостевой комнате, а Хименеса Бен пригласил в свой лагерь, в результате чего Рут получила кабину шлюпки в свое полное распоряжение.

На следующее утро, когда ученые в компании пушистиков завтракали, прозвучал вызов видеофона и на экране возник Бен Рейнсфорд. Он сообщил, что они с Хуаном решили прогуляться на аэроджипе в район Холодноструйки и пошуровать в местных лесах в поисках других пушистиков. Рут и Герд решили провести весь день в лагере и поближе познакомиться с веселой семейкой.

Завтрак был достаточно сытным, чтобы отбить всякий интерес к креветкам, и пушистики получили новую игрушку — большой яркий мяч. Они покатали его немного по траве, но потом решили, видно, оставить для своих обычных предзакатных игрищ и утащили в дом. Потом они забрались в чулан за мастерской и стали копаться там в старом хламе. Время от времени кто-нибудь один выскакивал на лужайку с целью прибить креветку. Но делалось это не ради желудка, а скорее для сохранения спортивной формы.

Джек, Рут и Герд все еще сидели вокруг стола под деревом и лениво перебрасывались фразами, пытаясь придумать какое-нибудь срочное дело, благодаря которому можно будет оставить посуду неубранной. Рядом в густой траве резвились Мамуля с малышом. Внезапно мамаша издала пронзительный вопль и бросилась к чулану, подгоняя Беби впереди себя плоским концом креветкобойца, чтобы дитя бежало как можно быстрее.

Джек бегом бросился в дом. Герд схватил камеру и вскочил на стол. Причину переполоха первой увидела Рут.

— Джек! Смотрите! Вон там! — закричала она, указывая на край опушки. — Два чужих пушистика!

Холлоуэй также бегом выскочил на улицу, но вместо ружья, за которое он было схватился, в его руках были теперь кинокамера, два резервных стальных креветкобойца и пол-лепешки ПР-3. К тому моменту когда он появился в дверях, пришельцы вышли на пустое место и теперь,

стояли плечом к плечу, озираясь вокруг. Оба они оказались самками, и каждая держала в руке палку-копалку.

— У вас еще много пленки, Герд? А вы, Рут, давайте продублируйте. — И Холлоуэй отдал ей свою камеру. — Близко не подходите. Пусть и я и они в кадре будем вместе. Пойду попробую с ними поменяться.

Джек медленно двинулся вперед, ласково разговаривая с пришелицами и протягивая им угощение. Креветкобойцы он пока засунул за пояс. Подойдя к ним достаточно близко, но не настолько, чтобы их напугать, он остановился.

— Наша банда идет за вами, — предупредил его Герд. — Настоящим боевым строем с креветкобойцами наперевес. Так, теперь они остановились и выстроились цепочкой. Они приблизительно в тридцати футах от вас.

Джек отломил кусочек лепешки, положил его в рот, прожевал и проглотил. Затем отломил еще два кусочка и протянул на ладони гостьям. Дамы явно заинтересовались, но все еще медлили с принятием решения. Джек бросил оба кусочка так, чтобы те упали в паре футов от их ног. Одна из самок не выдержала, бросилась вперед, схватила кусочек, перебросила его своей товарке и, подобрав второй, вернулась назад. Обе запихнули угощение в рот, тщательно прожевали и оценили блюдо довольным повизгиванием.

Местные пушистики, потрясенные и оскорбленные тем, что их любимый деликатес скармливают каким-то чужакам, окаменели с открытыми ртами. Тем временем пришелицы решили, что опасность невелика, и отважились приблизиться к Джеку, а еще через минуту он уже кормил их с рук. Затем он достал два стальных креветкобойца и жестами показал, что предлагает обмен. Гостьи с восторгом согласились, но для местных пушистиков это было уже слишком: с возмущенным уиканьем они бросились в атаку.

Новопришедшие отступили на пару шагов и заняли оборонительную позицию, держа наготове новое блестящее оружие. Казалось, что все ждут боя, но никто не горит особым желанием драться. Судя по тому что Джек знал из истории Терры, подобная ситуация могла иметь очень серьезные и неприятные последствия. Но вот Ко-Ко поднял свой креветкобоец как флаг, демонстрируя мирные намерения, и медленно приблизился к незнакомкам. Он тихонько уиикнул и деликатно коснулся руки одной гостьи, а затем второй. Потом положил свое оружие на землю

и встал на него обеими ногами. Дамы, осмелев, робко погладили его по плечам.

Ситуация мгновенно разрядилась. Остальные члены семейства воткнули свое оружие в землю и, окружив новеньких со всех сторон, осыпали их дружескими ласками. Потом пушистики уселись в кружок и, ритмично раскачиваясь, принялись тихонько уиикать. Через несколько минут Ко-Ко и обе новенькие встали, подобрали оружие и вместе отправились к лесу.

— Остановите их, Джек! — крикнула Рут. — Они уходят насовсем!

— Если они хотят уйти, кто я такой, чтобы их останавливать?

Троица уже подошла к опушке, как вдруг Ко-Ко оглянулся, воткнул креветкобоец в землю и бегом бросился к Папе Джеку. Он обнял человека за колени и взволнованно зауиикал. Джек тихонько погладил его по голове, но на руки брать не стал. Одна из пришелиц выдернула оружие Ко-Ко из земли, и обе медленно пошли назад. В ту же секунду Маленький Пушистик, Мамуля, Майк и Мицци бросились к ним навстречу. А затем вновь начались дружеские объятия, тычки, поглаживания, и со счастливым уиканьем гостей повели в дом.

— Ну как, порядок, Герд? — спросил Джек.

— С фильмом — да. А вот с мозгами не очень. Я так и не понял, что у них тут произошло.

— Вы только что засняли первый в истории фильм о межплеменных и свадебных обычаях и обрядах заратуштрианских пушистиков. Здесь у нас находится дом семьи. И они не желают, чтобы вокруг шастали разные чужаки. Они собирались выгнать этих девушек под зад коленом, но в последнюю минуту Ко-Ко решил, что они довольно привлекательны, и ему захотелось с ними объединиться. Это все изменило. Семья уселась кружком для того, чтобы расхвалить Ко-Ко на все лады, дабы дамочки знали, какой замечательный муж им достался. Кроме того, это был еще и обряд прощания с Ко-Ко. Но тут наш новобрачный вспомнил, что не попрощался со мной, и вернулся. Тем временем семья решила, что еще две девушки их не объедят, тем более что у них есть такой хороший кормилец, как Папа Джек. Теперь, как я думаю, они поражают воображение девиц, демонстрируя им семейные сокровища. Знаете, а у них ведь семья выросла и стала достаточно сильной.

Девушек назвали Златовлаской и Золушкой. Время, пока готовился ленч, вся семейка провела у телевизора. После еды они отправились в спальню и устроили сиесту на кровати Папы Джека. Вечером Джек стал проявлять пленку, а Рут и Герд засели за дневники, восстанавливая события последних суток и рождая в спорах терминологию. Поздним вечером, когда они наконец закончили, пушистики тоже вернулись в дом, вдоволь наигравшись с новым мячом.

Они услышали приближение аэромобиля задолго до людей, тут же выскочили на улицу и чинно расселись на скамеечке возле кухни. Это была полицейская машина; она приземлилась, и из нее вышли двое полицейских, незнакомых Джеку. Они сказали, что специально залетели по дороге, чтобы посмотреть на пушистиков, и поинтересовались, откуда пришел этот народец и зачем. Когда Джек ответил, они переглянулись.

— Следующую семейку, которая заявится к вам, придержите для нас, — попросил один из них. — Нам бы очень хотелось иметь таких ребят у себя в участке. Ну, чтобы охотились за креветками, например.

— А что скажет на это Джордж? Похоже, знакомство с ними произвело на него не самое лучшее впечатление. Он их даже немного побаивается, по-моему.

— Ой, да все в порядке! — заверил Джека второй полицейский. — Он связался с Беном Рейнсфордом, и тот сказал, что они абсолютно безопасны. Да, Бен сказал, что они не животные, а люди.

Холлоуэй стал рассказывать о своих любимцах, и рассказ затянулся до того момента, когда пушистики услышали приближение еще одного аэромобиля. Это прилетели Бен Рейнсфорд и Хуан Хименес. Едва успев отключить антигравы, они соскочили на землю и почти бегом бросились к лагерю. Потрясая на бегу камерой, Бен закричал:

— Джек, там в лесах полным-полно пушистиков! И все они движутся в этом направлении. Настоящее переселение народов! Мы видели порядка полусотни: четыре семьи, несколько парочек и одиночек. Но я уверен, что на каждого, которого мы разглядели в лесу, приходится еще по десять.

— Думаю, нам следует слетать туда прямо завтра, — загорелся один из полицейских. — А где вы были, Бен?

— Я покажу вам по карте. — Только сейчас Рейнсфорд заметил среди окруживших их пушистиков новеньких. — Ого! А эти две девицы здесь откуда?

Джек хотел рассказать о свадьбе, но не успел, заметив, как на поляну по другую сторону ручья, через который был переброшен мост из толстых бревен, опускается большая аэрошлюпка. От нее отделился аэроджип с открытым верхом. В нем сидели двое: Келлог и второй, который не мог быть не кем иным, как Эрнстом Маллином. Когда в лодке отключили антигравы, из кабины вышел еще один мужчина. Джеку Маллин не понравился с первого взгляда: он сразу понял, что под маской аскета скрывается высокомерный фанатик. И если его лицо не выдавало никаких тайных намерений, то плащ предательски топорщился, скрывая некий предмет под мышкой слева. После того как Келлог представил их друг другу, Маллин в свою очередь познакомил Джека со своим ассистентом Куртом Борхом.

В лагере Маллин вновь представил всем своего ассистента: и Рейнсфорду, и Хименесу, и ван Рибеку, и даже (что показалось несколько странным) Рут Ортерис. Она так явно выразила свое удивление, что доктор Маллин поспешил ей объяснить, что мистер Борх будет работать с людьми и проведет некоторые тесты, чем окончательно сбил ее с толку. К тому же от ее внимания не ускользнуло, что вся троица отнюдь не в восторге от присутствия в лагере полицейских и что, когда наконец патрульная машина поднялась в воздух, они вздохнули с явным облегчением.

Келлог горел желанием приступить к изучению пушистиков немедленно. Он что-то шепнул Маллину, но тот поджал губы, отрицательно покачал головой и сказал:

— Мы просто не можем объявить их разумными, пока не найдем в их поведении нечто, что нельзя объяснить никакими другими гипотезами. Думаю, нам следует пойти от противного: объявить их неразумными и попробовать опровергнуть это утверждение фактами.

Однако Келлог, испугавшись, что такое заявление звучит слишком откровенно и может выдать их планы, тут же затеял с Маллином один из туманных споров с аргументами типа: «да, доктор, я целиком разделяю ваше мнение, однако, с другой стороны, вы не можете не согласиться, что...» на тему различия между научными фактами и научными доказательствами. Хуан Хименес тут же

подключился к дискуссии, соглашаясь со всем, что бы ни говорил Келлог, и вежливо ставя под сомнение те аргументы Маллина, которые, как ему казалось, идут вразрез с мнением Келлога. Борх молчал, разглядывая пушистиков с плохо скрываемой, какой-то болезненной антипатией. Герд и Рут также не присоединились к прениям, а предпочли отправиться на кухню и помочь Джеку готовить обед.

Стол снова накрыли на улице, и обед прошел под неусыпным вниманием пушистиков, разглядывающих новых гостей. Весь день Келлог и Маллин старательно избегали разговоров о пушистиках. Лишь после заката, когда все собрались в кабинете, Келлог открыл обсуждение, взяв на себя роль председателя. В своей вступительной речи он довольно пространно и долго изливался о том, что пушистики — выдающееся открытие современности, в то время как объекты его пламенной речи, не обращая на оратора ни малейшего внимания, занимались своим конструктором. Златовласка и Золушка какое-то время просто наблюдали за остальными, но потом, сообразив, в чем дело, включились в общий творческий процесс.

— Но, к несчастью, большинство наших выводов основано на суждениях мистера Холлоуэя, а он все же, при всем моем уважении к нему, в этих делах, простите, дилетант. Прошу вас, поймите меня правильно, лично у меня ни на секунду не возникло ни малейшего сомнения в том, что каждое слово в записи — чистейшая правда. Но вы же не можете отрицать, что профессиональные ученые с большим подозрением относятся к выводам, сделанным самоучками и поверхностными наблюдателями.

— Леонард, кончайте нести околесицу! — перебил его Рейнсфорд. — Вот перед вами я — профессиональный ученый, который занимается наукой гораздо дольше, чем вы. И я целиком и полностью подтверждаю все выводы Холлоуэя. К тому же он пионер переднего края, и это его научило быть объективным и внимательным наблюдателем: не обладая этим качеством, выжить в осваиваемых землях просто невозможно.

— Опять вы меня не так поняли, — укоризненно покачал головой Келлог. — Лично я ничуть не сомневаюсь в компетентности мистера Холлоуэя. И сейчас как раз подумываю, как бы поскорее передать сообщение об его открытии на Терру.

— Об этом можете не беспокоиться, Леонард. Когда я подам рапорт в институт, то лично подпишусь под каждым

словом Джека. Тем более что большую часть из того, что он мне рассказал, я имел возможность проверить лично.

— Но у нас же имеются не только словесные свидетельства и утверждения, — не выдержал ван Рибек. — Кинокамеру вряд ли назовешь пристрастным и поверхностным наблюдателем. Мы засняли уже кучу материала.

— Ах да, вы упоминали об этом. — Маллин, сидевший все это время с отсутствующим видом, приподнял веки. — Но вы же их еще, наверное, не проявили?

— Проявили. Почти все, кроме того, что было снято сегодня в лесу. Мы можем посмотреть их хоть сейчас.

И, не ожидая согласия, ван Рибек направился к телевизору и поставил кассету. Пушистики сначала отреагировали возмущенным уиканьем на то, что в комнате погас свет и теперь они не могут закончить свое творение, но, увидев на экране Маленького Пушистика, роющего себе стамеской ямку для туалета, разразились восторженными воплями. Сам герой фильма был возбужден больше всех, и если было не очень понятно, узнал ли он сам себя, то стамеску он узнал вне всяких сомнений. Дальше пошли кадры, на которых Маленький Пушистик убивал и поедал креветку, раскручивал и закручивал гайку на болте. Потом в кадре появились и все остальные: их приход, игры, учеба, охота. В финале шел материал, заснятый во время знакомства со Златовлаской и Золушкой.

— Боюсь, что заснятое нами с Хуаном сегодня в лесах будет не такого отличного качества, — заметил Рейнсфорд, когда просмотр закончился и в комнате вновь включили верхний свет. — В большинстве своем неясные фигурки, исчезающие в кустах. Нам было слишком трудно подобраться к ним на джипе близко — сами знаете, какой у них слух. Но там все-таки можно разглядеть в руках у некоторых точно такие же деревянные креветкобойцы, как и те два, что Джек выменял у новеньких в вашем последнем фильме.

Келлог и Маллин обменялись мрачными взглядами.

— Вы не говорили нам, что их в здешних окрестностях так много, — обвинительным тоном процедил Маллин и повернулся к Келлогу. — Это меняет дело.

— Да, полностью меняет, Эрнст, — буркнул Келлог и тут же расцвел любезной улыбкой. — Но ведь сама судьба дает нам прекрасную возможность!.. Мистер Холлоуэй, насколько я знаю, вся эта местность является вашей частной собственностью с правом геологических разработок. Ведь

так? Не дадите ли вы нам любезное разрешение разбить лагерь на поляне за ручьем, где стоит наша лодка? Мы вызовем из... Который здесь из городов поближе? Красные Холмы? Да, мы вызовем оттуда бригаду, построим сборные домики и, готов вас заверить, не причиним вам ни малейшего беспокойства. Мы собирались здесь лишь переночевать, а утром вернуться в Мэллори-порт, но теперь, когда мы знаем, что здесь не одна семья пушистиков, а множество, мы, конечно, должны остаться. У вас нет возражений, смею надеяться?

У Джека было множество возражений. Ему это все было не по нутру. Но ведь если он не позволит Келлогу разбить лагерь там, где тот просит, кто сможет помешать ему и его шайке отъехать миль на восемьдесят, за границу личных владений Холлоуэя, и делать там все, что захочется? А что ему может захотеться, Джек даже слишком хорошо себе представлял: они набьют лес капканами, будут ловить пушистиков всеми способами, включая усыпляющий газ. А потом посадят их в клетки и станут мучить различными опытами типа лабиринта с электрошоком. Потом нескольких убьют, чтобы провести вскрытие, а может, и не станут утруждать себя усыплением подопытных перед операцией. Если же они попробуют делать подобное здесь, на его земле, то он хоть сможет им помешать.

— Ни малейших возражений. Но я напоминаю, что вы можете исследовать этих маленьких людей только теми методами, которые я вам разрешу.

— Да не волнуйтесь, ничего мы вашим пушистикам не сделаем, — заверил его Маллин.

— Вы не причините им вреда. Никоим образом.

Утром во время завтрака Келлог с Борхом, одетым в довольно потрепанную форму, тяжелые ботинки и с кобурой на поясе, зашли ненадолго в дом, чтобы обсудить детали. Они уже составили список вещей, необходимых для лагеря, судя по которому можно было понять, что они имеют довольно смутное представление о жизни в лесу. Джек дал им пару советов, которые они с благодарностью приняли. Зато в списке было перечислено всяческое научное оборудование, включая даже рентгеновский аппарат. Его Джек немедленно вычеркнул.

— Мы же не знаем, как может отразиться на пушистиках облучение, а узнавать об этом в том случае, если кто-

то из них получит сверхдозу, у меня нет ни малейшего желания.

К его удивлению, они не стали возражать. После обсуждения Келлог, Рут и Герд на аэроджипе полетели на север, Рейнсфорд, Хименес и Маллин последовали за ними на втором аэромобиле. Холлоуэй с Борхом отправились на поляну за ручьем, чтобы разметить будущий лагерь. Затем Борх улетел в Красные Холмы. Оставшись один, Джек стал проявлять вчерашний материал Бена, сделав по три копии всего, что было отснято. После полудня Борх вернулся в сопровождении двух больших аэролодок, из которых выгрузили части домиков, и конструкторы из Красных Холмов соорудили лагерь за пару часов. Кроме всего прочего, Борх привез с собой два новых аэроджипа.

Остальные вернулись поздним вечером. Им удалось увидеть с сотню пушистиков, к тому же ученые обнаружили три их жилища: два в пещерах и одно в кроне большого пулл-болла. Все три были окружены кольцами туалетных ямок. Два оказались покинутыми, а на дереве все еще жила семья.

Разыгрывая радушного хозяина, Келлог настоял, чтобы Джек и Рейнсфорд отобедали у него в новом лагере. Еда, приготовленная из привезенных из города полуфабрикатов, которые нужно было только разогреть, была превосходна.

Вернувшись к себе, Джек нашел пушистиков в кабинете: они только что закончили очередную конструкцию (Джек поймал себя на мысли, что не может подобрать более удачного слова для определения их произведений). Златовласка тут же бросилась к нему навстречу, протягивая два соединенных между собой шарика, и легонько потянула его за штанину.

— Да, я вижу. Они очень красивые.

Но она потянула сильнее, указывая в сторону конструкции, и тогда Джек понял.

— Она хочет, чтобы я тоже принял участие в игре. Бен, ты знаешь, где кофе, завари нам по чашечке, сам видишь — я очень занят.

Джек сел на пол и занялся конструктором. Вскоре Бен принес ему чашку кофе. Игра с пушистиками доставила Холлоуэю большое удовольствие: впервые за последние два дня он наконец смог расслабиться, о чем и сказал Бену, который тем временем принес художникам пару мисок с ПР-3 для подкрепления творческих сил.

— Знаешь, если бы ты даже выгнал меня пинками из дома за то, что именно я заварил всю эту кашу с Компанией, я бы не обиделся, — меланхолически прихлебывая кофе, заметил Бен. — В свое оправдание могу лишь сказать: я и представить себе не мог, что это их так зацепит.

— Я тоже не имею ни малейшего понятия, чем это их так цепляет, черт бы их побрал! — в сердцах бросил Джек, яростно дуя на кофе. — Что, по-твоему, здесь делать Келлогу? Единственным его занятием пока что было звонить по моему видеофону. Кстати, он наболтал уже на девять солов.

— Я тебе еще вчера сказал, что ему нужно. Он просто не хочет, чтобы исследования проводили люди, не имеющие отношения к Компании. Ты слышал, как они с Маллином кисло восприняли мое желание отослать отчет о пушистиках на Терру, прежде чем Компания произведет свои исследования? Он хочет отправить свой доклад первым. Да пошли они!.. Знаешь, что я сделаю? Я сегодня же еду к себе и спать не лягу, пока не составлю полный отчет. А завтра с утра отвезу его Джорджу Ланту и попрошу, чтобы он лично доставил его в Мэллори-порт и отправил с полицейской почтой. Таким образом, отчет спокойненько и в сохранности полетит на Терру, в то время как ни один из этой банды и подозревать не будет, что дело уже сделано. У тебя есть копии фильмов?

— Где-то мили полторы. Я сделал копии всего, что было отснято. Даже того, что сняли вы с Хименесом.

— Отлично. Значит, их мы тоже сможем отослать. А Келлог пусть читает через год об этом в газетах! — Бен помолчал с минуту, а затем добавил: — Герд, Рут и Хименес вынуждены были перебраться в лагерь Компании, так вот: ты не против, если с завтрашнего дня я перееду сюда? Думаю, тебе не очень приятно, что эта банда будет шнырять вокруг да около наших пушистиков? Я помогу тебе придержать этих «ученых» в узде.

— Но, Бен, ты же не можешь бросить все, чем занимался до сих пор...

— А теперь я занимаюсь пушистиками. Я хочу стать пушистикологом, и здесь единственное место, где я могу это сделать. А теперь счастливо! Увидимся завтра, я прилечу сразу после визита к нашим доблестным патрульным.

Проводив Рейнсфорда до аэроджипа, Джек заметил, что в лагере на том берегу еще никто не спит. Он помахал

Бену рукой, проследил за полетом джипа, пока тот не скрылся за деревьями, и вернулся в дом. Там он еще с часок поиграл с семьей, а затем объявил отбой.

Наутро Джек увидел, как из лагеря за ручьем сначала поднялся один джип с Келлогом, Рут и Хименесом на борту, а почти сразу за ним второй, на котором летели ван Рибек и Маллин. Похоже, Келлог не собирался давать волю своим подчиненным и позволять им работать без присмотра. Джеку это показалось довольно странным.

Незадолго до полудня из-за южных скал вылетел джип Рейнсфорда и опустился на лужайку перед домом. Джек помог приятелю перенести багаж, а потом оба сели в тени перистолистного дерева, чтобы выкурить по трубочке. Глядя на резвящихся в траве пушистиков, они заметили на другом берегу ручья Курта Борха, который с праздным видом бродил у воды.

— Дело сделано, рапорт уже в пути, — сказал Бен, взглянув на часы. — Сейчас он уже должен лететь в Мэллорипорт, а завтра в это же время будет в космосе. Но мы никому об этом не скажем. Я предпочту полюбоваться, как Лен Келлог на пару с Маллином дойдут до седьмого пота, уговаривая меня не посылать его, прежде чем не будут проведены их собственные исследования. — Он коротко рассмеялся. — Ты знаешь, печатая отчет, где я свел все доказательства вместе, я и сам себя окончательно убедил, что они разумны. Там так все красиво сложилось, что не остается ни малейшего сомнения.

— Будь я проклят, если когда-нибудь вообще их имел! Вы слышали, детки? — спросил Джек Майка и Мицци, подбежавших к нему в этот момент, чтобы приласкаться. — Дядюшка Бен уверяет, что у вас есть разум.

— Уиик?

— Они спрашивают, годится ли он в пищу. Ну и чего нам, по-твоему, теперь ждать?

— Пока, в течение года — ничего особенного. Шесть месяцев на то, чтобы корабль достиг Терры, затем институт изучит отчет, оповестит прессу и пошлет сюда комиссию. То же сделают и другие институты и университеты, разрабатывающие близкие темы. Думаю, правительство также пришлет кого-нибудь: ведь, в конце концов, малоразвитые народы на колонизированных планетах находятся под опекой Федерации.

Джек не знал, понравится ли ему это: чем меньше у тебя дел с государством — тем лучше. А что касается его

пушистиков, то им достаточно и личной опеки Папы Джека Холлоуэя.

Бен взял Мицци на руки и взъерошил ей шерстку.

— Чудесный мех, — сказал он, любуясь. — Такому меху цены нет, но если мы не успеем убедить всех и вся, что они разумны, то цену могут и назначить.

Он бросил взгляд на лагерь за ручьем и нахмурился: а вдруг Леонарду Келлогу уже пришла в голову эта мысль? Компания ведь может сделать очень большие деньги на экспорте меха пушистиков.

Аэроджипы вернулись днем: первым прилетел Маллин, а за ним Келлог. Все вышли из машин и разбрелись по домикам. А примерно через час появилась патрульная машина Ланта и села в лагере Компании. Келлог вышел к ним навстречу, поговорил о чем-то, а затем пригласил гостей в свой домик. Полчаса спустя полицейские снова сели в джип и, перелетев через ручей, приземлились на лужайке перед домом Джека. Пушистики не без тайной надежды разжиться новыми свистками устроили им шумную радостную встречу и веселой гурьбой препроводили гостей в кабинет. Войдя в дом, Лант и Хадра сняли береты, однако пояса с пистолетами снимать и вешать на крючок почему-то не стали.

— С твоей посылкой, Бен, полный порядок, — сказал Лант, усадив на колено Златовласку; Золушка тут же запрыгнула на второе. — Джек, что, черт возьми, здесь делает вся эта банда?

— Тебя это тоже интересует?

— Да от них на милю против ветра воняет тухлятиной! И в первую очередь от этого Борха! Думаю, надо будет проверить его пальчики в нашей картотеке; зуб даю, что на него заведен файл! А у всех остальных такой подозрительный вид, словно они что-то прячут, причем весьма вонючее: типа трупа в отхожем месте. Пока мы там были, говорил только Келлог, стоило остальным приоткрыть рты, как он тут же их вежливо затыкал. Этот Келлог не любит ни тебя, Джек, ни Бена, ни пушистиков. И больше всего он не любит именно пушистиков. К чему бы это?

— А я тебе скажу к чему, — ответил Бен. — Я об этом уже все утро думаю. Во-первых, они вообще не терпят, когда на планете, где у них имеется неограниченная лицензия, кто-то, кто не принадлежит к Компании, затевает какие-то свои исследования. Они, видишь ли, из-за этого могут иметь бледный вид перед своими начальниками на

Терре. Вспомни, что творилось, когда именно люди, не имеющие к Компании никакого отношения, нашли первые солнечники!

Лант сурово нахмурился (усиленный мыслительный процесс у него всегда сопровождался подобной устрашающей мимикой).

— Нет, Бен, тут что-то другое. Во время разговора с нами он весьма иронично отзывался о степени важности вашего открытия пушистиков. То есть его можно было понять и так, что они не стоят того, чтобы их вообще всерьез изучали. К тому же он задал кучу весьма занятных вопросов о тебе, Джек. Ты знаешь, я такие вопросы обычно задаю, когда у меня возникают сомнения, в здравом ли рассудке находится тот, о ком я расспрашиваю. — Теперь лейтенант Лант не просто хмурился, его глаза метали молнии, а губы кривились в ярости. — Прости меня, Боже, но я с огромным удовольствием допросил бы этого типа на детекторе лжи!

Выходит, Келлог не хочет, чтобы пушистиков признали разумным видом. А это значит, что их признают... ценными пушными зверьками. Джек представил себе миллионершу с Терры или Бальдра, упаковавшую свою жирную тушу в манто из шкурок Мицци, Майка, Златовласки, Ко-Ко, Золушки и Мамули с ее Беби, и кровь бросилась ему в голову.

Глава 7

Утро вторника выдалось душным и безветренным; казалось, раскаленное солнце еле ползет по медному небу. Пушистики ворвались в спальню, чтобы разбудить Папу Джека свистками, и вели себя просто безобразно — очевидно, давящая духота действовала на них возбуждающе. Может быть, сегодня наконец пойдет дождь. Вся семья позавтракала на улице, и Бен объявил, что решил слетать в свой лагерь, чтобы привезти кое-какие вещи, которые ему внезапно понадобились.

— Ну, например, мое охотничье ружье, — сказал он. — К тому же я намереваюсь на обратном пути сделать небольшой крюк в сторону вельда и подстрелить зебралопу. Свежее мясо несколько разнообразит наше меню.

Поэтому сразу после завтрака он улетел. На том берегу тоже уже проснулись: Келлог с Маллином важно прохаживались вдоль ручья и вели, судя по выражению их лиц, очень серьезную беседу. Когда из домика вышли Рут и

Герд, высокое начальство остановилось, прервало разговор и перекинулось с молодыми учеными несколькими фразами, после чего те перешли через мостик и рука об руку зашагали по тропинке к лагерю Холлоуэя.

Пушистики были заняты в это время охотой на креветок, но Маленький Пушистик, Златовласка и Ко-Ко бросились гостям навстречу. Рут подхватила Златовласку на руки, а двое остальных побежали следом. Гости поздоровались с Джеком, который как раз допивал свой утренний кофе, Рут села за стол, а Герд растянулся прямо на траве, и Ко-Ко тут же уселся к нему на грудь. Маленький Пушистик забрался на стол, выклянчивая конфеты.

— Из всех пушистиков больше всех я люблю вот эту девочку Златовласку, — призналась Рут. — Она чудо какая ласковая. Нет, они все, конечно, прелесть как хороши! Никак не могу привыкнуть к их бурной привязанности и доверчивости. Те, которых мы видели в лесу, другие, они очень робкие.

— Просто у тех, из леса, нету Папы Джека, который возится с ними пуще наседки, — рассмеялся ван Рибек. — Думаю, что между собой они также доверчивы и ласковы, просто слишком многого из внешнего мира им приходится бояться. Кстати, вот и еще одна предпосылка к возникновению разума: если маленькое, беззащитное существо со всех сторон окружено большими хищниками, которых не может одолеть, у него не остается другого способа для выживания, как попытаться их перехитрить. Возьми, к примеру, наших далеких предков или хоть вот этого Маленького Пушистика: он уже выбрал, что ему больше по вкусу — стать разумным или погибнуть в результате естественного отбора.

— Но, Герд, — смущенно проговорила Рут, — доктор Маллин пока не обнаружил ни одного обоснованного доказательства их разумности.

— Да пошел этот Маллин подальше! Он разбирается в этих делах уж не больше, чем я. И во всяком случае, гораздо меньше, чем ты! Мне кажется, что он как раз, наоборот, старается доказать, что пушистики неразумны!

— С чего ты взял? — недоверчиво спросила Рут.

— Да у него это на роже написано, причем с первой минуты, как он здесь объявился. Ты же психолог, так что не рассказывай мне, что сама этого не заметила. Не знаю, в чем тут дело, может быть, просто в том, что если признать их разумными, то с треском рухнет какая-нибудь

теория, которую он выудил из какой-нибудь страшно умной книжки, и тогда ему придется подумать своими мозгами, а это для него слишком великий труд. В любом случае ты не можешь не согласиться, что с самого начала он как интеллектуально, так и эмоционально был глубоко против идеи признания пушистиков нашими младшими братишками. Он зациклился на этом настолько, что, даже если они возьмут сейчас в руки карандаши и начнут с умным видом решать дифференциальные уравнения, он и тогда не признает это достаточно убедительным доказательством их разумности!

— Доктор Маллин просто пытается... — яростно вступилась за своего начальника Рут, но тут же прикусила язык. — Извините нас, Джек. В конце концов, мы пришли сюда не ругаться, а проведать наших славных пушистиков. Правда, Златовласка?

Златовласка тем временем заигралась серебряным колокольчиком, висевшим у Рут на шее: она подносила его к уху, легонько трясла и вслушивалась в тихое мелодичное позвякивание. Услышав свое имя, она подняла глаза на молодую женщину и, протянув ей кулончик, спросила:

— Уиик?

— Да, моя сладкая булочка, конечно, можешь это взять. — Рут сняла цепочку и надела ее на шейку девушки-пушистика. Но для того чтобы украшение держалось, ей пришлось сложить цепочку в три кольца. — Ну вот так, теперь она будет только твоя.

— Не стоит давать им подобные вещи.

— Почему? Это же просто побрякушка, сделанная из отходов производства. Вы же бывали на Локи, Джек, мне ли вам рассказывать, что это такое.

Да, он бывал и даже сам делал такие вещички для местных жителей.

— Мне просто в шутку подарили ее девочки из госпиталя, а я ношу только потому, что она у меня есть. Златовласке она нравится и нужна гораздо больше, чем мне.

Из лагеря за ручьем поднялся аэроджип, за рулем которого сидел Хуан Хименес, и опустился на лужайку возле обеденного стола. Из окна высунулся доктор Маллин и спросил Рут, готова ли она, а Герду сообщил, что Келлог подберет его через пару минут. Женщина поднялась в джип, и тот, включив антигравы, взял курс на север. Герд пересадил Ко-Ко на траву, сел и достал из кармана рубашки пачку сигарет.

— Не понимаю, что за черт в нее вселился, — проворчал он, глядя вслед улетающей машине. — Хотя нет, кажется, понял. Она услышала глас свыше. И изрек Келлог: «Это всего лишь бездумные твари лесные»... — В его голосе звучал горький сарказм.

— Но ведь вы тоже работаете на Келлога?

— Да. Но он не имеет никакого права влиять на мои профессиональные выводы. А диктовать их — тем более. Знаете, иногда я проклинаю тот час, когда устроился в Компанию... — Герд встал, поправил пояс, на котором справа висел массивный пистолет, а слева — бинокль, и вдруг спросил: — Джек, а Бен Рейнсфорд уже отослал отчет о пушистиках в свой институт?

— А что?

— Если он этого еще не сделал, то передайте ему, чтобы поторопился.

Больше сказать он ничего не успел, потому что тут же появился джип доктора Келлога.

Джек решил, что тарелки из-под завтрака вполне сгодятся и для ленча. Кроме того, он решил не выпускать пушистиков из поля зрения, пока Курт Борх болтается по лагерю и берегу ручья, так что, когда веселая семейка собралась попрыгать по мостику, Папа Джек тут же увел их оттуда. Бен так и не вернулся к ленчу, хотя охота на зебралопу не требует много времени, даже если стреляешь с воздуха. Джек решил поесть один, но, как только он приступил к еде, с севера появился мчащийся на бешеной скорости аэроджип, быстро приземлился, и из него выскочили Маллин, Рут и Хименес. Курт со всех ног бросился к ним навстречу. Они быстро о чем-то переговорили и ушли в домик. Спустя минуту вернулся и второй джип, причем тоже несясь как на пожар. Келлог и ван Рибек выпрыгнули из него и тоже мгновенно скрылись в домике. Решив, что пока наблюдать не за кем, Джек собрал посуду, отнес ее на кухню, перемыл тарелки и заглянул в спальню, чтобы убедиться, что пушистики отошли к обычному дневному сну.

Потом он пошел в кабинет и сел за стол. В ту же минуту в дверь постучали, и на пороге появился Герд ван Рибек.

— Джек, можете уделить мне пару минут для разговора?

— Конечно. Заходите.

Герд зашел, снял ремень с кобурой, поставил стул так, чтобы видеть входную дверь, и положил ремень у своих

ног. А затем разразился проклятиями в адрес доктора Келлога на четырех, а то и пяти языках.

— Ну хорошо, в принципе я присоединяюсь, — перебил его Джек. — Но нельзя ли поконкретнее? Что у вас там произошло?

— Вы знаете, чем здесь занимается этот сын кхутхра?! Он и этот... — Тут Герд добавил пару слов по-шешански, считавшихся самыми грязными ругательствами во всей Федерации, — ...головой ушибленный шарлатан Маллин? Они клепают отчет, в котором обвиняют вас и Бена Рейнсфорда в злонамеренной научной фальсификации! Вы, видите ли, обучили этих пушистых мартышек парочке дешевых трюков! Вы в сговоре с Рейнсфордом втихую сами смастерили все эти палки-копалки, креветкобойцы и остальное! И теперь пытаетесь выдать дрессированных зверей за разумных существ! Джек, если бы все это так омерзительно не воняло, я бы сказал, что это самая смешная хохма за последнее столетие.

— Я понял, что они хотят, чтобы вы тоже подписались под их отчетом?

— Да! Но я сказал Келлогу, чтобы он эти бумажки... — Тут ван Рибек вновь перешел на шешанский. То, что он предложил, звучало достаточно грозно, но было совершенно невыполнимо. Он добавил еще пару эпитетов и зажег сигарету. — Вот как все произошло. Мы с Келлогом поднялись на двадцать миль вверх по речушке, впадающей в Холодноструйку. Там находится еще возвышенность, где из ключа бежит небольшой водопадик. Вы же там работали и знаете это место наверняка. Там мы набрели на несколько пушистиков, живущих в гуще валежника. Так вот, рядом мы обнаружили захоронение. Это была могила их сородича!

Хотя Джек и ожидал рано или поздно услышать нечто подобное, но не смог сдержать удивленного возгласа:

— Вы хотите сказать, что они хоронят своих мертвых? И как же они это делают?

— Сверху установлен небольшой камень стелообразной формы, высотой примерно в фут. Келлог тут же заявил, что это просто большая туалетная ямка, но я-то сразу понял, что это такое. Я вскрыл ее. Под надгробием лежали камни, затем слой земли, а под ним — завернутый в траву пушистик. Это была самка. Похоже, ее насмерть загрызла какая-то лесная тварь типа лешака. И обратите внимание, Джек: они погребли вместе с ней ее креветкобоец!

— Они хоронят своих мертвых! И что же делал Келлог, пока вы вскрывали могилу?

— Скакал вокруг меня, словно его муравьи кусали. А я делал снимки и трепался как последний идиот о том, какое это важное доказательство разумности пушистиков. Тогда он связался по радио со вторым джипом и приказал им немедленно возвращаться в лагерь, поэтому, когда мы прилетели, остальные были уже там. Как только Келлог рассказал им о том, что мы обнаружили, Маллин побелел, как брюхо камбалы, собрал глаза в кучку и поинтересовался, каким образом нам удастся скрыть подобный факт. Я спросил, что за чушь он несет, вот тогда-то Келлог и раскрыл карты: они не допустят, чтобы пушистиков признали разумными!

— Из-за того, что Компания хочет заняться торговлей пушниной?

Герд на секунду онемел от изумления.

— Мне никогда ничего подобное и в голову бы не пришло, — пробормотал он. — И все же сомневаюсь, что они на это пойдут. Нет, Джек, дело не в этом. Просто если они признают пушистиков разумными, то лицензия Компании автоматически аннулируется.

Теперь отпустил крепкое словечко Джек, но уже не в адрес Келлога, а в адрес собственных неповоротливых мозгов.

— Ах я старый дурак! Я-то похвалялся, что знаю колониальное право вдоль и поперек: я же балансировал на его краю на стольких планетах, сколько вам лет! И вот теперь у меня все это просто вылетело из головы! Ну конечно же, именно в этом-то все и дело! А вы, кстати, на чьей стороне теперь?

— Не на их. И меня мало печалит разлука: моего счета в банке с избытком хватит на дорогу до Терры. Ксенонатуралисты всегда нарасхват, так что без работы не останусь. Пойду хоть в контору Бена. Но трепещите, злодеи: когда я доберусь до Терры, то устрою там такую бучу, подниму такой шум вокруг всей этой истории!..

— Если долетите до Терры. И не погибнете случайно еще до того, как ступите на борт межпланетника, — оборвал его Джек. И, подумав несколько минут, спросил: — Вы хоть что-нибудь понимаете в геологии?

— Ну, немного понимаю; мне приходилось работать со взрывчаткой. Я ведь и зоолог и палеонтолог в одном лице. А почему вы спросили?

— Как вам понравится идея пожить здесь какое-то время со мной и помочь мне поохотиться на ископаемых медуз? Правда, при нынешней ситуации мы с вами и вдвоем не сможем нарыть их столько, сколько я прежде собирал в одиночку, но зато вы будете поглядывать в одну сторону, я в другую, а в результате — оба останемся живы.

— Вы хотите сказать, Джек?..

— Я сказал то, что сказал.

Ван Рибек подошел к столу, протянул руку, и мужчины скрепили свой союз крепким рукопожатием. После чего Джек приблизился к стойке и опоясался ремнем с кобурой и патронташем.

— Советую и вам снимать свой как можно реже, компаньон. Пока что здесь есть только Борх, против которого это может понадобиться, но вскоре...

Герд тут же надел свой пояс, затем достал из кобуры пистолет, проверил, есть ли патроны, хорошо ли ходит курок, и, удовлетворенный осмотром, спросил:

— Ну и что мы теперь предпримем?

— Для начала постараемся остановить их легальным путем. Ради этого я даже готов связаться с копами.

Холлоуэй набрал номер, и на экране видеофона появилось лицо дежурного сержанта, который, сразу узнав Джека, приветливо ему улыбнулся:

— Привет, Джек! Как поживает твое почтенное семейство? Я бы хотел как-нибудь вечерком еще раз наведаться к тебе в гости, поболтать с ними о том о сем.

— Можешь полюбоваться на нескольких членов семьи прямо сейчас, — ответил Джек, заметив только что вышедших из спальни Ко-Ко и двух его жен.

Он подхватил всю троицу в охапку и усадил на стол. Сержант расплылся в умильной улыбке, но даже пушистики не смогли отвлечь его настолько, чтобы он уже через пару минут не заметил, что и Джек, и его гость почему-то носят дома ремни с пистолетами. Взгляд полицейского сразу стал серьезным.

— У тебя проблемы, Джек?

— Да, пока небольшие. Однако они могут и подрасти. У меня тут появились гости, которые злоупотребляют моим гостеприимством. Если хочешь зарегистрировать вызов, то можешь написать, что на моей земле сооружено незаконное поселение и я прошу оказать помощь в выдворении тех, кто вторгся в мои частные владения. Если

здесь появится хотя бы парочка ребят в голубой форме, это значительно сократит мои расходы на патроны.

— Понял. А знаешь, Джордж не сомневался, что ты пожалеешь о том, что позволил этой банде засидеть твою полянку. — Говоря, полицейский набрал номер на мобильнике. — Кальдерон вызывает машину номер три... Третий? Как слышишь меня?.. Отлично. Так вот, у Джека Холлоуэя появились небольшие проблемы с незаконным поселением на его земле... Да, именно так. Он хочет, чтобы незваные гости поскорее убрались, но боится, что они могут втянуть его в дискуссию... Да, именно такого рода... Да, конечно, это тот самый Джек Холлоуэй Миротворец. Так что поезжай и выкинь этих нахалов с его земли. И если они начнут рассказывать, какие они крупные шишки в Компании, запомни: нам плевать, какой они величины, пусть оставят место пустым, как было до них. — Он опустил трубку и подмигнул Джеку: — Через часок можешь встречать.

— Спасибо, Фил. Заглядывай как-нибудь вечерком, когда можно будет спокойно посидеть, повесив ремень на крючок.

Джек отключился от полицейского участка и набрал еще один номер. Через пару минут секретарша строительной компании из Красных Холмов соединила его со своим боссом.

— О, Джек, привет! Ну как, доктор Келлог расположился уже с максимальным комфортом?

— С комфортом или без оного, но он выметется отсюда сегодня же вечером. Прошу тебя прислать ребят, чтобы они как можно скорее разобрали барахло, мешающее мне на заднем дворе.

— Но он же сам говорил, что пробудет здесь как минимум пару недель.

— Ему придется изменить планы. Он уберется отсюда еще до заката.

— Джек, надеюсь, дело не в том, что ты поссорился с доктором Келлогом? — Собеседник Джека так растерялся, что на него было жалко смотреть. — Он ведь очень большой человек в Компании!

— Я знаю: он мне об этом уже говорил. И не раз. Но это не имеет к вам никакого отношения. Вы приедете и заберете все свое оборудование, — не терпящим возражений тоном закончил Джек разговор и отключил экран. — По-моему, мы сделали все, что могли. Осталось только

предъявить Келлогу наш ультиматум. Какой у него номер?

Герд назвал цифры на память, и Джек быстро набрал на клавиатуре комбинацию (конечно же, одну из самых засекреченных в Компании!). На экране мгновенно возникло лицо Курта Борха.

— Я хочу поговорить с Келлогом.

— *Доктор* Келлог в данное время очень занят.

— Ничего, через полминуты он будет занят еще больше: у него сегодня большой переезд! Вся ваша компания до восемнадцати ноль-ноль обязана покинуть мою землю.

Борх отлетел в сторону, и на его месте появился возмущенный Келлог.

— Что за чушь вы несете?

— Я приказываю вам сворачивать лагерь. Вас интересует почему? На эту тему с вами рвется поговорить Герд ван Рибек, у него осталось в запасе еще множество очень лестных эпитетов относительно вашей деятельности здесь.

— Вы не можете приказывать нам в таком тоне. Ведь вы же сами дали нам разрешение...

— А теперь забираю! Я уже вызвал ребят Майка Хеннона из Красных Холмов. Они скоро появятся здесь и разберут все по винтику. Кроме того, скоро прибудет бригада лейтенанта Ланта. И советую вам успеть погрузить личные вещи на шлюпку до их прилета.

Келлог вновь попытался объяснить, что его опять не так поняли, но Джек, не слушая, выключил видеофон.

— Ну вот теперь, похоже, все. До заката еще осталось чуток времени, — усмехнулся он, — и мы можем себе позволить, пока в стане врага царит паника, быстренько спрыснуть наш военный союз. Ну а после посмотрим, что делается на другом берегу: не исключено, что когда они очухаются, то могут вытворить что угодно.

Однако, когда новоиспеченные партнеры вышли из дома и присели на скамеечке около кухни, враг пока не предпринял никаких акций. Очевидно, Келлог все еще звонил в Красные Холмы и полицию, намереваясь удостовериться, что Холлоуэй не берет его на пушку. К тому же барахла и аппаратуры, которую надо было паковать очень осторожно, у них было более чем достаточно. Наконец из дома вышел Курт Борх, неся при помощи ручного антиграва такую огромную кучу коробок и сумок, что рядом был вынужден трусить Хименес и поддерживать груз, чтобы не рассыпался. Погрузив все это в аэроджип, оба снова

скрылись в домике, и процедура погрузки повторилась еще несколько раз без особых изменений. Келлог с Маллином тем временем стояли в сторонке и, похоже, осыпали друг друга упреками. Рут Ортерис тоже вышла из дома, неся лишь одну небольшую сумку, и присела у стола под тентом.

О пушистиках, казалось, все забыли, но в этот момент прямо на мостике появилась маленькая золотистая фигурка, в которой по серебряной цепочке на шее сразу же можно было узнать девочку Златовласку. Люди с обеих сторон ручья увидели ее одновременно.

— Вот глупый ребенок! Оставайтесь здесь, Герд, а я сбегаю, заберу ее от греха подальше!

Джек побежал по тропе, но, прежде чем он ступил на мостик, Златовласка уже перебралась на другой берег и исчезла за одним из аэроджипов. Джек пронесся через мостик и припустил к джипу. Когда до машины оставалось не более двадцати футов, он вдруг услышал странный, ни на что не похожий звук: тонкий-тонкий пронзительный визг, словно заработала циркулярная пила. А через секунду раздался отчаянный крик Рут:

— Не смейте! Леонард, остановитесь!

Но не успел Джек обежать джип, как визг вдруг резко оборвался. И тут он увидел наконец девочку Златовласку. Она лежала на земле, и ее золотистая шерстка потемнела и слиплась. Над ней навис Келлог с поднятой ногой. Его белые туфли были покрыты красными пятнами. И картинка вновь пришла в движение: доктор снова занес ногу над распростертым окровавленным тельцем, но теперь Джеку оставался всего один прыжок, и он услышал, как что-то хрустнуло под кулаком, направленным прямо в ненавистную рожу. Келлог покачнулся и попытался заслониться руками. Из разбитых губ вырвался какой-то странный звук, и на секунду в голове Джека мелькнула идиотская мысль, что доктор пытается сказать: «Вы меня опять неправильно поняли». Он схватил Келлога за воротник и еще раз ударил по зубам, а потом еще раз, и еще, и еще. Он не считал удары, он просто бил и бил, пока вдруг не раздался крик Рут:

— Джек! Берегитесь! Сзади!

Он отшвырнул от себя Келлога и, отскочив в сторону, успел достать пистолет. В двадцати футах от него стоял Курт Борх и целился в него из револьвера.

Первый выстрел Джека раздался через полсекунды после того, как дуло его пистолета выскользнуло из кобуры.

Он выстрелил еще раз, на рубашке Борха появилось красное пятно и послужило отличной мишенью для третьего выстрела. Борх выронил револьвер, так и не выстрелив ни разу, и, медленно опустившись на колени, повалился ничком.

За спиной Джека раздался голос Герда ван Рибека:

— Всем стоять! Руки вверх! И вы, Келлог, тоже!

Келлог, лежавший на траве, заставил себя встать. Из его разбитого носа сочилась кровь, и он все время вытирал ее рукавом. Он сделал пару шагов в сторону своих компаньонов, споткнулся, потерял равновесие, налетел на Рут Ортерис и попытался за нее удержаться. Но она с ненавистью оттолкнула его и опустилась на колени рядом с хрупким окровавленным тельцем. Она тронула девочку за плечо, и крошечный серебряный колокольчик на цепочке тихонько звякнул. Рут разрыдалась.

Хуан Хименес только сейчас выбрался из джипа и теперь застыл в ужасе, глядя на тело Борха.

— Вы убили его! — потрясенно констатировал он и вдруг с криком «Убийца!» бросился бежать к домику.

Герд ван Рибек сделал предупредительный выстрел ему вслед. В футе от ног бегущего взметнулся фонтанчик пыли.

— Не провоцируй еще одного убийства, Хуан, — мрачно посоветовал ван Рибек. — Лучше пойди помоги доктору Келлогу: он сделал себе бо-бо.

— Надо немедленно вызвать полицию! — заявил Маллин. — Рут, надеюсь, в женщину они стрелять не станут, так что смело идите в дом и вызывайте патрульных.

— Не беспокойтесь, — произнес Холлоуэй. — Они уже летят сюда. Это я их вызвал. Вспомнили?

Хименес тем временем разодрал на части свой носовой платок и попытался остановить кровотечение из носа своего шефа. Келлог сквозь повязку стал доказывать Маллину, что совершенно не виноват.

— Эта маленькая тварь сама бросилась на меня и уколола своим металлическим копьем!

Рут Ортерис отняла руки от лица и увидела остальных пушистиков. Скорее всего они прибежали сразу же, как услышали крики.

— Она подошла к нему и подергала за штанину. Вы же знаете, они всегда так делают, когда хотят привлечь внимание... — тихо сказала Рут. — Она просто хотела похвастаться своим новым украшением... — Ее голос сорвался,

и ей пришлось сделать над собой усилие, чтобы продолжить рассказ. — А он сбил ее с ног и затоптал до смерти.

— Попридержите язык, Рут! — взорвался Маллин. — Эта тварь напала на Леонарда и могла нанести ему серьезную рану! Да-да!

— Она так и сделала! — прогундосил Келлог, придерживая одной рукой повязку, а другой суетливо задирая штанину и демонстрируя всем рану на икре. Даже от шиповника царапины бывают глубже. — Да вы же сами все видели, Рут!

— Да, я все видела. Я видела, как вы сбили ее с ног и прыгнули сверху. А она только хотела, чтобы вы похвалили ее новый колокольчик. Ничего больше.

Джек почувствовал сожаление, что не пристрелил Келлога сразу же на месте, как только увидел, что тот делает. Тем временем пушистики, окружив Златовласку, все вместе пытались поставить ее на ноги. Но когда они поняли, что это уже не поможет, то вновь положили тело на землю, сели вокруг, склонили головки и завели тихую жалобную песню.

— Ладно, когда сюда наконец доберется полиция, я приказываю вам всем молчать, — принял решение Маллин. — Говорить буду я.

— Запугиваете свидетелей, а, Маллин? — поинтересовался Герд. — Вы забыли, что в участке всех нас ждет допрос на детекторе лжи? А вроде как претендуете на звание профессионального психолога... — Тут он заметил, что несколько пушистиков подняли головы и стали вглядываться в небо. — Ага, вот и копы пожаловали.

Но это был Бен Рейнсфорд. К одному боку его джипа была приторочена туша большой зебралопы. Он сделал круг над лагерем Келлога и быстро пошел на посадку. Через пару минут он уже стоял на земле с пистолетом на изготовку.

— Что здесь произошло, Джек? — спросил он, цепким взглядом перебегая с тела Златовласки на скорбных пушистиков, с побитого Келлога на мертвого Борха и лежащий рядом с ним пистолет. — Так. Я все понял. Им остается только направить на тебя пистолет, нажать на курок и назвать тебя раскаявшимся самоубийцей.

— Похоже, ты все правильно понял. Во всяком случае, в общих чертах. У тебя есть в джипе фотоаппарат? Отлично. Сделай быстренько несколько снимков Златовласки и

Борха с разных ракурсов, а потом следи за пушистиками: как только они изменят свое поведение, не отходи от них ни на шаг и фиксируй все до мельчайших деталей. Думаю, они нас и на этот раз не разочаруют.

Бен явно не понял последней фразы Джека, но спорить не стал и, засунув пистолет в кобуру, вооружился фотоаппаратом. Маллин, упирая на то, что является доктором медицинских наук, потребовал, чтобы ему позволили оказать помощь своему израненному коллеге, и Герд, приставив дуло пистолета к его хилой спине, отконвоировал его в дом за пакетом первой помощи. Они как раз выходили, когда на поляну сел патрульный джип. Но вместо экипажа номер три из него выпрыгнул, на ходу расстегивая кобуру, лейтенант Лант.

— Джек, что тут у вас произошло? Вы что, не могли потерпеть до нашего прибытия?

— Этот маньяк избил меня и застрелил человека! Видите труп? — заорал Келлог.

— Вас что, тоже зовут Джеком? — осведомился Лант.

— Меня зовут Леонард Келлог. И я руководитель научного отдела Компании...

— Тогда молчите, пока я сам к вам не обращусь. Ахмед, вызови участок и скажи, чтобы сюда немедленно вылетели Кнаббер и Юримицу со всем своим оборудованием для проведения расследования. Да, и выясни, почему застряла машина номер три.

Маллин с треском разорвал обертку пакета первой помощи; Герд при виде подкрепления наконец убрал пистолет в кобуру. Келлог сквозь повязку раздраженно поинтересовался, какое еще нужно расследование, когда и так все ясно.

— Вот перед вами стоит убийца. — Он судорожно хлюпнул носом. — Посмотрите, у него же руки в крови! Так почему же вы его не арестовываете?

— Слушай, Джек, тут можно где-нибудь поговорить спокойно, без звуковых помех, только так, чтобы я всех видел? — словно не слыша доктора, спросил лейтенант. Он огляделся, заметил тело Златовласки и кивнул в его сторону. — Все началось с этого?

— Следите за ним в оба, лейтенант! Он все еще вооружен! — выкрикнул Маллин.

Лант и Холлоуэй, не оглядываясь, подошли к одному из джипов и залезли в кабину. Джек начал свой рассказ с утреннего визита ван Рибека.

— Да, нечто подобное я и предполагал, — мрачно кивнул Лант. — Правда, я не особо раздумывал на эту тему, потому как не ожидал, что события начнут развиваться с такой скоростью. Где была моя голова, черт меня подери! Ладно, продолжай.

Чуть погодя он снова перебил Джека:

— Ты говоришь, что, перед тем как ты нанес первый удар, Келлог хотел наступить на нее? Значит, ты пытался его остановить?

— Совершенно верно. Можешь, если хочешь, проверить это утверждение на детекторе лжи.

— Не волнуйся, тебя это не минует. Но и всю их банду тоже. А Борх целился тебе в спину, и ты, обернувшись, увидел это? Ну тогда, Джек, все в порядке. Конечно, мы проведем полагающееся в таких случаях предварительное расследование, но здесь чистейший случай самообороны. Слушай, а хоть один человек из этой гнилой команды сможет рассказать все, как было, без детектора?

— Думаю, Рут Ортерис скажет правду.

— Будь добр, позови ее сюда.

Рут все еще сидела рядом со Златовлаской, а Бен Рейнсфорд стоял с фотоаппаратом в руках, ожидая сам не зная чего. Пушистики продолжали свой горестный плач. Джек передал ей просьбу лейтенанта, она кивнула и, ни слова не говоря, пошла к джипу.

— Так что же здесь все-таки произошло? — спросил Рейнсфорд. — И на чьей стороне этот парень? — Он кивнул в сторону ван Рибека, стоящего рядом с Маллином и Келлогом в позе конвоира.

— На нашей. Он больше не работает в Компании.

И Джек рассказал Бену, что и как случилось. Как только он закончил свой рассказ, появилась долгожданная машина номер три, и ему пришлось повторять все сначала новоприбывшим патрульным. В лагере Келлога становилось тесновато, и Джек тайно надеялся, что бригада Майка Хеннона не будет слишком торопиться. Лейтенант Лант за это время успел переговорить с ван Рибеком, Хименесом, Маллином и Келлогом. Покончив с допросом свидетелей, он подозвал одного из полицейских и вместе с ним направился к Холлоуэю. Подошел и Герд.

— Джек, Келлог выдвинул против тебя обвинение в убийстве, — медленно произнес Лант. — Я сказал ему, что ты защищал свою жизнь, но он уперся, и все тут. Поэтому в соответствии с законом я должен тебя арестовать.

— Ладно. — Джек отстегнул кобуру с пистолетом и протянул полицейскому. — Но теперь, Джордж, я тоже хочу сделать встречное заявление. Я обвиняю Леонарда Келлога в убийстве без суда и следствия разумного существа, а именно: представительницы аборигенов планеты Заратуштра, известной нам под именем Златовласка.

Лант невольно оглянулся на распростертое на земле тельце и кружок из шестерых плакальщиков.

— Но, Джек, официально-то их пока еще не признали разумными.

— В данном случае это неважно. Разум проявляется независимо от того, признают его официально или нет.

— Пушистики абсолютно разумны, — вмешался Рейнсфорд. — Это мнение квалифицированного ксенонатуралиста.

— Двух квалифицированных ксенонатуралистов, — поддержал его ван Рибек. — Перед вами тело разумного существа. А вот человек, который совершил убийство. Чего вы ждете, лейтенант? Идите же, выполняйте свой долг.

— Эй! Помолчите-ка минутку!

Пушистики встали и, подсунув под спину Златовласки свои креветкобойцы, подняли ее на этих импровизированных носилках. Рейнсфорд направил объектив на Золушку, которая, взяв оружие сестры, пошла впереди. Скорбная процессия двинулась в сторону опушки, прочь из лагеря. Рейнсфорд с фотоаппаратом не отходил от них ни на шаг.

Тело опустили на землю. Майк, Мицци и Золушка начали рыть яму, а остальные разбежались в поисках подходящих камней. Джордж Лант тихо приблизился к ним и снял берет, а когда маленькое тельце, обернув травой, опустили в могилку, он склонил голову и не поднимал, пока не был положен последний камень.

Вздохнув, он надел берет и вытащил пистолет из кобуры.

— Значит, так, Джек, — сказал лейтенант. — Я пошел брать под арест Леонарда Келлога, обвиняемого в убийстве разумного существа.

Глава 8

Джека Холлоуэя уже не раз отпускали под залог, но никогда еще ему не приходилось платить так много. Однако удовольствие увидеть выпученные глаза Лесли Кумбса и отвисшую челюсть Мохаммеда Али О'Брайена при виде того, как он королевским жестом вывалил на барьер в

участке целый мешок ослепительно сверкающих солнечников и небрежно предложил лейтенанту Ланту самому отобрать камни на сумму двадцать пять тысяч солов, пожалуй, стоило таких денег. Тем более что он устроил эту демонстрацию сразу после того, как Кумбс предъявил заверенный Компанией чек о внесении залога за Келлога.

Джек посмотрел, сколько виски осталось в бутылке, которую держал в руке, и, подумав, достал из буфета еще одну. Одна для Гаса Браннарда, а вторая для всех остальных. Вся Заратуштра считала, что единственной причиной того, что адвокат Густав Адольф Браннард перебивается случайными заработками, защищая хулиганов и вельдбизонокрадов, было его пристрастие к виски. Лишь один человек на планете знал, что это не так — сам Гас Браннард. А что до виски, то оно оказалось хорошим средством забывать хотя бы на время истинную причину его отказа от карьеры.

Он сидел в массивном кресле, и комната казалась слишком маленькой для такого огромного человека; человека-горы со встрепанной пышной каштаново-седой шевелюрой и широким лицом, почти до глаз заросшим косматой каштаново-седой бородой. На нем был старый, мятый, засаленный китель с газырями на груди, надетый прямо на рваную майку, в прорехах которой курчавилась каштаново-седая шерсть. Ноги между шортами и рваными носками также были полностью покрыты густой растительностью, а ботинки не чистились, наверное, с того самого момента, как ему достались. На голове у него сидел Беби, а Мамуля расположилась на колене. На втором устроились в обнимку Майк с Мицци. Пушистики мгновенно признали Гаса Браннарда за своего. Возможно, даже решили, что он тоже пушистик, только очень большой.

Джек поставил перед ним бутылку и стакан.

— О-о! Только надежда на то, что это все же случится, поддерживала во мне жизнь последние часы! — проревел адвокат.

— Только не позволяй деткам совать нос в твой стакан. Маленький Пушистик уже пытался курить мою трубку, и ему это на пользу не пошло. К тому же я не хочу, чтобы в семье появились алкоголики.

Гас налил стакан до краев и одним махом опрокинул в себя.

— Отличной семейкой ты обзавелся, Джек. На судей она должна произвести потрясающее впечатление, ну, по

крайней мере до того момента, когда Беби попытается залезть на голову их главному. А присяжные, только посмотрев на них и выслушав рассказ девицы Ортерис, тут же вынесут вердикт об освобождении тебя прямо в зале суда, если только не приговорят к небольшому сроку за то, что ты не пристрелил и Келлога тоже.

— Об этом я не беспокоюсь. Для меня гораздо важнее, чтобы Келлога признали виновным.

— Все-таки повод для беспокойства есть, Джек, — заметил Рейнсфорд. — Ты же сам видел, как они на предварительном слушании на нас навалились.

Лесли Кумбс, главный юрист Компании, примчался на суд из Мэллори-порта на аэрояхте высшего класса, причем гнал ее на максимальной скорости. С собой он притащил на поводке старшего юриста (и по совместительству главного прокурора) колонии Мохаммеда Али О'Брайена. Оба они на славу постарались, чтобы полностью опровергнуть как факт самозащиты Холлоуэя, так и обвинение в том, что Келлог убил не дикое лесное животное. Когда попытка провалилась, они объединили усилия для того, чтобы исключить из дела все, что касается пушистиков. Но ведь, в конце концов, это было всего лишь предварительное слушание, и лейтенант Лант в качестве судьи имел очень ограниченные возможности.

— И что, многого они достигли?

— Молю небо, чтобы они на этом и остановились, — мрачно пробормотал Бен.

— А что ты хочешь этим сказать? — спросил Браннард. — Что они, по-твоему, могут придумать еще?

— Понятия не имею. Именно это меня и гнетет. Мы сражаемся против интересов Компании, а она настолько велика, что может оказаться нам не по зубам. Думаю, они попытаются смухлевать, каким-то образом подставив Джека.

— Это с детектором-то лжи? Побойся Бога, Бен.

— Уж не сомневаетесь ли вы в том, что мы сможем доказать, что они разумны? — с вызовом спросил Герд ван Рибек.

— А кто вообще будет определять их разумность? И каким способом? — взорвался Рейнсфорд. — Кумбс и Хам О'Брайен вполне удовлетворятся пресловутым «говорит— добывает огонь».

Но Браннарда это не смутило.

— Есть прецедент, — бодрым тоном заявил он. — Лет сорок назад на Вишну состоялся процесс. Судили женщину, обвинявшуюся в убийстве собственного ребенка. Ее адвокат построил защиту как раз на том, что убийство определяется как лишение жизни разумного существа, а если правило «говорит—добывает огонь» применить к младенцу, которого придушила подзащитная, то, выходит, она не совершила никакого преступления. Но суд не принял его доводов и постановил, что хотя данное правило и является тестом на определение разумности, однако ни в коем случае не может считаться конституционным, законным доказательством того, что тот, кто в него не вписывается, неразумен. Если О'Брайен этого и не знает (а я уверен, что не знает), то уж Кумбс-то должен знать. — Гас плеснул себе в стакан еще и, прежде чем разумные существа, собравшиеся вокруг него, успели добраться до содержимого, покончил с ним одним глотком. — Знаете что? Ставлю десять против одного, что первое, чем займется Хамми О'Брайен по прибытии в Мэллори-порт, — это попытается подать прошение nolle prosequi*, причем для обоих случаев. Однако, полагаю, он постарается, чтобы в деле Келлога это сработало, а дело Джека пошло в суд. При его великом уме он из кожи вон вылезет, чтобы проделать все самостоятельно, но, думаю, Кумбс вряд ли ему позволит.

— Но ведь если ему удастся закрыть дело Келлога, — воскликнул Герд, — то, когда начнется суд над Джеком, никто и не заикнется о разумности пушистиков!

— А я на что? И уж я заикаться не стану! — заверил его Браннард. — Все вы хорошо знаете, что говорится в колониальном праве об убийстве. Если убийство попадает под уголовную статью, то обвиняемый автоматически лишается права быть истцом по любому делу. Я буду строить защиту на том, что Келлог убил разумное существо и Джек Холлоуэй, пытаясь остановить его, действовал абсолютно в рамках закона, а вот Курт Борх, пытаясь защитить Келлога, сам предпринял попытку убийства, чем закон преступил. Следовательно, все обвинения в адрес Джека лишены законных оснований. А для того чтобы придать этому заявлению вес и укрепить наши позиции, я произнесу пламенную речь о разуме пушистиков, приведя множество примеров и цитат из свидетельских показаний.

---

* Отказ истца от иска или части его *(лат.)*.

— И все эти примеры и цитаты проверят под микроскопом, — угрюмо подхватил Рейнсфорд, — для чего привлекут психологов. Думаю, я не открою вам большого секрета, если скажу, что на всей планете нет ни одного психолога, который не работал бы в лицензированной компании «Заратуштра». — Он допил остатки виски, взглянул на оставшиеся на дне льдинки и тут же налил еще. — Джек, я бы на твоем месте поступил точно так же. И все же мне бы очень хотелось, чтобы всего этого не случилось.

— Х-ха! — рявкнул Браннард так громко, что Мамуля испуганно встрепенулась. — А чего бы, по-вашему, больше всего хотелось сейчас Виктору Грего?

Виктор Грего положил телефонную трубку и сказал сидящему напротив Нику Эммерту — обладателю яркорыжей шевелюры, выцветших глаз и широкой бычьей физиономии:

— Лесли уже летит сюда, выжимая из яхты все что можно. Он лишь заскочит в больницу за Келлогом, так что скоро оба будут здесь.

Эммерт бросил в рот канапе и заметил:

— Да, Холлоуэй умеет работать кулаками — отделал его на совесть.

— Да лучше бы он его убил! — взорвался Грего.

Губернатор удивленно приподнял бровь:

— Но на самом-то деле ты бы этого, конечно, не хотел?

— Черта с два! — Виктор раздраженно махнул рукой в сторону видеоэкрана, на котором все еще продолжалась трансляция с яхты фильма, заснятого во время предварительного слушания. — По крайней мере на суде наша позиция была бы покрепче. А знаешь, я уже придумал эпитафию нашей Компании: «Забита на пару с пушистиком насмерть Леонардом Келлогом».

Виктор замолчал и погрузился в мрачные размышления о том, что если бы у этого идиота хватило терпения и выдержки, то их план сработал бы. Так нет же! Мало просто смерти пушистика и Борха, тычущего пистолетом куда ни попадя, — все это уже достаточно скверно, но можно было бы как-то объяснить, — ему понадобилось еще залить всю поляну кровью! А ведь именно это спровоцировало Холлоуэя на встречный иск и одновременно может послужить ему прекрасной защитой.

И началось-то все именно со скандала, который затеял один из людей Келлога — ван Рибек. Сам Грего лично с ним не знаком, но уж Келлог-то должен знать, что кому можно говорить, а что нельзя!

— Виктор, но ведь они не могут обвинить Келлога в убийстве, — прервал его мысли Эммерт. — То есть он действительно убил это существо, но... «Убийством является сознательное, беззаконное лишение жизни разумного существа, принадлежащего к любой расе», — процитировал он. — Так гласит закон. Вот если они на суде сумеют доказать, что эти пушистики разумны, тогда...

Вот тогда, однажды утром Келлога под белы руки выведут в тюремный двор, и шериф пустит ему пулю в затылок. Невелика потеря, вот только этим выстрелом будет покончено не только с Келлогом, но и с лицензией компании «Заратуштра». А может, этого придурка убрать еще до суда? Бывали же случаи, когда корабли, стартовавшие с Дария, взрывались. Как правило, кто-то из членов экипажа был вдрызг пьян и успевал заползти на борт в последнюю секунду перед стартом. А Келлог после обработки Холлоуэя вполне может сойти за пьяного космолетчика. Двадцать пять тысяч солов, внесенных в качестве залога, придется списать, но для Компании это сущие гроши. Но от Холлоуэя-то так просто не отделаешься.

— Ты, наверное, не хочешь, чтобы я присутствовал при вашем разговоре, когда они явятся? — спросил Эммерт, отправляя в рот еще одно канапе.

— Нет, конечно, сиди. Может быть, это последняя возможность собраться вместе; в будущем нам, вполне вероятно, придется избегать всего, что хоть сколько-нибудь похоже на сговор.

— Ну что ж, Виктор, ты сам знаешь: для тебя я сделаю все, что в моей власти.

Да, Виктор Грего очень хорошо это знал. Даже если бы случилось самое худшее и лицензию по какой-либо причине аннулировали, то и тогда Эммерт остался бы здесь, чтобы попытаться спасти любые крохи, если не для тонущей Компании, то для Виктора лично. Но вот если Заратуштре присвоят другой класс, то это одновременно станет концом и для Ника Эммерта. Его титул, социальное положение, синекура, все взятки за сфабрикованные отчеты об истинном финансовом положении Компании — все это пойдет коту под хвост. Поэтому, пока власть еще в его руках, Ник Эммерт будет бороться как сумасшедший.

Виктор взглянул на вращающийся в углу глобус, величаво плывущий в свете оранжевого солнца. Континент Бета, на котором Келлог убил пушистика по имени Златовласка и Холлоуэй застрелил хулигана по имени Курт Борх, был сейчас погружен во тьму. Вспомнив о Борхе, Виктор взбеленился еще больше: хорош хулиган — нечего сказать! Вместо того чтобы самому проделать аккуратную дырочку в спине другого, так бездарно сунуться под пулю! Что Борх, что Келлог — два сапога пара. Что на Виктора нашло? Неужто он разучился находить людей, годящихся для работы? А еще этот О'Брайен! Нет, впрочем, за него нужно грызть не себя, а Эммерта — он из его команды. Только пока Ника грызть не следует.

Экран селектора загорелся, и секретарша сообщила, что мистер Лесли Кумбс с сопровождающими просят аудиенции.

— Хорошо, пусть заходят.

Первым вошел Лесли Кумбс — высокий, лощеный, элегантный, с выражением безмятежного спокойствия на лице. Наверное, даже окажись он в эпицентре землетрясения или в жерле извергающегося вулкана, то и тогда бы даже бровью не повел. Кумбса Виктор назначил на пост главного юриста сам, и при этой мысли ему стало немного легче. Следующим вошел Мохаммед Али О'Брайен — он не был ни высок, ни элегантен, а о спокойствии говорить вовсе не приходилось. Он родился на Агни, под жарким солнцем класса Б-3, и потому был черен как сапог. Его лысина сверкала, как начищенная, а длинный нос торчал копьем над пышными кустистыми абсолютно белыми усами. За ним в кабинет вошли и остальные участники экспедиции на континент Бета — Хуан Хименес, Рут Ортерис и Эрнст Маллин, тут же извинившийся за доктора Келлога, который по состоянию здоровья не может присутствовать.

— Вот как? Что-то слабо верится. Ну что ж, рассаживайтесь. Нам предстоит долгий и, боюсь, неприятный разговор.

Главный судья Фредерик Пендарвис передвинул пепельницу на несколько дюймов вправо, а хрупкую вазу с цветущей веткой звездоцвета на несколько дюймов влево и поставил фотографический портрет благообразной седовласой дамы прямо перед собой. Затем неспешно достал из серебряной шкатулки тонкую сигару, тщательно обрезал

конец и прикурил. Все. Все способы оттянуть неизбежное исчерпаны, и с тяжелым вздохом Пендарвис подтянул поближе две толстые папки с разрозненными страницами, открыл красную и углубился в реестр криминальных дел.

Весь последний час он думал, как отвязаться от своих обязанностей. Конечно, когда население Мэллори-порта составляло меньше пяти тысяч человек, а на всей планете жило не более пятисот тысяч, тогда он с чистой совестью мог передавать дела в Верховный суд Терры. Однако положение вещей изменилось уже десять лет назад. Верховный судья на планете-колонии вовсе не обязан вникать во все эти заморочки и выяснять, кто у кого угнал стадо вельдбизонов и кто кого пристрелил в баре. Иначе для чего тогда он учредил несколько судебных комиссий, разбиравших все эти мелкие дела?

Так, дело первое. Конечно же, убийство. Передано из пятнадцатого патрульного участка континента Бета лейтенантом Лантом. Джек Холлоуэй... ага, старина Джек может сделать еще одну зарубку на прикладе: долина Холодноструйки, гражданин Федерации, раса — терранин. Предумышленное убийство разумного существа, а именно — Курта Борха, Мэллори-порт, гражданина Федерации, раса — терранин. Истец — Леонард Келлог, данные те же. Представитель со стороны защиты — Густав Адольф Браннард. Последний раз Джек пристрелил двух прощелыг, позарившихся на его солнечники, и тогда, помнится, дело до суда не дошло. На сей раз, похоже, он влип. Келлог занимает довольно высокий пост в Компании. Пендарвис внезапно решил, что это дело он будет курировать сам. А то Компания может оказать давление на суд.

Следующее дело тоже было об убийстве. И направлено из того же пятнадцатого участка с Беты. Он прочел и удивленно заморгал, не веря глазам. Леонард Келлог обвиняется в предумышленном убийстве разумного существа, а именно — Джейн Доу*, известной также под именем Златовласки, аборигенки, раса — заратуштрианский пушистик; истец — Джек Холлоуэй, представитель со стороны защиты — Лесли Кумбс. Несмотря на трагические обстоятельства дела, Фредерик не смог сдержать смеха. Вне всякого сомнения, это не более чем попытка заставить

* Имя, используемое главным образом в юридической практике для обозначения особы женского пола, настоящее имя которой неизвестно или не имеет значения. *(Примеч. ред.)*

Келлога забрать свой иск против Джека. В судебном мире просто необходим хотя бы один Гас Браннард, чтобы слегка оживить это застоявшееся болото. Раса «заратуштрианский пушистик»! Это же надо такое придумать!

Внезапно судья оборвал смех и стал предельно серьезен, как инженер, вдруг обнаруживший взрывной заряд, соединенный с пусковым устройством. Он быстро настучал номер на панели видеофона, и на экране тут же приветливо улыбнулся молодой человек в очках — клерк Верховного суда Заратуштры.

— Доброе утро, мистер Уилкинс. У меня на столе два убийства с Беты: Келлог и Холлоуэй. Есть какие-то подробности?

— Ваша честь, — рассмеялся молодой человек, — оба они — полная ерунда. Доктор Келлог убил домашнее животное, принадлежавшее Джеку Холлоуэю, горному старателю, и в ответ на подобное неуважение Холлоуэй несколько неуважительно поступил с доктором Келлогом. Даже более чем неуважительно, я бы сказал. Пока эти двое занимались взаимным неуважением друг друга, некий Курт Борх (который, похоже, был телохранителем Келлога) предпринял самоубийственную попытку взять старого пограничника на мушку. Я удивлен, что лейтенант Лант вообще устроил предварительное слушание обоих дел. Мистер О'Брайен уже подал прошение о nolle prosequi по обоим делам. Так что вся эта история скоро закончится сама собой.

Похоже, Мохаммед О'Брайен тоже углядел в этом деле взрывную опасность. Но только он предпочитает нажать детонатор. Ну что ж, возможно, и хорошо, если все это взорвется, по крайней мере станет ясно, что к чему.

— Я пока еще не подписал nolle prosequi, мистер Уилкинс, — мягко напомнил судья. — Будьте так добры, передайте мне все материалы по этим двум делам на повышенной скорости, я запишу их на видео. Благодарю.

Он поставил видеофон на запись. Уилкинс исчез с экрана и тут же вернулся. Затем Фредерик мужественно вытерпел полторы минуты визга, возникающего при ускоренной записи. Он не ожидал, что материала окажется так много. Ну что ж...

Льда в бокале было маловато, и Келлог положил еще кусочек. Теперь льда стало много, и он долил еще бренди. Не стоило бы начинать утро с выпивки и так надираться

к полудню, но чем еще здесь заниматься? Выйти с такой физиономией сейчас все равно никуда нельзя. Да, собственно, и идти-то никуда не хотелось.

Все ополчились против него: и Маллин, и Хуан Хименес, и Рут Ортерис. А в полицейском участке Лесли Кумбс и О'Брайен вообще обращались с ним как с имбецилом, которого надо успокоить и заставить молчать, а потом всю дорогу до Мэллори-порта его полностью игнорировали. Он сделал жадный глоток, и льда в бокале снова стало слишком много. Виктор Грего приказал ему уйти в отпуск до окончания процесса, а на его место назначил Маллина. Это мотивировалось тем, что Келлог не может оставаться руководителем отдела, занимающегося сбором доказательств в его защиту. Что ж, может, оно и так, только уж больно похоже на первый шаг к тому, чтобы выпереть его из Компании вообще.

Келлог рухнул в кресло и закурил сигарету. Вкус у нее оказался премерзкий, и после пары затяжек он раздавил ее в пепельнице. Ну а что ему оставалось делать, позвольте спросить? После того как они с ван Рибеком обнаружили ту могилу, он вынужден был объяснить Герду, какую роль она может сыграть для Компании. С Хуаном и Рут все было в порядке, но вот Герд... Вспомнить только, что этот тип тогда на него обрушил, сколько грязи вывалил на Компанию вообще и на Келлога в частности. А потом помчался жаловаться Холлоуэю, и в довершение всех унижений Келлогу приказали убираться, как последнему бродяге.

А потом эта мерзкая маленькая дрянь вцепилась ему в штаны, и он отпихнул ее в сторону... ну, пожалуй, пихнул довольно сильно — и тогда она набросилась на него со своей железякой и проколола ему икру. Только полный идиот мог дать такую вещь животному. Вот тогда он двинул ее как следует, и она заверещала...

И тут, словно эхо того визга, из соседней комнаты донесся зуммер видеофона. Надо подойти, это может быть Виктор. Келлог одним глотком осушил бокал, поставил его на стол и, пошатываясь, побрел к видеофону.

Звонил Лесли Кумбс, как всегда с застывшей рожей. Истукан какой-то.

— А, Лесли? Привет.

— Добрый день, доктор Келлог. — В ледяном приветствии ощущалась тень упрека. — Мне только что звонил генеральный прокурор и сообщил, что верховный судья

Пендарвис отклонил прошение о nolle prosequi по обоим случаям и теперь оба дела переданы в суд.

— Вы хотите сказать, что они приняли это дело всерьез?

— Серьезнее не бывает. Если вас осудят, то лицензия Компании будет автоматически аннулирована. А что касается лично вас, то почти наверняка вас приговорят к расстрелу. — Последняя фраза была сказана с безупречной небрежностью. Кумбс помолчал с полминуты и продолжил: — Мне нужно встретиться с вами, чтобы обсудить вашу защиту, которая, как вы знаете, поручена мне. Скажем, завтра в пол-одиннадцатого в моем офисе. К тому времени я уже буду знать, какого рода свидетельствами против вас они располагают. Жду вас завтра, доктор Келлог.

Конечно, он мог бы сказать и побольше, но все его деловые разговоры по видео записывались. Леонард почувствовал, что не в состоянии дойти до соседней комнаты, однако через какое-то время обнаружил, что снова сидит в кресле и наливает в бокал бренди. Льда в нем осталось совсем чуть-чуть, но его это уже не волновало.

Они собираются представить его убийцей. И все за то, что он разделался с этим зверьком. А ведь О'Брайен обещал ему, что ничего подобного не случится, что дело вообще не дойдет до суда, и подло обманул. Они представят его убийцей и засудят, а потом пристрелят за то, что он всего-навсего прибил маленькую глупую тварь, прибил, забил и прыгал на ней, и до сих пор в его ушах звучат ее пронзительный визг и хруст ломающихся косточек...

Он выпил бокал до дна, потом налил еще и снова выпил. Потом с трудом встал, дотащился, шатаясь, до дивана и рухнул на него лицом вниз.

Войдя в офис Виктора Грего, Лесли Кумбс обнаружил там Ника Эммерта. Оба встали, чтобы поздороваться, и Виктор спросил:

— Ты уже знаешь?

— Да. О'Брайен первым делом позвонил мне. Потом я позвонил своему клиенту и сообщил об этом ему. Боюсь, что его это потрясло.

— Зато меня не потрясло, — проворчал Грего, снова садясь в кресло. — Чем активнее О'Брайен берется за дело, тем больше вероятность, что он его безнадежно запорет.

— Пендарвис собирается сам председательствовать при разборе этих дел, — сообщил Эммерт. — Я всегда считал его человеком предусмотрительным, какого ему рожна здесь надо? Он что, хочет перегрызть Компании глотку?

— Нет, против Компании он лично ничего не имеет. Однако он и не наш человек. Он на стороне закона, и все тут. А закон гласит, что планета, на которой проживают разумные аборигены, является планетой класса четыре и должна иметь колониальный государственный аппарат, соответствующий данному статусу. Если Заратуштра является планетой класса четыре, он хочет утвердить это законным путем, применив вполне конкретные статьи. Следовательно, лицензия Компании незаконна. Его же работа состоит в том, чтобы следить за неукоснительным соблюдением закона. Фредерик Пендарвис фанатик и воспринимает свод законов как Библию, а себя как пророка их на земле. Вы никогда не достигнете успеха, если начнете спорить с пророком об устоях его религии.

На минуту в офисе воцарилось молчание. Грего смотрел на вращающийся глобус, и вдруг его пронзила мысль: то, чем он так всегда гордился, было лишь жалким подобием, копией того истинного бриллианта, который, как он считал, надежно хранится в банке. Теперь же у него появилось предчувствие, что бриллиант могут украсть прямо из-под носа. Ник Эммерт думал приблизительно о том же.

— Как ты был вчера прав, Виктор! Теперь я тоже думаю, что лучше бы Холлоуэй убил этого сына кхутхра! Хотя, может, еще не поздно...

— Поздно, Ник, — ответил вместо Грего Кумбс. — Теперь уже подобные методы не годятся. Нам остается лишь одно: выиграть дело в суде. — Он обернулся к президенту, не отрывавшему глаз от глобуса: — Чем сейчас заняты твои люди?

— Маллин изучает видеоматериалы, которые удалось раздобыть, и описания поведения пушистиков, пытаясь найти веские доказательства, что все это не является результатом разумной деятельности. Тем же занята и Рут Ортерис, только она разрабатывает психологическую версию защиты, основанную на условных и безусловных рефлексах. Ей выдали уйму крыс, обезьян и собак, и вся аппаратура, какая только есть на планете, — тоже в ее полном распоряжении. Хуан Хименес возится с графика-

ми мозговой активности терранских собак, кошек и приматов, а также фрейянских кхолфов и мимирских черных ползунов.

— Ты думаешь, ему удастся провести обезьяно-кошачьи параллели с теми похоронами, что мы видели?

Виктор Грего не ответил, а лишь слегка покачал головой. Эммерт пробормотал себе под нос какое-то крепкое ругательство.

— Не думаю, что удастся, — наконец заговорил Грего. — Я надеюсь только на одно: что эти пушистики не попадут на заседание суда, а то как бы они там не разожгли костер и не закатили пару речей на lingua terra.

— Неужели ты и сам уже поверил в то, что они разумны?! — истерически закричал Эммерт.

— Конечно. А ты еще нет? — Грего печально улыбнулся Кумбсу: — Ник думает, что ты искренне веришь в свою правоту. Да, это помогает, но вовсе не так уж необходимо для пользы дела. Однако, хороший же у нас получился дискуссионный клуб: начали за здравие, кончили за упокой. «Слушали — постановили: пушистиков считать разумными существами». Честно говоря, так оно и есть, но это только означает, что нам придется работать еще интенсивнее.

— Знаешь, а я ведь в колледже был членом дискуссионного клуба, — светло улыбнулся Эммерт. И, так как никто больше ничего не сказал, добавил: — Насколько я помню, самым первым делом было договориться о четкой терминологии.

Глаза Виктора вспыхнули:

— Лесли, а ведь Ник прав. Каково официальное определение разумности?

— Насколько я знаю, такового не существует в природе. Разумность — нечто такое, что считается само собой разумеющимся.

— А как насчет правила «говорит—добывает огонь»?

Кумбс отрицательно покачал головой и рассказал о слушании дела «Общественность колонии Вишну против Эмили Моррош, обвиняемой в детоубийстве».

— Я искал определения разумности везде и всюду и в конце концов перекинул эту работу на О'Брайена. Вот что: твоим людям нужно придумать такое хитрое определение, чтобы оно включало в себя все известные нам расы и в то же время исключало пушистиков. К тому же оно должно быть достаточно просто изложено, чтобы удовлетворить суд. Я им не завидую.

— Нам необходимо раздобыть несколько пушистиков для опытов, — заметил Грего.

— Жаль, что добраться до тех, которые прижились у Холлоуэя, невозможно, — сказал Эммерт. — Хотя, если он оставит их хотя бы на секунду в лагере одних, дело может выгореть.

— Нет. Сейчас мы не можем идти на такой риск, — отрезал Виктор. — Хотя... Минутку. Похоже, я придумал, как нам это сделать. Причем абсолютно законным путем.

Глава 9

Джек заметил, что Маленький Пушистик глаз не сводит с его оставленной в пепельнице трубки, и поспешил взять ее в зубы. Пушистик посмотрел на него с упреком и стал молча слезать со стола. А почему, собственно говоря, Папа Джек отказывает взрослому мужчине в трубочке? Может, это ему и не повредит? Холлоуэй поймал обидевшегося пушистика, посадил к себе на колени и предложил ему трубку. Маленький Пушистик выдул большой клуб дыма. На сей раз он не закашлялся — по-видимому, сообразил, что вдыхать табачный дым не стоит.

— Думаю, они планируют пустить дело Келлога первым, — проворчал Гас Браннард. — И хуже всего то, что я никак не могу этому воспрепятствовать. Соображаешь, к чему они клонят? Если и обвинение, и защиту станет курировать Кумбс, то они исхитрятся протащить то определение разумности, которое будет выгодно им, и на основании этого оправдать Келлога. И к тому же вынудят нас и на твоем процессе пользоваться состряпанным ими законом.

Мамуля робко попыталась сунуть нос в стакан, но адвокат ее опередил, опрокинув содержимое в себя. Беби надоело сидеть у Браннарда на голове, и он затеял игру в прятки в его пышной шевелюре и бороде.

— Первым делом, — продолжал адвокат, — они постараются изъять из дела все упоминания о пушистиках, какие только удастся, и тут будут стоять насмерть и бороться за каждую мелочь. Конечно, благодаря наличию детектора они не смогут никого обвинить во лжи, но попытаются сыграть на моменте самообмана и самооговора. Детектор способен лишь реагировать на то, верите ли вы в то, что говорите, или нет. А личная вера и истина — две совсем

разные вещи. Также они поставят под вопрос уровень квалификации наших экспертов. А дальше затеют трепотню на тему разницы между фактом и мнением. И вот как раз то, что им не удастся исключить или поставить под сомнение, они начнут опровергать как свидетельство о разумности.

— Да что им, черт возьми, еще надо? — взорвался ван Рибек. — Значит, они не признают разумными тех, кто не владеет термоядерной энергией и не умеет летать на антигравах?

— Им нужно ясное, простое, четкое определение разумности, причем в таком ракурсе, чтобы полностью исключить пушистиков. Вот его-то они и попытаются представить в суде и, более того, протащить в закон. И лишь от нас зависит, сумеем ли мы раскусить их планы заранее и подготовить надежную защиту.

— Значит, их определение должно включать в себя и кхугхров. Герд, а кхугхры хоронят своих мертвых?

— Черта с два! Они их едят! Правда, необходимо принять во внимание, что перед этим они их жарят, что, конечно, свидетельствует об их высоком интеллекте!

— Хватит ерничать! — перебил его Рейнсфорд. — Нет никакого смысла сравнивать поведение пушистиков и кхугхров. Нам самим надо разработать определение разумности. Помните, что говорила недавно Рут?

Герд ван Рибек всем своим видом продемонстрировал, что не только не желает вспоминать о том, что она сообщила, но и о самой Рут Ортерис вообще. Зато Джек кивнул и процитировал:

— «Я сумела получить графики мозговой активности. Как видите, мозговые процессы неразумного существа выражаются резкими прямыми линиями, зигзагами, а разумным существам свойственны линии волнистые».

— Очень наглядно, — ехидно заметил Герд. — У меня был большой соблазн объяснить возникновение разума мутацией, однако трудно поверить в то, что на стольких планетах с различными условиями могла произойти мутация одного и того же рода.

Бен Рейнсфорд открыл было рот, собираясь что-то сказать, но его перебил вой патрульной сирены. Пушистики радостно бросились на улицу. Они уже знали, кто это приехал: друзья Папы Джека в голубой форме. Холлоуэй подошел к дверям, открыл их и включил наружное освещение.

Аэромобиль приземлился, и из него вышли Джордж Лант, двое полицейских и еще двое в штатском, которые, несмотря на штатские костюмы, были вооружены. Один из них нес большой сверток.

— Здравствуй, Джордж, заходи.

— Есть разговор, Джек. — В голосе Ланта не было и намека на дружескую симпатию, полицейский говорил сухо и официально. — Не у меня. У этих двоих.

— Почему бы и не поговорить, — согласился Джек и пригласил гостей в дом.

Что-то было не так; повеяло чем-то нехорошим и неотвратимым. Первым вошел Хадра и встал у Джека за плечом. Появившийся следом Лант окинул цепким взглядом комнату и занял позицию между Джеком и стойкой с ружьями и столом, на котором лежал пистолет. Третий полицейский пропустил штатских вперед и, войдя за ними, прикрыл дверь и прислонился к ней спиной. Глядя на все эти приготовления, Джек подумал, что по какой-то причине, невзирая на внесенный залог, суд постановил взять его под стражу. Штатские — один здоровяк с пышными черными усами, а второй коротышка с тощим мрачным лицом — выжидающе посмотрели на Ланта. Рейнсфорд и ван Рибек вскочили на ноги. Браннард спокойно допил виски и остался сидеть.

— Предъявите ваши документы, — приказал лейтенант здоровяку.

Тот достал какую-то бумагу.

— Джек, я тут ни при чем, — жестко сказал Джордж. — Мне все это не нравится, но я должен исполнять свой долг. Я не хочу стрелять в тебя, но при любой попытке сопротивления сделаю это. Я не Курт Борх — слишком давно и хорошо я тебя знаю, — и потому не оставлю тебе ни малейшего шанса.

— Вы обязаны исполнить приказ, так исполняйте, — раздраженно заметил здоровяк. — Или мы всю ночь будем препираться и расшаркиваться?

— Джек, — Лант явно чувствовал себя не в своей тарелке, — вот это — ордер на изъятие пушистиков в качестве вещественного доказательства по делу Келлога. Эти люди — уполномоченные Верховного суда. Им приказано отвезти пушистиков в Мэллори-порт.

— Дай-ка мне посмотреть на этот ордер, Джек, — попросил Браннард.

Лейтенант протянул бумагу Холлоуэю, а тот передал ее адвокату. Гас заливал за воротник весь вечер и потому сейчас не вставал с кресла и прилагал все усилия, чтобы уполномоченные не заметили его состояния. Он поглядел на документ и кивнул:

— Все в порядке. Ордер подписан главным судьей. Они имеют полное право забрать пушистиков. — Он протянул бумагу Джеку: — А это ты должен сохранить у себя. Но со своей стороны мы составим перечень, реестр, так сказать, который им придется подписать и заверить отпечатками пальцев. Давай, садись и пиши, Джек.

Гас явно хотел чем-то занять Холлоуэя, чтобы тот не видел, что творится вокруг. Тощий уполномоченный развернул свой сверток — в нем оказалось несколько сложенных мешков. Джек сел за пишущую машинку и постарался сосредоточиться на подробном описании каждого пушистика, чтобы не слышать того, что происходит в комнате. Пока он печатал, что отдает пушистиков абсолютно здоровыми, не имеющими ни ран, ни других повреждений, кто-то из них с испуганным уиканьем вскарабкался ему на колени и прижался к нему в поисках защиты. Джек стиснул зубы и, позволив оторвать пушистика от себя, продолжил печатать, не поднимая головы.

Он закончил свой труд раньше, чем уполномоченные свой: в мешках сидели только три пушистика. Хадра поймал Золушку. Маленький Пушистик и Ко-Ко рванулись было к своей маленькой дверце, но ее загородил лейтенант Лант, тогда они помчались в спальню и спрятались под кровать, но их оттуда выволокли и как попало засунули в мешки.

Джек с мертвым лицом встал из-за стола и выдернул лист из машинки. Он был потрясен и едва осознавал, что делает, но опись была необходима. Лейтенант Лант велел уполномоченным прочитать ее и расписаться, пригрозив, что в случае отказа им придется убраться отсюда к чертовой матери и без пушистиков. Посланники Верховного суда нехотя нацарапали свои имена и, обмакнув большие пальцы в чернила, поставили отпечатки. Джек передал бумагу Гасу, стараясь не смотреть в ту сторону, где на полу, жалобно уиикая, бились шесть мешков.

— Джордж, ты позволишь им взять с собой личные вещи? — вдруг спросил он.

— Конечно. Что именно?

— Постели. Кое-что из игрушек.

— Вы хотите, чтобы мы тащили с собой и это барахло? — Тощий небрежно пнул ногой в конструкцию из «молекул», и та рассыпалась. — В приказе сказано только о пушистиках.

— Вот речь, достойная истинного мужчины. — Лант произнес последнее слово с таким брезгливым презрением, что это прозвучало похлеще, чем «сын кхугхра». Он обернулся к уполномоченным: — Ну, вы их получили, что вам еще здесь надо?

Джек стоял в дверях и смотрел, как мешки грузят в аэромобиль, как полицейские залезают в кабину, и следил за машиной, пока та не скрылась за деревьями. Потом он вернулся в дом, рухнул в кресло и с горечью прошептал:

— Они ничего не знают о всяких там ордерах. Они не понимают, почему я допустил это. Они подумают, что Папа Джек их предал.

— И все они улетели в неизвестном направлении... — в тон ему продолжил Браннард. — Вот только все ли? — Он подмигнул и достал из-за спины шарик белого меха. Беби со счастливым «уиик» вновь вцепился в его патлатую бороду, которая оказалась слишком близко, чтобы он мог противиться соблазну.

— Малыш! Они тебя не поймали!

Адвокат выпутал кроху из густых завитков и протянул его Джеку:

— Не поймали! Но, между прочим, расписались и за него тоже! — Браннард допил то, что осталось в стакане, и, достав из кармана сигару, с удовольствием закурил. — Ну а теперь нам пора собираться в Мэллори-порт, чтобы забрать малышей домой.

— Но... Но ведь ордер подписан главным судьей. Он же не отдаст их нам назад под честное слово.

Гас издал неприличный звук и расхохотался:

— Держи карман шире! Клянусь всем, чем владею на этом свете, Пендарвис эту цидулку и в глаза не видел! Через него за день проходит столько бумаг, что многие он подписывает, не читая. Да он просто ничего не успеет сделать, если станет изучать каждую повестку. Вот и эту ему подсунули среди всякого рутинного мусора. И если у Хама О'Браена на такое могло не хватить мозгов, то Лесли Кумбс ему подсказал.

— Мы можем полететь на моей шлюпке, — сказал Герд. — Ты с нами, Бен? Ну тогда нечего здесь рассиживаться.

Он ничего не понимал. Большие в голубой одежде всегда были друзьями: они подарили свистки и печалились вместе со всеми, когда мертвую положили в землю. Почему Папа Джек не взял большое ружье и не остановил их? Нет, он не испугался, Папа Джек никого не боится.

Остальные были рядом, в таких же мешках, в каком сидел он сам. В руках он держал маленький нож, который сделал Папа Джек. Конечно, он может прорезать дыру, выбраться наружу и освободить остальных, но он понимал, что пока в этом нет никакого смысла. Они находились в одной из тех штук, на которых Большие летают по воздуху, и если сейчас освободиться, то бежать все равно некуда. Их снова переловят и нож отберут. Лучше выждать.

Больше всего его беспокоила мысль, что он не знает, куда их везут. Если им удастся сбежать, то как же они найдут своего Папочку?

Гас Браннард явно нервничал, что несколько беспокоило Холлоуэя: адвокат болтал без остановки, дважды останавливался у зеркал в коридоре, чтобы убедиться, что серый с золотой нитью шейный платок завязан не криво, и несколько раз одергивал парадный черный мундир. Перед дверью с надписью «Главный судья» он снова остановился, воинственно взбил нашампуненную бороду и, глубоко вздохнув, нажал кнопку звонка.

В кабинете сидели двое. Джек встречался с Пендарвисом раз или два, но до сих пор никогда не разговаривал с ним. У судьи было приятное тонкое лицо человека, который пребывает в мире с самим собой. Напротив него сидел Мохаммед Али О'Брайен, который не сумел скрыть удивления при виде входящих, и в глазах его зажегся унылый огонек дурного предчувствия. Главный судья приветливо кивнул посетителям и предложил садиться.

— Итак, — сказал он, убедившись, что все нашли себе стулья, — мисс Угатори сообщила мне, что вы подали жалобу на противозаконные действия находящегося здесь мистера О'Брайена.

— Да, ваша честь. — Браннард открыл портфель, достал два листа бумаги: ордер и перечень пушистиков — и

подал их судье: — Мы с моим клиентом хотели бы знать, на каком основании ваша честь санкционировала вот этот акт и на каком основании мистер О'Брайен послал офицеров в лагерь мистера Холлоуэя, чтобы забрать этих маленьких людей из-под опеки их друга-терранина.

Судья просмотрел бумаги и заметил:

— Я уже знаком с ними. Как вы знаете, мисс Угатори сделала их копии, когда вы попросили об аудиенции. Но поверьте мне, мистер Браннард, этот документ, — он кивнул на ордер, — я вижу в оригинале в первый раз. Вы знаете, что мне приходится подписывать множество чистых бланков. Но до сих пор подобная практика преследовала цель сэкономить мое время и силы, и до сих пор ни один из бланков ни разу не использовался в спорном случае, когда нет уверенности, что я заранее согласен с тем, что напишут на нем. Однако сегодня подобный прецедент случился, так как я вижу перед собой ордер, который никогда бы не подписал. — Он обернулся к беспокойно ерзающему главному прокурору: — Мистер О'Брайен, никто не имеет права использовать разумных существ в качестве вещественного доказательства, как это делается, скажем, с вельдбизонами, когда рассматривается дело о подделке клейма. Факт присутствия у них разума еще не доказан, однако я должен напомнить вам, что не доказано и обратное. К тому же вы не можете не знать о том, что суд не имеет права предпринимать никаких действий, в результате которых может пострадать невиновный.

— К тому же, ваша честь, — ринулся в бой Браннард, — нельзя отрицать, что эти маленькие пушистики уже пострадали, и значительно. Представьте их себе... Нет, представьте себе невинных простодушных детей (каковыми они и являются на самом деле), доверчивых, как младенцы, которые до сих пор знали только доброе отношение к себе, — и вдруг их похищают! Жестокие, злые люди грубо хватают их, засовывают в мешки!..

— Ваша честь! — Лицо О'Брайена потемнело так, как даже солнце родного Агни не могло бы его закоптить. — Я заявляю протест! Никто в моем присутствии не смеет говорить подобным образом о служащих суда!

— Мистер О'Брайен, очевидно, забыл, что делает заявление в присутствии двух свидетелей этого гнусного разбоя.

— Когда служащим суда понадобится защита, мистер О'Брайен, суд их защитит сам. Надеюсь, что вы с тем же

пылом сумеете защитить и объяснить свои собственные действия.

— Ваша честь, я настаиваю, что действовал в полном соответствии со своим пониманием долга. Пушистики являются главным вещдоком в деле «Общественность против Келлога», так как демонстрация их разумности представляет собой краеугольный камень, на котором строится обвинение.

— Тогда скажите мне, зачем было подвергать их опасности и обходиться с ними так грубо и жестоко? — осведомился Браннард. — Это преступно!

— Какой опасности? — всполошился О'Брайен. — Наоборот, я приложил все усилия к тому, чтобы обеспечить их присутствие на суде в целости и сохранности.

— И с этой целью забрали их у человека, который единственный на планете знает, что им можно, а что нет, который любит их, как собственных детей, и обошлись с ними так, что это может иметь фатальные последствия.

Судья кивнул:

— Я считаю, мистер Браннард, что вы ни в коей мере не преувеличиваете. А о ваших действиях в данном деле, мистер О'Брайен, у меня сложилось самое негативное впечатление. Вы не имели никакого права подвергать страданиям существ, пусть даже пока предположительно разумных, а тем более — относиться к ним как к вещественным доказательствам. Я полностью согласен с данной мистером Браннардом характеристикой ваших действий: это преступная халатность, по меньшей мере. Если не назвать это вопиющим беззаконием. А теперь я приказываю вам немедленно вернуть пушистиков их опекуну — мистеру Холлоуэю.

— Да-да, конечно, ваша честь. — О'Брайен растерял остатки самообладания, и его лицо приобрело грязно-серый оттенок, словно целый день мокший под дождем ореховый ружейный приклад. — Мне понадобится не больше часа, чтобы послать за ними и привезти их сюда.

— Вы хотите сказать, что они не находятся в здании суда? — чуть повысил голос Пендарвис.

— Нет... то есть да, ваша честь, здесь нет условий для их содержания. Я отправил их в научный центр...

— Что?!

Джек дал себе слово на протяжении всей беседы молчать и предоставить слово Гасу, но этот крик непроизвольно вырвался у него из груди. Однако это не оскорбило

судью: и у него, и Браннарда одновременно вырвалось то же восклицание и с той же интонацией. Пендарвис наклонился к О'Брайену и вкрадчиво произнес, чеканя каждое слово:

— Так вы, мистер О'Брайен, выходит, прибегли к помощи отдела научных исследований компании «Заратуштра»?

— Ну да, а почему бы нет? У них имеются все условия для содержания различных животных и проведения исследований над...

Пендарвис не сдержал непристойного ругательства. Браннард выпучил глаза так, словно его собственный портфель чуть не прыгнул к нему на шею и попытался укусить. Но его ужас был ничем по сравнению с тем, что было написано в эту минуту на лице Мохаммеда Али О'Брайена.

— Так, значит, вы считаете, — судья с видимым усилием взял себя в руки, — что наилучшие условия для содержания главного свидетеля обвинения в деле об убийстве может создать обвиняемый в этом же убийстве? Мистер О'Брайен, вы просто перешли все допустимые границы!

— Компания «Заратуштра» не является обвиняемым по делу... — робко возразил О'Брайен.

— Официально — нет, — согласился Гас Браннард. — Но ведь научный отдел Компании возглавляет не кто иной, как Леонард Келлог!

— Доктор Келлог освобожден от обязанностей до вынесения приговора, и сейчас отделом руководит Эрнст Маллин.

— Да-да, главный научный эксперт защиты. Я не вижу существенной разницы.

— Но мистер Эммерт обещал, что все будет в порядке... — промямлил О'Брайен.

— Ты слышал, Джек? — встрепенулся Браннард. — Запомни хорошенько. Возможно, на суде это нам пригодится. — Он повернулся к судье: — Ваша честь, я прошу вас поручить возвращение пушистиков уполномоченным суда и лишить мистера О'Брайена доступа к каким бы то ни было средствам связи до той минуты, когда операция завершится.

— Что ж, это достаточно разумное предложение, мистер Браннард. Так, а теперь я выпишу вам ордер на получение пушистиков и еще один, где препоручаю их вашим заботам, чтобы никто уже не мог их забрать. Кроме того,

вас, мистер Холлоуэй, я назначаю официальным опекуном этих предположительно разумных существ. Как их там звали? Ах да, у меня же есть ваш реестр. Как видите, мистер О'Брайен, мы спасли вас от крупных неприятностей, — добавил судья с любезной улыбкой.

О'Брайен все же нашел в себе силы для слабого протеста:

— Но ведь эти двое — обвиняемый по другому делу об убийстве и его адвокат. И поскольку в данном деле я выступаю как прокурор...

Улыбка мгновенно исчезла с лица судьи:

— Мистер О'Брайен, я сомневаюсь, что вам будет позволено выступить прокурором не только на этом процессе, но и вообще когда-либо и где-либо в судах Заратуштры. Я официально освобождаю вас от участия в процессах Келлога и Холлоуэя, и если я услышу еще хоть одно возражение, то немедленно выпишу ордер на ваш арест за должностное преступление.

Глава 10

Судебный исполнитель колонии Макс Фейн мог бы потягаться в весе с Браннардом, но при этом был приблизительно вполовину ниже. Джек сидел, зажатый между ним и Гасом на заднем сиденье аэромобиля, смотрел в спины двум уполномоченным и счастливо улыбался. Он едет за своими малышами! Маленький Пушистик, Ко-Ко, Майк, Мицци, Золушка, Мамуля... Он шептал их имена и представлял, как они гурьбой радостно бросятся навстречу Папочке Джеку.

Машина опустилась на крышу здания Компании, и к ней тут же подскочил охранник:

— Эй вы! Здесь стоянка только для транспорта Компании! Улетайте отсюда немедленно!

Не обращая на него внимания, Гас открыл дверь и вылез, за ним выпрыгнул Джек, последним выбрался Макс Фейн, который, выступив вперед, пробасил:

— Ничего подобного. Транспорт, принадлежащий суду, может приземляться везде, где ему нужно. Эй, попридержите его, ребята: нам не нужны лишние осложнения, если этот остолоп в приступе исполнительности прорвется к экрану связи.

Охранник что-то пискнул, но смирился и добровольно отдался в руки уполномоченных. То ли до него только сейчас стало доходить, что Верховный суд Федерации имеет

много больше власти, чем лицензированная компания «Заратуштра», то ли просто решил, что начинается революция, но в дальнейшем вел себя тише воды, ниже травы.

Офис Леонарда Келлога (а теперь временно Эрнста Маллина) находился на первом этаже стоявшего на крыше пентхауза. Холл был забит служащими, снующими туда-сюда и жужжащими, словно растревоженный улей, но, как только Фейн сошел с эскалатора, все разговоры разом стихли и наступила настороженная тишина. Под вопросительными взглядами делегация процествовала в секретариат, где при виде ее сидящие там три девушки вскочили и бросились в разные стороны; одна из них врезалась в объемистый живот Макса Фейна, который мощным торсом преградил ей путь к селектору. Стенографисток отправили в холл, у дверей которого остался один из уполномоченных, попутно охранявший понурого пленника.

В приемной было пусто. Судебный исполнитель достал из нагрудного кармана свой значок и решительно распахнул дверь в кабинет.

Личный секретарь Келлога (а теперь Маллина) встретила их шипением, словно раздраженная кошка. Но она напрасно брызгала слюной: представительство прошествовало мимо.

Маллин, возмущенный вторжением, вскочил из-за стола, но, заметив значок, окаменел и рухнул в кресло. Хуан Хименес, стоявший в центре кабинета, съежился и стал шарить глазами по сторонам, словно искал путь к бегству.

Фейн тяжелой уверенной походкой подошел к столу и швырнул на него ордер. Маллин просмотрел бумагу и в замешательстве поднял глаза:

— Но пушистики здесь находятся с санкции главного прокурора О'Брайена. Мы не можем выдать их без его согласия.

— Этот ордер, — любезно пояснил Фейн, — подписан главным судьей Верховного суда. А что до мистера О'Брайена, то я сомневаюсь, что в данный момент он все еще занимает должность главного прокурора. И подозреваю, что очень скоро он вообще займет другое место, а именно — тюремную камеру. *И туда же,* — он навис над Маллином и для пущей убедительности брякнул кулаком по столу, — *я отправлю всю вашу шайку, если вы немедленно не выдадите мне пушистиков!*

Если бы Макс Фейн на глазах Маллина превратился в чертову скотину, то даже это вряд ли могло потрясти психолога больше: он побледнел, и руки его мелко задрожали.

— Но я не могу, — тоскливо всхлипнул он. — Мы не знаем, где они сейчас находятся!

— Не знаете? — Голос судебного исполнителя упал до шепота. — Вы приняли их по описи и... не знаете... где они находятся?! *А теперь скажите еще раз, и на сей раз правду!*

Маллин открыл рот, но тут раздался звонок видеофона, и на экране возникла Рут Ортерис в элегантном голубом костюме.

— Доктор Маллин, что происходит? — резко спросила она. — Я только что вернулась с ленча и обнаружила, что ваши люди перевернули мой офис вверх ногами. Вы что, до сих пор не нашли пушистиков?

— Что?! — взвился Джек, а Маллин, перекрывая его вопль, заверещал:

— Рут! Замолчите! Немедленно отключитесь и уходите из здания!

С удивительной для такого толстяка легкостью Фейн одним прыжком оказался в поле зрения экрана и ткнул в него свой значок:

— Я судебный исполнитель колонии Макс Фейн. Так вот, юная леди, я требую, чтобы вы немедленно явились сюда. И не заставляйте меня посылать за вами кого-нибудь, мне это очень не понравится. Но вам это не понравится еще больше.

— Буду сию минуту, исполнитель. — И Рут тут же отключилась.

Фейн обернулся к Маллину:

— Вернемся к нашим пушистикам. — У него больше не было нужды утруждать себя голосовыми модуляциями: психолог был напуган до предела. — Так вы будете говорить правду или прикажете отправить вас в объятия детектора лжи? Где они?

— Да не знаю я! — отчаянно взвыл Маллин. — Хуан, вы за них отвечали, вы и говорите! Я их вообще не видел с того момента, как их доставили сюда!

Джек сделал над собой неимоверное усилие, чтобы загнать поглубже распиравшую его ярость, и звенящим от напряжения голосом процедил:

— Если хотя бы у одного пушистика хоть волос с головы упадет, то вы двое позавидуете Курту Борху. Уж я об этом позабочусь.

— Ну давайте, выкладывайте, — обернулся Макс Фейн к Хименесу. — И начните с того момента, как вы привезли пушистиков прошлой ночью в здание Верховного суда.

— Ну, почти сразу после этого мы доставили их сюда. К тому времени я раздобыл для них несколько клеток и...

В кабинет вошла Рут Ортерис. Она не прятала глаз от Джека и в то же время вела себя так, словно едва с ним знакома. Слегка кивнув всем присутствующим, она прошла в угол кабинета и села на стул.

— Так в чем дело, исполнитель? — с ледяным спокойствием спросила она. — Чем мы обязаны вашему визиту? И что надо здесь этим джентльменам?

— У них имеется ордер Верховного суда, предписывающий вернуть пушистиков мистеру Холлоуэю, — чувствуя себя очень неуютно, пояснил Маллин. — А мы понятия не имеем, где их искать.

— О нет! — Холодность Рут мгновенно испарилась. — Только не сейчас, когда... — Тут она осеклась, и ее лицо вновь превратилось в непроницаемую маску.

— В семь утра, — поспешил продолжить рассказ Хименес, — я зашел к ним, чтобы покормить и посмотреть, как они себя чувствуют, и обнаружил, что клетки пусты. Сетка на одной из них оказалась разрезана, следовательно, можно предположить, что один из них проделал дыру, освободился сам и сумел выпустить всех остальных. Потом через мой офис (они устроили там сущий бедлам) они проникли в холл, и о дальнейших их передвижениях мы ничего не знаем. Как они все это сделали — у меня просто в уме не укладывается!

Клетки могут удержать тех, у кого нет ни рук, ни мозгов. Даже когда Маллин и Келлог увидели пушистиков воочию, им это не помешало загипнотизировать себя доктриной о «глупых зверюшках». За что боролись, на то и напоролись.

— Мы хотим видеть эти клетки, — сказал Джек.

— Пожалуй, стоит посмотреть, — согласился судебный исполнитель. — Мигель!

Вошел уполномоченный, остававшийся снаружи. Он подталкивал перед собой охранника со стоянки.

— Ты слышал, что здесь произошло? — спросил Фейн.

— Ага. Большой побег пушистиков. Как это им удалось: настрогали деревянных пистолетов для страха и ломанулись?

— Честно говоря, я от них не ожидал такой прыти. Ладно, пошли. И этого друга тоже прихвати — он будет

нашим проводником. Пит, вызови подкрепление. Нам нужно еще человек шесть. Скажи Чангу, пусть возьмет людей из патруля, если будет возможность.

— Еще минутку, — остановил Джек уже собравшегося выйти Фейна и обернулся к Рут: — Расскажите, что вам обо всем этом известно.

— Немногое. Я находилась здесь с доктором Маллином, когда Виктор Грего... то есть я хотела сказать, мистер О'Брайен сообщил нам, что пушистики доставлены в институт и будут находиться здесь до суда. Мы тут же занялись подготовкой подходящего помещения. До тех пор пока комната не будет готова, решили временно поместить их в клетки, которые раздобыл Хуан. Вот и все, что я знаю. Могу лишь добавить, что когда я пришла сегодня на работу в девять тридцать, то здесь уже все было вверх дном и вовсю велись усиленные поиски. Я знала, что из здания им не выбраться, поэтому отправилась в свой офис и занялась подготовкой кое-какой аппаратуры, которая могла понадобиться для изучения пушистиков. Около десяти тридцати мы вместе с моим ассистентом улетели на аэромобиле в магазин Генри Стенсона за дополнительными деталями и кое-какими датчиками. Вернувшись, я отправилась на ленч, а затем позвонила доктору Маллину, чтобы узнать, как идут дела. Вот и все.

У Джека промелькнула мысль, что Макс Фейн абсолютно прав: под детектором лжи часть ее заявлений выглядела бы весьма сомнительно.

— Вы идите, а я побуду здесь, — заявил Гас, поудобнее усаживаясь в кресло. — Попробую выжать из них еще что-нибудь. И если получится, то правду.

— Тогда свяжись с отелем и расскажи обо всем Бену и Герду, — попросил Джек. — Тем более что ван Рибек здесь работал и может помочь нам в поисках.

— Прекрасная идея! Пит, скажи там, чтобы ребята по дороге сюда сделали небольшую остановку в отеле и прихватили этого парня, — распорядился Фейн и обернулся к Хименесу: — Ну, мистер, показывайте нам, где вы держали пушистиков.

На эскалаторе Джек оказался рядом с Хуаном.

— Так вы говорите, что один из них освободился, а затем помог сбежать другим? Вам известно, который именно?

Хименес отрицательно покачал головой:

— Я их особо не успел разглядеть. Мы их только рассадили по клеткам и оставили до утра.

Да что тут думать: конечно же, это Маленький Пушистик — он всегда был мозговым центром семьи. Если он стоит во главе, то побег может увенчаться успехом. Вот только беда в том, что в этом здании таится слишком много неизвестных пушистикам опасностей: различные яды, места, не защищенные от радиации, да просто электрощиты и генераторы...

Если только за всеми разговорами о побеге не кроется что-то другое, такое страшное, что Джек старался пока изгнать саму мысль об этом из головы. Но она возвращалась опять и опять.

На всех этажах им периодически встречались поисковые команды, состоявшие из сотрудников института, вооруженных сетями, простынями и большими тряпками, подвернувшимися под руку. Наконец Хименес привел их в просторный зал вроде музея, уставленный стеклянными витринами с различными экспонатами и скелетами представителей местной фауны. Джек увидел, что и здесь ведутся интенсивные поиски, и к нему вернулась надежда, что побег действительно состоялся, а не был придуман для сокрытия убийства.

Вслед за Хименесом они прошли по длинному узкому коридору с единственной дверью в дальнем конце. Внутри комнаты царил полумрак. Хуан указал на вращающийся стульчик, стоящий прямо у дверей:

— Они использовали его, чтобы добраться до замка.

Да, с замком такой системы пушистики уже встречались в лагере: у него была задвижка вместо кнопки. Они вполне могли сообразить, как им пользоваться, поскольку не раз наблюдали, как Джек его открывает. Фейн потянул за рычажок задвижки:

— Пружина не тугая. Вашим парнишкам могло хватить сил, чтобы оттянуть ее?

Джек подергал рычаг и согласился:

— Конечно, хватило бы. Да и ума, чтобы отодвинуть его, тоже. Даже Беби, единственный, который не попал к ним в лапы, и то с легкостью справился бы с этой бирюлькой.

— А теперь полюбуйтесь, что ваши умники сделали с моим офисом, — сухо сказал Хименес и включил свет.

Пушистики устроили здесь форменный кавардак. У них, правда, было не так уж много времени — вряд ли они

рискнули бы оставаться здесь долго, — но и его хватило, чтобы перевернуть все, что переворачивается, и разбросать все, что разбрасывается. Бумаги, лежавшие на столе, были сброшены на пол; мусорная корзина опрокинута. Джек посмотрел на мусорник и ухмыльнулся: теперь он уже окончательно убедился, что побег действительно состоялся.

— Наверное, они искали здесь что-нибудь, что можно использовать как оружие, и при этом старались причинить как можно больше вреда. — Этот поступок добавлял жирный штрих к характеру пушистиков. Оказывается, они могут быть мстительны. — Думаю, Хуан, что они вас почему-то невзлюбили.

— У них были на то причины, — буркнул Фейн. — Ну, пойдем посмотрим, что они сотворили с вашими клетками.

Клетки помещались в задней комнате офиса, служащей одновременно чуланом и складом, где вперемешку стояли вещи нужные и всякий хлам. Замок на дверях был такой же, и, чтобы добраться до него, пушистики использовали одну из клеток. Каждая клетка была три фута в ширину и пять в длину. Пол в клетке — деревянный, как и каркас. Стены и потолок состояли из проволочной сетки с дюймовыми ячейками. Одна из стенок открывалась: она была снабжена петлями и запиралась на крючок снаружи. Сетка держалась благодаря металлическим скобкам, прикрученным снаружи винтами. В пяти из шести клеток винты оказались выкручены. В сетке шестой зияла треугольная дыра, достаточно широкая, чтобы в нее мог пролезть пушистик.

— Ничего не понимаю! — пожаловался Хименес. — Сетка выглядит так, словно ее разрезали.

— А ее действительно разрезали. Исполнитель, на вашем месте я бы устроил разнос подчиненным, а то кое-кто из них был настолько беспечен, что проглядел, как один из пленников ухитрился спрятать нож. — Джек вспомнил, в каком переполохе Ко-Ко и Маленького Пушистика доставали из-под кровати и не глядя запихивали в мешки, и рассказал судебному исполнителю о маленьких стальных ножах, которые он им подарил. — Думаю, он прихватил ножик и свернулся в клубок, чтобы его преследователи решили, будто он сдался.

— Ага, а потом, значит, дождался момента, когда сможет его использовать, — кивнул Фейн, продолжая изучать

прореху. — Да, проволока достаточна мягкая, и ее легко перерезать. Ваше счастье, — заметил он, обращаясь к Хименесу, — что я не правомочен давать оценку действиям ваших людей. Почему вы вообще не бросили все это к чертям и не предоставили Келлогу возможность выпутываться самому?

Герд ван Рибек на минуту застыл на пороге офиса, прежде принадлежавшего Келлогу. В последний раз он являлся сюда, когда Леонард вызывал его на ковер по поводу отчета о креветках. Теперь в кресле Келлога сидел Эрнст Маллин и всем своим видом пытался показать, что абсолютно спокоен. Правда, получалось у него это довольно скверно. В соседнем кресле вольготно развалился Гас Браннард, который покуривал сигару и разглядывал Маллина с таким выражением, словно тот был речной свинкой и адвокат раздумывал, подстрелить ее на обед или пусть себе живет. Сидящий у стола шериф мельком глянул на вошедшего и опять углубился в изучение огромной настенной карты, показывающей пути сезонных миграций млекопитающих Заратуштры. Герд очень хорошо знал эту карту: он сам ее составлял. Рут Ортерис сидела по другую сторону стола и тоже курила. Она глянула ван Рибеку в глаза, но, встретив его отсутствующий взгляд, опустила голову.

— Вы так и не нашли их пока? — спросил он у Браннарда.

Адвокат потряс своей шикарной немытой бородой:

— Джек с компанией орудуют в подвале, а Макс в психологической лаборатории допрашивает охранников, дежуривших прошлой ночью, на детекторе лжи. Все они искренне уверены (и детектор это подтверждает), что пушистикам не под силу выбраться из здания незамеченными.

— Много они знают о способностях пушистиков!

— Я сказал ему то же самое. И он не стал возражать, поскольку до сих пор пребывает под впечатлением способа, который они применили, чтобы выбраться на свободу...

— Мы не причинили им никакого вреда, Герд, — перебила адвоката Рут. — Мы и не собирались делать им ничего плохого. Хуан поместил их в клетки только потому, что мы просто не успели подготовить другого помещения. Я как раз приводила в порядок комнату, где они чувствовали бы себя уютно и могли бы играть... — Заметив, что

ее не слушают, она встала, раздавила сигарету в пепельнице и сухим официальным тоном сказала: — Доктор Маллин, если у этих джентльменов нет больше ко мне вопросов, разрешите мне удалиться: работа стоит.

— Герд, у вас к ней есть вопросы? — осведомился Браннард.

Да, когда-то у него был к Рут очень важный, можно сказать, жизненно важный вопрос. Теперь он был рад, что так и не задал его. И не задаст уже никогда. Черт, она так тесно связала свою жизнь с Компанией, что, женись он на ней, ему всю жизнь пришлось бы мучиться от ревности.

— Нет. Нам не о чем говорить.

Рут направилась к дверям, но на пороге обернулась.

— Герд, я... — начала она, но, еще раз встретившись с ним взглядом, оборвала себя на полуслове и, закусив губы, почти выбежала из кабинета.

Гас Браннард посмотрел ей вслед и стряхнул пепел на принадлежавший раньше Келлогу, а теперь Маллину ковер.

Герд ненавидит ее, но, если бы продолжал испытывать к ней другие, более нежные чувства, она первая перестала бы его уважать. И ведь знала же, что все кончится чем-нибудь подобным! В бизнесе иначе не бывает. Девушке, делающей карьеру, нельзя связывать себя с кем-то одним, особенно если она красива. Нет, нужно иметь четыре-пять поклонников и играть с ними как с марионетками, натравливая одного на другого.

Ей надо немедленно уходить из научного центра. Судебный исполнитель Фейн уже допрашивает людей с помощью детектора лжи, и нельзя допустить, чтобы он успел добраться и до нее. Ей даже нельзя возвращаться в свой офис: допросы ведутся в комнате напротив — это все равно что самой лезть волку в пасть. Ей никогда не решиться...

Хотя... Можно попробовать сделать это, воспользовавшись видеофоном. Собравшись с духом, Рут направилась через холл в офис, но по дороге как назло с полдюжины человек узнали ее, и на нее обрушилась лавина вопросов о пушистиках. Отделавшись несколькими ничего не значащими фразами, она устремилась к видеофону и быстро набрала номер. На экране появился тонкогубый бледный старик. Он сразу узнал Рут, и в его глазах сверкнуло

раздражение, но, прежде чем он успел что-либо сказать, она быстро заговорила:

— Мистер Стенсон, те аппараты, что я привезла вам утром в ремонт — я говорю о детекторах — так вот, оказалось, что мы ошиблись: они в полном порядке. Прошу вас ничего с ними не делать, потому что это настолько чувствительные машины, что любое вмешательство может нанести им серьезный вред.

— Простите, доктор Ортерис, но боюсь, что не совсем вас понимаю.

— Это была ошибка. Сейчас мы все здесь. А кроме нас — мистер Холлоуэй со своим адвокатом и судебный исполнитель колонии с ордером на возврат пушистиков, подписанным судьей Пендарвисом. Мы не знаем, что теперь делать. А все неполадки аппаратуры, как выяснилось, возникли по причине неправильного обращения, и мы просим вернуть ее нам без каких-либо переделок.

— Я прослежу за этим, доктор Ортерис. — Старый мастер встревожился не на шутку. — Но боюсь, что ваши датчики уже отвезли в ремонтную мастерскую. Там сейчас мистер Стивенсон, и я не могу связаться с ним напрямую. Но если я успею исправить вашу ошибку, то как мне с ними поступить?

— Просто придержите их — я пришлю за ними.

Рут отключила связь. Тут же к ней подошел шеф химической лаборатории, как его называли здесь все, от мала до велика — старина Джонсон, и принялся задавать какие-то вопросы о пушистиках. Не слушая, она отмахнулась:

— Простите, мистер Джонсон, но у меня нет ни минутки.

Когда Джек вместе с Гердом ван Рибеком вернулись в свой номер в отеле, комната была набита битком; в воздухе висел гул голосов, и вентиляторы с трудом справлялись с клубами табачного дыма. Гас Браннард, Бен Рейнсфорд и Беби давали пресс-конференцию. Джека мгновенно узнали, и тут же раздался волновавший всех вопрос:

— Вы нашли их, мистер Холлоуэй?

— Нет. Мы обшарили весь научный центр от фундамента до крыши, но сумели лишь проследить их путь по нескольким этажам, а затем они как растворились. Все же не думаю, что они вышли из здания; единственный выход на первом этаже надежно охраняется полицией, а спуститься по наружной стене практически невозможно.

— Мистер Холлоуэй, мне самому страшновато выдвигать подобную гипотезу, но ведь нельзя исключить и такой возможности, что они спрятались в мусорном контейнере, вместе с мусором попали в конвертер и подверглись... гм... обработке. Что вы на это скажете?

— Мы тоже не исключили такой возможности. Конвертер находится глубоко под землей, в подвале, куда ведет только одна дверь. Так вот, она заперта. Ночью мусор туда не сбрасывают. А все, что попало туда с того момента, как обнаружили их исчезновение, тщательно проверено.

— Рад это слышать, мистер Холлоуэй, и уверен, что все, кто слышит меня в эту минуту, также испытывают облегчение. Я понял, что вы все-таки не отказались от дальнейших поисков?

— А, так мы в прямом эфире? Нет, я останусь в Мэллори-порте до тех пор, пока либо не найду их, либо не получу веские доказательства, что их уже нет в городе. Я объявляю вознаграждение в две тысячи солов наличными тому, кто вернет их мне. Минутку, сейчас я прочту их описание...

Виктор Грего открыл шейкер.

— Еще по одной? — спросил он у Лесли Кумбса.

— Да, не откажусь, — ответил тот и протянул бокал. — Ты говоришь, что принял решение единолично. Пусть так. Но это я посоветовал действовать таким образом. И совет оказался плохим.

Виктор не смог возразить. Даже из вежливости. Ему лишь оставалось надеяться, что из-за этого все вообще не рухнет, как карточный домик. Приятно уже то, что Лесли не пытается свалить ответственность на другого, принимая во внимание, что Хам О'Брайен окончательно испортил все дело.

— Я неправильно оценил обстановку, — продолжал Кумбс с таким видом, словно обсуждал тактические ошибки Гитлера или Наполеона. — Я и предположить не мог, что Хамми взбредет в голову воспользоваться одним из тех бланков. А Пендарвис публично признается, что иногда подписывает чистые листы. Да за это пресса его на клочки раздерет.

Кто бы мог подумать, что Холлоуэй и Браннард не согласятся с предписаниями официально выданного судом ордера и станут бороться? Вот издержки всевластия и безнаказанности: отвыкаешь даже от мысли, что кто-то

посмеет сопротивляться. Келлог не ожидал, что Холлоуэй прикажет ему убираться с его земли. Курт Борх считал, что должен лишь уметь целиться и нажимать на курок. А Хименес думал, что пушистики будут смирно сидеть в клетках.

— Интересно, куда они все-таки спрятались? — задумчиво сказал Кумбс. — Как я понял, все здание перевернули вверх дном.

— У Рут Ортерис есть одна идейка, — медленно произнес Виктор. — Она успела смотаться из центра до того, как Фейн распорядился отловить ее и усадить за детектор лжи. В десять утра она вместе со своим ассистентом отвезла кое-какую аппаратуру в ремонт. Так вот, она предполагает, что пушистики могли спрятаться в ящиках и таким образом проникнуть на борт ее аэромобиля. Я понимаю, что это маловероятно, но, черт возьми, все остальное — просто невозможно! Во всяком случае не мешает это проверить. Может, нам удастся обнаружить их раньше, чем Холлоуэю. Но в том, что в центре их уже нет, я абсолютно уверен. — Он посмотрел на свой пустой бокал, поколебался с секунду, не налить ли еще, но все же решил остановиться. — О'Брайен окончательно выбыл из игры, как я понял.

— Полностью. Пендарвис предложил ему на выбор: либо подать заявление об отставке, либо пойти под суд за должностное преступление.

— Но разве они могут отдать его под суд? Его поступок можно назвать халатностью, недомыслием, но...

— Им достаточно предъявить ему обвинение. А потом усадить его за детектор лжи. Догадываешься, что может выплыть? Да он себе чуть руку не вывихнул от усердия, выписывая покрасивее прошение об отставке, — скривился Кумбс. — Правда, старшим юристом колонии он все же остался: Ник Эммерт замолвил за него словечко, разумно полагая, что, оставаясь на этом посту, О'Брайен принесет намного меньше вреда, чем потеряв все и растрепав с отчаяния профессиональные секреты всему свету.

В придачу ко всем неприятностям, Браннард шумит о том, что следует затеять процесс против Компании, и готовит почву, рассылая копии фильмов о пушистиках по всем станциям телевидения. На «Интерпланетовидении» пока относятся к этому как к утке, а те каналы, что находятся под нашим контролем, тоже сумеют подать материал как надо. Не знаю, кто теперь будет поддерживать

обвинение по обоим этим делам, но думаю, что он не станет рисковать и обрушивать на себя лавину. Плохо то, что Пендарвис теперь уже точно по другую сторону окопа. Я знаю, что он будет досконально соблюдать закон и базироваться исключительно на фактах. Но воспринимать эти факты станет сквозь призму неприязни к нам. А закон ведь тоже можно трактовать по-разному. Он пригласил нас с Браннардом завтра к себе на совещание, и самое паршивое в том, что я понятия не имею, что меня там ждет.

Глава 11

Главный судья вошел в свой кабинет, и оба адвоката почтительно встали. Он ответил кивком на их приветствия, сел за стол и достал из серебряного портсигара панателлу. Густав Адольф Браннард тут же извлек из кармана сигару и тоже задымил, а Лесли Кумбс вытащил из портфеля пачку сигарет. Оба неотрывно смотрели на Пендарвиса, ожидая лишь сигнала к началу битвы: изящная рапира против тяжелого боевого топора.

— Ну что ж, джентльмены, приступим. Как вы знаете, мы имеем в наличии два дела об убийстве и ни одного обвинителя.

— Но, ваша честь, — тут же вставил Кумбс, — оба эти случая настолько незначительны, что я не очень понимаю, почему вокруг них поднято столько шума. Один обвиняемый убил человека, пытавшегося убить его, а второй попросту прикончил дикое лесное животное.

— А я, ваша честь, вообще не считаю своего клиента виновным, — нанес ответный удар Браннард. — Ни по закону, ни в моральном плане. Поэтому хотел бы, чтобы суд состоялся, дабы полностью оправдать его перед лицом общественности. И думаю, — он одарил Кумбса лучезарной улыбкой, — что мой коллега так же, как и я, от всей души желает, чтобы и с его клиента было публично снято обвинение в убийстве.

— Полностью с вами согласен, — ответил судья. — Люди, обвиненные в тяжелых преступлениях, должны иметь право доказать свою невиновность законным путем. Если они действительно невиновны. Итак, первый вопрос, который стоит у нас на повестке дня, — очередность. Я собираюсь заслушать сначала дело Келлога, а после него — Холлоуэя. Вас устраивает подобный порядок?

— Ни в коей мере, ваша честь, — опередил Кумбса Браннард. — Вся защита Холлоуэя строится на том, что он убил

Курта Борха при самообороне. Мы готовы это доказать, но нам не хотелось бы, чтобы во время предыдущего процесса создалось предвзятое мнение по отношению к моему подзащитному.

— А-а, мистер Браннард, очевидно, решил обелить своего клиента за счет моего, — рассмеялся Кумбс. — Нет, мы не пойдем на это.

— Да, но он может предъявить те же возражения относительно своего клиента. Поэтому я снимаю ваши протесты и собираюсь объединить оба дела, а следовательно, у нас будет процесс с двумя обвиняемыми.

В глазах Браннарда сверкнул злобный огонек; Лесли Кумбс вообще отказался принять эту идею.

— Я надеюсь, ваша честь, что вы высказали подобное предложение лишь в шутку, чтобы несколько разрядить обстановку.

— Я вовсе не шучу, мистер Кумбс.

— В таком случае должен заметить (надеюсь, ваша честь не усмотрит в моих словах неуважения), что вы предлагаете процедуру, беспрецедентно выходящую за рамки всяческих правил — я все же не стану заходить так далеко, чтобы сказать «приличий». Это не одно дело, по которому проходят двое обвиняемых в одном и том же преступлении, а два абсолютно разных дела, в которых двум разным людям вменяются в вину два различных преступления. Если же принять ваш вариант, то осуждение одного из обвиняемых будет означать автоматическое оправдание второго. Я не знаю, кто займет теперь место Мохаммеда Али О'Брайена, но мне остается только глубоко посочувствовать ему. Может, нам с мистером Браннардом стоит просто удалиться в соседний кабачок и там от безделья сыграть партию-другую в покер? Все равно прокурор растерзает оба дела и превратит их в лоскутное одеяло.

— Хорошо, мистер Кумбс, у нас будет не один обвинитель, а два. Ради такого случая я могу вас обоих привести к присяге, и вы выступите обвинителем клиента мистера Браннарда, а он — обвинителем вашего. Надеюсь, это снимет все ваши дальнейшие возражения.

Судья прилагал огромные усилия, чтобы сохранить на лице сурово-беспристрастное выражение. Браннард заурчал, как огромный тигр, которому бросили в клетку жирного козленка; безупречные манеры Лесли Кумбса стали тихонько потрескивать по швам.

— Ваша честь! Это потрясающее предложение! — рыкнул Браннард. — Я выступлю обвинителем по делу Келлога с таким наслаждением, что, наверное, уже ничто и никогда не доставит мне такой чистой радости!

— Я же, ваша честь, могу лишь сказать, что если ваше первое предложение было просто беспрецедентным, то вторым вы превзошли все мыслимые и немыслимые границы!

— Вы не правы, мистер Кумбс. Я действую полностью в рамках закона. И я нигде не нашел ни слова, которое не допускало бы подобного порядка ведения судебной процедуры.

— Держу пари, что подобных прецедентов еще не было!

Лесли Кумбсу надо было знать, что в колониальном праве можно найти прецедент чему угодно.

— И какой суммой вы готовы рискнуть, Лесли? — В глазах Браннарда зажегся огонек.

— Не позволяйте ему обчистить себя как липку. За один час поисков в истории правоведения двадцати планет с различными юридическими нормами я нашел как минимум шестнадцать сходных случаев.

— Ну хорошо, ваша честь, — капитулировал Кумбс. — Надеюсь, что вы отдаете себе отчет в своих действиях. Вы обращаете оба случая в один вульгарный общественный суд. Традиционное «Общественность колонии "Заратуштра" против...» в данном случае полностью теряет свой смысл.

— Тогда можно предложить другой вариант, — расхохотался Браннард. — «Друзья Маленького Пушистика против лицензированной компании "Заратуштра"»! Я буду выступать в качестве цивилизованного друга аборигенов, доказывая их разумность, а мистер Кумбс от имени компании «Заратуштра» будет спасать ее лицензию. В конце концов, ведь именно в этом и состояла с самого начала подоплека обоих дел.

Со стороны Гаса это уже было хамством: Лесли Кумбс до самого конца разбирательства собирался делать вид, что лицензия тут совершенно ни при чем.

Поток сообщений о пушистиках, которых видели то там то сям (и зачастую одновременно в различных частях города), был неистощим. Большая часть из них поступала от добровольных помощников, шутников, патологических лжецов и просто сумасшедших; было несколько искренних заблуждений, когда одно принимали за другое; были

звонки от людей, страдавших избытком воображения. Возникали даже подозрения, что часть донесений организована Компанией, чтобы сбить поиск с толку. Выплыл еще один факт, сильно встревоживший Джека: оказывается, интенсивные поиски пушистиков тайно велись как полицией Компании, так и полицейским управлением Мэллорипорта, которое также контролировала могущественная «Заратуштра».

Макс Фейн отдавал поискам каждую свободную минуту, но делал это не по приказу свыше, не в меркантильных интересах и не потому, что его подгонял Верховный суд; судебный исполнитель просто зауважал пушистиков и стал называть себя их другом, как и полицейские колонии, над которыми Ник Эммерт не имел почти никакой власти — их полковник Ян Фергюссон отчитывался непосредственно перед терранским начальством. Он лично позвонил Джеку и предложил помощь. А Джордж Лант, беспокоясь о том, как идут поиски, ежедневно названивал с Беты.

Проживание в отеле «Мэллори» стоило недешево, и Холлоуэю пришлось продать несколько солнечников. Ювелиры Компании, оценивая камни, вели себя оскорбительно вежливо, Джек же не был вежлив с ними вообще. В банке он также заметил, что отношение к нему изменилось к худшему. С другой стороны, и офицеры, и рядовые космофлота с базы на Кселксе, бывая на Заратуштре в увольнительной или по служебной надобности, всегда находили возможность зайти к нему, познакомиться, выразить свою солидарность с ним, осведомиться о ходе поисков и пожелать удачи.

Однажды в одном из бизнес-центров к Джеку подошел седовласый мужчина в черном берете.

— Мистер Холлоуэй, я не могу выразить, как меня опечалило сообщение об исчезновении ваших маленьких друзей, — сказал он. — К сожалению, сам я вряд ли чем-либо смогу вам помочь, но мне просто хотелось поддержать вас, и я верю, что вскоре вы с ними все же встретитесь.

— Благодарю вас, мистер Стенсон. — Джек пожал руку изобретателю. — А, кстати, помочь вы мне можете. Как насчет портативного детектора лжи, чтобы я мог, не сходя с места, определять степень правдивости свидетелей, якобы видевших пушистиков? Мне бы это сильно облегчило поиски.

— Вы знаете, я уже сделал нечто подобное для патруля. Но вам, похоже, нужно нечто иное: вам необходимо

определять степень адекватности восприятия мира, говоря проще — психопат ваш свидетель или нет, а такой аппарат наша наука пока создать не в состоянии. Вот если вы все еще занимаетесь солнечниками, то я могу предложить вам новую модель микросканера...

Джек последовал за Стенсоном в его магазин, выпил предложенную чашку чаю и осмотрел сканер. Попросив разрешения воспользоваться служебным видеофоном, он позвонил Фейну, который сообщил, что еще шесть человек клятвенно заверяют, будто видели пушистиков.

За последнюю неделю те немногие кадры о пушистиках, что успели снять в лагере, так часто демонстрировались по всем каналам, что интерес к ним начал постепенно спадать. Зато Беби превратился в настоящую телезвезду: через пару дней после его дебюта на экране пришлось нанять специальную служащую для сортировки почты от его фанов.

Как-то, зайдя в полутемный бар, Джек увидел Беби, восседающего на голове у незнакомой женщины. Когда секундный шок прошел, Холлоуэй понял, что ее прическа украшена куколкой, изображавшей малыша-пушистика. А затем весь город надел шляпки «Беби-пушистик», и в витринах детских магазинов появились куклы-пушистики всех возможных размеров и расцветок.

С момента исчезновения пушистиков прошло уже две недели, и однажды вечером Макс Фейн, подвозя Холлоуэя на своем джипе в отель, признался:

— Похоже, это конец. Мы мотаемся по вызовам лишь сумасшедших и желающих прославиться любой ценой.

— Да, у этой тетки, с которой мы только что говорили, крыша явно не на месте, — мрачно кивнул Джек.

— Я знаком с ней уже десять лет, и все эти годы, стоит случиться где-нибудь на планете громкому преступлению, она тут же сознается в нем. Я позволил себе потратить немного твоего и своего времени на нее только потому, чтобы ты понял, каково нам приходится.

— И все-таки их не видел никто. Как ты думаешь, Макс, может, их уже и нет на свете?

Толстяк помялся, но потом решительно ответил:

— Я скажу, что думаю, Джек. По мне, не так уж и важно, видел ли их кто-нибудь. Гораздо важнее другое: никто не видел ни единого их следа. Вокруг так и шныряют креветки, но мы пока не нашли ни одного расколотого панциря. Шестеро активных, по-детски любопытных

пушистиков должны были проявить себя так или иначе. Им же надо добывать пищу, а значит, они не могли миновать хоть одной продуктовой лавки или лотка с фруктами. Но ниоткуда не поступало ни одного сообщения о подобных грабежах. Полиция Компании уже прекратила поиски.

— А я не прекращу. Они должны быть где-то здесь, я чувствую это. — Джек пожал Фейну руку и вышел из машины. — Ты сделал все, что в твоих силах, Макс, и, хотя так ничего и не нашел, я хочу, чтобы ты знал: я тебе очень благодарен за все.

Джек проследил за улетающим джипом и невольно засмотрелся на раскинувшуюся перед ним панораму города: зеленые пятна парков, купола торговых и бизнес-центров и внушительные прямоугольники небоскребов. Город, в котором не было улиц, потому что с момента постройки здесь никогда не пользовались наземным транспортом. Пушистики могли прятаться в кронах этих пышных деревьев или еще где-нибудь, если только давно уже не были мертвы, попав в расставленную людьми ловушку. Холлоуэй мысленно перебрал все известные ему смертельно опасные места, куда они по незнанию могли забрести. Любые большие машины и аппараты, мертвые и недвижимые до того мгновения, пока кто-нибудь не нажмет кнопку. Подземные трубопроводы, которые могут оказаться заполненными водой или газом. Бедные маленькие пушистики, они могут решить, что город не опаснее их родного леса, где самым страшным было нападение гарпии или чертовой скотины.

Джек спустился в свой номер. Гаса не было. Бен Рейнсфорд, уткнувшись в экран, штудировал какой-то психологический тест, а ван Рибек что-то писал. Беби возился на полу с новыми игрушками, которых ему каждый день дарили неимоверное количество, но, увидев Папу Джека, бросил ту, что держал в руках, и помчался навстречу.

— Звонил Джордж, — сообщил Герд. — Говорит, теперь у них в участке тоже живет семья пушистиков.

— Здорово! — Джек постарался придать голосу как можно больше бодрости. — И сколько их там?

— Пятеро: три парня и две девицы. Они назвали их Доктор Криппен, Диллинджер, Нед Келли, Лиззи Борден и Катастрофа Джейн.

Вот вам образец чисто полицейского остроумия: наградить невинных детишек такими именами!

— Не хочешь позвонить туда и познакомиться с ними? — спросил Бен. — Беби они понравились, и он с удовольствием пообщается с ними еще раз.

Поддавшись уговорам, Джек набрал номер. Да, пушистики были чудесные. Но они были чужими.

— Скажи Гасу Браннарду, что, если ваша семейка не вернется до начала процесса, он может использовать наших, — сказал Лант. — Вам же надо кого-то предъявить судьям. Недели через две наша шайка тоже научится тому, что надо знать цивилизованному пушистику. Так что извините, если пока мы не умеем себя вести — нас привезли только вчера.

Холлоуэй выразил надежду, что на суде будут представлены его пушистики, но сам почувствовал, как мало уверенности прозвучало в его голосе.

Вскоре вернулся Гас, и они выпили по стаканчику. Узнав о предложении Джорджа, адвокат буквально расцвел, а Джек угрюмо подумал: «Вот и еще один человек, потерявший надежду на то, что мои малыши живы».

— Мне тут оставаться не имеет никакого смысла, — сказал Бен. — Лучше я отправлюсь на Бету до суда и понаблюдаю за полицейскими пушистиками. Глядишь, выдам какую-нибудь идею. А то от этой белиберды у меня уже ум за разум заходит! — Он махнул рукой в сторону экрана с тестом. — Я не понимаю здесь половины терминов, а в моем распоряжении только маленький словарик. — Он в сердцах с треском нажал кнопку и выключил экран. — Я уже начинаю думать, что, может, Хименес был прав и они разумны только «отчасти».

— А может быть, дело просто в том, что разумному существу вовсе необязательно осознавать, что оно разумно, — глубокомысленно заметил Гас Браннард. — Помните того персонажа старинной французской комедии, который понятия не имел, что разговаривает прозой?*

— Что вы хотите этим сказать? — заинтересовался Герд.

— Да сам пока не знаю. Мне просто сегодня это стукнуло в голову. Повертите эту мыслишку так и сяк, может, вам и удастся выжать из нее что-то полезное.

— Я думаю, что различие нужно искать на границе сознания и подсознания, — сказал Маллин. — Для вас всех,

---

* Журден из комедии Мольера «Мещанин во дворянстве».

конечно же, аксиомой является то, что только одна десятая, в крайнем случае одна восьмая (но не больше) нашей ментальной активности проходит на сознательном уровне. А теперь давайте представим себе гипотетическую расу, у которой абсолютно все мыслительные процессы проходят на сознательном уровне.

— Надеюсь, что такая раса действительно существует только гипотетически, — усмехнулся Виктор Грего, который участвовал в совещании с помощью видеофона из своего офиса. — Нас бы они уж точно признали неразумными.

— И у них тоже вполне могло быть свое «говорит—добывает огонь», согласно которому от нас требовалось бы проявление способностей, о которых мы даже понятия не имеем, и посему мы бы с треском провалили экзамен на разумность, — подхватил Кумбс, сидевший с ним рядом.

А Рут подумала, что они могли бы признать людей «разумными на одну десятую» или «одну восьмую». «Нет, в таком случае и мы должны признать разумными всех; только, скажем, шимпанзе — на одну сотую, а плоского червя — на одну биллионную».

— Минутку! — перебила она. — Вы хотите сказать, что неразумное существо способно мыслить, однако делает это на подсознательном уровне?

— Совершенно верно. Любое животное, сталкиваясь с новым явлением, делает выводы, как к нему относиться, однако все это проходит у него на уровне инстинктов и никогда сознательно. В знакомых же ситуациях оно действует, исходя из своего личного опыта и устоявшихся поведенческих конструкций.

— Знаете, что мне только что пришло в голову? — прищурился Грего. — Давайте попробуем объяснить эти пресловутые похороны с позиции неразумного существа. — Он не торопясь вытряхнул из пачки сигарету и закурил, в то время как остальные ждали, пока он разовьет свою мысль. Насладившись всеобщим вниманием, он продолжил: — Пушистики, как вы знаете, закапывают свои испражнения: это продиктовано желанием избавиться от дурного запаха. Мертвые тела быстро разлагаются и пахнут не лучше; следовательно, закапывая их в землю, пушистики избавляются от них чисто инстинктивно. У каждого пушистика есть свое личное оружие. На бессознательном уровне они воспринимают его как часть тела, а если тело мертво и должно быть зарыто, то его часть тоже следует закопать.

Маллин с умным видом нахмурился. Идея Грего ему явно пришлась по душе, однако он не мог сразу же принять ее открыто, так как высказал ее все же дилетант, хоть и хозяин Компании.

— Думаю, что вы нащупали верный путь, мистер Грего, — наконец произнес он. — Схожая реакция на разнородные предметы и явления из-за их формального, внешнего сходства является одной из типичных поведенческих моделей для неразумного существа. — Он снова нахмурился, изображая мощную работу мысли. — Вот здесь и будем искать. Мне нужно хорошенько обдумать все это.

Уже завтра в это же время он будет искренне убежден, что идея полностью принадлежит ему, и вспоминать о том, что впервые она была высказана Виктором Грего, он станет очень редко и без особой охоты. А потом и вовсе выкинет это из памяти и настоит, чтобы ее называли не иначе, как Теорией Маллина. Виктор Грего подумал, что не будет возражать: главное, чтобы дело двигалось вперед.

— Вот и отлично, как только вы достигнете первых результатов в данном направлении, немедленно передавайте всю информацию Кумбсу, чтобы он мог использовать этот ход в грядущем процессе.

Глава 12

Бен Рейнсфорд улетел на Бету, а Герд остался в Мэллори-порте. Из пятнадцатого участка каждый день приходили новости: полицейские уже снабдили своих пушистиков металлическим оружием и через пару дней с гордостью сообщили, что усилиями подопечных они теперь полностью избавлены от осточертевших всем креветок. Кроме того, для них сделали набор плотницкого инструмента, подходящего по размерам, и пушистики с его помощью построили себе из деревянных ящиков дом. В лагере Бена Рейнсфорда тоже объявилась парочка пушистиков, он подружился с ними и окрестил Флорой и Фауном.

Теперь у всех были свои пушистики. Только Папе Джеку приходилось довольствоваться обществом одного лишь Беби. Ему ничего не оставалось, как только лежать на ковре в гостиной и обучать малыша вязать узлы из обрывка бечевки.

Гас Браннард проводил теперь большую часть времени в Верховном суде, в отдельном кабинете, выделенном ему как прокурору, но сейчас он, облачившись в пурпурно-голубую пижаму, возлежал в огромном кресле, дымил

сигарой, потягивал кофе (его дневная норма виски теперь снизилась до двух стаканов в день) и изучал материалы одновременно с двух видеоэкранов, периодически наговаривая что-то в диктофон.

Герд сидел за столом и яростно чиркал в тетради: он пытался применить к проблеме символическую логику. Внезапно он с треском выдрал лист, скомкал его и с проклятием запустил в угол. Браннард оторвался от своих экранов:

— Что, Герд, не получается?

Ван Рибек в отчаянии стукнул кулаком по столу:

— Ну как, к чертям собачьим, я мог говорить, что пушистики умеют обобщать? Как у меня язык повернулся сказать, что они способны на абстрактное мышление? Да с чего я решил, что у них вообще есть хоть какое-то мышление?! Я уже до того обалдел, что, черт меня возьми, не способен доказать даже, что сам мыслю сознательно!

— А вы работали с идеей, которую я вам тогда подкинул? — спросил Браннард.

— А как же! Сначала она показалась такой многообещающей, а потом... — Он безнадежно махнул рукой.

— Слушайте, а что, если пойти от частного к общему? Отобрать их наиболее яркие обряды и поступки и просто привести как свидетельство разумности. Начните хотя бы с похорон.

— Это для нас доказательство, а для них...

Раздался сигнал видеофона. Беби на секунду поднял голову, скользнул равнодушным взглядом по экрану и тут же вернулся к более интересному занятию: он трудился над веревочной петлей, пытаясь овладеть двойным узлом. Холлоуэй поднялся на ноги и нажал клавишу приема. Звонил Макс Фейн, и впервые за все время знакомства с ним Джек увидел его встревоженным.

— Джек, ты смотрел сегодня новости?

— Нет. Что-то случилось?

— Да, елки-палки! Копы всего города открыли большую охоту на пушистиков; и у них есть приказ стрелять. Ник Эммерт только что объявил по всем каналам, что назначает премию в пятьсот солов за пушистика. Живого или мертвого.

Джек ошеломленно застыл. Ему понадобилась долгая-долгая секунда, чтобы осознать то, что он услышал. В следующую секунду он испугался. Гас и Герд подскочили к экрану и теперь ловили каждое слово.

— Они устроили этот бум из-за заявления одного из бродяг, живущих на помойке в Ист-Сайде. Он клянется, что пушистики избили его десятилетнюю дочь. Их обоих тут же доставили в центральное полицейское управление, и там они провели пресс-конференцию для журналистов из «Обзора планетных новостей» и «Межпланетного вещания». Как вы знаете, эти каналы едят из рук Компании и уж расстарались вовсю, чтобы раздуть эту историю до небес.

— Потерпевших проверяли на детекторе? — быстро спросил Гас.

— Нет. А теперь вокруг них выставили кордон из городской полиции и никого чужого на пушечный выстрел не подпускают. Девочка рассказала, что мирно играла возле дома, как вдруг пушистики разом накинулись на нее и принялись лупить палками. Описывается ее физическое состояние: множество ушибов и царапин, перелом запястья и психический шок.

— Я не верю в это! Они не могли напасть на ребенка!

— Я хочу поговорить с отцом девочки, да и с ней тоже, — взвился Браннард. — И потребую, чтобы они повторили свои показания под детектором лжи. Макс, зуб даю, все это подлая провокация! И по времени они, сволочи, все подгадали! До суда осталась одна неделя!

В голове Джека царила полная неразбериха: может, пушистики действительно повстречались с девочкой и просто захотели с ней поиграть, а она, перепугавшись, стукнула одного из них, и пошло-поехало? Десятилетняя девочка выглядит рядом с пушистиком достаточно сильным и опасным противником, и если они обиделись, то могли и ответить, причем сколько хватило силенок.

Главное, это подтверждает, что они все еще живы и все еще находятся в городе! Хотя чему тут радоваться: сейчас они в еще большей опасности, чем до сих пор. Макс Фейн спросил Браннарда, сколько ему понадобится времени, чтобы переодеться.

— Пять минут? Отлично! Я заскочу за тобой. До встречи!

Джек ринулся в спальню и, скинув мокасины, начал натягивать сапоги. Браннард, прыгая на одной ноге и пытаясь попасть в штанину (причем пижамные штаны он так и не снял), поинтересовался, куда это мистер Холлоуэй так торопится.

— Я полечу с вами. Мне необходимо найти их до того, как какой-нибудь сын ккутхра их пристрелит.

— Ты останешься здесь, — не терпящим возражений тоном приказал адвокат. — Сиди на связи и смотри новости. Нет, сапоги можешь не снимать: как только я позвоню и сообщу, что они обнаружены, тебе будет дорога каждая секунда. В общем, до связи!

Герд уже включил телевизор и нашел программу «Обзор планетных новостей», являвшуюся официальным рупором Компании. Диктор как раз красочно описывал леденящие душу подробности жестокого нападения на невинное дитя. Однако он старался избегать прямых конкретных нападок на людей, ведь тогда ему пришлось бы признать, что в первую очередь виноваты те, кто привез пушистиков в город и не углядел за ними, позволив им сбежать. Чтобы убедить зрителя в том, что пушистики способны представлять опасность, требовался недюжинный ораторский дар. Затем он перешел к фактам. Джек слушал и раздумывал, есть ли во всей этой истории хоть грамм правды.

По версии «Обзора», в девять часов вечера, когда Лолита Ларкин, десяти лет, играла перед своим домом, ее внезапно окружили шестеро пушистиков, вооруженных дубинками. Без малейшего повода они набросились на нее, повалили на землю и принялись избивать. На крики выбежал отец и прогнал хулиганов. Вскоре прибыла полиция, и Оскар Ларкин вместе с дочерью были доставлены в центральное полицейское управление, где и рассказали эту историю. Городская полиция, полиция Компании и опергруппы патруля, а также отряды добровольцев из жителей города уже оцепили восточную часть столицы. Губернатор Ник Эммерт объявил о призовой премии в пять тысяч солов за...

— Девчонка врет. И если ее усадить за детектор, это станет ясно любому, — процедил Джек. — Их обоих просто купили — либо Эммерт, либо Грего. А может, и оба вместе.

— Да у меня никаких сомнений в этом нет! — воскликнул Герд. — Я же знаю, что это за место — Помойка-сити! У Рут в комиссии по делам несовершеннолетних вечно было дел невпроворот. И все ее клиенты были оттуда. — На секунду он замолчал, и в глазах его отразилась боль потери. — Да любой из этого отребья за сто солов пойдет на что угодно, особенно если уверен, что с копами неприятностей не предвидится.

Он включил канал «Интерпланетовидения». Там показывали аэроохоту на пушистиков. Хибары и остовы аэромобилей, в которых ютились жители Помойка-сити, были ярко освещены прожекторами со всех сторон. Люди цепочками прочесывали кусты. Крупным планом показали мужчину, сидящего в идущем на бреющем полете аэромобиле: он вглядывался в темные деревья внизу сквозь оптический прицел винтовки.

— Ничего себе! — присвистнул Герд. — Не хотел бы я сейчас оказаться там! Если хотя бы одному из них примерещится в темноте пушистик и он откроет стрельбу, то через десять секунд они перестреляют друг друга.

— Чего я им искренне желаю!

Позиция «Интерпланетовидения» по отношению к пушистикам была очевидна: диктор, ведущий репортаж из кабины аэромобиля, описывал инцидент с большой долей сарказма. Затем, после длинной цепи портретов мужественных, вооруженных до зубов охотников, пустили отрывок из фильма, снятого Холлоуэем в лагере: семья пушистиков вопросительно смотрела прямо в камеру. Джек вспомнил, что он снимал их, когда они ждали завтрака.

«Вот это и есть, — провозгласил голос за кадром, — те самые кровожадные монстры, от которых нас защищают наши доблестные воители».

А через несколько секунд на экране вновь появился Помойка-сити, где уже трещали беспорядочные выстрелы. Сердце Джека подпрыгнуло к горлу. Так же внезапно стрельба прекратилась, и журналистский аэромобиль спикировал туда, где вокруг неподвижно лежащего на земле тела собиралась толпа. Джеку стоило неимоверных усилий не отвести глаз от экрана, но, когда жертву показали крупным планом, у него вырвался вздох облегчения: это была всего-навсего козява — одомашненное трехрогое копытное.

«Ой-ей-ей! — продолжался глумливый комментарий диктора. — Кому-то из бомжей придется перейти с молочка на воду! Кстати, это уже не первая козява за сегодняшнюю охоту. Похоже, что завтра старшему юристу (бывшему главному прокурору колонии) О'Брайену будет предъявлено несколько исков от потерпевших.

— И еще один, да такой, что его расплющит, от Джека Холлоуэя!

Раздался звонок видеофона. Герд поспешил включить связь.

— Я только что говорил с судьей Пендарвисом, — сообщил Браннард. — Он послал Нику Эммерту постановление, запрещающее выплату награды за пушистиков кому бы то ни было, кроме того человека, который сдаст их целыми и невредимыми судебному исполнителю Фейну с рук на руки. Кроме того, он опубликовал заявление, что до тех пор, пока статус пушистиков не установлен в законном порядке, любому, кто убьет пушистика, будет предъявлено обвинение в уголовном преступлении.

— Отлично, Гас! А девчонку и папашу ты уже видел?

Браннард выплюнул ругательство:

— Для девчонки больница Компании выделила отдельную палату, и врачи никого к ней не подпускают. «Бедное дитя перенесло такой шок!» А папашу Эммерт спрятал в своей резиденции. Мало того: ни тех копов, что доставили их в управление, ни сержанта, принявшего заявление, ни дежурного детектива, получившего это дело, — никого я не смог разыскать: все попрятались. Макс послал в Помойка-сити пару своих ребят, чтобы они выяснили, кто вызвал полицию. Возможно, и выплывет что интересное.

А через несколько минут по телевизору зачитали постановление главного судьи, и охотники на пушистиков тут же стали расходиться. Городская полиция и полиция Компании мгновенно сняли оцепление и убрались. Большинство добровольцев, однако, остались и в надежде получить пять тысяч солов за живого пушистика еще минут двадцать упорно продолжали шарить в кустах. Патрульные тоже не спешили улетать — очевидно, решили присмотреть за охотниками. Затем было объявлено, что премия отменяется, и тут же все кончилось: прожектора погасли, а охотники разлетелись по домам.

Гас Браннард вернулся довольно скоро и, даже не успев зайти в комнату, стал раздеваться. Отшвырнув пиджак и галстук, он рухнул в любимое кресло, налил стакан виски, одним глотком отхлебнул половину и только тогда начал снимать ботинки.

— Я бы тоже выпил, если есть что-нибудь полегче, — потер руки Герд. — Так как было на самом деле, Гас?

Браннард смачно выругался.

— Вся история — гнусная фальшивка! Воняет до небес! Как помойка! А точнее, как Помойка-сити. — Он взял из пепельницы окурок сигары, отброшенный сразу после звонка Фейна, любовно раскурил его и начал неспешный рассказ: — Мы нашли ту женщину, что вызвала полицию.

Это их соседка; она сказала, что видела, как Ларкин притащился домой на бровях, а спустя несколько минут услышала детские крики. Она говорила, что папаша лупит дочку каждый раз, как наберется по самые уши, что бывает никак не реже пяти раз в неделю, и она наконец-то решила положить этому конец. И, главное, она сказала, что не видела никого хотя бы отдаленно напоминавшего пушистика.

Массовая истерия, спровоцированная ночью, дала и положительные результаты, поскольку вызвала наутро новый поток сообщений о пушистиках, и Джек провел всю первую половину дня в офисе Фейна, беседуя со свидетелями. Сначала он поговорил с дюжиной человек, свидетельства которых не выдерживали никакой критики, но затем один юнец сообщил нечто, что качественно отличалось от всего того, что Джеку пришлось выслушать за последнее время.

— Я видел их так же ясно, как вас, с расстояния не больше пятидесяти футов, — рассказывал парень. — У меня был карабин, я вскинул его, но, елки-моталки, не мог я в них выстрелить! Они были слишком похожи на людей, только маленьких. И у них был такой напуганный и беспомощный вид. Тогда я пальнул в воздух, чтобы их шугануть, и они успели сбежать, пока кто-нибудь их в самом деле не подстрелил.

— Спасибо, сынок. Позволь пожать тебе руку. И ведь ты знал, что этот выстрел лишил тебя изрядной суммы. А сколько их было?

— Четверо. Я слышал, что вообще их шестеро, но рядом рос большой куст, и остальные двое могли прятаться за ним.

Парень показал на карте место, где их видел. Кроме него пришли еще трое, кто действительно видел пушистиков. Ни один из них не смог с уверенностью сказать, сколько их было, зато все точно называли место и время встречи с ними. Когда все данные нанесли на карту, стало очевидно, что пушистики двигаются в сторону северо-западной окраины города.

Гас Браннард, заскочивший в отель пообедать, по-прежнему ругался на чем свет стоит, правда уже более добродушно:

— Они эксгумировали О'Брайена и снова натравили этого зануду на нас! Он обрушил на меня целую кучу мелких гражданских исков за нарушение порядка и тому

подобное. Все это делается с целью загрузить меня выше головы, пока Лесли Кумбс спокойно готовится к процессу. Он даже пытался найти повод забрать у нас Беби, и его остановила лишь моя угроза обвинить его в расовой дискриминации. Но я тоже времени не терял: вчинил Компании иск на семь миллионов солов в пользу пушистиков (по миллиону на каждого плюс миллион адвокату).

— А я собираюсь сегодня вечером, — поделился своими планами Джек, — в компании Беби и двух ребят Фейна прокатиться по городу в этом районе. — Он развернул карту. — Малыша мы посадим к громкоговорителю и пусть уиикает на всю округу: может, нам удастся привлечь внимание наших беглецов.

Они ездили до сумерек, но никто так и не отозвался. Зато малыш развлекся вовсю: он верещал в микрофон, и из-за высоких обертонов его голоса тот нещадно фонил, так что трое людей, сидевших в машине, нервно вздрагивали каждый раз, когда Беби лишь открывал рот. На собак его выступление тоже произвело большое впечатление, и джип на всем пути следования сопровождал нестройный гавкающий и воющий хор.

На следующий день поступило несколько довольно разбросанных в пространстве и времени сообщений о мелких кражах. Например, об одеяле, вывешенном на просушку перед домом и исчезнувшем с веревки. С дивана, стоявшего в незапертой прихожей, стащили пару подушек. Потом позвонила встревоженная женщина, сообщившая, что застала своего шестилетнего сына за игрой с пушистиками. Когда она бросилась к нему, чтобы защитить, пушистики убежали, а малыш залился плачем. Джек с Гердом немедленно вылетели по последнему адресу. Рассказ мальчика был путаным и явно приукрашенным, но самое примечательное в нем было то, что пушистики ему очень понравились и не пытались причинить ему ни малейшего вреда. Джек тут же позаботился, чтобы запись рассказа ребенка немедленно пошла в эфир.

Вернувшись в отель, они обнаружили Браннарда в чрезвычайно веселом расположении духа.

— Главный судья, — сообщил он, давясь от смеха, — подкинул мне работенки: я должен провести расследование по поводу вчерашнего инцидента и подготовить обвинительные заключения в адрес всех тех, кто виновен в этом. Мне дан доступ ко всем материалам, дано право вызывать свидетелей и даже допрашивать их на детекторе

лжи. Максу Фейну поручено оказывать мне всяческое содействие. Завтра с утра мы возьмемся за шефа полиции Дюмона. И дай Бог нам дорыться до Ника Эммерта и Виктора Грего! Вот тогда Лесли Кумбсу придется завертеться как следует!

Герд посадил машину рядом с квадратной ямой в двадцать футов глубиной и пятьдесят шириной. Пять или шесть рабочих в спецовках и высоких шнурованных башмаках двинулись прилетевшим навстречу.

— Доброе утро, мистер Холлоуэй, — поздоровался один из них. — Это здесь рядышком, за отвалом. Мы там ничего не трогали.

— Вы не могли бы повторить ваш рассказ еще раз, а то мои друзья его не слышали.

— С час назад мы произвели здесь пару взрывов, и двое рабочих, прятавшихся за отвалом, заметили пушистиков, которые неслись вниз по откосу и скрылись вон в той ложбине. Ребята позвали меня, и мы нашли их лагерь. Скалы здесь твердые, поэтому мы закладываем довольно большие снаряды. Думаю, что их испугала ударная волна.

Вслед за рабочим они спустились по бегущей по цветущему лугу тропе к карьеру и дальше пошли по дну образованного взрывами ущелья со стенами из вывороченных глыб известняка высотой в двадцать футов. Там, под одним из выступов они обнаружили две подушки, красно-серое клетчатое одеяло и несколько старых тряпок. Кроме того, там лежали поломанная поварешка, ручное зубило и еще несколько металлических инструментов.

— Да, это точно они. Я сообщу хозяевам одеяла и подушек, что их вещи нашлись. Вполне возможно, что они устроились здесь вчера вечером, уже после того, как ваша бригада закончила работу. А сегодня взрывы заставили их бросить все и убежать. Так вы говорите, что они спрятались где-то там? — спросил Джек, указывая на небольшую речушку, сбегавшую по откосу одной из скал.

Но как ни мала была речушка, все же она оказалась слишком глубока, чтобы пушистики могли перейти ее вброд. Должно быть, их надо искать где-то с этой стороны. Джек поблагодарил рабочих и записал их имена. Если он найдет пушистиков сам, то все равно ему придется с математической точностью разделить обещанную за содействие и информацию награду между всеми, кто ему помогал, в соответствии с их заслугами.

— Герд, если бы ты был пушистиком, то где бы предпочел спрятаться?

Ван Рибек окинул взглядом бурную речушку и поросшие лесом скалы.

— Вон там, наверху, парочка домов. Я обошел бы их, поднялся повыше вон по тому ущелью и поискал бы убежище где-нибудь между скал, чтобы чертова скотина не смогла до меня добраться. Конечно, эти твари так близко к городу не подходят, но пушистики-то этого не знают.

— Нам понадобится еще парочка аэромобилей. Пожалуй, я позвоню полковнику Фергюссону — помнится, он обещал нам помочь. А то у Макса сейчас и так хлопот полон рот с расследованием, которое ведет Гас.

Может, когда-то Пьет Дюмон, шеф полиции Мэллорипорта, и был хорошим копом, но Гас Браннард этого счастливого времени не застал. Когда он с ним познакомился, тот уже представлял собой развалину с отдутловатым лицом, жирным брюхом и непомерно раздутым самомнением. Сейчас он сидел в кресле, напоминавшем не то электрический стул старого образца, не то один из тех пыточных снарядов, что так обожают завсегдатаи кабинетов красоты; на голове у него красовался сверкающий конический шлем, а к различным частям тела были подключены электроды. На стене над ним светился круглый экран, который в идеале должен был быть лазурно-голубым, но сейчас мерцал переливами оттенков от темно-синего до фиолетово-лилового. Эта цветовая гамма соответствовала всплеску отрицательных эмоций в амплитуде от страха до возмущения оттого, что его, шефа полиции, осмелились подвергнуть проверке на детекторе лжи. Время от времени на грозовом фоне экрана вспыхивала пурпурная искра, предательски возвещавшая о том, что он преднамеренно искажает факты.

— Вы знали, что пушистики не причинили девочке никакого вреда? — продолжал допрос Браннард.

— Я ничего не знал об этом, — запротестовал шеф полиции. — Я черпал информацию непосредственно из поданного мне рапорта.

Экран вспыхнул красным, но почти сразу же снова стал фиолетовым. Очевидно, Пьет Дюмон уже усвоил правила игры.

— Кто подал вам рапорт?

— Лейтенант Лютер Уоллер, дежурный детектив.

Детектор подтвердил, что на сей раз сказана правда и ничего, кроме правды.

— Но вы знали, что на самом деле Ларкин сам избил дочь и именно Уоллер убедил их сказать, что это сделали пушистики? — спросил Макс Фейн.

— Ничего такого я не знал! — завопил Дюмон, и экран мгновенно полыхнул алым. — Я знал лишь то, что они мне рассказали, и ничего больше, слышите? — И снова красный сменился лиловым. — Я знаю, что именно пушистики избили ребенка.

— Пьет, — с безграничным терпением продолжал Фейн, — вы сами пользовались на допросах детектором уже столько раз, что должны понимать: лгать бессмысленно. И еще вы не можете не понимать, что Уоллер вас подставил. Ну так скажете вы наконец правду? Известно ли вам, что пушистики не прикасались к ребенку и что версия о нападении всплыла лишь после того, как Уоллер побеседовал с Ларкином и его дочерью?

Экран потемнел, как ночное небо, и стал вдруг безмятежно лазурен.

— Да, это правда, — хрипло выдохнул Дюмон и опустил глаза. — Я сразу сообразил, что произошло на самом деле, и сказал об этом Уоллеру, но он расхохотался мне в лицо и предложил забыть о моей гипотезе навсегда. — Экран пронизали молнии ярости. — Этот сын кхутхра, наверное, решил, что он здесь начальник, а не я.

— Хорошо, раз вы наконец-то поняли, что упираться бесполезно, мы можем начать нормальный допрос. Итак...

Аэромобилем, который Джек взял напрокат в отеле, управлял капрал патруля; Герд летел в другой машине — одной из двух, предоставленных Фергюссоном. Все три аэромобиля двинулись на север, координируя свои действия по радио.

Через несколько минут после того, как они прилетели в район, где видели пушистиков, пилот машины, в которой находился ван Рибек, вышел на связь:

— Мистер Холлоуэй, ваш компаньон спустился на землю и сообщил мне по мобильнику, что обнаружил расколотый панцирь креветки.

— Не прерывайте связи и дайте мне координаты, — отозвался капрал, начиная снижаться.

Через минуту они заметили аэромобиль, приземлившийся в узком ущельице по левую сторону речушки. Тут

же подлетела и третья машина. Герд помахал рукой, дождался, пока прилетевшие подойдут, и с гордостью продемонстрировал свою находку:

— Это точно они, Джек! Типичная работа пушистиков!

Да, это была их работа. Неизвестно, что они использовали вместо креветкобойца, но явно что-то тупое, так как голова на сей раз была не отсечена, а размножена. Панцирь, как обычно, был расколот сверху, и все четыре челюсти отодраны. Похоже, эту креветку они ели все вместе, что бывало довольно редким явлением.

Холлоуэй приказал машинам подняться в воздух и продолжать вести наблюдение, а сам вместе с Гердом принялся искать пушистиков на земле. Джек шел по ущелью и громко звал:

— Маленький Пушистик! Маленький Пушистик!

Вскоре они убедились, что идут в правильном направлении: на сыром песке на берегу четко отпечатался след маленькой ножки. Неподалеку обнаружился еще один. Герд схватился за висевшее на груди переговорное устройство и взволнованно заговорил:

— Пусть один из вас пролетит вперед на четверть мили: они где-то здесь, близко!

— Я их вижу! Вон они! — раздался в ответ радостный вопль. — Они карабкаются по склону справа от вас!

— Не спускайте с них глаз! И пришлите за нами одну из машин; мы поднимемся на вершину скалы и встретим их там.

Аэромобиль камнем упал вниз, и капрал, не выключая антигравы, распахнул дверь. Джек с Гердом быстро залезли в кабину, дверь за ними захлопнулась, и земля стала быстро удаляться. Когда машина обогнула скалу, Джек наконец-то их тоже увидел: они ползли вверх по крутому утесу. Их было всего четверо и один еле шел — его поддерживали. Что же случилось с остальными двумя? И где так сильно пострадал тот, что не мог идти без поддержки?

Машина села на вершине между обломками скал, все трое тут же выскочили из нее и стали спускаться навстречу пушистикам, скользя на осыпи. И тут Джек как-то сразу на них наткнулся. Пушистики бросились врассыпную. Он попытался схватить одного из них, но тот размахнулся и изо всех сил стукнул его в лицо своим оружием. Джек едва успел заслониться рукой, но в ту же секунду второй рукой схватил пушистика и, не обращая внимания на сердитое уиканье и попытки вырваться, обезоружил малыша. Ока-

залось, что сражался он небольшим молоточком. Холлоуэй положил инструмент в карман и, крепко придерживая своего царапающегося пленника, укоризненно сказал:

— Ты ударил Папу Джека. Выходит, ты его теперь и знать не хочешь. До чего тебя запугали, бедняжка!

Пушистик уикнул что-то угрожающее. Только сейчас Джек увидел его лицо и нахмурился: это был не Маленький Пушистик, не озорной, артистичный Ко-Ко, не шалун Майк — это был какой-то незнакомый пушистик!

— Ну понятно, ничего удивительного, что ты не узнал Папу Джека. Ты же не из его семьи!

Он стал подниматься наверх и застал у машины капрала, держащего под мышками еще двух отбивающихся пушистиков. Увидев, что их родственник тоже пойман, они тут же перестали сопротивляться и жалобно зауикали.

— Ваш компаньон где-то там внизу ловит последнего, — сказал капрал. — И этих двоих забирайте — вы лучше знаете, как с ними обращаться.

— Нет, подержите их еще немного — они знакомы со мной не больше, чем с вами.

Свободной рукой Джек достал из кармана кусочек ПР-3 и предложил своему пленнику. Пушистик издал восторженный писк, тут же схватил угощение и мгновенно проглотил. Значит, он уже ел это раньше. Холлоуэй предложил по кусочку рациона остальным двоим (оказалось, что это пара — самец и самочка), и выяснилось, что они тоже очень хорошо знают, что такое ПР-3. Снизу раздался голос Герда:

— Я поймал ее! Это девочка! Только не могу понять, которая: Мицци или Золушка! И видели бы вы, что она с собой несла! Поднимусь — глазам не поверите!

Через пару минут ван Рибек вышел из-за большого камня, неся под мышкой барахтающегося пушистика, а на ладони у него сидел крошечный черненький котенок с белой мордочкой. Джек был разочарован до глубины души, все происходящее вызывало у него мало интереса.

— Это не наши пушистики, Герд, — устало сказал он. — Я никогда их раньше не видел.

— Джек, да посмотри внимательнее!

— Да чего там смотреть! — взорвался он. — Ты что, думаешь, я не смогу отличить своих пушистиков от чужих?! Посмотри сам: эти меня и знать не знают!

— А котенок откуда? — вдруг спросил капрал.

— Бог знает! Могли подобрать где угодно. Она несла его на руках как ребенка.

— Это не дикие пушистики. Они чьи-то. Они уже знают, что такое ПР-3. Возьмем их с собой в отель и сообщим о находке. Кто бы их ни потерял, думаю, он тоскует о них так же, как я о своих.

О своих пушистиках, которых он, наверное, уже никогда больше не увидит. Но полностью Джек осознал это, лишь когда они летели назад: его вдруг пронзила мысль, что за все время с того момента, как его пушистики выбрались из клеток в научном центре, он не получил о них ни одного известия. Этот квартет появился в поле зрения как раз той ночью, когда полиция устроила скандал с избитой девочкой, и, узнав от парня, у которого рука не поднялась в них выстрелить, где их искать, Холлоуэй пошел по ложному следу. Эта группка оставила много следов — почему же его семья за все три недели с ночи их исчезновения не проявила себя никоим образом?

Да потому что их давно уже нет в живых. Они так и не выбрались из научного центра. Их убил кто-то, до кого Макс Фейн так и не добрался со своим детектором лжи. Хватит утешать себя ложными надеждами. Их больше нет.

— Нужно заглянуть на минутку на их последнюю стоянку и забрать одеяло, подушки и все остальное, — услышал Джек свой голос. — Я отошлю хозяевам вещей чеки: пушистики должны иметь личные вещи, они тоже люди.

Глава 13

Администрация отеля «Мэллори» встретила пушистиков с распростертыми объятиями. Возможно, дело было в постоянных воплях Гаса Браннарда о расовой дискриминации; кроме того, рано или поздно могло оказаться, что эти забавные маленькие существа вовсе не животные, а люди. А может быть, главный администратор ориентировался на массовую симпатию к пушистикам, особенно возросшую после того, как выяснилось, что история с избитой девочкой — полный блеф. А может, он решил, что лицензированная компания «Заратуштра» на деле не так уж всесильна, как казалось раньше. Как бы там ни было, в полное распоряжение пушистиков, как тех, которых должны были привезти на суд Джордж Лант и Бен Рейнсфорд с Беты, так и четырех новичков и их черно-белого котенка, была отдана огромная зала, обычно использовавшаяся для банкетов. Туда принесли множество

различных игрушек, подаренных все той же администрацией, и установили большой телевизор. Четверка чужаков мгновенно бросилась к нему, один из них тут же его включил, и, увидев на экране идущий на посадку огромный космический корабль, они разразились восторженным уиканьем. Из всей семьи программа не понравилась только котенку, и он со скуки задремал.

Джек (не без опасений) представил им Беби, однако малыша приняли очень хорошо, а тому больше всех понравился котенок. Когда пришло время их кормить, Джек решил разделить с ними компанию и, прихватив свой обед, уселся за стол вместе с пушистиками. А чуть позже к ним присоединились и Гас с Гердом.

— Мы наконец добрались до Ларкина и его дитяти, — жуя, сообщил Браннард, а потом, проглотив кусок, сложил губы бантиком и пропищал: — «Ну, па меня прибил чуток, а копы велели говорить, что это пушистики».

— Это она так сказала?

— На детекторе лжи. Причем экран был лазурен, как безоблачное небо, и это видели не только с полдюжины свидетелей, но и представители прессы и телевидения. Сегодня вечером вы сами можете полюбоваться на эту трогательную сцену по «Интерпланетовидению». Папаша тоже полностью это подтвердил, а потом сдал нам Уоллера и дежурного сержанта. Теперь мы ищем их. И пока они не сядут в кресло под голубым экраном, до Ника Эммерта и Виктора Грего нам не добраться. Мы уже тормошили тех копов, что ездили на вызов, но они тут ни при чем. Все упирается в Уоллера.

Браннард считал, что дела идут неплохо, но не настолько хорошо, как должны бы идти. И еще эти четверо пушистиков, которые вдруг возникли ниоткуда прямо в центре охоты, спровоцированной Ником Эммертом. Ведь раньше-то они у кого-то жили — иначе откуда им было знать, что такое ПР-3 и как пользоваться телевизором? Их загадочное появление именно в ту ночь выглядело слишком нарочитым, чтобы его можно было принять за простое стечение обстоятельств. В нем за версту чуялась ловушка для простачков.

Во всем этом было одно хорошее: судья Пендарвис решил, что раз интерес масс к грядущему процессу растет, а давление Компании все усиливается, то найти беспристрастных присяжных будет невозможно, и предложил, чтобы приговор выносился лишь триумвиратом судей под

его председательством. Даже Лесли Кумбс был вынужден согласиться с этим.

Браннард рассказал об этом Джеку, но тот, рассеянно выслушав, сказал, глядя куда-то в себя:

— Знаешь, Гас, я очень рад, что разрешил Маленькому Пушистику тогда покурить мою трубку.

Он был в таком состоянии, что ему было абсолютно безразлично, как пойдет суд — да хоть под председательством трех козяв!

В субботу утром в отель прибыли Бен Рейнсфорд со своими пушистиками, Джордж Лант, Ахмед Хадра и их семейство. Кроме них, приехали в качестве свидетелей еще несколько патрульных из пятнадцатого участка. Пушистиков отправили в банкетный зал, и они мгновенно подружились с уже обжившейся там четверкой и Беби. Каждая семья устроила себе постели отдельно, зато ели и играли они все вместе, и когда рассаживались вокруг телевизора, то казалось, что это одна большая дружная семья. Правда, в начале знакомства четверка с Папоротникового ручья слегка понервничала из-за повышенного интереса остальных к их котенку, но, когда они поняли, что никто не пытается его присвоить, воцарился полный мир и доверие.

Одиннадцать пушистиков плюс один малыш и котенок оказались неистощимы на игры, смешные выходки и разные затеи, но Джек, глядя на их бурное веселье, не мог себя заставить присоединиться к нему: его удерживало незримое присутствие шести маленьких призраков, с печалью взиравших на игрища и потасовки, в которых они не могли принять участия.

Увидев на экране видеофона знакомое лицо, Макс Фейн расплылся в улыбке:

— Рад видеть вас, полковник!

— Через минуту, — улыбнулся в ответ полковник Фергюссон, — вы будете рады вдвойне: мои ребята из восьмой бригады взяли Уоллера и сержанта Фуэнтеса.

— Х-ха! — В груди судебного исполнителя потеплело, словно он хватанул стакан бальдрского медового рома. — Каким образом?

— Как вы знаете, у Ника Эммерта за городом имеется охотничий домик. Я приставил восьмую бригаду, чтобы они присмотрели за ним. Сегодня одна из машин лейтенанта Обефеми, пролетая над ним, засекла повышенную

радиацию, и детекторы показали, что источник находится внутри дома. Зайдя туда, ребята обнаружили Уоллера и Фуэнтеса, расположившихся как у себя дома. Их тут же отвезли в участок, и под детектором они признались, что сам Ник Эммерт дал им ключи от домика, чтобы они прятались там, пока суд не кончится.

Они отрицают, что у истоков провокации стоял Эммерт — это, мол, всплеск гениальности лично Уоллера. Но зато признают, что губернатор полностью в курсе и не только одобрил этот план, но и всячески ему содействовал. Завтра утречком их доставят вам прямо в объятия.

— Великолепно! А в прессу это уже пошло?

— Нет. Мы хотим прежде еще раз допросить их в Мэллори-порте и записать все их показания на пленку. Если мы позволим этой истории выплыть раньше времени, могут быть предприняты попытки заткнуть им рты.

Фейн согласился и признался, что вопрос о прессе беспокоил его именно поэтому. Фергюссон вдруг замялся, а потом спросил:

— Макс, как вам нравится ситуация, создавшаяся в Мэллори-порте? Будь я проклят, если мне все это по душе!

— Что вы имеете в виду, полковник?

— В городе слишком много пришлых. И все почему-то исключительно молодые мужчины с двадцати до тридцати, с хорошими бицепсами и ходят не иначе как парами или небольшими группами. Впервые я обратил на них внимание позавчера, а сегодня их вроде стало больше.

— Ян, на этой планете основную часть населения составляют молодые мужчины. А предстоящий суд вполне естественно мог вызвать приток любопытных из провинции...

Судебный исполнитель и сам не верил в то, что сейчас говорил, ему просто хотелось, чтобы Фергюссон назвал все своими именами сам, и он своего добился. Полковник нетерпеливо потряс головой и перебил его:

— Нет, Макс, это не зеваки из суда. Мы оба с вами слишком хорошо понимаем, на что это похоже. Помните, как пытались освободить братьев Гоун? Они не устраивают в барах драк, никого не задирают, не играют в карты; они просто чинно гуляют по городу, ожидая, пока кто-то скажет им: «Фас!»

— Экспансия! — О, черт возьми! Он таки сказал это первым! — Это дело рук Виктора Грего.

— Знаю, Макс. А Виктор Грего — тот же вельдбизон: пока он спокоен, с ним вполне можно иметь дело, но если напуган — держись! А в той банде, что здесь разгуливает, мои и ваши люди, вместе взятые, растворятся, как капля чистого виски в бутылке шешианской крутки.

— И вы подумываете, не вызвать ли войска?

Фергюссон нахмурился:

— Мне бы очень не хотелось этого делать. Если окажется, что у меня не было на то достаточных оснований, общественность Терры возмутится. Правда, общественность только на то и годится, чтобы осуждать поступки, на которые сама никогда не решится. И все же я не буду торопиться. Попробую сначала кое-что другое.

Герд ван Рибек аккуратно рассортировал бумаги на столе по стопкам, закурил сигарету и налил виски с содовой.

— Пушистики принадлежат к разумным существам! — провозгласил он. — Они обладают логическим мышлением, как дедуктивным, так и индуктивным. Они учатся эмпирическим путем, используя метод анализа. Они способны сформулировать основной принцип явления и распознать его затем в различных модификациях. Они умеют планировать свои действия. Они сознательно производят уникальные орудия труда, а также инструменты для их производства. Они способны на обобщения и умеют выражать свои мысли, используя различные символы.

Они обладают чувством прекрасного и творческим потенциалом. Когда им надоедает безделье, они умеют ставить перед собой задачи, причем сам процесс решения доставляет им больше удовольствия, чем результат. Они хоронят своих умерших по определенному ритуалу, который предусматривает погребение вместе с умершим его личного оружия. — Он выпустил колечко дыма и пригубил напиток. — Кроме вышеперечисленного, они способны плотничать, свистеть в полицейский свисток, делать столовые приборы для поедания креветок и строить композиции из молекул. Все это неопровержимо доказывает, что пушистики — существа разумные. Но только, умоляю вас, не заставляйте меня давать определение разумности, потому что, убей меня Бог, я сам до сих пор не знаю, что это такое!

— По-моему, ты только что его сформулировал, — сказал Джек.

— Нет, это все слова. Мне нужна четкая формула.

— Не горюй, Герд. — Гас Браннард сочувственно похлопал ученого по плечу. — Лесли Кумбс обязательно притащит в суд новенькую, с иголочки, и очень четкую формулу. А мы ее — хвать! — и используем сами!

Глава 14

Фредерик и Клодетт Пендарвис медленно шли по саду, расположенному на крыше, к аэростоянке. Клодетт приостановилась, чтобы как всегда сорвать цветок и украсить им петлицу мужа.

— А пушистики тоже будут присутствовать на слушании? — спросила она.

— Конечно, как же без них? Правда, сегодня утром они вряд ли понадобятся: мы начнем с утрясения всяких формальностей. — Он хмуро улыбнулся: — Я до сих пор не знаю, как определить их статус на процессе: как свидетелей или же как вещественные доказательства. И молю Бога, чтобы мне не пришлось его утверждать на ранних стадиях слушания, иначе либо Браннард, либо Кумбс тут же обвинят меня в пристрастности.

— Ой, как мне хочется на них посмотреть! Я видела их пока только по телевизору, но так хочу увидеть их близко, погладить, поиграть с ними.

— Ты давно уже не заглядывала на мои процессы, Клодетт. Но если я узнаю, что сегодня их привезли туда, я тотчас же позвоню и даже нагло воспользуюсь своим положением, чтобы устроить тебе небольшую личную встречу с ними в моем кабинете. Хочешь?

Клодетт обожала все красивое, и проявление ее восторга и благодарности не имело границ. Они поцеловались на прощание, и Фредерик отправился к своему аэромобилю, шофер предупредительно распахнул дверцу, судья забрался в кабину, и машина поднялась в воздух. Пендарвис оглянулся: Клодетт так и не ушла с крыши, а стояла посреди сада и махала мужу до тех пор, пока он мог ее видеть.

Прежде чем брать ее на процесс, надо выяснить, достаточно ли это безопасно. Макс Фейн говорил, что могут возникуть осложнения, да и Ян Фергюссон тоже высказывал кое-какие опасения, а ни один из них не был склонен к беспричинным страхам. Когда машина пошла на посадку, Пендарвис вдруг заметил на крыше вооруженную охрану, причем отнюдь не пистолетами — яркое солнце Заратуштры играло на длинных стволах ружей и

металлических кокардах шлемов. Но что-то в форме военных было не так. Подлетев ближе, он разглядел высокие ботинки и красные лампасы на голубых брюках: значит, охрану несет не патруль, а солдаты космофлота. Ян Фергюссон вызвал-таки войска. Ну что ж, тогда здесь Клодетт окажется даже в большей безопасности, чем дома.

Как только судья вышел из машины, к нему тут же подошли сержант и двое рядовых. Сержант прикоснулся к шлему в обычном космофлотском приветствии штатскому, независимо от чина и положения последнего.

— Судья Пендарвис? Доброе утро, сэр.

— Доброе утро, сержант. А почему здание Верховного суда охраняется вооруженными силами Федерации?

— Для усиления безопасности, сэр. Приказ коммодора Напье. Внутри здания охрану несут люди Макса Фейна. Подробнее вам объяснят создавшуюся ситуацию капитан Касагра и капитан Грейбенфельд, которые дожидаются вас в вашем офисе.

Пендарвис уже шагнул к эскалатору, но, увидев, как на посадку заходит большая машина компании «Заратуштра», а навстречу ей спешит сержант, хмыкнул: интересно, что скажет Лесли Кумбс, когда увидит, что крыша суда забита военными?

Оба офицера, дожидавшиеся в кабинете, были вооружены. Там же находился и Макс Фейн. Все встали, приветствуя хозяина офиса, и, когда тот сел за стол, снова опустились в кресла. Он задал им тот же вопрос, что и сержанту на крыше.

— Вчера вечером, ваша честь, полковник полиции колонии Фергюссон обратился к коммодору Напье и запросил подкрепления, — ответил офицер в черной форме космофлота. — По его словам, он считал, что город наводнен нежелательными элементами и могут произойти беспорядки. И он оказался абсолютно прав, ваша честь. Уже начиная со среды капитан Касагра по приказу коммодора Напье занялся высадкой частей для захвата резиденции. К данному моменту операция удачно завершена: коммодор Напье находится в Мэллори-порте, а губернатор Ник Эммерт и старший юрист О'Брайен взяты под стражу по обвинению в коррупции и злоупотреблении властью. Но их дело будет слушаться не в вашем Верховном суде, а уже на Терре.

— Значит, теперь коммодор Напье руководит колонией?

— Скажем, он осуществляет над ней контроль, по крайней мере до тех пор, пока не завершится судебный процесс. Нам необходимо знать, насколько законна нынешняя власть.

— Значит, вы никак не собираетесь влиять на решение суда?

— Все полностью теперь зависит от вас, ваша честь. Думаю, мы найдем с вами общий язык. — Офицер взглянул на часы. — Не могли бы вы на час отложить слушание — мне бы этого хватило, чтобы объяснить вам нашу точку зрения.

Макс Фейн радушно встретил их на пороге зала суда, но, увидев Беби, нахмурился:

— Не знаю, как с ним быть, Джек. Я не уверен, что ему позволят находиться в зале во время слушания.

— Чепуха! — с апломбом заявил Браннард. — Во-первых, он несовершеннолетний и неправоспособный абориген, а во-вторых, он единственный на данный момент член семьи, к которой принадлежала Джейн Доу, известная под именем Златовласка. Таким образом, он имеет полное право присутствовать на суде в качестве зрителя.

— Ну хорошо, убедил. Только, Джек, не позволяй ему садиться всем на голову. Теперь так: вы с Гасом располагайтесь вот здесь, а вас, Герд и Бен, я попрошу расположиться на скамье свидетелей.

Хотя суд был отложен на полтора часа, в зале уже негде было яблоку упасть — даже балкон был забит битком. Места для присяжных занимали офицеры в черной космофлотской и голубой десантной форме. Поскольку на сегодняшнем процессе присяжные отсутствовали, они решили, видно, что для них это самое подходящее место. В ложе для прессы была настоящая давка.

Беби с интересом разглядывал огромный экран, установленный за креслами судей. На нем, как в беспристрастном зеркале, отражалось все происходящее в зале. Когда начнется трансляция суда по телевидению, на экране появится то же, что увидят и многочисленные телезрители. Беби довольно быстро разобрался, что к чему, и его счастливый вопль и воздетые вверх ручонки засвидетельствовали, что он нашел на экране себя. В тот же момент хлопнула входная дверь, и на свои места прошествовали Лесли Кумбс, доктор Маллин со своими ассистентами Рут Ортерис и Хуаном Хименесом и Леонард Келлог.

В последний раз Джек видел Келлога в участке Джорджа Ланта с побитой мордой и обутого в старые мокасины, которые ему выдали вместо изъятых в качестве вещественных доказательств белых туфель, запятнанных кровью Златовласки.

Кумбс бросил взгляд на скамью напротив и, заметив Беби, радостно махавшего самому себе на экране, нахмурился и с возмущенным видом обернулся к Фейну, собираясь заявить протест. Судебный исполнитель отрицательно покачал головой. Кумбс попытался спорить, но, так ничего и не добившись, пожал плечами и проводил Келлога к отведенному тому месту.

Как только судья Пендарвис и его коллеги — круглолицый толстячок справа и высокий худощавый старик с седой головой, но черными как смоль усами, слева — заняли свои места, процесс начал раскручиваться с бешеной скоростью. После соблюдения необходимых формальностей слово предоставили Гасу Браннарду (который в данный момент выступал в роли обвинителя Келлога). Он быстро оттараторил, обращаясь к суду: «...известная под именем Златовласки... разумное существо, представитель разумной расы... сознательный и умышленный акт со стороны вышеупомянутого Келлога... жестокое, ничем не оправданное убийство...», вернулся на свое место, присел на край стола, взял на руки Беби и на протяжении всей пламенной речи Лесли Кумбса, обвинявшего Джека Холлоуэя в жестоком избиении вышеупомянутого Леонарда Келлога и безжалостном убийстве Курта Борха, самозабвенно играл со своим любимцем.

— Ну что ж, джентльмены, предлагаю теперь заслушать показания свидетелей, — объявил судья Пендарвис. — Кто вызовет их первым?

Гас передал малыша Джеку и выступил вперед, Лесли Кумбс моментально оказался рядом с ним.

— Ваша честь, — начал Браннард, — гвоздем всего процесса является вопрос: считать ли представителей вида Pushisticus pushisticus Holloueus Zaratustra разумной расой или нет. Однако, прежде чем мы приступим к его решению, нам следует с помощью свидетельских показаний полностью восстановить картину происшедшего в лагере Холлоуэя девятнадцатого июня шестьсот сорок четвертого года атомной эры. Лишь после этого мы сможем, основываясь на фактах, приступить к обсуждению статуса

вышеупомянутой персоны по имени Златовласка в качестве разумного или неразумного существа.

— Я согласен, — кивнул Лесли Кумбс. — Большинство свидетелей должны были быть вызваны позже, но в целом я считаю, что предложение мистера Браннарда сэкономит нам время.

— А согласен ли мистер Кумбс оговорить в качестве особого условия то, что любое свидетельство в пользу или против того, что пушистики разумны, может быть применимо в равной мере и к вопросу о разумности вышеупомянутой персоны по имени Златовласка?

Кумбс на минуту задумался, но, решив, что здесь нет никакой ловушки, согласился. Один из судейских помощников прошел к свидетельскому креслу, сделал там необходимые приготовления и щелкнул тумблером: двухфутовый шар, укрепленный в изголовье, тут же загорелся ровным голубым светом. Первым вызвали лейтенанта Джорджа Ланта. Он сел в кресло, ему на голову надели блестящий шлем и присоединили электроды.

Лейтенант назвал свое имя и чин, и шар остался попрежнему голубым. Потом ему пришлось немного подождать, пока Браннард с Кумбсом выясняли, кто будет начинать допрос. Наконец Гас залез в карман, достал оттуда серебряную монетку в полсола, потряс ее в ладонях и протянул сжатый кулак коллеге.

— Решка! — сказал Кумбс.

Браннард разжал кулак, глянул на ладонь и, нахмурившись, отступил.

— Итак, лейтенант Лант, — начал Кумбс, — расскажите, какую картину вы застали, когда прибыли в лагерь Холлоуэя?

— Там было два мертвых человека. Один из них — терранин, который был убит тремя выстрелами в грудь, а второй — пушистик, забитый до смерти.

— Ваша честь! — воззвал Кумбс. — Я вынужден настаивать на том, чтобы свидетель иначе сформулировал свой ответ, а его предыдущее показание было стерто из записи протокола. В данных обстоятельствах свидетель не имеет права именовать пушистика человеком.

— Ваша честь! — вмешался Браннард. — Возражения мистера Кумбса лишены законных оснований! Он не имеет права, в свете сложившейся ситуации, требовать, чтобы пушистиков не называли людьми: это равносильно тому,

как если бы свидетель впредь стал именовать пушистиков животными!

Браннард завелся на пять минут. Джек начал рисовать в блокноте рожицы. Беби тут же отобрал у него карандаш и, держа его обеими руками, стал самозабвенно украшать лист каляками-маляками, похожими на те узлы, что он теперь завязывал на всем, что ему попадалось. Наконец суд сдался и потребовал, чтобы Лант, прибегая к тем словам, которые сам считает уместными, рассказал, по какой именно причине он в тот день прилетел в лагерь, что там обнаружил и какие принял меры.

Когда свидетель закончил, Кумбс сказал, что у него нет вопросов.

— Лейтенант, вы взяли Леонарда Келлога под арест на основании обвинения в убийстве, выдвинутого Джеком Холлоуэем. Отсюда следует, что вы восприняли заявление Холлоуэя как законное. Не так ли?

— Да, сэр. Я поверил, что Леонард Келлог убил именно разумное существо. Только разумные существа погребают своих мертвых.

Затем выступил со свидетельством Ахмед Хадра, потом выслушали еще двух патрульных, прибывших во второй машине, а также полицейского эксперта-криминалиста, проводившего сбор улик и делавшего фотографии на месте происшествия. После нескольких слабых возражений со стороны Кумбса Браннард вызвал Рут Ортерис, и та изложила свою версию убийства Златовласки, причин избиения Келлога и смерти Борха. Когда она закончила, главному судье пришлось постучать молотком, чтобы восстановить в зале порядок.

— На основании этого свидетельства мы можем считать доказанным, что существо, именуемое Джейн Доу, иначе известное как Златовласка, действительно было забито насмерть обвиняемым Леонардом Келлогом. И что терранин, известный под именем Курт Борх, был застрелен именно Джеком Холлоуэем. Теперь нам надлежит установить, являются ли оба эти убийства или хотя бы одно из них уголовно наказуемым преступлением. Сейчас без двадцати двенадцать. Объявляется перерыв до четырнадцати ноль-ноль. За это время в зале суда будут произведены некоторые необходимые приготовления. Вы что-то хотите сказать, мистер Браннард?

— Ваша честь, — Гас поднял Беби, демонстрируя его залу и судьям, — это единственный представитель Pushis-

ticus pushisticus Holloueus Zaratustra, в данный момент находящийся в здании суда. Но он всего лишь незрелое дитя и потому не может служить образцом, по которому можно судить о его расе. Если на вечернем слушании будет-таки поднят вопрос о разумности пушистиков, то не лучше ли послать в отель «Мэллори» за взрослыми особями, чтобы иметь их под рукой?

— Мистер Браннард, мы считаем, что присутствие пушистиков на процессе просто необходимо, но позвольте суду решать, когда они понадобятся. Думаю, что сегодня на вечернем слушании в них пока не будет нужды. Есть еще вопросы? — Судья постучал молотком. — Объявляется перерыв до четырнадцати ноль-ноль.

Перестановку в зале суда провели в нарушение всех установившихся традиций: первые четыре ряда кресел для зрителей были убраны и соответственно передвинут назад оградительный канат. Свидетельское кресло, традиционно располагавшееся рядом с судейским столом, теперь поставили напротив, а за ним расставили полукругом несколько столов, чтобы сидящие могли видеть как судей, так и происходящее в зале на большом экране. Свидетель, сидящий в кресле, так же мог следить за изменениями цвета шара детектора, глядя на экран.

Гас Браннард, вернувшийся вместе с Джеком в зал, огляделся и выругался:

— Теперь ясно, зачем им потребовался перерыв на два часа. Но хотел бы я знать, что все это значит. Эй, посмотри-ка на рожу Кумбса, — вдруг расхохотался он. — Похоже, ему это тоже не очень по вкусу.

К ним подошел один из судейских помощников, держа список, по которому рассаживал всех по новым местам.

— Вас, мистер Браннард, и вас, мистер Холлоуэй, я попрошу занять этот стол. — Он указал на тот, что стоял несколько отдельно от других и был развернут так, что сидящие за ним смотрели суду в лицо. — А вас, доктор ван Рибек, и вас, доктор Рейнсфорд, я попрошу сесть вон туда.

Внезапно появился секретарь суда, издал два свистка и объявил:

— Внимание! Внимание! Начало заседания откладывается на пять минут.

Браннард и Джек уставились на него. Секретарь оказался старшиной космофлота.

— Что за чертовщина? — поразился Браннард. — Что за военно-судебный альянс?

— Я тоже ничего не понимаю, мистер Браннард, — признался старшина. — Но вы ведь знаете, что военные захватили власть над планетой.

— Похоже, нам подвалило, Гас, — заметил Джек. — Я слышал, что если ты невиновен, то лучше предстать перед трибуналом, а если виноват, вот тогда пусть тебя судят штатские.

Браннард посмотрел на Лесли Кумбса и Леонарда Келлога, сидевших за таким же столом напротив. Похоже, Кумбс слышал его слова, во всяком случае вид у него был недовольный. Остальные сидевшие за столами тоже, судя по их виду, чувствовали себя не очень уютно: Герд ван Рибек оказался рядом с Рут Ортерис, а Эрнст Маллин — между Беном Рейнсфордом и Хуаном Хименесом. Гас поднял голову и глянул на балкон:

— Держу пари, что сегодня здесь вся судебная братия колонии в полном составе. Посмотри-ка, видишь эту седовласую леди в голубом? Это жена нашего главного судьи. Она пришла в суд впервые за многие годы.

— Внимание! Внимание! Встать! Суд идет!

Кто-то, очевидно, успел уже обучить армейского старшину процессуальной терминологии. Джек поднялся, держа на руках Беби. Судьи вошли и заняли свои места. Главный судья постучал молотком.

— Чтобы заранее исключить все возможные возражения, я объявляю, что перестановка, произведенная в зале, как и некоторые изменения в традиционной процедуре судебного заседания, продиктована спецификой данного процесса и является лишь временной мерой, призванной служить удобству рассмотрения столь сложного дела. Сегодня мы не будем заниматься установлением степени вины ни Джека Холлоуэя, ни Леонарда Келлога. Наше заседание, как и, боюсь, заседания в течение еще нескольких ближайших дней, будет посвящено исключительно одному вопросу, а именно: разумны или нет представители вида Pushisticus pushisticus Holloueus Zaratustra.

Именно поэтому мы и пошли на некоторые изменения в традиционной судебной процедуре. Свидетельские показания будут как обычно выслушиваться при использовании детектора лжи и протоколироваться в записи. Кроме того, будет проведена дискуссия, в которой все, кто сидит за этими столами, имеют право принять участие.

Председательствовать будем мы с коллегами. — Судьи справа и слева степенно кивнули. — Крики с места во внимание приниматься не будут: любой, кто хочет выступить, должен встать. Надеюсь, таким образом мы сможем контролировать ход дискуссии.

Вы все уже заметили, конечно, присутствие в зале офицеров космофлота с базы на Ксеркссе и, думаю, слышали, что коммодор Напье осуществляет контроль над деятельностью нынешнего правительства колонии. Капитан Грейбенфельд, будьте добры, встаньте, чтобы все могли вас видеть. Капитан присутствует здесь в качестве армейского наблюдателя, поэтому я позволил ему задавать свидетелям вопросы, и это право распространяется на любого из его офицеров, которому он сочтет нужным дать слово. Мистер Кумбс и мистер Браннард также получают разрешение передавать свое право задавать вопросы любому, кому они посчитают необходимым.

Лесли Кумбс в ту же секунду вскочил на ноги:

— Ваша честь! Если сейчас мы приступаем к дискуссии на тему разумности этих существ, то я считаю, что начинать ее без того, чтобы нам предъявили в качестве постулата корректное определение разумности как таковой, невозможно. Мне лично очень хотелось бы знать, что именно имел в виду обвинитель Келлога и защитник Холлоуэя, козыряя термином «разумность».

«Вот так. Значит, они хотят, чтобы первыми сформулировали это мы». Герд ван Рибек вспыхнул и бросил в сторону Браннарда раздосадованный взгляд. Маллин скромно потупился, но на губах его играла язвительная усмешка. Однако Гас был доволен тем, как обернулось дело.

— Джек, а ведь у них тоже ни черта нет! — прошептал он Холлоуэю.

Капитан Грейбенфельд, успевший уже сесть после того, как был представлен залу, снова поднялся:

— Ваша честь, этим вопросом наши ученые на базе занимались в течение всего последнего месяца. Помимо того, что нами владеет вполне понятный интерес к определению реального статуса этой планеты и его законному закреплению, мы считаем, что подобная ситуация может повториться еще не раз, если мы не сумеем сейчас выработать верный подход к проблеме определения разумности не только тех существ, о которых сегодня идет речь, но также и тех, с которыми нам предстоит встретиться на еще

не открытых планетах. Наши ученые, ваша честь, разработали проект подобного определения, однако, прежде чем я предложу его обсудить, прошу разрешения суда на демонстрацию некоторого опыта, благодаря которой мне будет проще объяснить вам суть проблемы, с которой мы столкнулись.

— Капитан Грейбенфельд уже просил разрешения на проведение опыта и получил его, — разъяснил судья Пендарвис. — Прошу вас, приступайте, капитан.

Грейбенфельд подал секретарю суда знак, тот открыл дверь слева от судейского стола, и вошли двое служащих космофлота с картонными коробками в руках. Один из них направился к судьям, второй обошел столы и раздал всем сидевшим миниатюрные слуховые аппараты, снабженные дополнительными блоками.

— Прошу вставить их в уши и включить кнопку на панели. Благодарю.

Беби попытался отобрать у Джека аппаратик, но тот уже вставил его себе в ухо и нажал на кнопку. Он тут же уловил множество странных высоких звуков, которых прежде никогда не слышал, и вдруг Беби сказал ему:

— *Хе-инта сава'ака; игга за геева?*

— Матерь Божья, Гас! Он разговаривает!

— Да, я тоже слышу. Как ты думаешь, это...

— Именно. Ультразвуковая речь. Боже, почему мы сами до этого не додумались?!

Он отключил аппарат, и Беби снова произнес:

— Уиик?

Джек нажал кнопку и услышал:

— *Кукк-ина за зеева.*

— Нет, Беби, Папа Джек тебя не понимает. Нам обоим придется постараться, чтобы научиться понимать друг друга.

— *Паа-паа Джееак!* — закричал малыш. — *Бебии за-хинга; Паапаа Джееак за заг га слшшш!*

— Значит, то уиканье, которое способно воспринять наше ухо, всего лишь видимая часть айсберга. Думаю, мы тоже издаем немало звуков, которые не способны воспринять.

— По-моему, он понял, о чем мы говорим, так как упомянул и твое и свое имя.

— Мистер Браннард и мистер Холлоуэй, — раздался голос судьи Пендарвиса, — прошу вашего внимания! Теперь,

когда все надели и включили аппараты, я попрошу капитана продолжить демонстрацию опыта.

В зал вошли два лейтенанта, а за ними несколько рядовых. Они внесли шесть пушистиков, опустили их на пол между судьями и полукругом из столов и отошли в сторону. Пушистики сбились в кучку, настороженно оглядываясь вокруг; а Джек застыл, не веря своим глазам: этого не может быть! Их же нет в живых! Но они были живы-живехоньки, все до единого: Маленький Пушистик и Мамуля, и Ко-Ко, и Золушка, и Майк, и Мицци. Беби со счастливым воплем слетел со стола, и Мамуля бросилась к нему навстречу. Тут все они увидели, кто сидит за столом, и хором позвали:

— *Папаа Джееак! Папаа Джеак!*

А у того подкосились ноги, и он не мог встать из-за стола, а потом вдруг обнаружил, что сидит на полу, а вся его родная семья обнимает его, теребит и гладит. Откуда-то издалека донеслись стук судейского молотка и голос судьи Пендарвиса: «Заседание прерывается на десять минут!», и тут же рядом оказался Гас. Он собрал всех пушистиков в мощные объятия и понес на свой стол.

Джека встревожило, что все малыши шатаются и еле держатся на ногах, но через минуту он сообразил, в чем дело: нет, они не были больны и не находились под воздействием наркотиков, просто они слишком много времени провели в космосе, в условиях пониженной гравитации, и теперь с трудом привыкали к нормальной силе тяжести. Теперь он понял, почему так и не обнаружил ни единого их следа. Только сейчас он обратил внимание, что на спине у каждого висел импровизированный рюкзак, сделанный из привязанного тонкими веревочками футляра от армейской индивидуальной аптечки. Почему он, старый дурак, сам до такого не додумался? Джек указал на один из футляров и спросил, что это такое, стараясь как можно больше приспособить свою речь под восприятие пушистиков. Те заговорили все разом, стали открывать «рюкзаки» и демонстрировать свои богатства: ножички, миниатюрные инструменты, бутылочные осколки разных цветов. А Маленький Пушистик с гордостью достал крохотную трубочку с чашечкой из железного дерева и маленькую табакерку, полную мелкого табака. И в завершение потряс Папу Джека видом крохотной зажигалки.

— Ваша честь! — крикнул Гас. — Я знаю, что сейчас перерыв, но вы только посмотрите, что вытворяет этот малыш!

Маленький Пушистик тем временем уже набил трубочку, щелкнул зажигалкой и выпустил большой клуб дыма.

Лесли Кумбс выругался и, закрыв глаза, откинулся на спинку стула.

Наконец судья Пендарвис застучал молотком и продолжил заседание:

— Леди и джентльмены, все вы были свидетелями опыта, проведенного капитаном Грейбенфельдом. Вы своими ушами слышали звуки, произносимые пушистиками. Согласитесь, они звучат как членораздельная речь. Кроме того, один из пушистиков в вашем присутствии только что закурил трубку, воспользовавшись зажигалкой. И хотя курение в зале суда запрещено, для пушистика мы делаем исключение. Прошу, однако, не воспринимать это как попытку дискриминации остальных людей, здесь присутствующих.

После этих слов Лесли Кумбс вскочил на ноги, словно его подбросило.

— Ваша честь! На утреннем заседании я заявил протест против использования подобного термина в отношении этих существ в свидетельских показаниях, но по поводу употребления этого термина членами судейской коллегии я вынужден заявить категорический протест! Да, я слышал, что пушистики издают звуки, которые при известной доле воображения можно принять за отдельные слова, но я отрицаю, что это является речью. А что до фокуса с зажигалкой, то я берусь за тридцать дней обучить ему любого терранского шимпанзе или фрейянского кхолфа!

Теперь вскочил Грейбенфельд:

— Ваша честь, я заявляю, что за месяц, который пушистики провели на базе на Ксеркссе, нашими учеными был составлен перечень ста с лишним слов их языка, к каждому из которых мы нашли точный, конкретный перевод, и огромного количества слов, которые пока нуждаются в дополнительном исследовании. Кроме того, мы начали изучать их грамматику. А что же до так называемого «фокуса с зажигалкой», то Маленький Пушистик (кстати, мы не знали, что его так зовут, и у себя на базе называли его «эм-два») освоил его сам, глядя на других людей. И трубку курить мы его тоже не учили; он знал, как это делается, уже тогда, когда попал к нам.

Джек встал уже во время речи капитана и, как только тот закончил, взял слово:

— Капитан Грейбенфельд, позвольте мне прежде всего выразить глубокую благодарность вам и вашим людям за заботу, проявленную к пушистикам, а также за то, что вы сумели разобраться в особенностях их речи и теперь мы можем их слышать. Я благодарю вас за те чудесные подарки, что вы им сделали... Одного не могу понять: почему вы не сообщили мне, что они живы? Вы же знали, как я переживал весь этот месяц.

— Да, мистер Холлоуэй, мы видели ваши страдания и, если это вас сколько-нибудь утешит, очень сочувствовали вам, но мы не могли пойти на риск провалить нашего агента, внедренного в научный отдел Компании, ведь именно он забрал пушистиков утром после их побега.

Капитан бросил быстрый взгляд на стол, стоящий с другого конца полукруга: Келлог сидел, спрятав лицо в ладонях, безразличный ко всему, что происходило вокруг. Зато с лица Лесли Кумбса слетела обычная маска беспристрастности, и в глазах его стоял откровенный ужас.

— К тому времени, — продолжал Грейбенфельд, — когда вы с судебным исполнителем Фейном и вашим адвокатом мистером Браннардом прибыли в институт с ордером на возврат пушистиков, они уже находились на борту нашего корабля, летящего к Ксерксу. Мы не могли рисковать своим агентом. Но теперь я рад сообщить, что необходимость в этом отпала.

— Хорошо, капитан Грейбенфельд, — сказал главный судья. — Я полагаю, что теперь вы хотите продолжить рассказ об открытиях, сделанных вашими учеными на Ксерксе. Прошу вас для протокола уточнить время и место проведения экспериментов.

— Да, ваша честь. Я прошу вас вызвать лицо, означенное в предъявленном мною списке под номером четыре, и в соответствии с предоставленным мне правом позволить мне задать ему несколько вопросов.

Судья взял список и объявил:

— Лейтенант запаса вооруженных сил Терранской Федерации Рут Ортерис!

Джек взглянул на большой экран: Герд ван Рибек, все это время старательно игнорировавший присутствие Рут, теперь смотрел на нее распахнутыми глазами, онемев от удивления. Лицо Кумбса на минуту исказилось гримасой, словно он увидел привидение, а затем застыло в трупном

безразличии. Эрнст Маллин в ярости кусал губы, а сидящий с ним бок о бок Бен Рейнсфорд сиял лучезарной улыбкой. Рут поднялась со своего места, и, как только она оказалась перед судейским столом, пушистики встретили ее радостными воплями: они помнили и любили ее. Гас Браннард вцепился в руку Джека и зашептал: «Ну, брат, это уже называется "добить лежачего"!»

Сидя под небесно-голубой сферой, лейтенант запаса Ортерис сообщила, что прибыла на Заратуштру в качестве офицера запаса космофлота Терры и агента внутренней разведки с целью внедриться в Компанию.

— Как профессиональный психолог, я заняла должность в отделе под началом доктора Маллина, а также в школьном департаменте и комиссии по делам несовершеннолетних. Все это время я посылала регулярные отчеты коммодору Элборгу — начальнику разведуправления на Ксеркссе. Моим заданием было выяснить, не нарушает ли Компания условия договора, на основании которого выдана лицензия. Однако до середины прошлого месяца мне почти нечего было сообщить, кроме как о нескольких незаконных финансовых операциях, при которых Компанией перечислялись довольно большие суммы на счет губернатора Эммерта. Но вечером пятнадцатого июня...

Это было в тот самый вечер, когда Бен записал для Хименеса рассказ Холлоуэя; Рут рассказала, каким образом она неожиданно оказалась в центре событий.

— Сразу, как только я получила возможность передать запись на Ксеркс, она оказалась на столе Элборга. Следующей ночью я вышла на связь с базой по видеофону со шлюпки ван Рибека и сообщила о собственных выводах, полученных в результате наблюдений за пушистиками. Затем я получила информацию о том, что Леонард Келлог раздобыл копию рассказа Холлоуэя и доложил об этом Виктору Грего. Вследствие чего Леонард Келлог с доктором Маллином были отправлены на Бету с заданием предотвратить публикацию заявления об обнаружении на Заратуштре разумных аборигенов и сфабриковать против доктора Рейнсфорда и Джека Холлоуэя обвинение в научной фальсификации.

— Я заявляю протест! — взвился Лесли Кумбс. — Ваша честь, это заявление основано на слухах!

— Показания лейтенанта Ортерис полностью подтверждаются отчетами других наших разведчиков, — заметил Грейбенфельд. — Вы прекрасно знаете, что на планете у

нас не один агент и даже не два. Мистер Кумбс, если вы еще хоть раз позволите себе усомниться в словах лейтенанта Ортерис, я буду вынужден просить мистера Браннарда вызвать в суд Виктора Грего и допросить его на детекторе лжи относительно заданий, которые он давал Келлогу.

— О-о! Мистер Браннард будет счастлив выполнить такую просьбу, — во всеуслышание заявил Гас.

Кумбс поспешно сел.

— Хорошо, лейтенант Ортерис, все, что вы рассказываете, чрезвычайно важно, но в данный момент нас интересует, как пушистики попали на базу на Ксерксе, — сказал круглолицый судья Руис.

— Я попыталась отправить их туда как можно скорее, ваша честь, — ответила Рут. — Пушистиков забрали у мистера Холлоуэя в пятницу в десять часов вечера и повезли в Мэллори-порт. Там Мохаммед О'Брайен передал их с рук на руки Хуану Хименесу, который отвез их в научный центр и поместил в клетки в подсобном помещении своего офиса. Они сбежали почти сразу после того, как остались одни. Я обнаружила их на следующее утро, и мне удалось вывести их из здания и поручить заботам коммодора Элборга, который лично руководил операцией. Однако способ, к которому мне пришлось прибегнуть, я не имею права раскрыть даже здесь, так как являюсь офицером разведки Терранских Федеральных войск, а гражданский суд не имеет права требовать от офицера раскрытия военных секретов. От своего связника в Мэллори-порте я время от времени получала сведения о достижениях в изучении ментального уровня пушистиков и при случае сама подбрасывала им идеи. Кстати, не могу не признать, что часть этих идей базировалась на предположениях, высказанных доктором Маллином, за что я не могу не выразить ему свою благодарность.

У Маллина, однако, эта благодарность, похоже, вызвала несварение желудка.

С места поднялся Браннард:

— Прежде чем свидетельница продолжит, я хотел бы спросить, знает ли она что-нибудь о тех четырех пушистиках, которых Джек Холлоуэй обнаружил у Папоротникового ручья.

— Конечно, знаю. Это мои собственные пушистики, и я за них очень волновалась. Их зовут Комплекс, Синдром, Ид и Суперэго.

— Ваши пушистики?

— Их поймали на Бете Хуан Хименес и нанятая Компанией группа охотников, а я взяла их под свою опеку. Они жили в пятистах милях к северу от столицы на ферме, которая была выделена научным центром для их изучения. Большую часть времени мы с доктором Маллином проводили там. Но однажды вечером приехал мистер Кумбс и забрал пушистиков.

— Мистер Кумбс, говорите? — громовым басом переспросил Браннард.

— Да, мистер Лесли Кумбс, юрист Компании. Он сказал, что пушистики нужны в Мэллори-порте. И только на следующий день я узнала, для чего они понадобились: их выпустили прямо в центре всей этой охоты на пушистиков, надеясь, что их убьют. — И Рут бросила на Кумбса такой взгляд, что если бы взгляд мог разить наповал, то сейчас адвокат был бы мертвее Курта Борха.

— Но зачем понадобилось приносить четверых пушистиков в жертву — ведь правда об этой истории рано или поздно выплыла бы на свет? — спросил Браннард.

— Это не было жертвой. Иначе они сами убили бы их. Но они боялись это сделать, так как не хотели попасть в шкуру Келлога. Все они, начиная с Эрнста Маллина, были абсолютно уверены в разумности пушистиков. В качестве подтверждения моих слов могу сказать, что в опытах с ними мы использовали аналогичный слуховой прибор; это я предложила его испытать, после того как узнала об опытах на базе. Спросите об этом у доктора Маллина под детектором, сами услышите, что он скажет. И о полиэнцефалограммах тоже.

— Итак, теперь мы знаем, каким образом пушистики оказались на Ксерксе, — сказал судья Пендарвис. — Мы слышали отчет о результатах проведенных там исследований. Теперь мы хотели бы выслушать доктора Маллина.

Встал Кумбс:

— Ваша честь! Прежде чем будут выслушаны чьи бы то ни было свидетельские показания, я прошу разрешения на небольшое приватное совещание с моим подзащитным.

— Не вижу никаких объективных причин прерывать заседание ради ваших совещаний, мистер Кумбс. В перерыве вы можете совещаться со своим подзащитным сколь-

ко угодно, но, смею вас заверить, вскоре вам уже не придется печься об его интересах. — Судья стукнул молотком и возгласил: — Доктор Эрнст Маллин, прошу вас занять свидетельское кресло!

Глава 15

Услышав свое имя, Эрнст Маллин съежился, словно хотел исчезнуть, превратиться в ничто. Он не хотел давать никаких показаний! Он панически боялся этого момента уже много дней! И вот теперь его все же заставят сесть в это кресло и начнут изводить вопросами; и если он не станет говорить правду, шар над его головой...

Когда судейский помощник коснулся его плеча, он даже не был уверен, послушаются ли его ноги. Но они послушались, и доктор покорно пошел туда, куда его повели; его смущало, что все смотрят на него, и путь показался ему длиною в милю. Наконец он упал в кресло, на голову ему опустили шлем и присоединили электроды к различным частям тела. Когда-то от свидетеля требовалась клятва говорить правду и ничего кроме правды. Этим никаких клятв не требовалось. Они и без этого получали все, что требуется.

Маллин услышал, как щелкнул тумблер детектора, и посмотрел на экран над головами судей; шар над креслом полыхал красным. Послышался смех. Из всех присутствующих в зале один лишь Маллин понял, почему так произошло. В его лаборатории имелись детекторы, способные разложить излучение мозга на альфа- и бета-волны; бета-алеф и бета-бет, и бета-гимель, и бета-далет, таламические волны. Он мысленно перечислил их и вспомнил все, что знал об электромагнитных колебаниях, сопровождающих деятельность мозга. Пока он думал о работе, красный цвет шара сменился на голубой. Да, конечно, ведь сейчас доктор не пытался в мыслях что-либо скрыть или выдать ложь за правду. Если бы ему удалось продержаться так до конца! Но он и сам понимал, что надолго его не хватит.

Он назвал свои имя и должность — шар остался голубым. Однако, когда Маллин начал перечислять свои публикации, детектор мгновенно отреагировал красной искрой: одна из статей, которую доктор напечатал в журнале под своим именем, была курсовой работой его студента. Сам он давно уже забыл об этом, но подсознание, оказывается, все еще помнило.

— Доктор Маллин, — начал старший из трех судей, сидящий посередине. — Как, по вашему мнению, — я обращаюсь к вам как к профессионалу — формулируется понятие разумности?

— Способность мыслить сознательно, — ответил свидетель. И шар остался голубым.

— Вы хотите сказать, что неразумные существа не обладают сознанием, или же имеете в виду, что они не способны формулировать мысли?

— Ни то ни другое. Любая форма жизни, имеющая центральную нервную систему, обладает некоторой степенью осознания: инстинктом самосохранения и восприятия окружающего мира. И любое существо, обладающее мозгом, мыслит, если использовать этот термин в самом широком понимании. Я же имел в виду другое: только разумный мозг способен осознать, что он способен мыслить.

До сих пор все шло хорошо. Доктор начал рассказывать о причинно-следственных цепочках и об условных рефлексах. Он вернулся к первому столетию до Атомной эры, к работам Павлова, Коржибского и Фрейда. Шар не мигнул ни разу.

— Неразумное животное сознательно реагирует лишь на сигналы органов чувств и отвечает на них автоматически. Оно получило сигнал и принимает мгновенное решение: это можно есть, а вот это ощущение неприятно; это объект сексуального удовлетворения, а это опасно. Разумное существо, наоборот, сначала сознательно воспринимает объект, совершает описательное утверждение его, а затем на основании этого утверждения решает, какова должна быть на него реакция. На моем столе лежит лист с тезисами. Если кто-нибудь мне его подаст...

— Пока не стоит, доктор Маллин. Дискуссия еще впереди, и вы сможете высказаться в полной мере. Сейчас нас интересует только ваше мнение в данном конкретном вопросе.

— Хорошо. Разумное существо способно к созданию обобщений. Для животного же каждое конкретное событие воспринимается как новое и требует мгновенной реакции: изучать его или же реагировать в соответствии с уже накопленным опытом. Кролик убегает от любой собаки, ибо в его сознании она идентифицируется с той, которая впервые в его жизни на него охотилась. Птицу привлекло яблоко, но каждое следующее яблоко всякий раз будет для нее новым объектом с красным боком. Ра-

зумное же существо просто скажет себе: «Вот эти красные штуки — яблоки, и все они съедобны и вкусны». Таким образом он мысленно создал класс, объединяющий все яблоки. Это, в свою очередь, ведет к формулировке абстрактных критериев, таких, как цвет, запах и так далее, уже оторванных от конкретного физического объекта, и к созданию абстрактного «фрукт», столь же отдельного от «яблок», как следующая стадия обобщения «пища» абстрагируется от «фруктов».

Шар все еще был безмятежно-лазурен. Судьи выжидающе смотрели на него, а доктор Маллин продолжал:

— Создав ряд подобных абстрактных символов, разумное существо испытывает насущную потребность каким-то образом их назвать, чтобы отделить от реально существующих физических объектов. Разумное существо умеет выражать свои мысли посредством различных символов и передавать их таким образом другим разумным существам.

— Например, «Паа-па Джееак»? — вдруг спросил судья с густыми черными усами.

Шар мгновенно покраснел.

— Ваша честь, я не могу обсуждать слова, выбранные наугад, тем более что их могли просто механически затвердить наизусть. Пушистики могли просто проассоциировать данное звукосочетание с конкретным человеком и использовать его как сигнал, а отнюдь не как символ.

Шар все еще был красным. Главный судья стукнул молотком:

— Доктор Маллин! Вам прекрасно известно, как и любому на нашей планете, что обмануть детектор лжи невозможно. Но, в отличие от большинства людей, которые просто знают, что это бесполезно, вы имеете достаточно профессиональных знаний, чтобы понимать принципы, по которым действует машина. Я настаиваю, чтобы вы еще раз ответили на вопрос судьи Джанивера, но на сей раз искренне и правдиво. Если же вы еще раз попытаетесь уклониться от истины, то я вынужден буду обвинить вас в неуважении к суду. Итак, повторяю: когда пушистики кричали «Паа-па Джееак!», верили вы, что это является вербальным выражением образа, соответствующего в их сознании мистеру Холлоуэю, или нет?

Он не может ответить! Вся их разумность была большим надувательством. *Он должен верить в это. Пушистики — всего лишь безмозглые животные.*

— Да, ваша честь. «Паа-па Джееак» является символом, соответствующим в их сознании образу мистера Холлоуэя.

Он взглянул на шар. Красный сменился лиловым, лиловый сиреневым, а затем голубым.

— Так, значит, пушистики мыслят сознательно? Отвечайте, доктор Маллин! — потребовал судья Пендарвис.

— Да, конечно. Одного факта использования ими членораздельной речи уже хватает для доказательства. Что же касается наших исследований, то все они подтверждают это даже с лихвой. Мы провели сравнительный анализ их энцефалограмм. Они соответствуют уровню мозговой активности терранского ребенка десяти—двенадцати лет. Этому же возрасту соответствуют и их способности обучаться и решать головоломки. Разбирая головоломки, они прежде всего обдумывали проблему со всех сторон, решали ее в уме, после чего оставалось лишь придать решению материальную форму; при этом они затрачивали столько же умственных усилий, сколько человек обычно тратит на мытье рук или стирку воротничка.

Шар был голубым. Маллин устал лгать и изворачиваться и теперь наконец-то открыто излагал все свои мысли, выводы и гипотезы.

Леонард Келлог облокотился на стол и закрыл руками лицо. Волны отвращения к самому себе накатывали на него, оставляя равнодушным ко всему, что происходило в зале.

Я убийца. Я убил личность. Смешная и мохнатая, она тем не менее была личностью, и я уже знал это, когда убивал ее. Я знал это точно с того момента, как увидел крохотную могилку в лесу, а теперь меня посадят в кресло и прилюдно заставят признаться во всем, а потом выведут в тюремный двор, кто-нибудь приставит пистолет к моему затылку и...

Все, что хотела эта бедняжка, так это всего-навсего похвастаться своим новым украшением!

— Есть ли у кого-нибудь вопросы к свидетелю? — спросил судья Пендарвис.

— У меня нет, — отозвался Грейбенфельд. — А у вас, лейтенант?

— Тоже, пожалуй, нет, — ответил Айбарра. — Доктор Маллин и так дал весьма пространный ответ.

Маллин был вынужден пойти на это после того, как понял, что провести детектор все равно не удастся. Джек вдруг обнаружил, что испытывает к Маллину симпатию. Сначала этот человек ему очень не понравился, но теперь

он увидел его совсем в другом свете — словно его очистила хлынувшая изнутри волна искренности. Может быть, всем было бы не худо время от времени посидеть в кресле детектора, чтобы научиться честному отношению к другим и в первую очередь к себе самому.

— У вас есть вопросы, мистер Кумбс?

Адвокат не ответил. Он выглядел так, словно на всю оставшуюся жизнь зарекся задавать вопросы кому бы то ни было.

— У вас, мистер Браннард?

Гас встал и, держа на руках разумного представителя разумной расы, вцепившегося ему в бороду, выразил доктору Маллину не очень горячую, но благодарность.

— В таком случае я закрываю заседание до девяти утра завтрашнего дня, — объявил судья Пендарвис, пока служащие суда отстегивали доктора Маллина от кресла. — Мистер Кумбс, вот у меня чек от лицензированной компании «Заратуштра» на двадцать пять тысяч солов. Я возвращаю его вам, а доктор Келлог будет задержан в зале суда и препровожден в тюрьму.

— А Джека Холлоуэя вы тоже задержите?

— Нет, и не советую вам, мистер Кумбс, затевать на эту тему юридический спор. И знайте: единственной причиной, по которой я еще не закрыл дело Холлоуэя, является то, что я просто не хочу ставить вас в неловкое положение, лишая куска хлеба, который вы должны заработать на его процессе в качестве прокурора. Тем более что можно смело отпускать мистера Холлоуэя под залог, а вот в отношении вашего клиента этого уже не скажешь.

— Если говорить положа руку на сердце, ваша честь, то я тоже за него поручиться не могу, — согласился Кумбс. — Мой протест был скорее всего вызван тем, что доктор Маллин назвал бы условным рефлексом.

Вскоре вокруг стола Джека собралась целая толпа: Бен Рейнсфорд, Джордж Лант со своими ребятами, Герд и Рут (теперь они ходили в обнимку).

— Мы заедем в отель чуть попозже, — сказал Герд. — Мы хотим зайти куда-нибудь перекусить и выпить по коктейлю, а потом обязательно приедем и заберем пушистиков Рут.

Ну вот и ладно, его компаньон снова обрел свою девушку, а его девушка снова обрела своих пушистиков. То-то радости теперь будет! Так как, бишь, их зовут? Синдром, Комплекс, Ид и Суперэго. Это же додуматься надо так обозвать пушистиков!

Глава 16

Они на секунду остановились в дверях, перекинувшись несколькими фразами шепотом, а затем прошествовали на свои места с отстраненными лицами статуй святых на праздничной процессии: Руис, за ним Пендарвис и последним — Джанивер. Они обернулись к экрану, чтобы народ, которому они служили, от имени которого выступали, мог видеть лица судей крупным планом, и только затем сели в свои кресла. Судейский секретарь завел свою ритуальную песнь, и они физически ощутили огромное напряжение, владевшее залом.

— Они уже все знают, — прошептал Ив Джанивер, почти не размыкая губ.

Как только секретарь закончил, к столу судей приблизился Макс Фейн и с бесстрастным лицом, голосом, не выражающим никаких эмоций, сказал:

— Ваша честь, к своему стыду, я вынужден доложить вам, что обвиняемый Леонард Келлог не может присутствовать на сегодняшнем заседании. Он мертв; сегодня ночью в своей камере он покончил с собой. — И с горечью добавил: — Во время моего дежурства.

По залу пронесся ропот, однако не удивления и не возмущения, а скорее удовлетворения — как будто все услышали именно то, что ожидали.

— Как это произошло, исполнитель?— спросил судья самым что ни на есть обыденным тоном.

— Обвиняемый был помещен в одиночную камеру, однако за ним постоянно наблюдали: один из охранников неотрывно следил за его действиями на экране, второй периодически поглядывал в глазок, — доложил Фейн все тем же безжизненно-механическим голосом. — В двадцать два тридцать обвиняемый лег в постель, не сняв рубашки, и накрылся с головой одеялом. Охранника это не встревожило: многие заключенные так поступают, потому что освещение никогда не выключается. Какое-то время он беспокойно вертелся, метался, а затем как будто заснул.

Когда охранник пришел будить его утром, то обнаружил, что матрац на нарах насквозь пропитан кровью. Леонард Келлог перерезал себе горло, воспользовавшись краем застежки «молния». Он был мертв.

— Храни нас, Господь! — отшатнулся судья. Он не ожидал услышать ничего подобного. Утром ему сообщили, что Келлог ухитрился пронести в камеру перочинный нож, и Пендарвис собирался поставить судебному исполнителю

это на вид. Но такое!.. Он вдруг почувствовал боль: в пальцы ему впился зубчатый край застежки жакета. — Я не могу наложить на вас взыскание за то, что вы не смогли предупредить этого акта. И вряд ли кто другой на вашем месте смог бы предвидеть подобное.

Руис и Джанивер согласно кивнули. Судебный исполнитель Фейн механически поклонился суду и отошел в сторону.

Лесли Кумбс поднялся со своего места; казалось, он всеми силами пытается придать лицу скорбное и удрученное выражение.

— Ваша честь, теперь я остался без клиента, которого должен был защищать. И поэтому не вижу объективных оснований для моего дальнейшего участия в процессе, так как в деле мистера Холлоуэя, вне всякого сомнения, присутствует факт самозащиты. Он застрелил человека, собиравшегося убить его самого, так о чем тут еще говорить? Поэтому я прошу высокий суд прекратить дело и освободить мистера Холлоуэя из-под стражи в зале суда.

Слово взял капитан Грейбенфельд.

— Ваша честь, я полностью отдаю себе отчет в том, что решения здесь принимает только суд, но позвольте мне заметить, что я и мои коллеги крайне заинтересованы в данном процессе, так как он затрагивает вопрос планетного статуса Заратуштры и касается животрепещущей проблемы определения наличия разума у не изученных нами существ. Эти вопросы я считаю слишком серьезными, чтобы прекратить процесс и оставить их, таким образом, без разрешения.

— Но ваша честь! — запротестовал Кумбс. — Мы же не сможем допросить мертвого! Продолжать в данных обстоятельствах процесс значит превратить его в дешевый фарс!

— «Общественность колонии Бафомет против Джамшара Сингха, ныне покойного, — перебил его цитатой достопочтенный Густав Адольф Браннард, — обвиняемого в поджоге и саботаже». Год 604-й атомной эры.

Да уж, в колониальном праве вы сможете найти прецедент на все случаи жизни.

Джек Холлоуэй тоже вскочил, прижимая левой рукой Беби к груди, и его седые усы гневно встопорщились.

— Я пока еще жив, ваша честь, и присутствую сегодня на суде. Причина, по которой я не стал трупом, сейчас как раз и разбирается. Моя защита состоит в том, что я застрелил Курта Борха в тот момент, когда он целился в

меня и таким образом еще и являлся соучастником убийцы пушистика. Поэтому я требую, чтобы суд в законном порядке, с соблюдением всех процедур признал, что предумышленное убийство пушистика — уголовно наказуемое преступление.

Судья кивнул.

— Я отклоняю вашу просьбу о закрытии дела, мистер Кумбс. Мистеру Холлоуэю было предъявлено обвинение в предумышленном убийстве, и он имеет полное право требовать, чтобы его невиновность была установлена законным путем, и получить оправдательный приговор, реабилитирующий его в глазах общества. Так что, боюсь, мистер Кумбс, вам придется выступить на этом процессе в качестве обвинителя.

И вновь по залу, словно ветерок по полю ржи, пронесся легкий ропот; несмотря ни на что, процесс продолжался!

В это утро в суд привезли всех пушистиков: шестерку Джека, пятерых из патрульного участка, Флору и Фауна Бена Рейнсфорда и вновь обретенную четверку Рут Ортерис. Дискуссия разгорелась настолько бурная, что присматривать за ними под конец было уже некому, и в результате один из полицейских пушистиков (то ли Диллинджер, то ли Доктор Криппен) в компании Флоры и Фауна вылезли между столами и судьями и устроили небольшую перепалку, отбирая друг у друга длинный шланг от вакуумпылесоса. Ахмед Хадра, пронырнув под столом, попытался отобрать у них новую игрушку, но не тут-то было: они втроем вцепились в шланг и с воплями стали тянуть его на себя, а на помощь к ним бросились Майк с Мицци и Комплекс с Суперэго. Всемером они резко дернули, Ахмед не удержался на ногах, и, к общему восторгу, пушистики протащили его футов десять по полу.

В то же самое время с другого края полукружия столов раздались возбужденные голоса: там спорили лингвисты, и дискуссия между главой академии языкознания Мэллорипорта и фонетиком-любительницей (высохшей старой девой) грозила перерасти в вульгарное рукоприкладство.

Судья Пендарвис философски решил, что, раз уж ты не в силах прекратить все это безобразие, остается плюнуть на все и расслабиться. Чтобы привлечь внимание, ему все же пришлось несколько минут колотить молотком, и, когда наконец его услышали, он объявил, что заседание закрыто.

— Однако прошу всех оставаться на своих местах. Дискуссия продолжается, и как только какая-то из групп, обсуждающих различные аспекты проблемы, придет к соглашению, я прошу объявить о результатах и представить нам доказательства, подтверждающие их выводы. Мы тут же продолжим заседание. Если в ближайшее время дискутирующие не договорятся между собой, то в любом случае заседание будет продолжено в одиннадцать тридцать.

Кто-то поинтересовался, можно ли во время перерыва курить в зале. Судья Пендарвис разрешил и первым достал сигару. К нему на стол забралась Мамуля и попросила затяжку, но ей не понравилось. Краем глаза Пендарвис заметил Майка, Мицци, Флору и Фауна, взбирающихся по ступенькам, ведущим к судейскому столу. А уже через минуту Мицци демонстрировала высокому суду содержимое своего рюкзачка.

Пендарвис встал, держа на одной руке Мамулю, а на другой ее Беби, и направился к столу Лесли Кумбса. Кто-то принес в зал из кафетерия электрокофейник и наливал всем желающим... Да, надо бы почаще приглашать пушистиков в суд.

Молоток стукнул несколько раз, и в торжественной тишине Маленький Пушистик быстро забрался к Джеку на колени и чинно уселся. За пять дней, проведенных в суде, малыши уже уразумели, что, когда стучит молоток, все люди замолкают, а значит, и пушистикам тоже нужно вести себя тихо. «А это идея, — подумал Джек, — заведу себе дома на столе маленький деревянный молоточек, чтобы усмирять свою семейку, когда они слишком уж разойдутся». Единственным, кто еще не научился дисциплине, был Беби, но Мамуля бдительно следила за ребенком и, поймав его на полдороге под стол, усадила к себе на колени.

Зал суда вновь выглядел в соответствии с общепринятыми нормами: столы были расставлены в одну линию, а свидетельское кресло заняло свое обычное место рядом с судейским помостом. Пепельницы, кофейники, ведерки со льдом для напитков — все исчезло, словно никогда и не оскорбляло своим присутствием зал Верховного суда. Праздник кончился. Пендарвис даже слегка пожалел, что все прошло: было так весело. В особенности семнадцати пушистикам плюс Беби и черно-белому котенку.

Однако и сегодня на суде было нечто, не соответствующее традициям: за судейским столом рядом с тремя

судьями сидел четвертый — мужчина в шитой золотом черной форме космофлота. Коммодор Алекс Напье.

Судья Пендарвис отложил молоток.

— Леди и джентльмены, готовы ли вы огласить решение, принятое вами совместно и единогласно?

Лейтенант Айбарра, психолог военной базы на Ксерксе, поднялся со своего места и включил стоящий перед ним небольшой экран с тезисами.

— Высокий суд, — начал он, — несмотря на все еще существующий ряд разногласий в мелких деталях, в главном вопросе мы пришли к общему согласию. Нам было довольно легко принять решение, поэтому мы уложились в максимально короткий срок. Могу ли я огласить его?

Суд дал разрешение. Айбарра бросил взгляд на экран и продолжил:

— По нашему общему мнению, разумное существо отличается от неразумного тем, что обладает способностью к сознательному мышлению, построению логических цепочек, а также может мыслить категориями более высокими, чем просто оценка мировосприятия, полученного посредством органов чувств. Мы (я говорю сейчас от лица представителей всех разумных рас) мыслим сознательно и осознаем сам процесс мышления. Однако это вовсе не значит, что все наши ментальные процессы проходят на сознательном уровне. Одним из важнейших постулатов психологии как науки является факт, что на сознательном уровне мы воспринимаем лишь малую долю того, что творится у нас в мозгу; в течение многих веков мы представляли себе разум в виде айсберга, на девять десятых погруженного в подсознание. Вся психиатрия зиждется именно на методиках вытягивания отдельных необходимых нам ниточек из почти неизведанных глубин подсознания, но я как практик должен признать, что мы до сих пор бродим вслепую и ничего не можем утверждать наверняка.

Мы настолько привыкли полагаться на свое сознание, что, принимая какое-то решение по подсознательному импульсу, называем это «предчувствием», или «интуицией», и сомневаемся в правильности наших действий. Мы настолько привыкли принимать решения именно на сознательном уровне, что, для того чтобы проявить совершенно естественный инстинкт самосохранения в борьбе или при любой опасности, нам приходится долго и тщательно тренировать свои рефлексы уже на сознательном уровне. Мы от рождения понятия не имеем о скрытой в нас области

разума и поэтому долгое время вообще отказывались признавать ее существование, вплоть до первого века до атомной эры. Но сейчас, хотя мы и признали, что она существует, природа ее остается для нас в основном загадкой и пока служит больше предметом научных споров и дискуссий, нежели реальным знанием.

Да, в дискуссиях, проходивших здесь последние четыре дня, эта тема пару раз затрагивалась.

— Итак, если продолжать развивать метафору, изображающую человеческое сознание в виде погруженного в воду айсберга, то мыслительные процессы неразумного существа можно сравнить лишь с солнечными бликами, играющими на его поверхности. Конечно, эту аналогию нельзя воспринимать буквально; мозг неразумного существа, способного оперировать лишь ежесекундными импульсами органов чувств, не способен на сознательное мышление, так как все всплески его активности поглощаются подсознанием. Конечно, при встрече с абсолютно новыми явлениями и у неразумных существ происходят всплески активности, близкие к сознательным. Доктор ван Рибек, которого в большей степени интересует эта проблема с точки зрения эволюционного процесса, высказал гипотезу, что именно столкновение с абсолютно новыми, ранее незнакомыми объектами и явлениями стимулирует развитие мозговой активности и рано или поздно может привести к возникновению разума.

Разумное существо не только имеет свойство мыслить сознательно, но и обладает развитыми причинно-следственными связями. Оно способно сопоставить одну вещь с другой. Методом логики оно приходит к некоему выводу и далее способно использовать его как ступеньку к следующему выводу и так далее. Оно способно объединить подобные предметы в группы и обобщить их. И вот тут начинаются кардинальные отличия способов мышления разумного существа и неразумного. Мозг, не обладающий сознанием, способен полагаться лишь на органы чувств и сиюминутную реакцию на них. Разумный мозг умеет определять свои впечатления и выражать их в конкретных мыслях, а следующей ступенью является формирование абстракций, и, где кончается эта лестница, нам неизвестно. Возможно, в бесконечности.

Это приводит нас к одному из самых ярко выраженных проявлений разума: использованию символов.

Айбарра на секунду остановился, отхлебнул глоток воды и перелистал пару страниц на экране.

— Кроме того, разумное существо, — продолжал он, — обладает еще одной очень важной особенностью, являющейся на деле комбинацией трех различных способностей, равноценных между собой, но в то же время именно в комбинации (именно комбинации, а не сложении) способных создать уникальный мыслительный конгломерат. Разумное существо обладает воображением. Оно способно также представить себе объект, не находящийся в данный момент в зоне его сенсорного восприятия, и, наконец, в состоянии планировать свои дальнейшие действия и реализовывать планы. То есть оно способно не только вообразить, но и претворить в жизнь плоды своих мыслительных процессов.

Джек пожал ручку разумному мыслящему существу, сидящему у него на колене, и Маленький Пушистик спросил: «Хе-инта?»

— Ну вот, малыш, — прошептал Холлоуэй, — вот тебя и приняли в человечество.

— Мыслительные процессы проходят у них на сознательном уровне, причем не спонтанными скачками, а постоянно. — Айбарра уже перешел к заключительной части своей речи. — По энцефалограммам пушистиков мы определили, что уровень интенсивности работы их мозга приближается к таковому десятилетнего терранского ребенка. У них развиты причинно-следственные связи; я хочу привлечь ваше особое внимание к той логической последовательности, в результате которой они пришли к открытию, разработке идеальной формы, а затем и воплощению в правильно подобранном материале своих орудий для убийства сухопутных креветок, а также к тому, что для создания их необходимо изобрести еще ряд различных инструментов. У нас есть множество доказательств, что они способны думать на отвлеченные темы, ассоциировать предметы и явления, обобщать их и выражать в абстрактных и конкретных символах.

Кроме вышеперечисленных талантов они обладают еще и даром воображения, достаточным не только для того, чтобы изобретать бытовые насущные инструменты, но и для того, чтобы воспринимать образ жизни, отличный от привычного им. Мы можем отметить эту способность с момента самого первого контакта с их расой, которую я предлагаю называть впредь Pushisticus sapiens. Маленький

Пушистик обнаружил в привычном для него лесу странное и удивительное место, не похожее ни на одно из тех, что он прежде встречал: место, где жило странное, но могущественное существо. И у него хватило воображения, чтобы представить себе, как он живет в этом месте под опекой небывалого великана. Он подружился с Джеком Холлоуэем и поселился в его доме. А затем вообразил, как радовалась бы вся его семья, если бы смогла разделить с ним всю эту нежданную роскошь и мощную защиту. И он пошел в лес, отыскал их и привел в дом. Как у всякого разумного существа, у Маленького Пушистика была своя заветная мечта, свой розовый замок, и судьбе было угодно, чтобы его мечты воплотились в явь.

Судья Пендарвис не торопился браться за молоток и позволил отгреметь всем аплодисментам. Лишь когда овация пошла на спад, он вновь привлек внимание публики к суду. После короткого совещания со своими ассистентами он снова стукнул молотком. Маленький Пушистик очень удивился: ведь в зале и до этого царила полная тишина.

— По единогласному решению суда, мы выражаем благодарность лейтенанту Терранского космофлота за краткое изложение вывода комиссии, который мы в полном объеме имеем в записи, а также всем, кто принял участие в составлении отчета.

Решением Верховного суда планеты Заратуштра отныне утверждается статус существ, известных прежде как вид Pushisticus pushisticus Hollouеus Zaratustra, в качестве представителей разумной расы, что автоматически наделяет их всеми правами разумного существа, которые гарантированы в конституции Терранской Федерации. — И судья еще раз стукнул молотком, окончательно утверждая свое заявление в рамках закона.

Коммодор Напье наклонился к нему и что-то прошептал; все три судьи согласно кивнули.

— Лейтенант Айбарра, — сказал коммодор, встав, — от имени космофлота и Федерации я выражаю благодарность вам и всем, кто сотрудничал с вами, за прекрасный отчет, являющийся конечным итогом огромной работы. Любой, кто участвовал в ней, заслуживает самой высокой похвалы. Кроме того, я должен сообщить, что предложенный лейтенантом Айбаррой метод определения наличия разума посредством механических измерений всплесков мозговой активности особо отмечен мной в отчете, где я

рекомендую немедленно его использовать (учитывая первостепенную важность этого открытия и его насущную необходимость) в работе экспедиций бюро поиска и развития. Не исключено, что мы еще встретим расу, общающуюся на недоступном для человеческого восприятия уровне, имеющую при этом мех и живущую в довольно мягком климате, а потому довольствующуюся сырой пищей. Но теперь мы будем знать, с каким мерилом к ним подойти.

Джек подумал, что все это сулит Айбарре новую лычку и перспективу интересной творческой работы, и искренне пожелал ему всего этого. Судья Пендарвис вновь стукнул молотком и вдруг широко улыбнулся:

— Простите, я совсем забыл, что у нас тут слушается дело об убийстве. Верховный суд Заратуштры постановил, что обвиняемый Джек Холлоуэй не виновен во вменяемом ему в вину преступлении. Он освобождается из-под охраны в зале суда. Я попрошу вас вместе с вашим адвокатом подойти ко мне после окончания процесса и получить обратно ваш залог.

И вновь Маленький Пушистик удивился: зачем стучать, если все молчат? Но еще больше его поразило то, что все вдруг, наоборот, ужасно зашумели, заговорили в голос, а Папа Джек почему-то подбросил его в воздух и закричал:

— Победа-а-а! Принято единогласно!

Глава 17

Рут Ортерис отхлебнула маленький глоток из бокала; коктейль был терпким и холодным. Как хорошо, Боже мой, как все хорошо, все просто замечательно! Тихая музыка доносилась словно издалека, кругом царил полумрак, их столик стоял в отдельной нише; только она и Герд. И никто на них наконец не пялится и не мешает побыть вдвоем. С работой она тоже наконец определилась: от агента, который давал показания в суде, в дальнейшем для разведки пользы столько же, сколько от сгоревшего дотла офиса. Конечно, ее могут затребовать на Терру, но это случится не раньше чем через год, когда придет корабль с приказом, а к тому времени она будет уже не лейтенантом запаса Ортерис, а миссис Герд ван Рибек. Она отставила бокал и слегка погладила пальцем солнечник на перстне. Камень был чудесным и к тому же являлся залогом не менее чудесных событий.

«Вот я и обзавелась семьей, да не маленькой: Герд, четверо пушистиков и черно-белый котенок».

— А ты действительно уверена, что хочешь поехать со мной на Бету? — спросил Герд. — Когда Напье сформирует новый правительственный кабинет, научный центр будет национализирован, и мы спокойно сможем вернуться на старые должности. А может, и более высокие.

— Но ты же не хочешь туда возвращаться? — Герд помотал головой. — Значит, и я не хочу. Я вообще, оказывается, всю жизнь мечтала быть женой добытчика солнечников на Бете.

— И пушистикологом.

— И пушистикологом. Да, этого я бросить уже не смогу. Тем более что мы только начинаем, столько всего предстоит узнать! Их психология — полная терра инкогнита.

— Знаешь, вполне может оказаться, что они гораздо умнее, чем кажется на первый взгляд.

— Только давай не будем ждать от них слишком многого, Герд! — рассмеялась Рут. — Ведь они пока только маленькие детишки. И больше всего их заботят игры и развлечения.

— Да, это так. И все же они не так просты, я на этом настаиваю. — С минуту ван Рибек раздумывал, пытаясь сформулировать свою мысль. — Дело не в их психологии, о которой мы почти ничего не знаем, и не в биологии... — Он отхлебнул из бокала и глубоко затянулся сигаретой. — Вот, нашел: у нас их сейчас в наличии восемнадцать, семнадцать взрослых и один ребенок. Такая вот возрастная пропорция. И у тех, кого мы видели в лесах, та же картина: на пятьдесят взрослых не больше десяти детей.

— Но, может, просто прошлогодние дети выросли и... — начала Рут, но Герд ее перебил:

— Ты знаешь хоть одну разумную расу, у которой на полное физическое развитие и созревание уходит один год? Нет, я уверен, что им, как и нам, требуется на это лет десять—пятнадцать. Беби за прошедший месяц не вырос ни на дюйм и не прибавил в весе ни грамма. И еще одна загадка: их необъяснимое пристрастие к ПР-3. Ведь это же не натуральный продукт — за исключением зерновой основы, он полностью синтезирован. Я говорил об этом с Айбаррой — он подумывает проверить, нет ли там какой-то составной, вызывающей у них привыкание.

— А может, ПР-3 просто восполняет дефицит какого-то питательного элемента?

— Разберемся когда-нибудь. — Ван Рибек вылил в свой бокал последние капли из графина и весело подмигнул. — Слушай, а если нам еще по капельке, для аппетита, а?

Коммодор Напье сидел за столом, прежде принадлежавшим Нику Эммерту, и ждал ответа от невысокого человечка с рыжими бакенбардами в помятом костюме. Тот смотрел на Напье чуть ли не в ужасе.

— Мой Бог! Коммодор, вы, конечно, пошутили!

— Я говорил абсолютно серьезно, мистер Рейнсфорд.

— Ну тогда вы просто сошли с ума! — взорвался Бен. — Почему бы вам сразу не предложить мне пост командующего базой на Ксеркссе, а то губернатор колонии Заратуштра — для моих великих талантов как-то маловато! Да поймите же, я в жизни не занимал административных должностей.

— Но вы можете набрать опытный штат и пользоваться их советами.

— Но я же занят, я работаю в институте ксенологии...

— Я думаю, что они войдут в ваше положение и отпустят вас. Доктор, ваше назначение на эту должность совершенно закономерно. Вы именно тот, кто нам нужен в этом кресле. Вы эколог и потому будете осваивать планету, не нарушая на ней экологического баланса. Раньше планета находилась в безраздельной собственности Компании, теперь же — девять десятых ее являются государственными владениями. Сюда начнут прилетать люди со всех концов Федерации, надеясь за один день сколотить состояние на солнечниках. Вы же сумеете не допустить разграбления планеты.

— Да, в качестве, скажем, генерального уполномоченного по охране природы. То есть я готов занять административную должность, но только ту, для которой профессионально подготовлен.

— Должность губернатора. Вашей обязанностью будет вести правильную политику и определять основные пути развития. А кабинет можете подобрать себе сами, по своему усмотрению.

— И кого, например?

— Ну, например, главный прокурор нам здесь все-таки нужен. Кого бы вы назначили на этот пост?

— Гаса Браннарда! — не задумываясь, выпалил Бен.

— Хорошо. А на должность (хотя это вопрос чисто риторический) уполномоченного по делам аборигенов?

На континент Бета из Мэллори-порта вылетел патрульный аэроджип, официальными пассажирами на борту которого были мистер уполномоченный по делам аборигенов Джек Холлоуэй и его штат: Маленький Пушистик, Беби, Майк, Мицци, Ко-Ко и Золушка. Правда, ни один из пушистиков и не подозревал, что занимает официальную должность!

Честно говоря, Джек считал, что прекрасно прожил бы и без всяких должностей.

— Джордж, хочешь получить приличную работу? — спросил он у Ланта.

— У меня и так приличная работа.

— А я тебе предлагаю майорский чин и восемнадцать тысяч в год. Будешь командовать силами охраны аборигенов. Причем не потеряешь при этом стажа в полиции — полковник Фергюссон даст тебе бессрочный отпуск.

— Уломал, старик. Это дело как раз по мне. Но вот только мне не хотелось бы расставаться с моими ребятами.

— Так возьми их с собой! Я имею право набрать в охрану двадцать опытных патрульных. А у тебя, кстати, их только шестнадцать. Все они получат чин сержанта. А рядовых, для начала, наберем человек сто пятьдесят.

— Похоже, ты считаешь, что пушистиков действительно стоит охранять всерьез?

— Да. Им отдается пространство от Кордильер до Западного побережья. И все, кто будет там жить, нуждаются в охране. Ты же сам понимаешь, что может случиться: стоит пушистиковый бум, и каждый хочет завести себе хоть одного. Даже судья Пендарвис уже подъезжал ко мне насчет парочки для его жены. Появятся десятки браконьерских банд, которые станут расставлять ловушки, использовать парализующий газ и прочие пакости. Я собираюсь основать бюро по делам об усыновлении, или, если хочешь, опекунства над пушистиками, и поставлю во главе его Рут. А значит, все, кто захочет иметь пушистика, смогут сделать это только официально...

Да, тут чертова пропасть работы! Пятьдесят тысяч в год — жалкие крохи по сравнению с тем, что он мог бы заработать, по-прежнему добывая солнечники. Но ведь

кто-то же должен всем этим заниматься! А он чувствует большую ответственность за пушистиков.

Разве он сам, первый, не начал бороться за признание их разумными?

Они летели домой, домой, в свое Чудесное Место! С той ночи когда их увезли оттуда в мешках, они навидались всяких других мест: и диковинных, и чудесных. Например, там, где никогда не гас свет и можно прыгать так высоко и так мягко приземляться! Или там, где так много разных людей и так весело. Но теперь они возвращаются в то первое Чудесное Место в лесу, с которого все началось.

И Больших они тоже встретили много-много. Некоторые из них были плохими, но таких оказалось мало, остальные все хорошие. Даже тот, кто убил, а после жалел об этом — они знали, что жалел. А потом другие Большие увели его, и они уже больше его не видели.

Он говорил об этом с друзьями: Флорой и Фауном, Доктором Криппеном, Комплексом, Суперэго, Диллинджером и Лиззи Борден. Теперь, когда они живут вместе с Большими, им придется откликаться на эти смешные имена. Когда-нибудь они узнают, что означает каждое из них, и, наверное, это тоже окажется очень забавным. Теперь, когда Большие научились вставлять что-то в ухо и слышать, что они говорят, Папа Джек уже выучил несколько слов их языка и обучил их нескольким своим.

И когда все их соплеменники поселятся у Больших, которые будут их любить, заботиться о них, играть с ними и кормить их Чудесной Едой, тогда, быть может, их малыши не станут так часто умирать в детстве. А за это они готовы заплатить Большим чем угодно. Ну, для начала, своей любовью. А потом, когда они научатся всему, то станут их верными помощниками.

ПУШИСТИК РАЗУМНЫЙ

Глава 1

Виктор Грего допил охлажденный фруктовый сок, отодвинул стакан в сторону, а затем, прикурив сигарету, подлил горячий кофе в полупустую чашку с остывшим напитком. Начинался еще один сумасшедший день. Ночной сон так и не принес ему покоя и отдыха от суеты предшествующей недели. Но, глотнув кофе, он снова почувствовал себя человеком.

Грего знал, что служебное совещание затянется на весь день. И, конечно же, каждый будет спорить и обвинять в случившемся других. Однако он надеялся — правда, без большого оптимизма, — что на этот раз они придут к какому-то решению. Возможно, уже вечером все руководители отделов подготовят план дальнейших действий... Если только они снова не будут докучать ему излишними мелочами и бегать за приказами, которые могли бы отдавать самостоятельно. О великий Боже! Разве не им следовало выполнять всю эту работу?

Проблема состояла в том, что последние пятнадцать лет — или, точнее, двенадцать — все решения принимались заблаговременно. Организационная работа превратилась в сплошную рутину. Но в то время Заратуштра относилась к планетам третьего класса, и их лицензированная Компания имела полное право на владение ею. Любые непредвиденные случаи считались проявлением некомпетентности и, грубо говоря, не дозволялись. Во всяком случае так было до тех пор, пока старый Джек Холлоуэй не встретил существо, которое назвал Маленьким Пушистиком.

И тогда все пошло кувырком. Грего сам не раз терял голову и совершал поступки, о которых теперь глубоко

сожалел. Многие из его подчиненных так и не смогли прийти в себя от потрясения. Поэтому Компания, ныне потерявшая лицензию, действовала, образно выражаясь, непрерывно пребывая в абсолютно чрезвычайном положении.

Чашка вновь опустела наполовину. Грего наполнил ее доверху и, прежде чем загасить окурок, прикурил от старой сигареты новую. Пора было приступать к работе. Он потянулся через кухонный стол к приборной панели и включил дисплей видеоселектора.

На экране возникло лицо Миры Фаллады. Белокурые с легкой желтизной волосы были тщательно завиты и уложены. Виктору Грего нравились ее сияющие голубые глаза, округлый подбородок и привлекательные губки, нижняя из которых свидетельствовала о принадлежности к древнему роду Габсбургов. Она работала секретаршей с самых первых дней его появления на Заратуштре, и события недельной давности, завершившиеся в офисе Пендарвиса, казались ей едва ли не концом света.

— Доброе утро, мистер Грего.

Она взглянула на его пижаму и, подсчитав количество окурков в пепельнице, попыталась определить, как скоро он спустится в свой кабинет.

— Сегодня предстоит перелопатить огромную кучу дел.

— Доброе утро, Мира. Что за дела?

— Ситуация в животноводческом районе становится все хуже. Пастухи вельдбизонов самовольно бросили работу, улетели с полей, и стада остались...

— Они улетели на аэромобилях Компании? Если это так, то пусть Гарри Стифер привлечет их к ответственности за угон транспортных средств.

— Кстати, о репортерше из «Города Малвертон»... Она вылетает сегодня к нам с Дария.

Ей не терпелось поговорить на эту тему. Но Грего сказал:

— Я знаю. Мы уже обсуждали ее визит. Просто напомните, чтобы о ней позаботились. Ладно, как насчет тех дел, которыми я должен заняться лично? Если такие есть, соберите документы и отошлите в зал совещаний. Я рассмотрю эти вопросы с руководителями отделов. Остальные документы зарегистрируйте и направьте конкретным исполнителям — куда угодно, лишь бы подальше от моего стола. Сегодня меня в кабинете не будет. В случае необходимости найдете меня в зале совещаний. Я приду туда примерно через полчаса. Скажите прислуге, чтобы при-

бралась тут, и передайте повару, что я пообедаю в столовой. Ужинать буду на террасе вместе с мистером Кумбсом.

Грего замолчал, решив мысленно досчитать до сотни. Его ожидания оправдались. Не успел он дойти до пятидесяти, как Мира всполошилась.

— Ах! Чуть не забыла! — Она действительно имела привычку забывать. — Мистер Ивинс спустился в подвал. Он ждет вас у дверей хранилища.

— Да, я попросил его провести инвентаризацию и учет драгоценных камней. Черт, совсем забыл об этом. Ладно, не буду заставлять его ждать. Передайте, что я уже направляюсь к нему.

Грего выключил экран, допил остатки кофе, затем встал из-за стола небольшой кухни и, на ходу снимая пижаму, зашагал по коридору в спальню. На самом деле он ни на миг не забывал о камнях. Проблема с запасом самоцветов не уступала по важности бунту среди пастухов, хотя и не была такой внезапной и безотлагательной.

Еще неделю назад — перед тем как главный судья Пендарвис несколькими ударами молотка аннулировал лицензию Компании — солнечники являлись монополией концерна «Заратуштра». Никто, кроме агентов Компании, не имел права на скупку камней, и старателям разрешалось продавать самоцветы лишь служащим «Заратуштры». Еще неделю назад концерн диктовал свои собственные законы, но теперь судья Пендарвис лишил их силы.

Небольшие залежи солнечников были разбросаны по всей планете. Ни о какой крупномасштабной разработке месторождений не могло идти и речи. Добычей самоцветов занимались вольные старатели, и до недавнего времени они продавали камни по тем ценам, которые устанавливала для них Компания. Джек Холлоуэй — тот человек, из-за которого и начался весь этот переполох, — считался одним из самых лучших и удачливых старателей.

Отныне самоцветы становились товаром открытого рынка Заратуштры. А значит, следовало что-то предпринять для создания новой политики касательно сделок с солнечниками. Но, прежде чем заняться разработкой стратегии, Грего хотел узнать, как много драгоценностей хранилось в резерве Компании.

Для этого ему требовалось спуститься вниз, открыть хранилище и впустить туда Конрада Ивинса — шефа агентов по скупке самоцветов, — которому предстояло провести инвентаризацию. Шифр кодового замка знали только

Грего и Лесли Кумбс — глава юридического отдела. На случай их убийства или утраты дееспособности в банке Мэллори-порта хранился небольшой клочок бумаги с четко отпечатанной комбинацией букв. Он лежал в особо охраняемом сейфе, доступ к которому имел лишь начальник колониальной полиции, да и то по судебному ордеру. Все это предполагало массу неудобств, но Компания не желала доверять комбинацию шифра большому количеству людей.

Хранилище самоцветов находилось пятнадцатью уровнями ниже и охранялось постами внутренней полиции «Заратуштры». Единственный вход был укреплен стальными опускными решетками. Охранник, управлявший подъемным устройством, сидел в небольшой кубической кабине за двумя дюймами бронированного стекла, а перед кубом через всю комнату тянулась низкая стойка, за которой сидели и стояли несколько полицейских с ручными пулеметами. У первой решетки Грего увидел группу людей. Гарри Стифер, шеф внутренней полиции, беседовал о чем-то с Конрадом Ивинсом, небольшим седовласым мужчиной с густыми бровями и узким подбородком. Рядом ожидали два помощника в серых комбинезонах.

— Прошу прощения, джентльмены, — произнес Грего, присоединяясь к разговаривающим. — Извините, что заставил ждать. Вы готовы, мистер Ивинс?

Ивинс был готов. Стифер кивнул охраннику в стеклянном кубе, и опускные решетки беззвучно поднялись вверх. Люди зашагали по пустому коридору, искоса поглядывая на линзы видеокамер и форсунки баллонов со снотворным газом, закрепленные на потолке. В конце коридора открылась дверь. Они вошли в небольшую прихожую и предъявили охраннику свои опознавательные жетоны — не только Ивинс, помощники и сержант с двумя сопровождавшими их полицейскими, но даже Грего и шеф Стифер. Охранник произнес по телефону кодовый пароль. Кто-то вне поля их зрения нажал на кнопку или щелкнул тумблером. В стене открылся узкий проход. Грего вошел туда один и спустился по лестничному пролету к следующей двери. Обшивка из коллапсия ярко сверкала и переливалась оттенками радуги, словно корпус космического корабля или купол ядерного реактора.

На панели виднелся кодовый замок, похожий на клавиатуру компьютера. Грего набрал короткую фразу и

подождал секунд десять. Огромная дверь медленно подалась назад, а затем отъехала в сторону.

— Все в порядке, джентльмены! — крикнул он. — Хранилище открыто.

Он вошел в небольшой овальный зал, в центре которого под яркой лампой с широким абажуром стоял круглый стол, покрытый черной вельветовой тканью. Вдоль стены тянулись стальные шкафы со множеством мелких ящиков. Шеф полиции, сержант, вооруженный ручным пулеметом, Конрад Ивинс и два его помощника подошли к столу. Грего прикурил сигарету, наблюдая за струями дыма, которые огибали абажур и исчезали в отверстиях вентиляционной решетки на потолке. Два помощника Ивинса начали вытаскивать из сумок оптические спектрографы и прочее ювелирное снаряжение. Шеф отдела скупки ощупал вельветовую ткань и удовлетворенно кивнул. Грего тоже положил ладонь на стол. Ткань была теплой, почти горячей.

Один из помощников вытащил из шкафа широкий ящик и аккуратно высыпал на стол несколько сотен гладких полупрозрачных камешков. Какое-то время они выглядели как россыпь озерной гальки. Но затем начали сиять, медленно увеличивая интенсивность блеска, и в конце концов стали напоминать горящие угли.

Около пятидесяти миллионов лет назад, когда почти всю поверхность Заратуштры покрывали океаны и моря, на планете появились живые организмы, немного похожие на больших медуз. Миллион лет тому назад моря буквально кишели ими. Умирая, эти существа погружались в ил, и их заносило песком. Века и непрерывное давление превратили их в маленькие каменные шарики, а ил вокруг останков — в серый кремень. Многие из окаменелостей ничем не отличались от простых морских голышей, но некоторые, благодаря какому-то древнему биохимическому капризу природы, стали мощными термофлюоресцентами. Их носили как драгоценные камни, и они сияли на теле владельца с той же силой, с какой сейчас сверкали на столе, поверхность которого подогревалась встроенной электрической спиралью. Эти самоцветы считались уникальными во всей Галактике. Их можно было найти только на Заратуштре, поэтому камень средней величины стоил целое состояние.

Грего повернулся к Ивинсу:

— Не могли бы вы сделать быструю оценку и назвать мне примерную стоимость камней, которые находятся в этой комнате?

Ивинс недовольно поморщился. Он питал отвращение к таким выражениям, как «быстрая оценка» и «примерная стоимость».

— Шесть месяцев назад на терранском рынке за один карат давали тысячу сто двадцать пять солов. Но это средняя цена. Крупные камни идут по особым расценкам.

Заметив один из таких, Грего взял его: почти идеальный шар около дюйма в диаметре. Он сиял на ладони, как темно-красный сгусток крови, — удивительно величественный и прекрасный.

Грего был бы не прочь завладеть таким самоцветом, но все эти камни принадлежали не ему, а той эфемерной абстракции, которую люди называли лицензированной — а теперь уже нелицензированной — компанией «Заратуштра». Она объединяла тысячи акционеров, включая и другие абстракции под громкими именами «Транслиния Терра—Бальдр—Мардук», «Межзвездные исследования» и «Банковский картель». Ему не раз хотелось узнать, что чувствует Конрад Ивинс, работая с драгоценными камнями. Перебирать в руках такие невероятные сокровища и понимать, что они не твои...

— Тем не менее я могу назвать вам минимальную стоимость нашего запаса, — сказал Ивинс, заканчивая лекцию о рыночных ценах Земли. — Камни в этом хранилище стоят чуть меньше сотни миллионов солов.

Конечно, если такую сумму произнести вслух быстро и не задумываясь, она могла показаться огромной. Но «Заратуштра» тоже была большой компанией, и ее финансовые операции описывались фантастическими цифрами. Запаса самоцветов не хватило бы даже на шесть месяцев текущих расходов, и Компания не позволила бы вести бизнес на солнечниках за счет резервов.

Грего опустил красный светящийся шарик на подогретую поверхность стола и спросил:

— Это один из новых камней?

— Да, мистер Грего. Он приобретен около двух месяцев назад. Незадолго до суда.

Ивинс сделал ударение на последнем слове, отмечая день, когда Пендарвис аннулировал лицензию Компании и раздробил своим судейским молотком целую эру в ис-

тории Заратуштры. В тот день на планете начался отсчет иной эпохи.

— Мы купили его у Джека Холлоуэя, — добавил Ивинс.

Глава 2

Включив новый блестящий стеномемофон, Джек раскурил трубку и откинулся на спинку кресла. Он уныло пробежал взглядом по комнате, которая еще недавно была гостиной его избушки, а теперь стала офисом уполномоченного по делам аборигенов Заратуштры — планеты четвертого класса. Когда-то эта комната казалась ему неплохим местечком, где человек мог развести руками, раскинуть ноги или принять тех редких гостей, которые забредали в такие далекие дебри. На деревянном полу лежали шкуры убитых животных. Удобные кресла и кушетка были обиты мехом небольших лесных зверей. Всю мебель, включая и этот огромный стол, Джек сделал сам, своими руками. Единственным исключением являлась его библиотека, с большим обзорным экраном и металлическим шкафчиком для хранения микрокниг. Чуть выше на стене крепилась полка с оружием, и полированные стволы ласкали глаз приятными отблесками света.

В какой же бардак все это превратилось!

На столе, прижимаясь друг к другу, стояли два обзорных экрана, дисплей приемопередатчика, видеомагнитофон и мониторы компьютеров. В правом переднем углу громоздился наскоро сбитый верстак, заваленный папками, рулонами кальки и множеством различных предметов. Но больше всего Джек Холлоуэй ненавидел вращающийся стул с красной кожаной обшивкой. Сорок лет назад он бежал с Земли, спасая свой зад от подобных кресел, и вот на закате жизни — вернее, в начале заката, когда не грех глотнуть второй коктейль, — он снова попал в западню.

И так было не только в этой комнате. Через открытую дверь он мог слышать то, что происходило снаружи. Стук топоров и вой электропил. Рабочие валили большие перистолистные деревья, расчищая пространство вокруг дома. Тарахтел компрессор, ему вторили отбойные молотки, а чуть дальше ворчали и лязгали огромные бульдозеры. Резкие крики предваряли треск и грохот падавших деревьев. Повсюду раздавалась ругань и богохульства. Джеку оставалось надеяться лишь на то, что никто из пушистиков

не будет приближаться к машинам, которые могли их покалечить.

Кто-то мягко дернул его за штанину и тихо произнес:

— Уиик?

Джек надел наушники и включил ультразвуковой приемник. Он услышал тысячи новых звуков, которые прежде оставались за гранью его восприятия, и тоненький голос сказал:

— Папа Джек?

Он взглянул на маленького аборигена Заратуштры, чьими делами ему отныне полагалось управлять. Тот был двуногим прямоходящим существом, двух футов ростом, с симпатичным, почти человеческим личиком, на котором выделялись широко открытые глаза. Его тело покрывал золотистый мягкий мех. На спине висел брезентовый рюкзачок с большими буквами ДВТФ*, а на цепочке болтался двухдюймовый серебряный диск с большой рельефной надписью: «Маленький Пушистик». Ниже, более мелкими буквами, значилось: «Джек Холлоуэй, долина Холодноструйки, континент Бета, № 1». То есть это существо было первым аборигеном Заратуштры, которого повстречали он и другие терране.

Старатель опустил ладонь на голову своего друга и погладил мягкий мех:

— Здравствуй, Маленький Пушистик. Ты решил навестить Папу Джека?

Тот указал на открытую дверь. Пятеро других пушистиков робко заглядывали в комнату и о чем-то перешептывались между собой.

— Пушистики не бояси шуми, не бояси деять-вмессе с зат-хакко, — сообщил ему Маленький Пушистик. — Хотеть так смот'еть деять-вмессе.

Пришедшие пушистики не были здесь прежде. Они хотели остаться и посмотреть на работу людей. Во всяком случае Джек считал, что Маленький Пушистик говорил ему именно об этом. Впрочем, он мог и ошибаться. Еще бы! Прошло лишь десять дней с тех пор, как он узнал, что пушистики могут разговаривать. Джек включил видеомагнитофон, настроенный на преобразование ультразвукового диапазона в приемлемые для людей частоты.

— Скажи им.

---

* Десантные войска Терранской Федерации. *(Здесь и далее примеч. пер.)*

Он с трудом лавировал по узкому фарватеру слов, которым научил его пушистик. Пока их было не больше сотни.

— Скажи. Папа Джек — друг. Не обидит. Будет добрым. Даст хорошие штучки.

— Йоссо Юкзасек? — спросил Маленький Пушистик. — Йоссо уби-копай? Йоссо садости? Пиэ'тьи?

— Да. Даст рюкзачки и руби-копай и сладости, — ответил Джек. — Даст ПР-3.

Дружелюбные аборигены и благотворительная раздача подарков. Основная функция уполномоченного по делам аборигенов планеты. Он представил себе, о чем мог бы сказать Маленький Пушистик.

«Это Папа Джек, величайший и мудрейший из всех хагга, или Больших. Он — друг гашта, народа, который Большие называют пушистиками. Он дает чудесные вещи. "Юкзаськи", в которых можно носить вещи, оставляя руки свободными».

Маленький Пушистик показал сородичам свой рюкзачок.

«Папа Джек может дать оружие, такое твердое, что никогда не сломается».

Малыш подбежал к беспорядочной куче железок под оружейной полкой и вернулся с шестидюймовым листоподобным клинком, насаженным на двенадцатидюймовую рукоятку.

«Но главное, Папа Джек даст хоксу-фуссо — чудесную пищу "пиэ'тьи"».

Джек Холлоуэй поднялся и пошел туда, где прежде находилась кухня, пока ее не завалили припасами. Там хранилось около двухсот лопаток с заостренными краями, которые успели сделать до его отъезда из Мэллори-порта. Рюкзаков было меньше. Их шили из кожухов полевых аптечек или из армейских подсумков для пулеметных лент. Черные мешочки имели аббревиатуру флота, а зеленые — флотских десантников. Он повесил на руку пять рюкзачков, затем открыл стенной шкаф и вытащил две прямоугольные консервные банки. На голубых этикетках красовалась надпись: «Полевой рацион внеземного употребления, тип три». Все пушистики были помешаны на ПР-3. Это еще раз доказывало, что, будучи разумными существами, они явно отличались от людей, поскольку такую чертову дрянь мог есть лишь человек, изголодавшийся до смерти.

Когда Джек вернулся в гостиную, пятеро вновь прибывших сидели на корточках вокруг Маленького Пушистика и рассматривали его оружие. Сравнивая стальной клинок со своими веслообразными палками из твердого дерева, они довольно часто использовали слово «затку».

А это было очень важное слово для пушистиков. Оно означало больших псевдоракообразных существ, которых терране называли сухопутными креветками. Пушистики могли преследовать «затку» хоть до самого края света и, пока не попробовали ПР-3, предпочитали их любой другой пище. Если бы не сухопутные креветки, пушистики так и остались бы в неизученной северной области континента Бета. И прошло бы немало лет, прежде чем их обнаружил бы какой-нибудь терранин.

Некоторые люди хотели бы, чтобы пушистиков вообще никогда не нашли — особенно Виктор Грего, директор компании «Заратуштра». Еще пару недель назад считалось, что, кроме терран, здесь не было других разумных существ. Заратуштру причисляли к планетам третьего класса. Благодаря этой ошибке концерн, назвавшийся позже компанией «Заратуштра», получил лицензию на колонизацию и эксплуатацию планеты, а также безраздельное право на Дарий — одну из ее двух лун. Вторая луна, Ксеркс, была сохранена как опорная база для флота Федерации, и это оказалось мудрым решением, потому что Заратуштра внезапно превратилась в планету четвертого класса с коренным населением, состоящим из разумных существ.

И вот теперь представители этого коренного населения выжидающе следили, как Холлоуэй открывал одну из консервных банок и разрезал золотистую плитку рациона на шесть одинаковых частей. Пятеро новичков обнюхали свои кусочки и приступили к еде только после того, как Маленький Пушистик съел половину своей доли. Осторожно попробовав несколько крошек, они с жадностью набросились на ПР-3, издавая набитыми ртами восхищенные звуки.

Джек с самого начала считал пушистиков не смышленными зверьками, а существами, похожими на людей, — людей и те восемь разумных рас, которые встретились терранам в полетах к далеким звездам. Когда пушистиков увидел Беннет Рейнсфорд — в ту пору никому неизвестный натуралист из института ксенологии, — он согласился с мнением Джека и назвал этот вид Pushisticus pushisticus Hollouеus. Как они тогда радовались и гордились

своим открытием! Никто и не думал о том, что оно лишит «Заратуштру» лицензии на планету. Однако им вскоре напомнили об этом в довольно грубой и жестокой форме.

Виктор Грего сразу понял, к чему приведет признание пушистиков разумными существами. Используя влияние и ресурсы Компании, он отчаянно и злобно пытался помешать неизбежному исходу и тем самым сохранить лицензию концерна. Битва закончилась в суде. Джека Холлоуэя обвинили в убийстве одного из охранников Компании, а доктора Леонарда Келлога — в зверском избиении и убийстве пушистика по имени Златовласка. Два дела рассматривались на одном судебном процессе, и решение зависело от вопроса: разумны пушистики или нет? Процесс получил название «Общественность Заратуштры против Холлоуэя и Келлога», хотя адвокат Холлоуэя, Гас Браннард, настаивал на другом названии — «Друзья Маленького Пушистика против лицензированной компании "Заратуштра"».

Друзья Маленького Пушистика победили. С признанием новой разумной расы лицензия их противников вылетела в космос через открытый шлюз, как и прежнее колониальное правительство планеты третьего класса. Коммодор Напье, начальник базы на Ксерксе, был вынужден объявить военное положение и учредить на Заратуштре временное правительство. Губернатором он назначил Беннета Рейнсфорда.

А кого, вы думаете, Бен Рейнсфорд выдвинул на должность уполномоченного по делам аборигенов? Конечно, того, кто начал весь этот переполох с пушистиками.

Пятеро вновь прибывших доели ПР-3, разобрали свои рюкзачки и стальные лопатки, затем немного помахали оружием, проверяя его балансировку и обезглавливая воображаемых сухопутных креветок. Джек открыл вторую консервную банку и разделил ПР-3 на шесть кусков. На этот раз пушистики ели не спеша, смакуя пищу и обмениваясь замечаниями. Маленький Пушистик взял со стола две пустые банки и отнес их в мусорную корзину.

— Почему вы пришли сюда? — спросил Джек своих гостей, когда его маленький друг вернулся в кружок сородичей.

Те начали отвечать все сразу, но с помощью Маленького Пушистика Джек все же уловил смысл их слов. Пятеро охотников услышали странные звуки и, выйдя на окраину леса, увидели пугающее зрелище. Однако пушистики были

разумными существами и, несмотря на свой испуг, решили разузнать, что здесь происходит. Затем они увидели людей: «хагга-гашта», «больших людей», и «ши-мош-гашта», «настоящих людей», похожих на них самих.

Маленький Пушистик тут же поправил своих сородичей. «Хагга-гашта» лучше называть просто «хагга», Большими, а «ши-мош-гашта» — пушистиками. Почему гашта надо называть пушистиками? Потому что так сказал Папа Джек — вот почему. И этого оказалось достаточно, чтобы решить вопрос.

— Но почему вы пришли сюда? Вы пришли издалека. Зачем?

Последовал новый шквал ответов, и Маленький Пушистик, выслушав их, объяснил:

— Они гово'ят, что здесь много-много затку. Они шьи много света и тьмы. Много-много.

Пушистики могли считать до пяти, загибая одной рукой пальцы на второй. Кроме того, они могли считать пятерками до двадцати пяти, отождествляя каждый палец с одной рукой. Затем по счету шло «много» и дальше — «много-много». Джек подумал, что когда-нибудь, при комплексном изучении пушистиков, ученые, возможно, будут наблюдать их действия с древними счетами терран.

Итак, три месяца назад, находясь за шестьсот—восемьсот миль отсюда, эта группа пушистиков услышала, что местность к югу от них изобилует сухопутными креветками. Они отправились в долгий поход и присоединились к другим «иди-гуяй». Очевидно, Маленький Пушистик и его семейство были в авангарде огромного потока кочующих «гашта». Джек попытался выяснить, откуда они узнали о сухопутных креветках. О «затку» им сказали другие пушистики — это было все, что ему ответили пятеро гостей.

После многих дней пути они прошли через горный перевал, спустились в долину Холодноструйки и оказались здесь. Выйдя на окраину леса, отряд какое-то время наблюдал за работами в лагере. Присутствие других пушистиков убедило их в полной безопасности, и они пришли сюда, чтобы познакомиться с Большими.

— Здесь многое опасно! — незамедлительно возразил Маленький Пушистик. — Надо всегда смот'еть вок'уг. Не ходить пе'ед тем, что едет. Не ходить под тем, что поднято над земьей. Не касаться ст'анных вещей. Сп'ашивать Бойших о том, что опасно. Бойшие не обижать. Они помогать пушистикам.

Выслушивая его наставления, новички обменивались взглядами и тихо перешептывались друг с другом. Наконец Маленький Пушистик поднял лопатку, встал и гордо произнес:

— Биззо. Аки-покко-со.

Джек понял это так: «Идемте, я вам все покажу».

— Прежде всего отведи их на полицейский пост, — посоветовал он. — Пусть у них снимут отпечатки пальцев и дадут штучки на цепочках, которые надо носить на шее.

— Адно, — согласился Маленький Пушистик. — Идем в поисю, дадим описятки и возьмем диско с буковками.

Пока терране обучались речи пушистиков, эти существа разработали свой англо-пушистиковский сленг.

Новички пропустили вперед Маленького Пушистика и зашагали за ним плотной группой, словно туристы за гидом. Джек смотрел им вслед, пока они не пересекли поляну перед домом и не свернули влево к мосту через небольшой ручей. Вернувшись к столу, он позвонил по видеофону в швейную мастерскую Красных Холмов и поторопил с заказом на рюкзачки.

— Может быть, завтра, мистер Холлоуэй, — ответил старший мастер. — Мы делаем все, что можем.

Передав по компьютерной сети поручение о новых закупках ПР-3, Джек взял лист бумаги и начал составлять структурную схему комиссии по делам аборигенов. Время поджимало, и ее приходилось создавать в ужасной спешке.

— Привет, Джек. Я вижу, к нам пришла еще одна группа?

Холлоуэй поднял голову и взглянул на человека, стоявшего в дверном проеме. Коренастый мужчина с квадратным лицом был одет в голубую форму. На его берете выделялось светлое пятно, оставшееся от снятой кокарды. По воротнику кителя было видно, что единственная майорская звезда лишь совсем недавно заменила двойную планку старшего лейтенанта. На левом рукаве виднелась повязка с крупными буквами ЗСОА*, поскольку такую же форму носила и колониальная полиция.

— Здравствуй, Джордж. Входи и дай покой своим ногам. Судя по твоему виду, они в нем нуждаются.

Майор Джордж Лант, став неделю назад комендантом Заратуштры, отвечал за безопасность пушистиков. Он вошел в гостиную, устало выругался и, сняв портупею с кобурой, положил ее на верстак. Осмотрев комнату, майор

---

* Заратуштрианские силы охраны аборигенов.

сгреб с кресла кипу документов и сложил их в картонную коробку, на боку которой чернела надпись: «Старый добрый бурбон "Атомная бомба"». Расстегнув китель, Лант сел, достал портсигар и прикурил сигарету.

— В нашей конторе сейчас все вверх дном, — сказал он со вздохом. — Надо настилать полы, а грузовая шаланда с досками еще не пришла.

— Я звонил час назад в поселок. Она будет только вечером.

А завтра, когда все припасы перенесут на склад, его избушка снова станет домом.

— Кто-нибудь прилетел на полуденном боте?

— Трое парней. Мы начали прием на работу только вчера, но пока большого наплыва желающих не наблюдается. Капитан Касагра обещал выделить нам на время пятьдесят десантников и несколько машин. А сколько у нас теперь пушистиков, считая новеньких?

Джек быстро прикинул в уме: его собственное семейство — Маленький Пушистик, Мамуля, Беби, Майк, Мицци, Ко-Ко и Золушка. Пушистики Джорджа Ланта — Доктор Криппен, Диллинджер, Нед Келли, Лиззи Борден и Катастрофа Джейн. Еще девять, которых они нашли в лагере, когда вернулись из Мэллори-порта после суда. Шесть пушистиков, пришедших позавчера, четверо — вчера утром, двое — прошлым вечером, и вот теперь эта новая группа.

— Тридцать восемь, включая Беби, — ответил он. — Уже довольно много.

— Это еще цветочки, — заметил Лант. — Наши авиапатрули, посланные на север, видели множество групп, которые направляются сюда. Через неделю у нас будет не меньше двухсот пушистиков.

А что, если те, кто пришли сюда первыми, почувствуют угрозу перенаселения? Не обагрятся ли тогда кровью их новенькие «уби-копай»? Высказав вслух свои опасения, Джек спросил:

— У тебя есть план действий на случай кровавых стычек между аборигенами?

— Нет, но я думаю над этим, — ответил Лант. — Знаешь, а ведь мы можем избавиться от многих из них. Просто сообщим в одном из телерепортажей, что у нас пушистиков больше, чем надо, и начнем раздавать их по семьям порядочных людей.

Скорее всего так и придется поступить. В ходе открытого судебного процесса терране буквально помешались на маленьких разумных существах. Каждый хотел иметь собственного пушистика. А там, где появлялся спрос, тут же рождалось и предложение — законное или преступное. Странно, что леса еще не были полны охотниками, которые отлавливали бы пушистиков на продажу. Хотя, судя по тому, что знал Джек, кто-то уже занимался этим делом.

Однако не всем можно было доверять жизнь маленьких существ. И речь здесь шла не только о садистах и сексуальных извращенцах. Кто-то захочет держать пушистиков только потому, что они есть у соседей Джонсов. Кто-то, наигравшись с ними, будет выживать их из дома и из города. А ведь многим не вбить в тупые головы, что это разумные существа. Значит, следовало разработать какой-то закон, который регламентировал бы усыновление пушистиков.

Поначалу Джек хотел подключить к этому Рут Ортерис — вернее, Рут ван Рибек. Но она и ее муж были задействованы в программе по изучению пушистиков. Новая разумная раса представляла собой абсолютную загадку, и Холлоуэю требовалось знать, что для них плохо, а что хорошо.

Электронные часы показывали 9.35, то есть 6.35 по времени Мэллори-порта. Джек решил позвонить после ленча ван Рибекам и выяснить, когда они прилетят.

Глава 3

Рут ван Рибек, отказавшись пять дней назад от флотского чина и своей девичьей фамилии, чувствовала себя счастливой и довольной. Она уволилась из флотской разведки, навсегда оставив темные коридоры, наполненные подозрением и интригами, и вышла замуж за Герда. Любой ученый Федерации отдал бы все на свете, лишь бы получить такую чудесную возможность — изучение новой расы разумных существ. А ведь это был лишь девятый случай с тех пор, как пятьсот лет назад терранские корабли покинули пределы Солнечной системы. Все, что люди знали о пушистиках, напоминало крохотное пятнышко света, окруженное сумеречной зоной неизвестного. Дальше же простиралась тьма неведения, полная странных сюрпризов и тайн, ожидавших разгадки. И Рут стояла у истоков всего. Какие прекрасные перспективы. Но стоило ли тратить на них свой медовый месяц?

После свадьбы с Гердом жизнь казалась ей раем на земле. Молодожены решили провести эту неделю в городе: никаких забот, планы на будущее, сладкие часы любви, совместные поездки по магазинам и выбор мебели для нового дома. После этого они планировали вернуться на континент Бета. Герд хотел продолжить работу на прииске солнечников, который принадлежал ему и Джеку Холлоуэю. Рут же предстояло заниматься домашним хозяйством, а позже, как она надеялась, детьми. Они провели бы остаток жизни в любви и мире среди дремучих лесов в компании четырех веселых пушистиков, названных Комплексом, Ид, Суперэго и Синдромом.

Медовый месяц как таковой длился только одну ночь. На следующее утро, прямо перед завтраком, им позвонил старина Холлоуэй и сообщил о том, что коммодор Напье назначил Бена Рейнсфорда губернатором, а тот, в свою очередь, произвел Джека в уполномоченные по делам пушистиков. Джек предложил ван Рибеку стать начальником исследовательского бюро, считая само собой разумеющимся, что тот согласится. Герд согласился, считая само собой разумеющимся, что жена без возражений примет его решение. И после небольшого сопротивления Рут уступила мужу.

Но разве не они отвечали за все, что случилось? Пушистики тут были ни при чем. Эти существа не требовали признания своей разумности. Им хотелось только дружбы, веселья и новых забав. А вот они — Бен Рейнсфорд, Джек Холлоуэй, Рут, Герд и Панчо Айбарра — несли ответственность за то, что могло случиться с их маленькими друзьями. Впрочем, теперь к ним примкнула и Линн Эндрюс.

Через открытую дверь на балкон Рут услышала полушутливый голос Линн.

— Ах вы, дьяволята! Отдайте мне ее! Делай-биззо. Сойоссо-аки!

Суперэго, одна из двух самочек-пушистиков, вбежала в комнату с зажженной сигаретой. За ней гналась Ид, а следом мчался Синдром. Рут надела наушники и включила ультразвуковой приемопередатчик, в миллионный раз сожалея о том, что пушистики не говорили в доступном для людей диапазоне. Ид кричала, что пускать дымок надо по очереди, и требовала отдать ей сигарету. Она хотела вырвать ее у Суперэго, но та, оттолкнув подругу рукой, сделала затяжку и передала сигарету Синдрому. Тот торопливо запыхтел, выпуская изо рта и носа клубы дыма.

Ид метнулась к нему, потом увидела сигарету в руке у Рут и с разбегу запрыгнула к ней на колени.

— Мама Вут, йоссо-аки дымокко.

В комнату вошла Линн Эндрюс. Из-под зеленой ленты, скреплявшей длинные белокурые волосы, торчал тонкий провод наушников. Она несла вопившего Комплекса, который извивался в ее руках и жаловался, что «Тетя Инн не дает ему дымокко».

— Это одно из тех терранских слов, которые они выучили без всяких затруднений, — раздраженно сказала Линн.

— Дай ему сигарету. Никотин им не вредит. — Вспомнив об осторожности ученого, Рут тут же добавила: — По-видимому, не вредит.

Рут понимала чувства Линн. Ее прислали сюда из госпиталя Мэллори-порта. Власти хотели подстраховаться и приставить к пушистикам человека с более солидным медицинским образованием, чем у четы Рибеков и Панчо Айбарры. Линн работала педиатром, а пушистики напоминали годовалых детей. Кроме того, педиатр, как и ветеринар, мог обходиться со своими пациентами почти без содействия со стороны последних. Вот поэтому ее и выбрали. К сожалению, Линн всерьез отождествляла пушистиков с детьми. Она знала, что годовалому ребенку курить нельзя, и не позволяла этого пушистикам, которым могло быть лет за пятьдесят, если не больше. И никто не мог переубедить ее в этом.

Рут отдала крошке Ид свою сигарету. Линн села на кушетку и прикурила еще три — для Комплекса, Супер-эго и себя. Теперь «дымокко» был у каждого из пушистиков. Синдром подбежал к журнальному столику и вернулся с хрустальной пепельницей, которую поставил на пол. Пушистики сели вокруг нее — все, кроме Ид, которая осталась сидеть на коленях Мамы Вут.

Линн нахмурилась, и Рут попыталась успокоить ее.

— Они не берут того, что может им повредить, — сказала она. — Например, алкоголь, которого они не переносят.

Линн была вынуждена согласиться. Любой пушистик мог попробовать спиртное только раз — да и то лишь потому, что так делали Большие. Глоток виски действовал на маленькое существо мгновенно. Глядя на ужимки подвыпившего пушистика, невозможно было удержаться от смеха. А потом тот переживал жесточайшее похмелье и больше никогда не прикасался к спиртным напиткам. Рут

узнала это, работая с Эрнстом Маллином, психологом «Заратуштры», когда выполняла свое последнее задание в отделе флотской разведки.

— Но мне говорили, что некоторым пушистикам не нравится табачный дым, — сказала Линн.

— Многим людям тоже не нравится. У пары моих знакомых сигаретный дым вызывал аллергию. Интересно, а у пушистиков бывает аллергия? Нам это не мешало бы выяснить.

Рут опустила Ид на стол и, подтянув к себе блокнот, записала на чистой странице несколько слов. Ид тут же схватила другой карандаш и начала рисовать в блокноте закорючки и кружочки.

В коридоре хлопнула дверь. Рут услышала голос Айбарры и веселый смех мужа. Трое пушистиков, сидевших на полу, сунули сигареты в пепельницу, вскочили на ноги и завопили:

— Папа Ге'д! Дядя Панко!

Они выбежали гурьбой в соседнюю комнату. Ид отбросила карандаш, спрыгнула со стола и помчалась следом за ними. Через минуту пушистики вернулись обратно. На головке Ид красовалась фуражка флотского офицера. Малышка приподнимала ее обеими руками и гордо смотрела по сторонам. За ней под широким сомбреро Герда шагал Синдром. Суперэго и Комплекс несли объемистый портфель.

Панчо и Герд вошли в гостиную. Рут заметила, что отутюженный утром костюм ее мужа уже помялся, а китель психолога был по-прежнему чист и сверхъестественно опрятен. Она встала, приветствуя мужчин. Панчо подошел к кушетке и сел рядом с Линн.

— Что новенького? — спросил супругу Герд.

— Час назад звонил Джек Холлоуэй. Они построили лабораторию и уже завезли туда оборудование. Рабочие закончили несколько бунгало и тот домик, который предназначается для нас. Джек показал мне его на фото. Он просто замечательный. Кстати, я договорилась в порту о доставке компьютеров и остального снаряжении. Мы можем отправляться в путь, как только соберем вещи.

— Нет ничего хуже торопливых сборов, — ответил Герд. — Кроме того, мне не хочется прилетать туда посреди ночи. Давайте лучше спокойно упакуем вещи и отложим вылет на завтра. Тем более что Бен Рейнсфорд пригласил нас сегодня на ужин.

Линн тут же согласилась и на всякий случай спросила:

— А ты договорился с госпиталем насчет медикаментов?

— Нам без всяких возражений дали все, что мы попросили, — ответил Герд. — Так же, как и в научном центре. Меня это даже удивляет.

— А меня нет, — отозвался Панчо. — Сейчас о правительстве ходит много сплетен. Муниципальные власти знают, что через пару недель могут оказаться в нашем подчинении. Но мне хочется знать, что мы будем делать с ленчем? Пойдем в ресторан или закажем еду сюда?

— Давайте сделаем заказ, — предложила Рут. — Нам надо проверить списки оборудования. Возможно, я что-то пропустила и не внесла в реестр.

Панчо вытащил пачку сигарет и обнаружил, что она пуста.

— Эй, Линн! — сказал он фальцетом. — Со-йоссо-аки дымокко.

Ну что же, подумала Рут. Этот месяц все равно будет у них медовым — пусть немного сумбурным, заполненным встречами и делами, но веселым и забавным. И еще ее радовало, что Панчо и Линн начинали проявлять друг к другу интерес.

Прежде чем приступить к делу «Джон Доу, Ричард Роу и Добровольная ассоциация граждан против колониального правительства Заратуштры», главный судья Фредерик Пендарвис облокотился на стол и осмотрел троих адвокатов, стоявших перед ним.

Первый, со стороны ответчика, был гигантом — более двухсот фунтов весом и шести футов ростом. Часть его лица ниже мясистого носа скрывалась под пушистой бородой. Копна непокорных седовато-каштановых волос вызывала неуместное сравнение с ореолом. Адвоката звали Густав Адольф Браннард, и до того, как он взлетел на вершину славы в процессе, известном для многих как «дело о пушистиках», друзья ценили его в основном из-за трех характерных качеств — за удивительную способность добиваться оправдания своих явно виновных клиентов, за непомерную удаль в ставках на ипподроме и за умение поглощать огромное количество виски. Пять дней назад он стал главным прокурором колонии.

Мужчина, стоявший рядом с ним, мог бы показаться высоким и мощным, если бы не близость Гаса Браннарда. На фоне гиганта он выглядел стройным и утонченно-

элегантным человеком. Его аристократическое лицо хранило скучающее полунасмешливое выражение, будто жизнь напоминала ему неприличную шутку, которую он слышал уже много раз. Его звали Лесли Кумбс. Он был главным юристом «Заратуштры». Встав рядом с Браннардом, Кумбс как бы давал понять, что в этом деле он будет на стороне своего бывшего оппонента по процессу «Общественность против Холлоуэя и Келлога».

Третьим, со стороны истца, был Хьюго Ингерманн. Судья Пендарвис попытался подавить свое предубеждение против этого человека и его клиентов. Насколько ему было известно, за последние шесть лет Ингерманн лишь семь раз защищал в суде действительно честных и порядочных людей. Судье почему-то не верилось, что настоящее дело станет восьмым исключением из правил. Тем не менее Ингерманн являлся членом адвокатуры и имел полное право представлять в суде одну из сторон — во всяком случае до тех пор, пока его не лишат адвокатского звания.

— Итак, вы требуете, чтобы колониальное правительство передало землю в общественное пользование? — спросил Пендарвис. — Как я понял, речь идет не только о территориях для поселений, но и о приисках самоцветов. Кроме того, вы настаиваете на учреждении контор, где ваши клиенты могли бы подавать заявки на приобретение участков. Верно?

— Да, ваша честь, — ответил Ингерманн. — И я буду представлять в суде истцов.

Он был гораздо ниже двух других адвокатов — эдакий полный мужчина, с круглым румяным лицом и зарождавшейся спереди лысиной. В его больших голубых глазах застыло выражение полной и безупречной искренности, и этот взгляд мог обмануть любого, кто еще не слышал сплетен, ходивших о нем.

Ингерманн хотел продолжить свою речь, но Пендарвис повернулся к Браннарду:

— Ваша честь, я представляю колониальное правительство. Мы оспариваем требования истцов.

— А вы, мистер Кумбс?

— Я представляю нелицензированную компанию «Заратуштра», — ответил тот. — Мы не собираемся участвовать в этом процессе. Я здесь просто наблюдатель и amicus curiae*.

---

* *Здесь:* участник без права голоса *(лат.)*.

— Хм-м. Вы сказали, нелицензированная... Хорошо, мистер Кумбс. Поскольку данное дело затрагивает интересы вашей Компании, вы как ее представитель имеете право присутствовать здесь и высказывать свои суждения.

Пендарвису стало интересно, кто придумал назвать Компанию «нелицензированной». Судя по тонкости черного юмора, это сделал висельник Грего.

— Мистер Ингерманн?

— Ваша честь, истцы, которых я здесь представляю, считают, что в силу недавнего постановления Верховного суда около восьмидесяти процентов суши этой планеты являются ныне общественным достоянием. Колониальное правительство обязано отдать эти земли в распоряжение народа. Федеральный закон, ваша честь, гласит...

Ингерманн начал цитировать акты, статьи и параграфы, прецеденты и сходные решения судов на других планетах. Он произносил свою речь лишь для протокола, поскольку она уже была внесена в предъявленный им иск. Тем не менее ее полагалось выслушать — в объеме, удовлетворявшем все тому же неизменному протоколу.

— Да, мистер Ингерманн, суд знает закон и поддерживает решения, принятые ранее по аналогичным случаям, — произнес Пендарвис. — Надеюсь, правительство не собирается оспаривать эту часть иска, мистер Браннард?

— Нисколько, ваша честь. Наоборот. Губернатор Рейнсфорд делает все возможное, чтобы передать свободные земли в законное пользование частных лиц...

— Ах вот как? Но когда? — вскричал Ингерманн. — Сколько времени губернатор Рейнсфорд собирается тянуть резину...

— Я прошу мистера Ингерманна справедливо оценивать сложившуюся ситуацию, — перебил его Браннард. — Не забывайте, что еще неделю назад на этой планете не было никаких общественных земель.

— Как и правительства, на которое теперь жалуются клиенты мистера Ингерманна, — добавил Кумбс. — Мне хотелось бы узнать побольше о господах Доу и Роу. Фамилии звучат слишком уж схоже, и создается впечатление, что за ними скрываются люди...

— Ваша честь, я представляю ассоциацию частных лиц, заинтересованных в приобретении земель, — сказал Ингерманн. — Это простые старатели, лесорубы, фермеры, владельцы небольших стад вельдбизонов...

— Акулы темного бизнеса, ростовщики, спекулянты и брокеры преступного мира, — продолжил Браннард.

— Моими клиентами являются законопослушные граждане этой планеты! — возразил Ингерманн. — Рабочие, честные фермеры и отважные переселенцы — все те, кого компания «Заратуштра» держала в кабале, пока их не освободило великое и историческое решение, отныне названное вашим именем, господин судья.

— Одну минуту! — произнес Кумбс, растягивая каждое слово. — Ваша честь, слово «кабала» имеет для закона вполне определенный смысл. Я решительно отрицаю описанные взаимоотношения между компанией «Заратуштра» и какими то ни было лицами на этой планете.

— Слово подобрано неверно, мистер Ингерманн. Оно должно быть вычеркнуто из протокола.

— Мы по-прежнему не знаем, какие люди стоят за предъявленным иском, — сказал Браннард. — Могу ли я попросить, чтобы мистер Ингерманн прошел на свидетельское место и назвал их имена?

Ингерманн вздрогнул и бросил испуганный взгляд на свидетельское место — массивное кресло, оборудованное электродами, передвижным металлическим шлемом и полупрозрачным шаром, который возвышался над станиной. Хьюго Ингерманн начал бурно протестовать. Ему всегда удавалось избегать проверок на детекторе лжи, и, возможно, поэтому он оставался пока членом адвокатуры, а не сидел в одной из тюремных камер.

— Нет, мистер Браннард, — с печальным вздохом сказал судья. — Мистер Ингерманн имеет право не разглашать имена своих клиентов. Мистер Ингерманн может сделать это только по собственной воле из глубокой любви к правосудию и ради блага простых людей, чьи интересы он так усердно защищает.

Браннард хмыкнул и пожал плечами. Никто не мог обвинить его в том, что он не пытался выяснить этот вопрос.

— Ваша честь, — произнес Лесли Кумбс, — мы все согласны с тем, что правительство должно выполнить взятые на себя обязательства. Но я думаю, и суду, и мистеру Ингерманну известен тот факт, что нынешнее правительство было учреждено декретом военных властей. Коммодор Напье поступил так, как и полагалось действовать высокопоставленному офицеру вооруженных сил Терранской Федерации. После того как вы, ваша честь, объявили

прежнее правительство незаконным, он учредил временный орган гражданского самоуправления, чьи полномочия сохраняются лишь до выборов и избрания новой законодательной власти. Мы должны понимать, что любые поспешные решения губернатора Рейнсфорда могут вызвать бурю протестов и серьезные сомнения в законности его действий, особенно если дело будет касаться распределения общественных земель. Ваша честь, неужели вы хотите спровоцировать события, которые на десятки лет завалят все суды планеты бесконечными тяжбами по земельным вопросам?

— Мне хотелось бы выразить позицию правительства, — добавил Браннард. — Выборы новой законодательной власти будут проведены в течение этого года. Но прежде мы обязаны созвать согласительную конференцию для принятия планетной конституции. Избрание делегатов займет от шести до восьми месяцев. До этих пор мы просим суд воздержаться от каких-либо решений по земельной реформе.

— Вполне разумно, мистер Браннард. Суд не требует поспешных и непродуманных решений, хотя и признает, что обязательства, принятые правительством, должны быть неукоснительно исполнены. Поскольку правительство гарантирует в течение года провести земельную реформу и учредить конторы по распределению участков, суд считает это дело закрытым.

Судья Пендарвис стукнул молотком по конторке и повернулся к секретарю:

— Приступаем к следующему слушанию, если вы не против.

— Вот, значит, как! — закричал Ингерманн. — Компания «Заратуштра» перекупает новое правительство, а Верховный суд закрывает на это глаза!

Судья еще раз хлопнул по конторке молотком, и на сей раз удар прозвучал как пистолетный выстрел.

— Мистер Ингерманн! Вы хотите, чтобы вас обвинили в неуважении к суду? Надеюсь, что нет. Следующее дело, пожалуйста.

Прошептав слова благодарности, Лесли Кумбс пригубил коктейль и поставил бокал на низкий столик. Апартаменты Виктора Грего находились на крыше небоскреба, в котором располагалась компания «Заратуштра», и на садовой террасе, окружавшей его квартиру, было прохладно

и тихо. Небо на западе пламенело пожаром багровых, оранжевых и желтых красок заката.

— Нет, Виктор. Гас Браннард нам не товарищ, хотя я не причисляю его и к нашим врагам. Как главный прокурор он защищает интересы правительства и Бена Рейнсфорда, а в данный момент эти две инстанции — почти одно и то же. Бен ненавидит нас лютой ненавистью, поэтому мы не можем полагаться на Гаса Браннарда.

Виктор Грего наполнил свой бокал и повернулся к Кумбсу. На его грубоватых скулах ходили желваки. Широкий рот превратился в прямую линию. Лучи заходящего солнца высвечивали седину на висках, которая появилась лишь недавно — после суда и «дела о пушистиках».

— Но почему? — воскликнул он. — Почему Бен никак не успокоится? Победа осталась за ними, и разумность пушистиков доказана. Разве они добивались чего-то другого?

А ведь он действительно удивлен, подумал Кумбс. Он просто не способен злиться на то, что уже сделано.

— Да, Джек Холлоуэй и Герд ван Рибек добились того, чего хотели. Браннард защищал их в суде и помогал доказывать разумность этих лесных чертенят. Но он просто выполнял свою работу. А вот Рейнсфорд принял все всерьез, как личное дело. Пушистики были его научным открытием — открытием, которое мы попытались дискредитировать. Теперь он считает нас «плохими парнями». А в последних главах книг «плохих парней» либо убивают, либо сажают в тюрьму.

Грего отодвинул графин с коктейлем и поднял свой бокал.

— Мы еще не дошли до последних глав, — напомнил он. — И я не хочу никаких сражений. Сначала нам надо зализать раны, собраться с силами и вернуть убытки. Но если Бен Рейнсфорд полезет в драку, я не буду отступать. Ты же знаешь, мы можем сделать ему немало гадостей. — Он сделал глоток и поставил бокал на стол. — Его так называемое правительство и гроша ломаного не стоит. Почему? Да потому что выборы законодательной власти потребуют от шести до восьми месяцев. А потом им еще надо будет провести первую сессию и, возможно, вторую. Рейнсфорд не имеет права собирать налоги на основе административных приказов — это чисто законодательная функция. Значит, ему придется брать деньги взаймы, и единственным источником финансирования может быть тот банк, который контролируем мы.

Это была слабость Виктора. Если кто-то бросал ему вызов, он тут же отвечал ударом на удар. Из-за этого инстинкта он довел историю с пушистиками до суда и тем самым понизил стоимость акций Компании на целых восемь пунктов.

— Хорошо, только не надо этих пьяных дуэлей с двадцати шагов, — посоветовал адвокат. — Гас Браннард и Алекс Напье просили Рейнсфорда не преследовать нас за прошлые дела. Они на пальцах доказали ему, что, нанося вред Компании, он неминуемо вызовет крах всей экономики планеты. Но в данный момент мы сидим с ним в одном болоте, и нам не выгодно иметь под боком обанкротившееся правительство. Лучше дай ему денег — дай столько, сколько он попросит.

— Чтобы потом с нас сняли кучу налогов для уплаты долга?

— Этого не произойдет, если мы поставим под контроль их законодательное собрание и сами напишем для себя законы о налогах. Рейнсфорд ведет с нами политическую битву. Так давай же использовать оружие политики.

— Ты предлагаешь создать партию от нашей Компании? — со смехом спросил Грего. — А тебе известно, как непопулярна сейчас «Заратуштра»?

— У меня другое предложение. Пусть партии создают горожане и избиратели. Мы же просто возьмем под себя лучшую из них и поддержим материально. Все, что нам нужно, так это готовая политическая организация.

Грего улыбнулся и, поднимая бокал, восхищенно покачал головой:

— Да, Лесли. Думаю, мне не стоит тебя учить. Ты лучше меня знаешь, что надо делать. А кого мы поставим во главе этой партии? Необходим человек, который не был бы связан с Компанией. По крайней мере, народ не должен видеть этой связи.

Адвокат назвал несколько кандидатур — независимых бизнесменов, свободных землевладельцев, известных специалистов, священников и так далее. После каждого имени Грего одобрительно кивал.

— И Хьюго Ингерманн, — добавил он в конце перечня.

— О Боже!

На миг Кумбс решил, что ослышался.

— Мы не должны иметь никаких дел с этим человеком! — возмущенно воскликнул он. — В Мэллори-порте нет таких преступлений и незаконных финансовых операций,

в которых бы не был замешан Ингерманн. Я же рассказывал тебе, с каким иском он выступал сегодня в суде.

Грего кивнул и сделал еще один глоток.

— Ты меня уговорил. Мы не будем вести с ним общих дел. Пусть Хьюго катится своей зловонной дорожкой и провоцирует скандалы, каждый из которых принесет нам не только политический капитал, но и приличные деньги. Ты говоришь, что Рейнсфорд делит людей на «хороших» и «плохих» парней? Так это же прекрасно. Хьюго Ингерманн — наихудший из всех «плохих парней» планеты, и, если губернатор еще не знает об этом, его просветят коллеги или Гас Браннард. Нам просто надо сделать так, чтобы Хьюго нападал на Компанию каждый раз, когда будет открывать рот. — Он допил остатки коктейля и потянулся за графином. — Лесли, тебе налить? До ужина еще полчаса.

Как только Гас Браннард подошел к лужайке с южной стороны губернаторского дома, к нему навстречу выбежали двое пушистиков. Их звали Флора и Фаун, и адвокат, как обычно, напомнил себе, что фавны на самом деле были мужчинами и только Флора считалась чисто женским именем. Так уж сложилось, что люди давали пушистикам имена в соответствии со своими профессиями. А Бен был натуралистом. Гас и сам мечтал завести парочку пушистиков, которых назвал бы Преступлением и Наказанием или Беспределом и Беззаконием. Надев наушники, он присел на корточки.

— Здравствуйте, разумные существа. Только держите руки подальше от бакенбардов Дяди Гаса.

Услышав шаги, он поднял голову и увидел невысокого мужчину с рыжей бородой.

— Привет, Бен. Как часто эти шалопаи дергают вас за бороду?

— Иногда бывает. Да меня, в общем-то, и не за что дергать. Другое дело — ваши бакенбарды. Джек Холлоуэй сказал мне однажды, что они считают вас Большим Пушистиком.

А пушистики тянули Гаса к другому концу лужайки и наперебой приглашали посмотреть их новый дом.

— Ваш новый дом? Конечно же, я его посмотрю. Готов поспорить, что это чудесный домик, которого нет ни у одного другого пушистика. Хо'ошо, 'ебятки. Биззо. Биззо.

Новый дом оказался палаткой, подаренной корпусом флотских десантников. По размерам она больше подходила для четы пушистиков, чем для двух десантников. Ее установили на полянке у фонтана, и пушистики уже успели принести сюда свои сокровища: игрушки, ненужный хлам всевозможных форм и ярких расцветок, а также предметы, необходимые им для некоторых личных нужд. Гас заметил игрушечную тачку и похвалил ее прочность.

— О да. Мы уже открыли колесо, — с улыбкой ответил Бен. — Они объяснили мне вчера его принцип — очень доходчиво и обстоятельно, насколько я мог понять. Пушистики катают друг друга в тачке, и больше всего им нравятся крутые повороты. Кроме того, они используют ее для сбора добычи. В этом деле равных им нет. К счастью, они всегда просят разрешения, если хотят взять то, что нашли.

— Тогда все просто замечательно, — сказал Браннард и повторил эту фразу на языке пушистиков.

Бен сделал ему комплимент, отметив заметный прогресс в изучении языка.

— Стараюсь изо всех сил, — ответил Гас. — Пендарвис собирается разбирать дела пушистиков на особых судебных заседаниях, как это делается на Локи, Гимли и Торе. Он хочет, чтобы я выслушивал показания пушистиков-свидетелей на их родном языке.

Гас Браннард присел на корточки и заглянул в палатку. На полу лежали смятые простыни, одеяла и подушки. Пушистики еще не научились убирать постели. По их мнению, постель нужна только для того, чтобы спать, и они не желали разбирать ее каждый день. Гас вытащил из кучки предметов маленький нож и попробовал лезвие пальцем. Флора тут же закричала:

— Нозик, Дядя Гас! Низзя! Будет бойно!

— Вот же черт! Бен, вы слышали, что она сказала? Флора говорит на терранском языке.

— А что тут странного? Я занимаюсь с ними каждый день. И, в отличие от людей, им не надо повторять дважды. Они все понимают с первого раза.

Взглянув на часы, он что-то сказал пушистикам. Те огорченно нахмурились, но Фаун кивнул и, забежав в палатку, вынес оттуда два рюкзачка и две лопатки.

— Я сказал, что Большим надо поговорить, и отправил пушистиков на охоту. Сегодня утром мне купили несколько сухопутных креветок, и я выпустил их в саду.

Фаун залез в тачку. Флора покатила его по дорожке, а затем, свернув на лужайку, побежала по траве. Ее пассажир завопил от восторга. Бен смотрел им вслед, пока они не исчезли среди кустов. Вытащив из кармана трубку, он набил ее табаком и задумчиво спросил:

— Гас, почему Лесли Кумбс появился в суде? И какого черта он поддержал вас, когда вы поспорили с этим парнем, Ингерманном? Признаюсь честно, я считал, что за этим делом стоит компания «Заратуштра».

«Ну да, — подумал Гас. — Каждый раз, когда случается какая-то неприятность, ты во всем обвиняешь Грего».

— Нет, Бен. Компания не заинтересована в земельной реформе. Как и мы, Грего боится распродажи участков, иначе вся его рабочая сила разбредется по полям и лесам. Если это произойдет, на Заратуштре наступит хаос. Я уж и не знаю, как вбить это в вашу голову! Поймите, Виктор Грего хочет того же, что и вы! Он хочет сохранить порядок на планете!

— Скорее всего он пытается восстановить контроль над приисками, чтобы сделать их своей козырной картой. Но я не дам ему ступить и шагу...

Гас нетерпеливо вздохнул:

— Что же касается Ингерманна, то Грего не приблизится к нему даже на десять световых лет. И мне смешно, что вы называете Виктора Грего преступником. Вы, наверное, были слишком заняты на Бете, подсчитывая кольца деревьев и изучая любовные игры этих лесных чертенят. Вам и невдомек, что в Мэллори-порте существует огромный преступный мир, но я как адвокат знаком с ним напрямую. Так вот, на фоне Ингерманна ваш Грего просто святой человек. Вы можете развешивать его иконы во всех церквах, и они будут источать миро и чудотворить. За спиной Ингерманна скрывается целый синдикат, и его зловонные щупальца протянулись во все сферы теневого бизнеса. Я имею в виду наркотики, проституцию, игровой бизнес, вымогательство, незаконную торговлю самоцветами, подкупы и воровство. А возьмите сегодняшний процесс, благодаря которому шайка дельцов хотела нажиться на спекуляциях землей. Хьюго Ингерманн — это очень опасный человек. Вот почему я сегодня сражался с ним в суде, и вот почему Грего послал мне на помощь Лесли Кумбса. Бен, вы должны понять, что это первый из многих случаев, когда вы и Грего будете действовать заодно.

Рейнсфорд поморщился и хотел что-то сердито ответить, но в этот миг с террасы донесся голос Герда ван Рибека:

— Эгей! Есть тут кто-нибудь или нет?

— Никого нет дома. Здесь только мы, пушистики, — отозвался Бен. — Спускайся к нам.

Глава 4

Облегченно вздохнув, Виктор Грего вошел в гостиную своей квартиры. Его рука потянулась к выключателю, но медленно опустилась. Свет звездного неба, вливавшийся в окна, дарил покой и уют. Он решил немного посидеть в этой сумеречной тишине, наслаждаясь одиночеством и бокалом бренди. Вопреки его возрасту и физической форме уставшее тело казалось старым и дряхлым. Но мозг по-прежнему работал на предельной скорости, и мысли мчались по извилинам, обгоняя друг друга на поворотах. Он знал, что заснуть ему сейчас не удастся.

Грего снял пиджак и галстук, бросил их на кресло и, расстегнув воротник рубашки, направился к бару. Взяв высокий бокал и наполовину наполнив его бренди, он пошел к своему любимому креслу, но потом вернулся и прихватил с собой бутылку. Он чувствовал, что одним бокалом тут не обойтись — слишком быстро мелькали колеса мыслей. Виктор поставил бокал и бутылку на низкий столик, сел и попытался понять, что же его так беспокоило. Вроде бы ничего важного. Сделав первый глоток, он откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

Да, Компания имела проблемы в животноводческих регионах на континентах Бета и Дельта. Но там они, по крайней мере, знали, что надо делать. Прекратив на Бете инженерные работы по проекту осушения Большого Черноводья, они могли перевести людей на фермы вельдбизонов. Грего знал, что, если их вооружить и назначить премии за каждую стычку, они быстро разберутся с бандами, воровавшими скот. А если в новостях пройдет пара репортажей о фермерских войнах, Яну Фергюссону и его колониальной полиции придется заняться наведением порядка. Хотя главное сейчас — сохранить стада. И диких вельдбизонов! Как и все консерваторы, Бен Рейнсфорд был помешан на охране дикой природы.

К сожалению, новая политика относительно закупки солнечников пока не разработана. Грего не хватало инфор-

мации обо всех аспектах сложившейся ситуации, и с этим надо было что-то делать.

«Да и черт с ним, — подумал он. — Камни могут подождать и до завтра».

Грего сделал еще один глоток и потянулся к стеклянной вазе, стоявшей на столе. Пальцы скользнули по пустому дну. Виктор вздрогнул. Когда они с Лесли шли на ужин и проходили через эту комнату, ваза была наполовину наполнена вафлями и солеными орешками, которые он предпочитал всем другим лакомствам.

Или их не было? Возможно, ему только показалось, что ваза была наполовину полна. Эта мысль еще больше обеспокоила его. Он до сих пор не мог простить себе, что забыл этим утром о назначенной инвентаризации солнечников. Надо будет позвонить Эрнсту Маллину, подумал он. Пусть парень проверит его здоровье.

Грего опустил бокал на стол и грустно усмехнулся. Если кто сейчас и нуждался в подобной проверке, так это сам психолог. Бедный Эрнст, его трепали в суде как клок шерсти, и, возможно, теперь он считал себя виновным во всех их бедах.

Нет, Маллин был тут ни при чем. В той ситуации он делал все что мог, отрицая разумность пушистиков. Но они действительно оказались разумными существами. Так при чем тут Маллин? Конечно, он зря согласился на проверку на детекторе лжи. Его подбила на это Рут Ортерис. Но откуда им было знать, что она работала на флотскую разведку? Рут не только сообщила военным о новой разумной расе, но и тайно вывезла пушистиков Холлоэуя из научного центра, после того как Лесли Кумбс доставил их туда по фиктивному судебному ордеру. И это она посоветовала использовать другую семью пушистиков в качестве «наживки», подставив тем самым Маллина под удар.

Да, она прекрасно справилась со своим заданием. Грего наблюдал за ходом процесса по телевизору и стонал от бессильной злобы, пока бедняга Маллин пыхтел и краснел в свидетельском кресле. Как только психолог открывал рот и начинал говорить о том, что пушистики представляют собой вид маленьких сообразительных животных, шар детектора вспыхивал алым и уличал его во лжи. Рут сделала все, чтобы Компания потерпела поражение в результате показаний собственного свидетеля.

Грего мог бы считать ее своим заклятым врагом, но он не испытывал к ней ненависти. Он восхищался Ортерис,

как восхищался любым человеком, который знал свое дело и делал его компетентно. Жаль, что в его окружении было мало таких людей.

«Надо сделать что-нибудь приятное для Эрнста, — подумал Грего. — Его нельзя оставлять в научном центре. Пусть парни из административного отдела найдут для него какую-нибудь работу и переведут туда с повышением в должности».

В конце концов Виктор решил, что надо отправляться спать. Он поставил бутылку бренди обратно в бар, собрал одежду, раскиданную на стульях, и, войдя в спальню, включил свет.

На кровати между двумя подушками лежал комочек золотистого меха. Грего выругался и раздраженно всплеснул руками. С тех пор как пушистики попали в сводки новостей, такие куклы, сделанные в натуральную величину, продавались почти во всех магазинах Мэллори-порта. Если это чья-то шутка...

Но существо, которое он принял за куклу, вдруг село и, поморгав, сказало:

— Уиик?

— О, черт! Так он живой! — вскричал Грего. — Настоящий пушистик!

Маленькое существо испугалось и, искоса посматривая на человека, начало выискивать путь для бегства.

— Не бойся меня, малыш, — понизив голос, произнес Виктор Грего. — Я тебя не обижу. Как ты пробрался сюда, негодник?

Итак, загадка опустевшей вазы была решена: соленые орешки обрели покой в животе пушистика. Но как он оказался здесь? Увидев его, Грего первым делом подумал о чьей-то шутке. Но теперь он сомневался в этом, и появление пушистика начинало беспокоить его всерьез.

Тем временем маленький гость решил, что опасаться человека незачем, и повел себя более дружелюбно. Он вскочил на ноги, намереваясь пройти по мягкому пневматическому матрасу, но не удержал равновесия и перекувырнулся через голову. Но тут же оказался на ногах и, дважды подпрыгнув, издал счастливое «уиик». Грего поймал его в воздухе и вместе с ним сел на кровать.

— Ты голоден, малыш?

Лакомства из вазы вряд ли насытили пушистика. Кроме того, орешки были круто присолены.

— Готов поспорить, что ты умираешь от жажды.

Ему вспомнилось, как пушистики называли Джека Холлоуэя. Папа Джек.

— Сейчас Папа Вик даст тебе перекусить.

Пока Грего искал в маленькой кухне какую-нибудь еду, незваный гость выпил две с половиной рюмки воды.

А чем кормил своих пушистиков Джек Холлоуэй? ПР-3, которого у Грего, конечно же, не было. Хотя он знал одно местечко, где стоило поискать...

Виктор вернулся в спальню и открыл один из шкафов, где хранилось его боевое снаряжение: винтовки, спальный мешок, видеокамеры и бинокли, а также пара аварийных рундучков для аэромобиля, наполненных всякой всячиной. Он привез их с Терры в надежде отправиться когда-нибудь в далекий и опасный поход. Там было много разных вещей, и среди прочего — две банки ПР-3.

Пушистик, стоявший рядом, возбужденно зауикал, когда увидел голубые наклейки. Радостно махая руками, он побежал впереди него на кухню и с трудом дождался того момента, когда Грего открыл одну из банок. Очевидно, кто-то уже угощал его ПР-3.

Пока пушистик расправлялся с плиткой «рациона», Виктор приготовил себе бутерброд и сел за стол. Беспокойство не проходило. В здание Компании можно было войти только через четыре двери, расположенные на первом этаже, и все они непрерывно охранялись постами внутренней полиции. Окна начинались лишь на высоте шестидесяти футов от земли. Виктор не стал бы утверждать, что они абсолютно недоступны для пушистиков, но вряд ли эти маленькие существа уже научились пилотировать аэромобили. Значит, кто-то привез пушистика сюда. Вопрос «как?» отпадал — его привезли на аэромобиле. Но возникали три следующих вопроса: «кто?», «когда?» и «зачем?».

Вопрос «зачем?» тревожил его больше всего. С тех пор как пушистиков признали разумными существами, они находились под охраной Терранской Федерации, и закон карал любое преступление, совершенное против них. Если бы Келлог не покончил с собой в тюремной камере, его все равно бы казнили за убийство Златовласки.

Грего вздрогнул. Неужели кто-то собирается обвинить его в похищении пушистика? Незаконное лишение свободы — это серьезная статья.

Он включил видеоселектор и позвонил в кабинет шефа внутренней полиции. Ему ответил капитан Морган Ланский, который замещал Гарри Стифера от полуночи до

шести утра. Увидев Грего на экране, капитан вскочил и выбросил сигару. Потом застегнул на куртке «молнию» и, напыжившись, придал себе вид всепонимающего и бдительного офицера.

— Доброй ночи, мистер Грего! Что-нибудь случилось?

— Именно это я и хотел спросить у вас, капитан. В моей квартире появился пушистик, и я хотел бы узнать, как это могло произойти.

— Пушистик? Вы уверены, мистер Грего?

Виктор отступил на шаг и показал капитану своего гостя, который устроился за его столом. Пушистик держал в руках половинку плитки ПР-3. Увидев Ланского, который изумленно таращился на него с настенного экрана, он уикнул от восхищения и показал ему язык.

— Ваше мнение, капитан?

Мнение Ланского уместилось в неопределенное междометие.

— А как же он попал к вам, мистер Грего?

Грего вздохнул, моля небеса о терпении:

— Вот это я и хочу узнать. У вас есть какие-то идеи, капитан?

— Наверное, кто-то пронес его в здание. Или привез на аэромобиле.

— Я тоже так считаю. А как вы думаете, когда это могло произойти?

Ланский покачал головой. И тут его осенило.

— Ну конечно же, мистер Грего! Все началось с тех мелких краж!

— Каких еще краж?

— Кто-то воровал в кабинетах карандаши и ручки, шарил по ящикам, а позже проникал в складские помещения кафетериев. В основном пропадали сладости и коробки конфет, которые предназначались для торговых автоматов. Первая кража произошла в ночь на шестнадцатое. Ну да, три дня назад. Рапорт поступил от смены, которая несла дежурство с шести утра и до полудня. С тех пор так и пошло: каждое утро на одном из складов пропадали сладости, конфеты и прочая мелочь. Вот я и говорю: а что, если это делал пушистик?

«А почему бы и нет?» — подумал Грего. Такие маленькие существа могли становиться почти незаметными. Не обладай они этим даром, им не удалось бы тысячелетиями жить в лесах, скрываясь от гарпий и чащобных лешаков. Пушистик мог прятаться в здании довольно долгое время.

Здесь хватало укромных мест. Небоскреб построили двенадцать лет назад — через три года после того, как он прилетел на Заратуштру. Огромное здание больше походило на монолит, чем на те строения, которые теперь возводили на Терре и которые изнашивались через пару десятков лет. Его строили для штаба лицензированной компании «Заратуштра» — как минимум на пару веков. Оно состояло из восемнадцати уровней, от шести до восьми этажей на каждом, причем половина из них пустовала или почти не имела мебели, ожидая будущего расцвета Компании.

— А помните, доктор Хименес ловил пушистиков для доктора Маллина, — сказал Ланский. — Может быть, это один из них?

Грего мысленно поморщился при упоминании о тех пушистиках. То, что они ловили и отдавали их Маллину для опытов, было одной из самых худших ошибок Компании. А то, как они избавились от них, едва не подвигло «Заратуштру» к роковому концу.

Какой-то лейтенант городской полиции по собственной узколобой инициативе раздул историю о Лолите Ларкин — десятилетней девочке, на которую будто бы напали пушистики. Губернатор колонии Ник Эммерт — отозванный теперь на Терру и обвиненный в злоупотреблении властью — решил, что пушистики Холлоуэя находятся в городе. Он учредил за каждого из них награду в пять тысяч солов — за живого или мертвого. И тогда люди начали оголтелую охоту на пушистиков.

А в это время Грего и Лесли Кумбс, сотворив очередной шедевр глупости, отпустили из центра тех пушистиков, которых изучал Маллин. Зная о награде, обещанной Эммертом, и объявленной охоте, они намеренно отправили эту группу на верную смерть. Кто мог предположить, что их найдет Джек Холлоуэй? Старатель искал свое собственное семейство, которое в ту пору уже находилось на военной базе Ксеркса. Так уж случилось, что он спас пушистиков, выпущенных в город, и теперь чета ван Рибеков приняла их в свою семью.

— Нет, капитан. Те пушистики уже учтены и находятся в хороших руках. А доктор Хименес больше не возит пушистиков в город.

Ланский вдруг вспомнил о своих обязанностях и сменил щекотливую тему.

— Хорошо, мистер Грего. Я направлю к вам охранника, и он заберет пушистика.

— Ничего подобного, капитан. Пушистику здесь не так уж и плохо. Я сам о нем позабочусь. Но меня интересует, каким образом он попал в наше здание. Я хочу, чтобы вы провели тщательное расследование. Передайте мои слова вашему шефу, когда он придет.

Прежде чем выключить видеоселектор, Грего подумал и сказал:

— Пришлите мне ящик с ПР-3 и сделайте это до того, как сдадите смену. Оставьте груз в моем лифте, а утром я его заберу.

Когда экран погас, пушистик разочарованно покачал головой. Он не мог понять, куда пропал забавный человек из стены. Покончив с половинкой «рациона», малыш уже не хотел смотреть на другую еду. И не мудрено — одна такая плитка поддерживала силы взрослого человека в течение целых суток.

Сдвинув пару кресел, Грего соорудил для пушистика постель и показал ему, где тот может брать воду. Раковина на кухне располагалась слишком высоко для маленького существа, но на садовой террасе имелся кран, которым пользовался садовник. Виктор поставил под кран кастрюлю, пустил небольшую струйку воды, а рядом положил походную солдатскую кружку. Увидев ее, пушистик округлил глаза и издал восторженное «уиик». Грего дал себе зарок приобрести ультразвуковой приемник и наушники, разработанные парнями из Флота. Ему вдруг захотелось научиться языку пушистиков.

Чуть позже он вспомнил, что маленький народец отличался щепетильностью в вопросах гигиены. Пройдя по коридору, Виктор вошел в большую кладовку позади кухни, в которой повар, слуга и садовник хранили посуду, бытовые инструменты и ящики для рассады. Он давно уже не заходил сюда и даже не представлял, что здесь скопилось столько хлама. Грего выругался и начал искать какой-нибудь предмет, который заменил бы пушистику лопату.

Отломав рукоятку от старого половника, он вынес ее на террасу, выкопал в цветочной клумбе небольшую ямку и воткнул рядом с ней импровизированную лопату. Пушистик все понял и тут же воспользовался отхожим местом. Зарыв ямку, он воткнул рукоятку половника в землю и издал несколько ультразвуковых «уиков», очевидно,

довольный тем, что большие люди тоже имели цивилизованное понятие о санитарии.

«Надо купить ему в магазине детскую лопатку, — подумал Грего. — И настоящую детскую кровать. И сделать небольшой фонтан для питья...»

Внезапно он понял, что хочет оставить у себя этого пушистика — оставить навсегда. Но захочет ли этого малыш? Маленький сорванец был забавным и милым. И со временем мог стать верным другом. И ему будет плевать на то, что Виктор является исполнительным директором Компании. Люди обычно теряют друзей, поднимаясь к вершинам служебной лестницы. А о бескорыстной дружбе можно только мечтать. Наверное, поэтому у Грего и не было друзей, кроме Лесли Кумбса.

Ночью он несколько раз просыпался от того, что его плеча касалось мягкое и теплое тельце.

— Эй, я думал, что ты будешь спать в своей постельке.

— Уиик?

— А-а! Тебе нравится спать с Папой Виком? Ну тогда ладно. Спи.

И они снова уснули.

Глава 5

Забавно было завтракать вдвоем — тем более что его компаньон сидел не за столом, а на столе. Пушистик попробовал кофе Грего и, поморщившись, отодвинул чашку. Зато ему понравился фруктовый сок. Он со смаком потягивал напиток и жевал любимый ПР-3. Когда Виктор прикурил сигарету, пушистик и глазом не моргнул. Его не привлекал ароматный дым, и он не проявлял к нему никакого интереса. Очевидно, он уже видел курящих людей и, возможно, подбирал за ними окурки. Тем не менее сигареты ему не нравились. Наверное, он когда-то здорово обжегся, и это послужило ему хорошим уроком.

Грего долил себе в кружку кофе и включил видеоселектор. Пушистик повернулся к экрану на стене. Ему нравилось смотреть на эти забавные штучки, в которых появлялись и исчезали интересные вещи. Он был очарован фейерверком ярких цветов. А затем экран очистился, и на нем появилось изображение Миры Фаллады.

— Доброе утро, мистер Грего, — сказала она.

И остолбенела. Она сидела с открытым ртом и вытаращенными глазами, словно только что проглотила стакан

неразбавленного рома, перепутав его с холодным чаем. Ее рука приподнялась, и дрожащий палец уткнулся в экран.

— Мистер Грего! Это... Это пушистик?

Его маленький гость запищал от восторга. Эта женщина была куда интереснее человека в голубой форме, с которым они болтали прошлой ночью.

— Да, я нашел его здесь вчера вечером.

Интересно, сколько раз ему придется повторять теперь эту фразу?

— На все мои вопросы малыш отвечает «уиканьем». Но, судя по тому, что я уже знаю, он может оказаться совладельцем наших кафетериев.

Подумав немного, Мира приняла последнюю фразу за шутку. И, конечно же, неприличную шутку, поскольку мистер Грего никогда не шутил так с другими подчиненными.

— Ну и что вы собираетесь с ним делать?

— С этим проказником? Если он захочет, то оставлю его здесь.

— Но, мистер Грего... Это же пушистик!

Из-за пушистиков Компания лишилась лицензии. А значит, они враги, и все люди, преданные «Заратуштре», не должны иметь с ними ничего общего — тем более мистер Грего!

— Мисс Фаллада, пушистики жили на этой планете за сотню тысяч лет до основания нашей Компании.

Жаль, что он не относился к ним так с самого начала.

— Вот этот малыш — очень милый и приятный парень, который хочет дружить со мной. Если он решит остаться, я буду рад его доверию.

Не желая продолжать дискуссию, Грего спросил о делах, скопившихся на утро.

— Э-э... Девочки уже обработали большую часть рапортов, поступивших прошлой ночью. Когда вы спуститесь в кабинет, отчет о них будет лежать у вас на столе. Кроме того...

Кроме того, его ожидала куча досадных дел и сомнительных вопросов. А он-то думал, что большинство из них улажено уже вчера.

— Хорошо. Я займусь этим сам. Мистер Кумбс еще не звонил?

Ах да. У Лесли сегодня напряженный день. Он собирался позвонить около полудня и появиться ближе к

вечеру. Вот и хорошо. Лесли знает, что делать. Когда Мира закончила утренний отчет, Виктор вызвал Стифера.

Гарри Стифер не стал застегивать «молнию» куртки и напускать на себя озабоченный вид. Его выправка была безупречна. В свое время он служил офицером в вооруженных силах Федерации, и тройной ряд орденских планок на груди слева свидетельствовал о его заслугах.

— Доброе утро, мистер Грего! — Он улыбнулся и кивнул в сторону пушистика. — Я вижу, злоумышленник еще у вас?

— Ошибаетесь, шеф. Он мой гость. Вы что-нибудь о нем узнали?

— Пока не очень много. Мы отрабатываем версию, о которой вам уже говорил капитан Ланский. Он свел в таблицу все рапорты и жалобы о хищениях и мелких кражах. Кстати, довольно внушительный список. Вам представить его полностью?

— Нет, обобщите.

— Все началось, на наш взгляд, с проникновения в два кабинета и дамскую комнату отдыха на восьмом этаже. Кто-то украл конфеты и прочие сладости, не взяв при этом ничего ценного. Шкафы и ящики были раскрыты, вещи и документы — разбросаны на полу. Затем, по мере того как преступник продвигался вверх, подобные сообщения стали поступать и с других этажей. Мы получили рапорт о том, что кто-то крал конфеты в складских помещениях двух кафетериев, но установленные там видеокамеры не зарегистрировали никаких проникновений.

— То есть люди туда не входили?

— Так точно, сэр. Позапрошлой ночью Ланский посылал туда пару детективов. Я поговорил с ними сегодня, и, судя по их словам, все эти кражи действительно мог совершить пушистик. Между прочим, за последнюю ночь ни одного рапорта о хищениях не поступало. Это подтверждает наши подозрения о причастности пушистика к перечисленным мною случаям.

— Да ты настоящий маленький воришка, — проворчал Грего и легонько потрепал пушистика за ухо. — Значит, все началось шестнадцатого числа на восьмом этаже?

— Так точно, мистер Грего. Я не хотел предпринимать каких-то конкретных действий до разговора с вами, но мне кажется, что об этом пушистике нам следует расспросить доктора Маллина и доктора Хименеса.

— Я поговорю с ними сам. После того как доктор Хименес привез четырех пушистиков и передал их доктору Маллину, он за день до суда улетел на континент Бета, и остался там изучать жизнь этих существ в их естественных условиях. Ему помогают двое людей — то ли охотники, то ли лесные обходчики.

— Я выясню, кто эти люди, — сказал Стифер. — По идее, каждый из наших служащих, побывавших на континенте Бета, мог поймать пушистика, привезти сюда, а затем, наигравшись, прогнать, как щенка. Мы сделаем все, чтобы докопаться до истины, мистер Грего.

Поблагодарив Стифера, Виктор отключил экран, набрал на клавиатуре новый код и послал вызов на домашний видеофон Лесли Кумбса. Тот ответил почти сразу. Одетый в домашний халат, он сидел в своей библиотеке, а на столе перед ним стояла чашечка кофе и лежала кипа бумаг. Он улыбнулся, приветствуя Грего. Затем его взгляд переместился в сторону, и улыбка стала еще шире.

— О-о! Какая трогательная сцена! Виктор Грего и его пушистик. Если враг неодолим, присоединись к нему — кажется, так говорили наши предки. Когда и где ты приобрел этого парня?

— Я его не приобретал. Он сам ко мне пришел.

И Виктор рассказал Лесли Кумбсу о странном появлении пушистика.

— Теперь я хочу выяснить, кто принес его в наше здание.

— Мой тебе совет: верни его на континент Бета и выпусти в каком-нибудь лесу. Пусть он идет туда, откуда пришел. Рейнсфорд дал согласие не преследовать нас за прошлые дела, совершенные до суда, но, узнав, что в нашем здании удерживается какой-то пушистик, он подаст на тебя в суд и потребует максимального наказания.

— Но парню понравилось здесь. Он хочет остаться с Папой Виком. Что скажешь, малыш?

Пушистик издал короткий писк, прозвучавший как согласие.

— А что, если ты пойдешь к Пендарвису и подашь от моего имени прошение на опекунство? Мне нужны такие же документы, какие он выдал Холлоуэю, Джорджу Ланту и Рейнсфорду.

Глаза Лесли Кумбса заискрились. Он получал желанный шанс на новую встречу с Гасом Браннардом в суде,

и это дело уже не казалось таким безнадежным, как прошлая тяжба.

— Думаю, что мне удастся... — Но он преодолел соблазн и покачал головой: — Нет, у нас и без этого пушистика уже дурная слава. Лучше избавься от него, Виктор. — Он поднял руку, предупреждая возражения. — Я зайду к тебе в семнадцать тридцать на бокал коктейля. А ты подумай до этого времени.

Возможно, Лесли прав. Грего неуверенно пожал плечами.

Закончив эту тему, они перешли к обсуждению политической ситуации. Пушистику стало скучно, и он спрыгнул со стола. Чуть позже, отключив экран, Виктор оглянулся и увидел, что дверь, ведущая в кладовую, открыта. Судя по всему, пушистик заглянул туда и решил посмотреть на новые вещи. Впрочем, он вряд ли мог усугубить тот беспорядок, который обнаружил там Грего. Успокоив себя этой мыслью, Виктор долил в чашку кофе и прикурил очередную сигарету.

В тот же миг по ту сторону открытой двери раздался грохот. Послышалось громкое испуганное «уиик» и вслед за ним шум каких-то падающих предметов. Пушистик запищал, призывая на помощь. Вскочив на ноги, Виктор подбежал к двери и заглянул в кладовку.

Пушистик стоял посреди коричневой липкой лужи, разлившейся из открытой двадцатилитровой канистры, которая упала с полки на пол. Резкий запах подсказывал, что эта густая, как меласса, субстанция была соусом для копченого мяса, который повар готовил по особому рецепту. На окорок средних размеров уходило около полулитра соуса, но повар-дуралей запасся им на целый год.

Пушистик перепачкался с головы до ног. Пытаясь уклониться от падавшей канистры, он опрокинул на себя горшочки с травами и специями. Их содержимое прилипло к его меху. Он осторожно ступил на лист бумаги, и бумага тут же приклеилась к ноге. Пушистик отодрал ее рукой, но она приклеилась к ладони. Заметив Папу Вика, он издал отчаянное «уиик».

— Да, вот теперь и уиикай.

Виктор приподнял пушистика, и тот обхватил его за шею липкими руками.

— Ну пойдем. Попробуем тебя очистить.

Он отнес пушистика в ванную, поставил его в таз и снял с себя перепачканную рубашку. Брюки тоже были заляпаны пятнами соуса, но Виктор решил поменять их после того, как закончит мыть пушистика. Достав из шкафа флакон цветочного шампуня, он открыл два крана, отрегулировал температуру воды и поставил таз с пушистиком под душ.

Какого черта он этим занимается? Словно ему нечего делать, как только мыть пушистиков.

Он намылил мех маленького существа. Пушистик сначала съежился от страха, но потом процесс купания ему понравился, и он, попискивая от удовольствия, попытался намылить шампунем нахмуренные брови Грего. В конце концов они покончили с этим делом и приступили к просушке меха. Сушилка с потоком горячего воздуха привела пушистика в восторг. Он еще никогда не имел дело с шампунем с большими цветными пузырьками и теплым ветерком из серебристой решетки.

Поглаживая свой чистый, сухой и пушистый мех, малыш сидел на кровати и следил, как Папа Вик надевал деловой костюм. Просто удивительно, что Большие в любой момент могли менять свои шкуры; наверное, это действительно удобно. Время от времени он высказывал замечания, и Грего поддерживал разговор.

Одевшись, Виктор написал три записки — слуге, садовнику и повару. Он просил их немедленно навести порядок в кладовке и убрать ко всем чертям тот хлам, который они туда принесли. Грего подумал, что нет худа без добра и что, возможно, пушистик поможет ему превратить холостяцкую квартиру в уютное жилье.

Они спустились на верхний административный уровень в рабочий кабинет Грего. Лифт добавил еще одно переживание для пушистика. Но затем чудеса окружили его со всех сторон, и он даже рот раскрыл, увидев огромный глобус Заратуштры, который парил в шести футах над полом. Встроенная антигравитационная установка вращала вокруг него два спутника, и все это освещалось прожектором, заменявшим солнце класса К0. В конце концов пушистик не выдержал и запрыгнул на стул, чтобы разглядеть конструкцию получше.

— Если мне удастся что-нибудь придумать, ты останешься здесь...

Грего включил экран, и перед ним возникло изображение Миры.

— Мне пришлось кое-что помыть, и поэтому я немного задержался, — сказал он с предельной честностью. — Сколько девочек работает у нас сегодня в канцелярии?

Все восемь сотрудниц были заняты срочными делами. Мира перечислила, какими именно. С такой работой могли бы справиться и четверо, а уж шестеро — тем более. Вот еще одна статья, на которой могла бы сэкономить компания «Заратуштра», подумал Грего.

— Хорошо, пусть они ко всему прочему присмотрят за пушистиком, — сказал он. — Если потребуется, пусть делают это по очереди. Я чувствую, он уже придумывает какую-то шалость. Отнесите его к девочкам и скажите, что с этим парнем надо поиграть. Пусть развлекают его как только могут.

— Но, мистер Грего! Они же работают!

— Это тоже работа. Посмотрите, какая из девочек понравится пушистику больше всех, и я сделаю ее воспитательницей. Неужели мы позволим одному пушистику развалить всю нашу организацию?

Мира хотела было напомнить, что пушистики уже сделали это с компанией «Заратуштра», но сдержалась и, сказав: «Да, мистер Грего», отключила экран. Через минуту мисс Фаллада вошла в кабинет.

Обменявшись с пушистиком враждебными взглядами, она нерешительно шагнула к нему. Тот сердито «уикнул», увернулся от нее и, подбежав к Грего, взобрался к нему на колени.

— Она не обидит тебя, — ласково сказал Виктор. — Это Мира. Она любит пушистиков. Или я не прав? — Грего погладил пушистика и со вздохом добавил: — Боюсь, вы не нравитесь ему.

— И это взаимно, — ответила Мира. — Мистер Грего, я — секретарь, а не укротитель.

— Пушистики — не животные. Они разумные существа. Так сказал сам главный судья Пендарвис. Неужели вы не слышали о его знаменитой резолюции?

— В последнее время только о ней и говорят. Мистер Грего, как вы можете ласкать этого маленького демона после того, что произошло?

— Хорошо, Мира. Я сам понесу его.

Пройдя через комнату секретарши, он вошел в большой зал, который все называли административным центром. Сюда стекались отчеты всех отделов и подразделений увядавшей, но все еще обширной империи. Достигая Гре-

го, эти документы порождали ответную волну решений, указаний и инструкций, которые затем расходились дальше к конкретным исполнителям. В центре работали восемь девушек, ничем особенно не занятых. Одна что-то вычитывала из нескольких смет и диктовала цифры в голосовой калькулятор. Другая принимала почту по компьютерной сети. Третья стояла у чертежной доски и рисовала один из многоцветных зигзагообразных графиков, которые так любят конторские души. Остальные сидели, курили и болтали. При появлении шефа они быстро разбежались по рабочим местам и принялись деловито открывать шкафы и перебирать какие-то бумаги. Внезапно одна из девиц заметила пушистика, сидевшего на руках начальника.

— Смотрите! Мистер Грего принес пушистика!

— Ой! Действительно! Живой пушистик!

Девушки вскочили с кресел, и перед Виктором закружился водоворот цветастых платьев, духов, жестов, веселых голосов и симпатичных лиц.

— Где вы его взяли, мистер Грего?

— Ах, можно мы на него посмотрим?

— Конечно, девочки, — ответил Виктор, опуская пушистика на пол. — Я не знаю, откуда он пришел, но мне кажется, парню у нас понравилось. Я собираюсь оставить его у вас на некоторое время. Присматривайте за ним, но не давайте ему вмешиваться в вашу работу и не позволяйте шалить. Мне потребуется не меньше часа, чтобы пристроить его куда-нибудь. Можете угощать пушистика сладостями и тем, что едите сами. Он не возьмет еду, которая может ему повредить. Впрочем, я не думаю, что он сейчас голодный. И прошу вас, не задушите его в объятиях.

Когда Грего вышел, девушки уселись вокруг пушистика и окружили его своей заботой. Для маленького существа наступил звездный час. Виктор попросил Миру оставить дверь кабинета открытой, чтобы пушистик при желании мог найти его. Пристроив малыша, он прошел через другую дверь в компьютерный зал.

Тот был квадратно-полукруглым: две панели, двадцати футов длиной, стыковались под прямым углом, а их в свою очередь соединяла одна изогнутая полукругом стена. Вдоль нее тянулся пульт управления, на котором располагались анализаторы ситуаций, коммуникаторы и операционные вычислительные машины. Между ними скользила лента из бледно-зеленого пластика трех футов шириной,

разлинованная вертикальными и горизонтальными красными линиями на квадраты. Каждый квадрат был перфорирован тысячами маленьких отверстий. Сквозь некоторые из них просвечивали огоньки, переливавшиеся всеми цветами радуги. Этот пульт управлял мощнейшей аппаратурой, которая занимала три следующих этажа небоскреба. Именно здесь поступавшая информация преобразовывалась в квазиматематическую символику компьютерного языка.

Грего на миг остановился в дверном проеме, следя за огнями этой «рождественской елки». Никакие соблазны мира не заставили бы его дотронуться до кнопок и тумблеров этого технического чуда. Он имел лишь отдаленное представление о том, как работал пульт. Ему хотелось узнать, как продвигается компьютерная разработка новой стратегии по закупке солнечников. Получив ответ, он вернулся в свой кабинет, закрыл дверь и сел за стол.

В старые добрые «допушистиковские» времена он обычно проводил здесь пару часов, попивая кофе и не спеша просматривая отчеты. Иногда он делал кое-какие пометки, задавал вопросы или вносил предложения, показывая тем самым, что держит руку на пульсе событий. В ту пору непредвиденных ситуаций почти не возникало и его личное участие требовалось лишь в исключительно редких случаях.

Теперь же каждый день казался авралом. Четверо прошлых суток промелькнули в марафоне штабных совещаний. Нерешенные проблемы перерастали в серьезные конфликты. Ему пришлось связаться с людьми, которых он не стал бы беспокоить при обычных обстоятельствах: с исполнительным директором мясоконсервного завода на континенте Дельта, с главным инженером приостановленного теперь проекта по осушению Большого Черноводья и с мастером-механиком атомной электростанции. После этого он позвонил в контору завода по производству электронного оборудования, где по заказу правительства началось изготовление ультразвуковых приемников. Грего попросил прислать ему полдюжины аппаратов. Благодаря такому прибору он мог бы понять, что говорил его новый друг.

Чуть позже у него состоялся тяжелый разговор с директором химического завода. Обсудив стремительный спад в производстве взрывчатых веществ, Грего выразил крайнее недовольство и пригрозил перестановкой кадров. Закан-

чивая беседу, он поднял голову и увидел на пороге кабинета дрожащую от гнева мисс Фалладу.

— Мистер Грего, — вскричала Мира, едва он выключил экран, — вы должны забрать это ужасное существо из административного центра! Девочки забросили работу. А от их визгов и воплей я уже схожу с ума!

Он услышал взрыв пронзительного хохота и топот маленьких босых ног пушистика.

— Я не могу работать в таких чудовищных условиях! А-а-а-а!

Что-то ярко-красное ударило ее по затылку и рикошетом влетело в кабинет. Это был красный пластиковый мешочек, туго набитый смятыми салфетками и оберточной бумагой. Проскользнув мимо Миры, в комнату вбежал пушистик. Он подхватил мешочек, перебросил его через голову секретарши в нескольких дюймах от ее лица и стремительно побежал за ним.

— Вы правы, Мира. Боюсь, что он зашел уже слишком далеко.

Грего поднялся и прошел мимо секретарши. Заметив импровизированный красный мяч, летевший ему в голову, Виктор поймал его и переступил порог административного центра. Маленький проказник, удирая от него, подбежал к высокой рыжеволосой девушке, которая со смехом подхватила пушистика на руки.

— Девочки, — сердито сказал Грего. — Я вас просил присмотреть за этим шалопаем, а не устраивать здесь детский сад, из которого сбежала воспитательница. Пушистики отняли у нас лицензию. Так неужели вы готовы бросить из-за них работу, которая у вас осталась?

— Да, похоже, дело слегка вышло из-под контроля, — согласилась высокая рыжеволосая девушка.

— Слегка?

До сих пор никто не смел преуменьшать значения его слов. Как ее зовут? Сандра Гленн?

— Сандра, вы, кажется, уже подружились с пушистиком. Вот и позаботьтесь о нем. Только сохраняйте тишину и не позволяйте ему отрывать от работы остальных.

Грего надеялся, что она не станет спрашивать, как это делать. И Сандра действительно не спросила.

— Я попробую, мистер Грего, — ответила она.

Надо будет дать ей премию, подумал Виктор. А как еще он мог расплатиться с ней за такую услугу?

Едва он вернулся в кабинет, видеофон издал нетерпеливый гудок. Звонил начальник отдела общественных служб. Он хотел знать, что говорить учителям о дальнейших перспективах с работой. Избавившись от него, Грего набрал код научного центра и потребовал соединить его с доктором Эрнстом Маллином.

Руководитель научного центра был подчеркнуто изящен в своем неизменном черно-белом костюме, который полностью соответствовал его неизменным черно-белым мыслям. На узком лице, с маленьким ртом и поджатыми губами, застыла высокомерная улыбка положительного и респектабельного человека. Впрочем, теперь у улыбки Маллина появился новый оттенок — ожидание, что стул, на котором он сидел, в любой момент может развалиться на части.

— Доброе утро, мистер Грего.

Он изо всех сил старался скрыть испуг и тревожные предчувствия.

— Доброе утро, доктор. Помните пушистиков, с которыми вы работали перед судебным процессом? Да, тех самых, которые сейчас живут у ван Рибеков. Скажите, вы имели дело только с ними?

Удивившись вопросу, Маллин ответил, что никаких других пушистиков не изучал. И, насколько ему известно, Хуан Хименес привозил в город только этих четырех существ.

— А вы уже говорили об этом с доктором Хименесом? — спросил доктор, услышав о появлении пушистика в здании Компании. — Не думаю, что Хуан, вернувшись с континента Бета, привез с собой еще кого-нибудь.

— Прежде чем звонить ему, мне хотелось обсудить эту тему с вами. И меня интересует не только вопрос о пушистике, но и кое-что другое. Доктор Маллин, я сделал вывод, что руководство научным центром не доставляет вам большого удовольствия.

— Да, мистер Грего. Я взял на себя руководство центром только потому, что этого требовали обстоятельства. Но теперь, после суда, мне хотелось бы вернуться к своей прежней работе.

— Хорошо. Вы вернетесь к ней, и ваш оклад при этом не пострадает. Кроме того, хочу заверить вас в том, что отношусь к вам с полным доверием. Во время неприятностей с пушистиками вы делали все, что могли. Защищая Компанию, вы поставили под удар свою репутацию...

Грего видел, как с лица Маллина сходит беспокойство. Когда он закончил речь, психолог разродился сдержанной улыбкой.

— А теперь вопрос о вашем преемнике. Что вы думаете о Хуане Хименесе?

Маллин нахмурился. Он относился к числу тех людей, чьи мысли отражались на лице, как в зеркале.

— Он слишком молод, но, полагаю, это хороший выбор, мистер Грего. Я ничего не могу сказать о нем как об ученом, поскольку его область науки далека от моей. Однако он прекрасный исполнитель, обладает решительностью и чутьем, а главное, умеет ладить с людьми и достигать поставленной цели. Да, я вам его рекомендую. — Он выдержал небольшую паузу, а затем спросил: — Вы считаете, он примет это предложение?

— А вы как думаете, доктор?

Маллин вежливо засмеялся.

— Это был глупый вопрос с моей стороны, — ответил он. — Кстати, о пушистике... Он все еще в здании Компании? Что вы собираетесь с ним делать?

— Я хотел бы оставить его здесь, но боюсь, что от этой идеи придется отказаться. Слишком уж он инициативный. Сегодня утром моя квартира напоминала поле боя. А в данный момент он превращает административный центр в цирковую арену. Лесли Кумбс советует избавиться от малыша. Он говорит, что Рейнсфорд может воспользоваться случаем и подать на Компанию в суд. Я склоняюсь к тому мнению, что пушистика надо отвезти на континент Бета и выпустить в каком-нибудь лесу.

— Отдайте его мне, мистер Грего. Пусть живет у меня. Я буду с ним играть и разговаривать, а заодно исследовать образ его мышления. О, мистер Грего! Пушистики — самые разумные существа из всех, что я видел. Мне искренне жаль, что мы ставили над ними опыты, подводившие их психику к грани срыва. Но этого требовала наука! Если бы нам удалось выявить основные принципы их поведения, это стало бы величайшим шагом в развитии психологии и психиатрии.

Он говорил то, что думал. И теперь это был другой Эрнст Маллин. Он стремился к знанию и рвался в бой с неведомым, а не отрицал очевидные факты. Но его просьба оставалась под вопросом.

— Мне не хочется отвечать вам отказом, доктор. Но если Лесли Кумбс узнает, что пушистик находится у вас,

с ним случится припадок. Я уже не говорю о Бене Рейнсфорде. Он может выдвинуть обвинения против многих из нас. С другой стороны, если я оставлю пушистика у себя, вы получите возможность встречаться с ним... Хотя, боюсь, у меня ничего не получится.

Он подвел разговор к концу и отключил экран. Шум в административном центре затих; работа, по-видимому, тоже. Виктор горько вздохнул и покачал головой. Ему не хотелось расставаться с пушистиком. Это был хороший и милый паренек, и если бы не обстоятельства...

Глава 6

Ему не удалось связаться с Хуаном Хименесом. Тот занимался чем-то в зоопарке, и на такой огромной территории искать его было бесполезно. Оставляя на автоответчике сообщение, Грего попросил перезвонить ему при первой же возможности. Он вернулся к работе, затем заказал ленч и приступил к еде. За дверью опять послышался шум. Очевидно, девочки решили покормить пушистика, и Виктору вдруг захотелось посмотреть на эту процедуру. Многое из того, что они могли дать пушистику, годилось только для желудков конторских дам. Что, если малышу не подойдет такая пища?

Хуан Хименес позвонил через час. Главный специалист по млекопитающим был относительно молод и обладал одним из тех веселых, бодрых, приятных, искренних и любезных лиц, которые встречаются только в высших эшелонах власти крупных корпораций и институтов. Кое-кто считал его довольно слабым ученым, но независимо от этого он был человеком Компании — причем на все сто процентов.

— Здравствуйте, Хуан. Вы звоните из научного центра?

— Да, мистер Грего. Я выезжал в зоопарк. С Гаммы доставили новую партию панцирных кабанов, и дирекции потребовалась моя консультация. Когда я вернулся в центр, мне передали, что вы разыскивали меня.

— Я хочу задать вам несколько вопросов. Возвращаясь с Беты, вы не прихватили с собой пушистиков? Я имею в виду новых, а не тех, которых вы отдали доктору Маллину.

— О мой Бог! Конечно, нет! — воскликнул Хименес. — Я прекрасно понимаю, что пушистики нужны нам сейчас, как дырка в голове! А в нашей ситуации одно равносильно другому.

— Эрнст Маллин говорит, что чем дольше смотришь на пушистиков, тем больше они кажутся разумными. Так что же они, черт возьми, собой представляют? И чем вы занимались на континенте Бета?

— Я уже докладывал вам об этом, мистер Грего. Мы разбили лагерь и с помощью ПР-3 заманили туда несколько дюжин пушистиков. Я изучал их поведение, фотографировал и пытался наладить контакт. После тех четырех пушистиков у меня и в мыслях не было ловить кого-нибудь из них. Мы просто выполняли свою работу.

— Вы говорите «мы». Кто был на Бете с вами?

— Мне помогали два парня, Херцкерд и Новис — лесные обходчики из отдела надзора. Кстати, вместе с ними я и ловил тех четверых пушистиков, которых мы потом отдали доктору Маллину. В этой же экспедиции они помогали мне в лагере, вели съемки, проявляли фотографии и тому подобное.

— У меня возникла проблема, — произнес Грего.

И он вновь поведал историю с пушистиком, начиная понимать, почему показания свидетелей, пересказанные десятки раз полицейским и адвокатам, всегда звучат бойко и гладко.

— Теперь вы знаете, почему мне хочется выяснить этот вопрос. Дело может оказаться пустяковым и совершенно невинным, но я должен быть уверенным до конца.

— Клянусь, что это не я привез пушистика в здание. Херцкерд и Новис были все время со мной. Они тут тоже ни при чем.

— Лучше бы это вы привезли его. По крайней мере, я знал бы, откуда он появился. Да, Хуан! Еще одно дело. Как вы знаете, доктор Маллин лишь временно руководил научным центром после ареста Леонарда Келлога. Он собирается вернуться к своим прежним исследованиям и несказанно рад, что мы предоставляем ему такую возможность. Скажите, как вы относитесь к тому, чтобы стать его преемником? Вы справитесь с этой работой?

Одно из достоинств Хименеса заключалось в том, что он не был лицемером. Во всяком случае, не притворялся человеком, давно заслужившим такую честь, и не высказывал сомнений в своей компетенции.

— Спасибо, мистер Грего! — воскликнул он, а затем произнес небольшую речь, которая, судя по всему, была продумана заранее.

«Да, он определенно подходит на эту должность», — подумал Грего.

— Немедленно свяжитесь с доктором Маллином и ознакомьтесь с текущими делами. Он знает о моем решении назначить вас главой научного центра. Завтра утром встретимся с вами за ленчем. К тому времени вы войдете в курс всех проблем, и мы обсудим планы на будущее.

Отключив экран, Грего позвонил Гарри Стиферу:

— Маллин говорит, что ничего не знает об этом. То же самое утверждает и Хуан Хименес. Я узнал фамилии людей, которые помогали ему на континенте Бета...

Стифер усмехнулся:

— Фил Новис и Мозес Херцкерд. Оба работали в отделе надзора. Херцкерд числился геологом, а Новис — охотником и лесником. Они вернулись вместе с Хименесом, а затем исчезли, прихватив с собой аэромобиль Компании. Я думаю, что они занялись сбором самоцветов или отправились в зону звероферм, чтобы красть и убивать вельдбизонов. Мне их разыскать?

— Конечно, шеф. Хотя бы из-за аэромобиля. С тех пор как Заратуштра перешла в четвертый класс планет, у нас исчезают не только рабочие, но и транспортные средства. Кроме того, я хочу знать, кто пронес пушистика в здание Компании... И главное, зачем это было сделано.

— В данный момент мы прорабатываем основные версии, — сказал Стифер. — На Бете, в стране пушистиков, побывало около сотни человек из семи различных подразделений Компании. Каждый из них мог привезти пушистика сюда, а затем по каким-то причинам отделаться от него и выпустить в нашем здании. Мы могли бы провести серию допросов, но вы говорили, что о расследовании никто не должен знать.

— Да, пусть пока все остается в секрете. Тем не менее я хотел бы ускорить ход событий. Организуйте осмотр незанятых этажей с восьмого по девятый уровень. Возможно, мы найдем то место, где пушистика держали взаперти, пока ему не удалось бежать.

Стифер хмыкнул:

— У нас маловато людей для такой операции, но я сделаю все, что в моих силах.

Это обещание означало, что Гарри Стифер выполнит поручение во что бы то ни стало. Грего удовлетворенно кивнул и вернулся к прерванной работе. Он хотел проверить списки грузов, предназначенных для лайнера «Город

Капштадт». Космический корабль транслинии «Терра—Бальдр—Мардук» должен был прибыть на этой неделе. Виктор углубился в дебри смет и расчетов, сопоставляя цены терранского рынка с кубическими футами грузового трюма. Внезапно он услышал скрип двери, ведущей в вычислительный центр.

Повернув голову, он увидел в дверном проеме Сандру Гленн. Ее рыжие волосы, зеленые глаза и алая помада казались слишком яркими на фоне побелевшего от ужаса лица.

— Мистер Грего... — чуть слышно прошептала она. Ее голос испуганно дрожал. — Вы что-нибудь переключали на пульте управления?

— Конечно, нет! Я стараюсь не касаться того, что выходит за рамки моего понимания. О Боже! — Он вскочил на ноги, едва не опрокинув кресло. — Что случилось?

Сандра отступила в сторону и указала рукой в направлении открытой двери. Заглянув в помещение, Виктор увидел центральную часть пульта, которая сияла множеством разноцветных огней. Но то были не хаотично разбросанные огоньки, о предназначении которых мог судить лишь опытный специалист. На пластиковой ленте высвечивался продуманный узор, построенный по законам симметрии и гармонии. Прекрасный узор. Но только Бог, Аллах или Зевс — на ваш личный выбор — знали о том, какая невразумительная чушь была введена в доверчивое нутро компьютерной системы. Сандра едва не падала в обморок, представляя себе последствия подобных вычислений.

— Итак, здесь побывал наш маленький друг, — устало произнес Виктор Грего. — Pushisticus pushisticus Hollocus. Войдя сюда, он увидел огоньки и быстро понял, что их можно включать и передвигать по ленте. И тогда он решил создать действительно прекрасную вещь. Но почему за ним никто не присматривал?

— Мне надо было закончить кое-какую работу, и за ним следила Гертруда. После ленча он прилег вздремнуть, а Гертруду позвали к видеофону...

— Все верно. Вы с Гертрудой не первые, кого одурачил пушистик. Весь этот день он только тем и занимается, что делает из меня дурака. Вы уже пытались навести здесь порядок?

— Нет. Я увидела это только минуту назад...

— Тогда вызывайте Джо Верджанно. Хотя постойте. Я сделаю это сам. У нас нет времени на споры с его секретаршей. А вы идите и найдите пушистика.

Грего подошел к видеофону и, сверившись со списком номеров, набрал на клавиатуре необходимый код. На экране появилось изображение миловидной женщины.

— Служба главного программиста Компании, — начала она, а затем подняла голову. — О, мистер Грего!

— Соедините меня с Верджанно. Быстро!

Ее руки запорхали над клавиатурой. Экран озарился вспышкой света, и на нем появилось лицо программиста.

— Джо, есть адская работенка, — сказал Грего, прежде чем Верджанно открыл рот. — Кое-кто порезвился с пультом управления и здорово тут напакостил. Смотрите сами.

Он снял с панели экрана небольшую видеокамеру, которая по форме напоминала пистолет. Длинный шнур, выходивший из ствола, соединял ее с аппаратурой экрана. Грего подошел к двери вычислительного центра и, нацелив объектив на цветную мозаику огней, нажал изогнутый курок. Позади него раздался крик Верджанно:

— Боже мой! Кто это сделал?

— Пушистик. Я не шучу, поверьте. Когда вас ждать?

— Одну секунду. Да, можете выключить эту штуку.

Программист поднес к губам микрофон видеоселектора.

— Общее предупреждение. Всем пользователям компьютерной сети! В базы данных по каналам один и два введены ошибочные данные. Объявляю запрет на пользование расчетами каналов один и два. Запрет будет длиться до особого распоряжения.

Он повернулся к Грего и утер вспотевший лоб.

— Я немедленно отправляюсь к вам. Так вы говорите, что у нас по кабинетам гуляет пушистик?

— Да, этот сорванец был здесь весь день. Но я не думаю, что он останется тут дольше, — добавил Виктор.

Одна из девушек выбежала из оперативного центра и заглянула в кабинет.

— Мы нигде не можем его найти, мистер Грего! — почти рыдая, сказала она. — Это все из-за меня! Это я недосмотрела!

— Сейчас не время лить слезы. Найдите его во что бы то ни стало. Если кто и виноват во всех этих бедах, так только я. И зачем мне понадобилось приносить сюда маленького чертенка?

Ошибку требовалось исправить немедленно. Грего увидел Миру, которая тряслась на пороге своего кабинета.

— Свяжитесь с Эрнстом Маллином. Пусть приходит и забирает этого паразита. Пусть тащит его хоть в преисподнюю — лишь бы подальше отсюда.

Спорить об аспектах закона уже не имело смысла. Если Маллин хочет изучать пушистика, пусть забирает его. Мира прошептала пару фраз о том, что лучше поздно, чем никогда, и удалилась в свою маленькую комнату. Дверь, ведущая в коридор, осторожно открылась. В помещение вошли трое механиков из ангара аэромобилей и двое полицейских. Очевидно, кто-то догадался вызвать подкрепление. На руке у одного из механиков висело шерстяное одеяло. Смышленый парень, подумал Грего. Девушки осматривали огромный зал и следили за всеми дверями. В коридоре послышался топот, и в кабинет вбежал Джо Верджанно. За его спиной мелькнула фигура техника, толкавшего тележку с инструментами и приборами.

— С пультом что-нибудь делали? — спросил программист.

— Нет, черт возьми! Мы не хотели ухудшать ситуацию. Посмотрите, можно ли исправить пульт.

— Двое моих парней уже ведут внизу проверку аппаратуры. Эй, Лемм, взгляни на этот экран!

Джо Верджанно вошел в вычислительный зал, и через миг оттуда донеслись обрывки непристойной фразы, которой поделился с ним техник.

Грего вернулся в административный центр. Через открытую дверь он слышал торопливую скороговорку Миры.

— Немедленно приходите и забирайте его отсюда. Нет, я не знаю, где он... А-а-а! — вдруг завизжала она. — Прочь от меня, маленькое чудовище! Мистер Грего, он здесь!

— Хватайте его быстрее, — велел ей Виктор и, повернувшись к одному из полицейских, отдал приказ: — Помогите ей! Только не делайте пушистику больно! Просто держите его, и все!

Грего развернулся на каблуках и, проходя через вычислительный зал, едва не столкнулся с помощником Верджанно. Не успел он войти в свой кабинет, как из приемной Миры выскочил пушистик. Шерстяное одеяло понеслось за ним широким парусом, но не достигло цели. Следом бежали Мира, полицейский и механик. Запутавшись ногами в одеяле, механик повалился на пол. Полицейский

с руганью перелетел через него, а Мира с визгом — через полицейского. Механик лишь кряхтел под их телами. Пушистик взобрался на стол, увидел Грего и, прыгнув к нему на грудь, обхватил его шею руками. Одна из девушек, выскочив из приемной Миры, обежала упавших коллег и закричала:

— Идите сюда! Мистер Грего поймал его! Поймал!

Поднявшийся на ноги полицейский потянулся за пушистиком.

— Давайте его сюда, мистер Грего.

Малыш громко зауикал и прижался к Виктору.

— Нет, я сам подержу его. Меня он не боится.

Виктор сел в кресло, прижимая к себе пушистика и поглаживая его мех.

— Все хорошо, малыш. Тебя никто не обидит. Сейчас мы пойдем в одно интересное место, где будут добрые люди и всякие развлечения...

Пушистик не понимал смысла слов, но голос и поглаживающая рука Грего приносили утешение. Издавая тихие звуки, он еще крепче прижался к большому другу. Теперь ему ничто не угрожало.

— Мистер Грего, что вы будете с ним делать? — спросил полицейский.

Грего кивнул на пушистика:

— Я ничего не собираюсь с ним делать. Но посмотрите: он доверяет мне. Он думает, что я никому не дам его в обиду. Это налагает на меня определенные обязательства. Я никогда не подводил друзей и не обманывал их доверия. И будь я проклят, если сделаю это сейчас.

— Вы хотите сказать, что оставите его у себя? — спросила Мира. — После всего, что он натворил?

— Малыш сделал это без злого умысла. Он просто составил из огоньков красивый узор. Держу пари, что пушистик гордится своей работой. И он не стал бы трогать кнопки пульта, если бы знал, что это доставит нам неприятности.

— Сейчас сюда придет доктор Маллин. Он будет разочарован.

— Ничего не поделаешь. Пусть радуется, что сможет изучать пушистика в моей квартире. Свяжитесь с начальником строительной бригады и главным дизайнером. Скажите им, что я хочу поселить пушистика в саду на моей террасе. Пусть они поднимутся ко мне и придумают какой-нибудь проект. Строительство должно начаться не-

медленно. Передайте им, что я назначаю двойную оплату за каждый час сверхурочных работ.

Пушистик больше не боялся. Папа Вик заботился о нем. И все другие Большие слушались Папу Вика. Они не смели обижать малыша и гоняться за ним.

— Позвоните Трегаскису на завод электронного оборудования. Спросите, почему он задерживает партию ультразвуковых приемников, которые я заказал. Да, и мне нужен человек, который присматривал бы за малышом. Сандра, вы не будете возражать, если я переведу вас на другую работу? Нет? Тогда назначаю вас главной воспитательницей пушистика. Приступайте к своим обязанностям немедленно. С этого утра ваш оклад увеличивается на десять процентов.

Сандра радостно захлопала в ладоши:

— Мне это по душе, мистер Грего. Как его зовут?

— Как зовут? Я еще не придумал для него имени. У вас есть какие-нибудь предложения?

— У меня их несколько, — вмешалась разъяренная Мира.

— Назовите его Алмазом, — предложил Джо Верджанно, выглянув из-за двери вычислительного зала.

— Потому что он такой маленький и милый? Хорошее имя. А может, не будем стесняться и назовем его Солнечником?

— Нет. Я предлагаю назвать его Алмазом в честь маленькой собачки сэра Исаака Ньютона, — сказал Верджанно. — Именно она уничтожила рукопись, которую сэр Исаак подготовил для отправки издателю. Работа посвящалась новым областям математики. Она была написана пером и, конечно же, без всяких копирок. Алмаз сбросил рукопись на пол и разорвал на клочки, чем погубил трехмесячный труд своего хозяина. Увидев это, сэр Ньютон посадил собачку к себе на колени и сказал: «Ах, Алмаз, мой бедный Алмаз! Тебе и невдомек, какое зло ты сотворил!»

— Хорошая история, Джо. Время от времени я буду напоминать себе о ней. Ну что, Алмаз? Надеюсь, ты окажешься умнее этой собачки?

Глава 7

Джек Холлоуэй откинулся на спинку кресла, положил одну ногу на угол стола, а другой уперся в приоткрытый ящик тумбочки. Работать в кабинете было удобно

и приятно, тем более что теперь его избушка снова использовалась только как жилье. Широкие двери на торцах сборного домика были открыты, и легкий ветерок дарил прохладу, унося с собой дым трубки. Большая часть новых построек была завершена, и снаружи уже не доносилось такого шума, как прежде. Он даже слышал далекие хлопки одиночных выстрелов. Это шли учебные стрельбы рекрутов национальной полиции. Лант говорил, что им прислали восемнадцать новичков.

В сотне ярдов от него, на другом конце бунгало, находился полицейский пост. Сержант Юримицу следил за мониторами, на которых мелькали лесные массивы и поросшие травой холмы. Передача велась с двух аэромобилей, ушедших на патрулирование. Лейтенант Ахмед Хадра и сержант Кнаббер снимали отпечатки пальцев у двух пушистиков, появившихся в лагере час назад. Маленький Пушистик, опершись на свою лопатку, со скукой наблюдал за этой процедурой. Ему уже надоело смотреть одно и то же, и он предпочитал оставаться в середине комнаты, где располагалось несколько незанятых столов и бездействующих машин. Через несколько дней сюда должно было прибыть пополнение, и пушистик знал, что тогда ему больше не придется околачиваться здесь и приводить новичков к Большим. Он будет гулять со своими друзьями и играть с ними в начальника, как это полагалось помощнику уполномоченного.

К настоящему времени вопрос о размещении пушистиков был фактически решен. По распоряжению Бена Рейнсфорда весь район от Малого Черноводья и до Восточной Змеиной развилки считался заповедным, и людям запрещалось создавать здесь свои поселения. Отныне эта территория принадлежала пушистикам, и только им. Но захотят ли они остаться здесь?

Недавно в лагерь приехали Герд и Рут ван Рибеки, Панчо Айбарра и молодая Линн Эндрюс. Они уже начали свои исследования, и, судя по всему, дело двинулось вперед.

Маленький пресс натужно загудел и дважды звякнул, проставляя номера на дисках для вновь прибывших аборигенов. Хадра взял цепочки с дисками и, присев на корточки, надел их на шеи пушистиков.

— Эй, Ахмед? — крикнул ему Джек. — Какие идут номера?

— Пятьдесят восьмой и пятьдесят девятый, — ответил Хадра. — Но у нас на три пушистика меньше. Я имею в виду двух рейнсфордских и Златовласку.

Бедная Златовласка! Как бы она обрадовалась, получив такой диск. А как она была счастлива, когда Рут подарила ей маленький колокольчик... незадолго до того, как ее убили.

Итак, здесь собралось уже пятьдесят шесть пушистиков. Целое поселение.

Услышав длинный гудок, Джек опустил ноги на пол, повернулся и включил видеофон. На экране появилось лицо губернатора. Бен Рейнсфорд был чем-то разгневан. Его рыжие бакенбарды торчали дыбом, словно от электрического разряда, а голубые глаза едва не метали молнии.

— Джек! — вскричал он, задыхаясь от негодования. — Я узнал, что компания «Заратуштра» удерживает в своем здании какого-то пушистика. Этот мерзавец Грего имел наглость обратиться через Лесли Кумбса к судье Пендарвису и выразил желание стать опекуном пушистика.

Новость слегка удивила Джека. В недалеком прошлом Грего был на вражеской стороне и не причислял себя к друзьям пушистиков.

— А ты выяснил, где он его взял?

Рейнсфорд зашипел от ярости и сказал:

— Этот тип утверждает, что нашел его позапрошлой ночью у себя в квартире. На крыше небоскреба, представляешь? Даже нормальной истории придумать не мог! Неужели он принимает нас за идиотов?

— Да, — согласился Джек, — довольно странное место для пушистика. Так ты считаешь, что это один из тех малышей, которых они отловили для опытов Маллина? Хм-м. Но Рут говорила, что пушистиков было только четверо и их выпустили на свободу в ту ночь, когда стало известно о деле Лолиты Ларкин.

— Я не знаю, что это за пушистик. Знаю только то, что мне рассказал Гас Бранднард. Ему эту историю передала секретарша Пендарвиса, а та услышала ее от судьи — после того, как Пендарвису рассказал обо всем Лесли Кумбс.

Объяснения губернатора напоминали стремительную карусель, но Джек уже привык к его манере изложения.

— Гас сказал, что Кумбс заявил, будто Грего не знает, каким образом пушистик попал в здание Компании. Чистейшая ложь! Апогей беспардонной лжи!

— А что, если это правда? Виктор Грего не стал бы лгать своему адвокату, а тот слишком умен, чтобы дезинформировать главного судью. Суды ведь тем и забавны, что всегда требуют подтверждения. А после того что случилось с Маллином, вряд ли кто захочет лгать, сидя в свидетельском кресле.

Рейнсфорд презрительно фыркнул. Он ни секунды не сомневался в том, что Грего лгал судье Пендарвису. И если детектор лжи отрицал этот факт, значит, судейская аппаратура неисправна или намеренно испорчена.

— Ладно, мне наплевать, как Грего получил пушистика. Меня интересует только то, что он собирается с ним делать. Он и Эрнст Маллин. Кумбс сказал Пендарвису, что Маллин будет помогать им присматривать за пушистиком. Ты понимаешь? Присматривать! Они, наверное, мучают беднягу. Джек, ты должен забрать его у мерзавца Грего и этого садиста-шарлатана с усохшей головой!

— Что-то я сомневаюсь во всем этом. Если бы Грего издевался над пушистиком, он не стал бы подавать бумаги на опекунство и брать на себя ответственность перед законом. Что ты хочешь от меня, Бен?

— Я велел Гасу получить в суде ордер на обыск, но он ответил, что это твоя забота защищать пушистиков. В конце концов, не зря же я назначил тебя уполномоченным по делам аборигенов.

По мнению Гаса, пушистик не нуждался в защите. Адвокат знал, что Грего будет заботиться о нем, и не желал оспаривать в суде права на опекунство. Вот почему он свалил это дело на плечи Холлоуэя. Джек вздохнул и покорно кивнул:

— Хорошо. Я сегодня же отправлюсь в Мэллори-порт. Если Герд даст мне свою шлюпку, то я буду в твоей резиденции через три часа — примерно в пятнадцать тридцать по вашему времени. Со мной полетит Панчо или Рут. Но предупреждаю: ты должен организовать нам встречу с Гасом. И еще я хочу позаимствовать у тебя Флору и Фауна.

— Зачем?

— Они выступят в качестве переводчиков. Мне ведь придется допросить пушистика Грего. Я мог бы прибегнуть к помощи наших малышей, но если дело дойдет до суда, нам надо будет перевозить их то в город, то обратно. Короче, обойдемся Флорой и Фауном. Да, и пусть Гас подготовит все необходимые документы. Я хочу, чтобы

наш визит к Грего был законно обоснован. Это первое дело комиссии, и мы должны провести его безупречно.

Джек отключил экран, написал короткую записку и, вырвав из блокнота листок, осмотрелся вокруг. Ко-Ко, Золушка, Мамуля и пара пушистиков Ланта ползали на коленях у его стола и собирали из узорчатых фрагментов большую картинку.

— Ко-Ко, — позвал Холлоуэй. — Делать биззо.

Когда пушистик поднялся на ноги и подошел к нему, Джек вложил в его руку записку.

— Отнеси это Дяде Панко. Беги быстрее, малыш.

Лесли Кумбс улыбнулся Виктору с экрана и высказал свою точку зрения:

— Главный судья не проявлял никакой враждебности, и я могу сказать, что он был вполне благодушен. Думаю, Пендарвис не хочет создавать прецедент, который позже мог бы затруднить работу комиссии по делам аборигенов. Просто ему стало любопытно, как этот пушистик попал в наше здание.

— Передай ему, что нас тоже интересует этот вопрос.

— Люди Стифера что-нибудь нашли?

— Не знаю. Он еще не докладывал. Я как раз собирался поговорить с ним перед твоим звонком. На мой взгляд, он действует слишком уж осторожно.

— Если мы выясним, каким образом пушистик оказался в здании, это здорово поможет нам в суде. Ты согласишься давать показания на детекторе лжи?

— С разумной осторожностью. При условии, что меня не будут спрашивать о планах Компании и коммерческих делах.

— Естественно. А как Маллин и Хименес?

— Думаю, да, если они по-прежнему хотят работать в нашей Компании. — Его удивил последний вопрос адвоката. — Ты думаешь, это неизбежно?

— Нет, но это было бы желательно. Я уверен, что Рейнсфорд попытается опротестовать твою просьбу и для начала натравит на тебя Холлоуэя. Ты что-нибудь узнал у своего пушистика?

— Мы с Маллином разговорили его вчера вечером. К сожалению, я не знаю языка, а у Эрнста имеется лишь несколько видеокассет, которые он получил на суде от лейтенанта Айбарры. Мы заказали ультразвуковые приемники, но этот дьявольский язык... Он немного похож на

японский эпохи древней Земли. Одним словом, пушистик пытался рассказать нам о чем-то, но мы его не поняли. На всякий случай Маллин записал разговор на кассету. Кроме того, мы показали ему видеозвуковые портреты тех двух лесных обходчиков, которые помогали Хименесу, и малыш их тут же узнал. Я сомневаюсь, что они ему сильно нравились. Мы объявили розыск этих парней и аэромобиля Компании, который исчез вместе с ними.

— Кража транспортных средств — это уголовное преступление, — согласился Кумбс. — Такое обвинение даст нам право на допрос, если мы их поймаем. Ну что, увидимся за коктейлем?

— Да, но лучше созванивайся со мной через каждые полчаса. Ты можешь понадобиться мне и раньше — особенно если Рейнсфорд сделает какую-нибудь гадость.

Закончив разговор, Грего созвонился с шефом внутренней полиции. Стифер приветствовал его довольно странной фразой:

— А, мистер Грего! Скажите, мое лицо не покраснело?

— Пока незаметно. А с чего бы вам краснеть?

Стифер выругался.

— Мистер Грего, мне необходимо ваше разрешение на тщательный осмотр всех помещений здания. Я хочу проверить их дюйм за дюймом!

— Да Бог с вами, Гарри! — Виктор прикинул в уме, сколько миллионов дюймов придется осмотреть шефу полиции. — Вы что-то нашли?

— Эти находки не касаются пушистика, но... Вы и представить себе не можете, что творится на незанятых уровнях. Мы нашли места, где люди жили неделями. Мы обнаружили один зал, где попойка, вероятно, не прекращалась в течение месяца. Во всяком случае, кабина лифта была до половины заполнена пустыми бутылками. А еще мы обнаружили наркопритон.

— Да? И на что это похоже?

— На кучу дерьма. Множество разбросанных матрацев. Пол покрыт окурками — в основном с марихуаной или противозачаточным табаком. Но я не думаю, что это резвились наши люди. У меня сложилось впечатление, что в Мэллори-порте больше не осталось мужчин, которые не побывали бы здесь со своими подругами. Мы устроили в этих местах засады, но у меня не хватает людей... — Стифер нахмурился и потер ладонью подбородок. — Короче,

я не справился со своей работой. И это мое единственное объяснение тому, что произошло.

— Мы все не справились со своей работой, Гарри.

Грего вспомнил о свалке мусора в своей кладовой. Это показалось ему симптоматичным.

— Значит, мы вдвойне обязаны пушистику за то, что он заставил нас действовать в интересах бизнеса. Действовать, а не выставлять себя идиотами из страны дураков! Ладно, перейдем к насущным делам. Итак, задачей номер один остается вопрос о пушистике. Мы должны узнать, каким образом он попал в наше здание. Вторым вашим заданием будет «зачистка» помещений. Уберите весь мусор, и мы посмотрим, что там останется.

Через несколько минут он позвонил в кабинет руководителя научного центра. На Хуане Хименесе был новый костюм — более строгий и менее мятый. Его приятное открытое лицо стало еще любезнее. Былая готовность исполнить любой приказ отошла на задний план и покрылась налетом деловитости.

— Доброе утро, Виктор.

Он немного запнулся, называя Грего по имени. Это была одна из привилегий, которые имели руководители отделов, но доктор Хименес еще к ней не привык.

— Доброе утро, Хуан. Я знаю, вы не забыли, что мы завтракаем вместе, но прошу, постарайтесь прийти немного пораньше. Есть пара вопросов, которые нам следует обсудить. Вас не затруднит ускорить нашу встречу на двадцать минут?

— Если хотите, я могу прийти еще раньше.

— Приходите, как только сможете. Но только через заднюю дверь.

Затем Грего сделал еще один звонок. Чтобы задействовать внешнюю линию связи, ему пришлось набрать особый код, а перед этим перелистать свой блокнот и взглянуть на одну из страниц. Когда экран посветлел, на нем появилось изображение пожилого мужчины с седыми волосами и скуластым лицом. Из нагрудных карманов его серого комбинезона торчали инструменты, индикаторы и тонкие оптические калибраторы. Это был Генри Стенсон собственной персоной — человек, которого можно было назвать творцом высокоточной аппаратуры. Компетентные люди обычно сравнивали его с таким великим ювелиром, как Бенвенуто Челлини.

— О, мистер Грего! — сказал он, демонстрируя приятное удивление. — Давненько вас не было видно!

— Да, с тех пор, как видеокамера, которую вы вмонтировали в мой глобус, прекратила свою трансляцию. Мы разобрали шар, чтобы вынуть «жучка», но моим специалистам не хватило вашего прекрасного чутья. Их вмешательство привело к тому, что вращение глобуса замедлилось на тридцать секунд, а обе луны теперь невозможно синхронизировать.

Стенсон слегка поморщился:

— Полагаю, вы знаете, для кого я это сделал?

— У меня нет окончательной уверенности, но скорее всего для военной разведки, на которую работала наша служащая Рут Ортерис. Или для колониального бюро расследований. Впрочем, это сейчас неважно. Кем бы ни были ваши заказчики, они должны поблагодарить вас за прекрасную работу. Знаете, а я мог бы устроить большой скандал. Незаконная установка радиопередающих устройств в помещениях фирм и предприятий является уголовным преступлением. Однако я не намерен судиться с вами. Нам ни к чему излишний шум. Вы понимаете мою позицию?

— Да, конечно, мистер Грего, — произнес его собеседник. — Хотя странно! Я думал, что мои «жучки» не поддаются обнаружению.

— Инструментально, да. Мои люди трепетали от восторга, отыскав на датчике антирадарные отражатели. Кстати, вы не забыли их запатентовать? Если да, то нам придется выплатить вам кругленькую сумму за их незаконное копирование. И все же ни один «жучок» не может укрыться от тотального осмотра. Мы буквально разнесли мой кабинет на части, когда узнали, что все сказанное в нем тут же становится известным на базе Ксеркса.

Стенсон нетерпеливо кивнул:

— Неужели вы позвонили мне только для того, чтобы рассказать об этом промахе? Я узнал о нем в тот самый миг, когда ваши парни отключили видеокамеру.

— О нет. Я хотел попросить вас синхронизировать мой глобус. И еще у меня к вам один вопрос. Вы помогали ученым с Ксеркса проектировать ультразвуковые приемопередатчики. А нельзя ли подойти к этой проблеме с другой стороны? Я имею в виду автономный ручной микрофон, достаточно маленький, чтобы его мог носить

пушистик. И, конечно же, голос пушистика должен преобразовываться в наш диапазон частот.

Помолчав около пяти секунд, Стенсон пожал плечами:

— Я могу это сделать, мистер Грего. И думаю, что здесь не будет больших проблем. Но вам придется обучить пушистика многим манипуляциям. Он должен знать, как носить прибор и как им пользоваться. Впрочем, это меня уже не касается.

— Хорошо, постарайтесь сделать опытный образец и, если можно, побыстрее. У меня есть пушистик, на котором я хотел бы испытать ваш прибор. Если в процессе работы вам понадобится оформить патент на изобретение, свяжитесь с Лесли Кумбсом. Он специалист по таким делам. А эта сделка может оказаться выгодной для нас обоих.

— Вы считаете, что на ручные микрофоны появится спрос? — спросил Стенсон. — И сколько же пушистик сможет заплатить за такую штуку?

— На мой взгляд, комиссия по делам аборигенов может заплатить за каждый прибор от десяти до пятнадцати солов. Я уверен, что наш завод электроники превратит их в выгодный товар.

Кто-то вошел в кабинет. В одном из стратегически расположенных зеркал Грего увидел Хуана Хименеса. Тот остановился у порога, стараясь не попасть в поле обзора оптических устройств видеофона. Виктор кивнул ему и, переменив тему разговора, договорился со Стенсоном о починке глобуса. Мастер пообещал зайти следующим утром. Закончив разговор и отключив экран, Грего указал Хименесу на стул по другую сторону стола.

— Что вы успели услышать? — спросил он.

— Я слышал, что этот старый седовласый Искариот придет к вам утром настраивать глобус.

— Вы ошибаетесь, Хуан. Генри Стенсон не Иуда Искариот. Он секретный агент Терранской Федерации, которую можно лишь поздравить за его верность и уникальные способности. Теперь я знаю, кто он такой, и он понимает, что мне это известно. А значит, мы можем заключать какие-то сделки, основанные на взаимном уважении и недоверии. Например, он согласился разработать для нас прибор, с помощью которого пушистики будут общаться с людьми в обычном звуковом диапазоне. И если уж речь зашла о пушистиках, давайте поговорим о моем. Мы уверены, что его привезли в Мэллори-порт два ваших помощника: Херцкерд и Новис. Но, судя по вашим

словам, по возвращении из экспедиции пушистика с вами не было. Я правильно вас понял?

— Не было! Это абсолютно точно, мистер Грего.

— Вы можете подтвердить это на детекторе лжи?

Хименес вздрогнул. Ему явно не хотелось проходить через эту процедуру. Но отказ поставил бы под сомнение его работу в Компании — особенно теперь, когда он стал руководителем научного центра и поднялся к самой вершине иерархической пирамиды «Заратуштры». Ставки были слишком большими.

— Да, конечно. Хотя надеюсь, что моего голоса — вернее, моего слова — будет достаточно...

— К сожалению, наши слова уже не ценятся. Я сам буду давать показания на детекторе лжи. И Эрнст Маллин тоже. В ближайшие дни нам придется ответить на несколько вопросов главного судьи. А сейчас мне хочется познакомить вас с пушистиком. Может быть, вы все-таки вспомните его... Или он узнает вас.

Они прошли к персональному лифту Грего, поднялись в его апартаменты и, войдя в гостиную, увидели Сандру Гленн. Та сидела, развалясь, в любимом кресле Виктора и что-то слушала через головные наушники. Не замечая вошедших, она выключила магнитофон и закрыла глаза.

— Со-йоссо аки — вы дали мне, — повторила она заученную фразу. — Аки йоссо-со — я дала вам. Со-нохо-аки-докко — скажи мне сколько.

Мужчины не стали ее тревожить и потихоньку прошли на террасу. Эрнст Маллин, устроившись на низкой кочке, подстраивал свой ультразвуковой приемник. Алмаз, сидевший перед ним на корточках, завязывал узлы на длинной веревке. Рядом возвышался штатив видеокамеры, которая записывала их урок. Заметив вошедших, Алмаз вскочил и побежал им навстречу.

— Папа Вик! Хеета! — закричал он, протягивая Грего веревку.

Ему хотелось показать, как хорошо он научился завязывать узлы.

— Привет, Алмаз. О-о, какие красивые узлы! Ты очень умный пушистик. Как мне это сказать ему, Эрнст?

Маллин начал что-то говорить, но Виктор, погладив пушистика, уточнил вопрос:

— Как мне его спросить, видел ли он когда-нибудь Большого, который пришел со мной?

Маллин перевел вопрос пушистику, и тот что-то ответил. Грего дважды уловил слово «вов», означавшее отрицание. Он повернулся к Химинесу и похлопал его по плечу.

— Алмаз говорит, что не знает вас, Хуан. Я уверен, что Херцкерд и Новис вернулись с вами в Мэллорипорт, а затем, похитив аэромобиль Компании, вновь отправились на континент Бета. Там они и пленили пушистика. Мы пока не знаем, какие мотивы ими двигали. Но это прояснится на допросе, когда они будут пойманы.

— Вы узнали что-нибудь новое? — спросил он у Маллина.

Доктор покачал головой:

— Я понял лишь несколько слов, но у меня нет окончательной уверенности. Он говорит, что два хагга, которых мы показывали ему на видеопортретах, привезли его сюда. Кажется, с ним были другие пушистики, но я не берусь утверждать этого наверняка. Очевидно, в их языке нет такого понятия, как множественное число. Он говорит, что два хагга были «тош-ки гашта», то есть плохие люди. Они поместили его в плохое место.

— Скоро мы тоже поместим их в плохое место. В федеральную тюрьму. А вам удалось узнать, когда это случилось? Во время суда или после него?

На террасу вышла Сандра Гленн.

— Мистер Грего, вас вызывает мисс Фаллада. Она говорит, что внизу собрались репортеры всех городских газет и телестанций. Они просят устроить пресс-конференцию с демонстрацией Алмаза и рассказом о его появлении в нашем здании.

— Только этого нам не хватало! Ладно, передайте Мире, чтобы нескольких наших охранников проводили их в зал для конференций. Мне очень жаль, Хуан, но я вынужден перенести наш ленч на другое время.

Глава 8

Выйдя из лифта, Джек Холлоуэй шагнул в сторону и пропустил вперед тех, кто шел за ним. Их уже ожидали. Он увидел троих мужчин, стоявших в фойе огромной квартиры. С двумя из них он встречался прежде: с Эрнстом Маллином — в его лагере при трагических обстоятельствах, закончившихся убийством Златовласки и выстрелом в Курта Борха; и с Лесли Кумбсом — сначала в окружном суде на Бета-пятнадцать, а затем на знаменитом процессе у судьи Пендарвиса. По ходу процесса холодная

вежливость между ними оттаяла и превратилась в некое подобие обоюдной сердечности.

А вот Виктора Грего он видел до сегодняшнего дня только в сводках теленовостей. Еще бы — генералы двух противоборствующих армий редко встречаются во время сражений. Джека поразил тот факт, что, будь Грего незнакомым человеком, он понравился бы ему с первого взгляда. Но надо было помнить о том, что именно этот тип предлагал истребить всю расу пушистиков, объявив их пушными животными. Впрочем, он тогда еще не знал этих милых и умных существ. Они были для него условным противником, против которого годились любые жестокие меры.

Две группы замерли друг перед другом в десяти шагах, словно ожидая, кто первым обнажит оружие: Маллин и Кумбс справа и слева от Грего, а напротив Гас Браннард, Панчо Айбарра, Ахмед Хадра и Джек, за спиной которого прятались Флора и Фаун. Затем Грего шагнул вперед и протянул руку:

— Мистер Холлоуэй? Счастлив встретиться с вами.

Они обменялись рукопожатиями.

— Насколько я знаю, вы уже знакомы с мистером Кумбсом и доктором Маллином. Было очень любезно с вашей стороны, что вы предупредили нас о своем прибытии.

Бен Рейнсфорд так не думал. Он планировал ворваться в здание Компании с пистолетами и поймать с поличным мерзавца Грего прямо на месте преступления.

Браннард пожал руку Кумбсу, Айбарра — доктору Маллину. Джек представил Ахмеда Хадру.

— А этих ребят зовут Флора и Фаун, — добавил он. — Я взял их с собой, чтобы познакомить с Алмазом.

Грего повернулся к ним, и пушистики подошли поближе.

— Привет, Флора. Привет, Фаун. Аки-газза, хеета-со.

Произношение было неплохим, но он медленно подбирал слова. Пушистики вежливо ответили и отступили в сторону. Грего хотел было объяснить, что Алмаз находится на террасе, но увидел хитрое лицо, выглядывающее из-за двери гостиной, и улыбнулся. Мгновением позже Алмаз заметил двух пушистиков и вбежал в фойе. Флора и Фаун, возбужденно щебеча, бросились ему навстречу. Вслед за Алмазом из гостиной вышла высокая рыжеволосая девушка. Грего представил ее как Сандру Гленн. За ней появился Хуан Хименес, и вся компания наконец была в сборе.

— Куда пойдем? В гостиную или на террасу? — спросил Грего. — Я предлагаю террасу, поскольку гостиная слиш-

ком мала для трех только что встретившихся пушистиков. Иногда она кажется тесной и для одного Алмаза.

Они прошли через гостиную. Тишина и со вкусом подобранная мебель создавали уют, но установленные здесь видеокамеры, магнитофоны и селектор связи больше соответствовали рабочему офису, чем жилому помещению. Впрочем, так было в любом доме, где жили пушистики. И еще один предмет не вязался с обстановкой гостиной: большое кресло, похожее на старомодный электрический стул, с блестящим металлическим шлемом и полупрозрачным шаром, который возвышался наверху станины. Полиэнцефалографический детектор лжи. Грего знал, что никто не собирается принимать его слова на веру. Но гости, намеренно не замечая детектора, вышли на террасу.

Когда-то это был сад Грего, но теперь он в основном принадлежал пушистику. Очевидно, недавно здесь потрудилось множество людей. Джек восхищенно рассматривал игровую площадку: качели, горку и турник, подвесные лесенки, какие-то трубчатые конструкции и тому подобные сооружения. Неподалеку виднелся маленький, по росту пушистика, питьевой фонтанчик, а дальше располагался плавательный бассейн. Казалось, Грего сделал все, что понравилось бы ему самому, будь он озорным и игривым пушистиком.

Алмаз повел Флору и Фауна к горке, взобрался наверх и скатился вниз. Пушистики-гости сделали то же самое, а затем вновь полезли вверх, чтобы скатиться еще раз по наклонной скользкой доске.

«Надо будет построить такую площадку в лагере, — подумал Джек. — Держу пари, что Флора и Фаун, попав домой, тут же пристанут к Папе Бену, чтобы он сделал им такой же комплекс».

По намеченному ранее плану Ахмед Хадра и Панчо Айбарра остались на террасе с пушистиками, а Джек, Гас, Грего, Маллин и Кумбс вернулись в гостиную. Какое-то время они говорили о пушистиках вообще и об Алмазе в частности. Джек уверился в том, что Грего любил пушистиков и был искренне привязан к своему Алмазу.

— Я полагаю, вам хочется услышать, как он оказался здесь? Чтобы не возникло никаких сомнений, я собираюсь рассказывать об этом под шаром детектора лжи. Мистер Браннард, не могли бы вы прежде проверить нашу машину?

— Неплохая мысль. Джек, ты не согласишься ответить на несколько вопросов?

— Если спрашивать будешь ты.

Действие детектора основывалось на улавливании и регистрации определенных электромагнитных волн головного мозга, которые возникали при подавлении правдивой мысли и замене ее на заведомо ложное утверждение. Причем вранье могло и не выражаться вслух. При любом намерении солгать голубое свечение шара становилось красным. И даже самый опытный йог не мог предотвратить фиксацию обмана.

Джек уселся в кресло. Браннард надел ему на голову шлем и прикрепил электроды.

— Как тебя зовут?

Джек назвал свое имя. Гас кивнул, задал ему вопрос о месте жительства, а затем спросил:

— Сколько тебе лет?

Джек солгал, прибавив лишний десяток. Детектор тут же это уловил, и Гас попросил назвать действительный возраст.

— Без малого семьдесят четыре. Я родился в 580 году. Мне даже не хочется брать в расчет дифференциальное время, проведенное в гиперпространственных прыжках.

— Вот теперь ты сказал правду, — отметил Гас. — Хотя я не дал бы тебе больше шестидесяти.

Затем он спросил о планетах, на которых бывал Джек Холлоуэй. Тот перечислил их, включая одну, о которой он только слышал. Детектор лжи уловил обман. И тогда, завершая испытание, старатель сказал под алые вспышки шара, что он был трезвенником, пацифистом и незаконнорожденным сыном епископа-сатаниста. Браннард удовлетворенно кивнул: детектор лжи работал, как надо. Адвокат снял электроды с Джека и прикрепил их к запястьям Грего, который сел на свидетельское кресло.

Шар оставался голубым в течение всего рассказа Грего. Джек уже слышал эту историю о пушистике, найденном в спальной. Ее транслировали по телевидению, пока они летели сюда с континента Бета. Тот же рассказ передавали и в последних известиях по радио. Грего уступил место Маллину, а тот — Хименесу. Они не привозили этого пушистика в Мэллори-порт, и детектор подтвердил их слова. Грего сказал, что Алмаз опознал видеопортреты Херцкерда и Новиса. По его мнению, именно они привезли пушистика в столицу, как, возможно, и нескольких других плененных аборигенов.

— Мистер Холлоуэй, а вы что думаете по этому поводу? — спросил Кумбс, когда они расселись в креслах. — Вы считаете, что пушистиков привезли на продажу в качестве экзотических животных?

— Пока я не вижу другой причины. И я давно уже предполагал подобный поворот событий. Но почему они привезли его в здание Компании? Я не нахожу ответа на этот вопрос.

— А мне он известен, — раздраженно произнес Виктор Грего.

Перемена в его настроении получила свое объяснение после того, как он поведал гостям о результатах проверки незанятых этажей небоскреба.

— Шеф Стифер вышел на тропу войны, и весь его департамент переведен на особое положение. Мы разыскиваем Херцкерда и Новиса по обвинению в угоне аэромобиля...

— Забудьте об этом, — посоветовал Браннард. — Я выдвину против них гораздо более серьезное обвинение.

В комнату вошел Хадра. Он снял берет, но оружие оставил при себе.

— Их было шестеро, — сообщил Ахмед. — Алмаз и пятеро других пушистиков. Уже опознанные нами Херцкерд и Новис доставили их в это здание и пару дней держали под замком в темной комнате. Затем остальных пушистиков забрали. Алмазу удалось снять вентиляционную решетку, и он бежал от «тош-ки гашта», когда те отдыхали в автомобиле. Он не знает, сколько дней бродил по этажам, но говорит, что спал три раза. Пушистик воровал еду и воду, а затем его нашел Папа Вик и вкусно накормил. Он не знает о судьбе своих друзей, но надеется, что они тоже убежали.

— Их здесь нет, — сказал Грего. — Скажите, вы будете искать этих пушистиков?

— Конечно.

— А если с ними случилась какая-нибудь беда, мы будем искать Херцкерда и Новиса до победного конца, — добавил Браннард. — Им не удастся уйти от закона.

— Ахмед, как вы считаете, Алмазу здесь нравится?

— О да. Он самый счастливый пушистик из всех, что я видел, а мы-то с вами знаем, как трудно найти пушистика-меланхолика. Он у вас просто чудо, мистер Грего.

— Значит, вы позволите мне оставить его у себя? — спросил Грего.

— Лично я возражать не буду, — ответил Хадра.

— Конечно, он останется у вас, мистер Грего, — сказал Холлоуэй. — Вы его любите. Он любит вас. Зачем же нам мешать вашему счастью? В принципе я уже узнал все, что меня интересовало.

— Боюсь, что губернатору Рейнсфорду не понравится ваше решение, мистер Холлоуэй.

— Губернатор Рейнсфорд не является уполномоченным по делам аборигенов. И не заменяет собой федеральный суд. Неделю назад судья Пендарвис заверил меня, что в любых вопросах, связанных с пушистиками, суд будет придерживаться мнения комиссии.

— Мое слово тоже имеет некоторый вес в федеральном суде, — добавил Браннард. — И я как главный прокурор буду ходатайствовать об удовлетворении вашей просьбы. — Он поднялся. — Итак, все вопросы исчерпаны? Тогда давайте посмотрим, что делают пушистики.

Глава 9

Гас Браннард подлил бренди в чашечку кофе, пригладил бороду и попробовал свой фирменный напиток. «Хорошо, — подумал он. — Но там, на континенте Бета, с дымком костра и в оловянной кружке, эта смесь казалась намного вкуснее. Пора бы и кончать с делами. Неужели и за ужином надо трепать эту тему? Особенно после такого сухого доклада и неприлично быстрого перерыва для коктейлей».

— Да, я могу выдвинуть против них обвинение и обязательно это сделаю, — заверил он всех присутствующих в гостиной губернаторской резиденции. — Насильственный захват и принудительная перевозка. Если это не похищение, тогда что же?

— Гас, тебе лучше обвинить их в порабощении пушистиков, — предложил Джек Холлоуэй. — Если суд признает их виновными по такой статье, мы расстреляем эту парочку негодяев и покажем казнь по всем каналам телевидения. Нам нужен хороший пример, который запомнился бы людям.

— А хотите, я расскажу вам историю Алмаза? — спросил Панчо Айбарра.

Все благосклонно закивали.

— Путешествуя по лесам, он и еще один пушистик встретили четырех своих сородичей. Шестеро странников решили спуститься вдоль небольшой речушки к водопаду.

Их путь пролегал через то место, где два хагга, которых Алмаз узнал по видеопортретам, разбили временный лагерь. Люди угостили пушистиков ПР-3, а затем дали выпить что-то из бутылки. Маленькие путешественники проснулись со страшной головной болью в одной из незанятых комнат огромного здания «Заратуштры». Алмазу удалось бежать, а остальных пушистиков куда-то увезли Большие.

— Мы во что бы то ни стало должны отыскать пятерых плененных пушистиков, — сказал Холлоуэй. — Отныне, Ахмед, это будет твоей главной задачей. Ты останешься здесь, в Мэллори-порте. Мы присваиваем тебе звание капитана и назначаем тебя главой сыскного агентства. Я думаю, это уравняет тебя с теми столичными руководителями, которых тут пруд пруди. Хотя, если пятерых пушистиков поймали для продажи, делом должна заниматься не только наша комиссия, но и федеральное бюро расследований.

— Я думаю, их поймали для экспериментов Маллина, — сказал Бен Рейнсфорд.

Джек выругался:

— Бен, ты просто не обратил внимания на тот факт, что все свидетельские показания подтверждены на детекторе лжи. Если не считать четверки Герда и Рут, компания «Заратуштра» не причастна к захвату пушистиков.

— Господин губернатор, — официальным тоном добавил Ахмед Хадра. — Мистер Грего оказывает нам большую помощь. Полиция компании активно участвует в расследовании, и шеф Стифер докладывает нам о каждом предпринятом действии. Доктор Хименес вылетает завтра с нашими людьми на континент Бета. Он покажет место, где находился их лагерь. У нас есть версия, что Херцкерд и Новис вернулись именно туда.

— Хорошо, а что делать с тем пушистиком, который находится в здании Компании? — спросил Бен, никак не отреагировав на слова Хадры. — Неужели вы собираетесь оставить его у Грего?

— Конечно, оставим, — ответил Холлоуэй. — Алмаз счастлив, и Грего заботится о нем. Я буду рекомендовать судье Пендарвису оформить документы на опекунство.

— Ты не должен этого делать! — вскричал Бен Рейнсфорд. — Неужели мне надо напоминать тебе о его злодейских поступках? Он планировал переловить всех пушистиков и содрать с них мех. Он увез твоих маленьких друзей, приказал Хименесу поймать других пушистиков, а затем отдал их Маллину для пыток. Спроси об этом у Рут. Спроси!

Этот мерзавец затеял историю с дочкой Ларкина и выбросил малышей на растерзание толпы. А как он потом пытался убедить суд, что ты научил пушистиков нескольким трюкам! Как он обвинял нас в фабрикации доказательств...

Наконец-то Бен высказал причину своей ненависти. Грего пытался обвинить его в намеренной фальсификации научных данных. Такого не мог бы простить ни один естествоиспытатель. Это было подобно обвинению полководца в измене или врача в преступной небрежности.

— Мое профессиональное мнение таково, что Грего и Алмаз привязались друг к другу, — возразил ему Панчо Айбарра. — Разлучать их несправедливо. Это может нанести сильнейший удар по психике пушистика. Я так и скажу судье Пендарвису.

— Такое положение должно стать нашей официальной тактикой, — сказал Холлоуэй. — Мы не будем разлучать людей и пушистиков, которые счастливы друг с другом.

Рейнсфорд, набивавший табаком свою трубку, сердито взглянул на него:

— Наверное, ты забыл, что губернатор здесь я. И это я устанавливаю политику и тактику. Ты находишься в моем подчинении и должен выполнять приказы, отданные мной...

Кончики седых усов Джека дернулись, глаза превратились в щелочки, и он стал походить на старого разъяренного тигра.

— Это правда, — сказал он. — Ты можешь приказывать мне, как руководителю комиссии по делам аборигенов. Но если тебе не нравится, как я выполняю свою обязанности, найди себе нового уполномоченного.

— И нового главного прокурора. В этом вопросе я согласен с Джеком.

Трубка Рейнсфорда упала в табакерку.

— Так, значит, вы все против меня? Значит, вам больше по душе лизать пятки Грего и лебезить перед компанией «Заратуштра»?

После такого выпада кое-кто мог бы потребовать удовлетворения на дуэли и послать обидчику секунданта. Гас так и поступил бы с другим человеком, но только не с Беном Рейнсфордом. Он повернулся к Панчо Айбарре.

— Доктор, каково ваше мнение как психиатра об этом эмоциональном взрыве? — спросил он.

— Я не имею права высказывать публично свое профессиональное мнение, — ответил психолог Военно-космического флота. — К тому же губернатор Рейнсфорд не является моим пациентом.

— Вы хотите сказать, что я могу быть чьим-то пациентом? — с возмущением спросил Рейнсфорд.

— На этот вопрос я уже могу ответить. Вы, конечно, не псих, но ваше отношение к Виктору Грего лишено какого-либо здравомыслия.

— Судя по вашим словам, мы должны сидеть сложа руки и позволять ему делать все, что он захочет! Неужели вы хотите вернуть историю планеты на тот путь, каким она шла до декрета Пендарвиса?

— Бен, он не такой злодей, каким вы его себе представляете, — сказал Гас. — Я начинаю думать, что Грего заботится о нашей планете гораздо больше, чем вы. Вам пора прекратить эти игры в кровавую вендетту и как следует взяться за восстановление экономики. Проведите выборы делегатов и организуйте принятие конституции. Возьмите под свой контроль и возобновите деятельность тех общественных служб, которыми прежде управляла компания «Заратуштра». Сделайте все возможное, чтобы прекратить хищения вельдбизонов на континентах Бета и Дельта, иначе там вскоре вспыхнут кровавые фермерские войны. Кроме того, вам надо подумать еще об одной проблеме. Когда новость о решении Пендарвиса достигнет других планет, на Заратуштру обрушится волна эмигрантов. Она может вконец подорвать нашу колониальную экономику.

Сунув трубку в карман, Рейнсфорд вскочил на ноги. Пару раз он пытался прервать речь Гаса и, в конце концов махнув рукой, сказал:

— Да и черт с вами! Я лучше пойду пообщаюсь с пушистиками!

С этими словами он выбежал из комнаты. На какое-то время все смущенно притихли, а затем Холлоуэй нарушил тишину:

— Может быть, пушистики вразумят его. Лично мне это не по силам.

Возможно, они бы и вразумили Бена, если бы он их слушал. В этом вопросе пушистики были куда понятливее его. Ахмед Хадра, который молча сидел во время этой шумной ссоры, со звоном поставил чашку на блюдце.

— Джек, я думаю, мы должны переехать в отель, — сказал он.

— Нет, черт возьми! — воскликнул Холлоуэй. — Это не частное владение Бена Рейнсфорда! Это правительственное здание, и оно принадлежит нам в той же мере, что и ему! И мы, между прочим, должны работать в нем, а не дуть друг на друга щеки.

— Нам надо поговорить с ним еще раз.

Гасу не очень нравилась такая перспектива, но выбора не было.

— Мы должны выработать правовой кодекс о пушистиках, одобренный губернатором. Нам необходим особый законопроект, но, пока мы не учредим колониальный законодательный орган, кодекс не будет иметь исполнительной силы. Тебе не мешало бы продумать процедуру, которая позволила бы брать пушистиков под опеку. Мы не ликвидируем черный рынок, даже если расстреляем нескольких негодяев за порабощение разумных существ. Но когда люди получат легальную возможность принимать пушистиков в свои семьи, когда они будут знать права и обязанности, им уже не понадобятся услуги теневых маклеров и преступников.

— Я понимаю это, Гас, — сказал Джек. — И уже думал о создании бюро, которое оформляло бы опекунство. Но кто им будет руководить? Я не знаю людей, которые подходили бы на такую должность.

— Мне надо будет поспрашивать в здании Верховного суда. — «Там каждый знает каждого, словно в деревне», — подумал Гас. — А может, такой человек найдется у Лесли Кумбса?

— Потише, Гас! — с улыбкой попросил его Джек. — Не дай Бог, это услышит Бен. Ты провоцируешь взрыв мегатонной бомбы. Скоро нам вообще придется говорить условным шифром — особенно про В-точка-Г.

— Кстати, он тоже может нам помочь. Если мы его попросим, конечно.

— Я слышал, Рут работала в комиссии по делам несовершеннолетних, — сказал Айбарра. — Там есть какая-то ассоциация детского благополучия...

— Этой ассоциацией руководит Клодетт Пендарвис, жена главного судьи. Она много сделала для юношеского благополучия.

— Да-да, — оживленно согласился Айбарра. — Я слышал, как Рут упоминала о ней — причем, как правило, с симпатией. А вы сами знаете миссис ван Рибек. У нее

возникает прогрессирующая аллергия на лицемеров и показушных доброжелателей.

— Клодетт любит пушистиков, — добавил Джек. — Она не отходила от них во время суда. Я обещал ей подобрать какую-нибудь симпатичную парочку. — Он встал из-за стола. — Давайте перейдем в какой-нибудь кабинет. Нам понадобится стол и видеоселектор. Заодно я позвоню жене Пендарвиса и спрошу, что она думает о нашем предложении.

— Фредерик, ты не мог бы немного отвлечься?

Пендарвис отключил монитор компьютера, сунул сигару в пепельницу и встал, намереваясь выйти к жене в гостиную. Но Клодетт, шагнув в кабинет, остановила его и ласково усадила обратно в кресло. А сама села на низкую кушетку, положила ладони на колени и, откинув голову назад, застыла в той женственной позе, которую Пендарвис запомнил еще с далеких дней на Бальдре, когда ухаживал за ней.

— Фредерик, я хочу тебе кое-что сказать, — смущенно промолвила она. — Пару минут назад мне позвонил мистер Холлоуэй. Он сказал, что нашел для меня двух пушистиков — мальчика и девочку. И обещал привезти их завтра или послезавтра.

— Вот как? Прекрасно!

Клодетт была помешана на пушистиках. Она влюбилась в них сразу же после первых телерепортажей. Во время судебного процесса она не пропускала ни одного заседания и даже навещала пушистиков в отеле «Мэллори». Пендарвис считал, что пара малышей лишь укрепят их семейное счастье.

— Думаю, я получу такое же удовольствие, как и ты. Мне нравятся пушистики — особенно с тех пор, как они перестали появляться в зале заседаний.

Они оба улыбнулись, вспомнив, как семнадцать пушистиков и Беби едва не поколебали достоинства суда, пока там обсуждалась их разумность.

— Надеюсь, это не будет расцениваться как особая привилегия, — добавил он. — Ты же знаешь, как много людей хотели бы иметь пушистиков.

— Другие люди тоже скоро их получат. В принципе мистер Холлоуэй и звонил по этому вопросу. Он предлагает сделать опекунство общедоступной процедурой и просит

меня возглавить эту работу. Я должна буду следить за тем, чтобы пушистики не попали в плохие руки.

Это было серьезное предложение. И следовало тщательно взвесить все «за» и «против».

— Ты считаешь, что справишься с таким ответственным поручением? — спросил судья.

— А почему бы и нет? Я выполняла те же функции в ассоциации детского благополучия.

— Тебе придется решать, кому позволить опекунство, а кому — нет. Когда будет учрежден суд по делам пушистиков — а я думаю назначить его председателем Ива Джанивера, — твое мнение будет решающим во многих вопросах.

— А чье мнение учитывает сейчас Адольф Руис при рассмотрении дел, связанных с детьми?

— Ты права, — согласился Пендарвис.

Клодетт не могла взять пушистиков у Холлоуэя, а затем отказаться от работы в бюро опекунства; это было не в ее правилах. А она так хотела получить этих милых существ...

— Поступай, как велит твое сердце, дорогая. Тот, кто займет этот пост, должен искренне любить пушистиков. Ты уже дала свое согласие мистеру Холлоуэю?

— Я сказала, что посоветуюсь с тобой и перезвоню ему. Он сейчас находится в резиденции губернатора.

— Тогда и порадуй старика, а я свяжусь с Ивом и побеседую с ним о суде по делам пушистиков.

Пока он говорил, Клодетт вскочила с кушетки и, подбежав к мужу, поцеловала его в губы. Ее переполняло счастье. Пендарвис надеялся, что пара пушистиков не вызовет нового шквала острой критики. Впрочем, его осуждали и раньше. Так что пора бы и привыкнуть к злорадству репортеров.

Виктор Грего наблюдал, как Алмаз исследовал предметы, расставленные на столике для коктейлей. Пушистик взял пару соленых орешков, надкусил один и положил второй назад в стеклянную вазу. Осмотрев полупустую чашку с кофе и бокал с ликером, он оставил их в покое и потянулся за пепельницей.

— Нет, Алмаз. Вов. Не трогай.

— Вов нинта, Алмаз, — добавил Маллин, знавший гораздо больше слов. — Нам надо самим изучать их язык, а не навязывать свой.

— Но если мы научим их нашему языку, они смогут говорить со всеми людьми, а не только с десятком пушистикологов.

— Мне не нравится этот термин, мистер Грего. Вы применяете греческий суффикс, образованный от слова «логос». Но «пушистик» — не греческое слово, и мы не должны совмещать его с инородными компонентами.

— Все это вздор, уважаемый доктор. Мы не говорим по-гречески, а используем терранский диалект. Неужели вы не знаете, что он собой представляет? Это беспорядочная смесь английского, испанского, португальского и нескольких африканских языков. Хотя в основу, конечно, положен английский. А вы знаете, что такое английский язык? Плод стараний жестоких воинов-норманнов из девятого века доатомной эры. Они придумали его, чтобы изъясняться с кабацкими девками Саксонии. И поверьте, несколько греческих суффиксов не повредят этой адской лингвистической смеси. Что касается термина, то вам лучше смириться с ним, доктор, так как отныне он будет обозначать вашу новую должность. Главный пушистиколог планеты Эрнст Маллин. И пятнадцать процентов надбавки к окладу.

Маллин подарил Грего одну из своих редких и скупых улыбок:

— Ради этого я, пожалуй, смирюсь с лингвистикой кабацких девок.

Между тем Алмазу захотелось знать, почему ему запретили трогать пепельницу. Неужели она может причинять боль?

— И как же вы объясните ему на языке пушистиков, что мне не хочется видеть на полу пепел и упавшие окурки? Разве в их языке есть такие слова, как «пепел» и «окурки»?

Грего наклонился вперед, стряхнул пепел сигареты в стеклянный лоток и сказал, четко проговаривая каждый слог:

— Это пе-пель-ни-ца.

Алмаз старательно повторил слово и подбежал к креслу, в котором сидел Маллин. Тот считал курение атавистическим проявлением детских оральных рефлексов, и поэтому пепельница, стоявшая перед ним, была пустой и чистой.

— Пепе-ница? — спросил пушистик. — Аммаз вов нинта?

— Вот видите? Он знает, что пепельница — это производное слово, а не просто название отдельного предмета, — сказал Маллин. — Сейчас я попробую доказать вам, что пушистики не могут обобщать разноплановые категории. Например, мы знаем, что моя пепельница пустая, а ваша — полная. Но как объяснить ему разницу? Если мы научим его слову «пепел», а затем прибавим...

Раздался тихий мелодичный звонок, и Алмаз быстро повернулся, чтобы посмотреть, откуда он исходит. Грего подошел к видеофону кодированной связи. Только шесть человек знали шифр этого устройства. Включив экран, он увидел Гарри Стифера.

— Мы нашли это место, сэр! На девятом уровне.

Первая кража сладостей была зарегистрирована уровнем выше.

— Пушистиков держали в маленькой комнатке, которая выглядит так, будто ее использовали вместо туалета. Рядом находится главный холл, и кто-то недавно прилетал туда на аэромобиле. На мой взгляд, пушистиков держали здесь в течение двух или трех дней.

— Хорошо. Я хочу взглянуть на это помещение. И пусть Алмаз тоже посмотрит. Пришлите за нами одного из ваших сотрудников, который знает, где находится тайник бандитов. Скажите ему, чтобы он припарковал аэромобиль на моей личной стоянке. — Грего отключил экран и повернулся к Маллину: — Вы слышали, доктор? Тогда давайте спустимся вниз.

Выйдя на верхнюю площадку длинного эскалатора, Холлоуэй перегнулся через перила и осмотрел сад, освещенный почти полным Дарием и ущербным Ксерксом. Взгляд его тут же отыскал Бена Рейнсфорда, полулежавшего в шезлонге. На коленях у губернатора уютно пристроились Флора и Фаун. Спускаясь вниз и подходя к отдыхавшей группе, Джек считал, что пушистики спят. Но один из них вдруг поднял голову и уикнул. Рейнсфорд нехотя повернулся в его сторону.

— Кто там? — спросил он.

— Джек. Ты был здесь весь вечер?

— Да, сидел и болтал с малышами, — ответил Рейнсфорд. — Кажется, пора укладывать их спать.

— Бен, нам звонили из компании «Заратуштра». Они нашли то место, где держали пушистиков: маленькую комнату на одном из пустующих этажей. Они засняли ее на видео и показали нам эту запись. Темное мерзкое место.

Полиция Компании нашла физические доказательства, подтверждающие историю Алмаза. Они объявили всепланетный розыск этих двух мерзавцев — Херцкерда и Новиса. Оба обвиняются в похищении и порабощении пушистиков.

— Кто тебе звонил? Гарри Стифер?

— Нет, Грего. Он сказал, что в этом деле мы полностью можем положиться на него. Похоже, он действительно переживает за плененных малышей.

Пушистики спрыгнули на землю и попытались привлечь внимание Джека. Бен поудобнее уселся в кресле и стал набивать свою трубку.

— Джек, — сказал он тихо и нерешительно. — Я говорил с моими ребятишками, пока они не захотели спать. Флора и Фаун были в здании «Заратуштры» и играли с Алмазом. Они говорят, что ему там одиноко. Пушистики хотят, чтобы он приехал к ним в гости. А потом собираются нанести ему ответный визит.

— Иногда им нравится одиночество. Например, у Маленького Пушистика не заняло много времени, чтобы пойти и привести ко мне всю свою семью.

— Ребятишки сказали, что Алмаз доволен и счастлив. Они описали мне чудесные вещи, которые есть у него в саду и в личной комнате. Пушистики говорили о нем только хорошее. Они уверены, что Папа Вик очень любит его. Папа Вик! Даже представить себе невозможно! А ведь они и нас так называют: Папа Бен и Папа Джек.

Зажигалка Бена вспыхнула, осветив на миг его лицо и трубку.

— Я ничего не понимаю, Джек. Мне казалось, что Грего ненавидит пушистиков.

— Отчего же он должен их ненавидеть? Разве это пушистики лишили Компанию лицензии? Да они, черт возьми, и сейчас не знают о ней, как, впрочем, и о том, что их планета теперь относится к четвертому классу. А Виктору Грего не нужна война — ни с ними, ни с нами. Он готов к взаимопомощи и сотрудничеству. И странно, что ты не желаешь того же самого.

Рейнсфорд медленно выпустил дым, и тот начал подниматься вверх, меняя окраску в сиянии двух лун.

— Ты действительно веришь, что пушистик хочет остаться у Грего?

— Если ты заберешь Алмаза у Папы Вика, это разорвет его маленькое сердце в клочья. Бен, а почему бы тебе не

пригласить малыша к себе? Пусть поиграет с твоими пушистиками. Если ты не хочешь встречаться с Грего, его может привезти девушка, которая за ним присматривает.

— Наверное, я так и сделаю. Но договариваться с Грего будешь ты. Хорошо?

— Я переговорю с ним завтра.

Пушистики не хотели играть. Они просто желали обратить на себя внимание Джека. Он поднял Флору и передал ее Бену, а затем взял на руки Фауна.

— Давай уложим их спать и вернемся к работе. Времени мало, большую часть дел приходится выполнять в дикой спешке, и нам нужны твои полномочия.

— Какие именно?

— Ахмед останется здесь. Он, Гарри Стифер, Ян Фергюссон и некоторые другие официальные лица проведут завтра совещание по вопросу общей охраны пушистиков. Я учреждаю бюро опекунства. Жена Пендарвиса согласилась взять на себя руководство его столичным отделением. Но нам нужны законы. И пока не избрана законодательная власть, ты должен утвердить их своей подписью.

— Да, очевидно, ты прав, но у меня есть одна оговорка. То, что Грего помогает нам в данный момент, еще ничего не значит. Я не позволю ему захватить контроль над этой планетой и вернуть Компании права, которые она имела до декрета Пендарвиса. Мы оба знаем, что пушистики разрушили монополию «Заратуштры». Так вот, я хочу любоваться этими развалинами всегда.

Глава 10

Когда Эрнст Маллин встретил Айбарру на посадочной площадке и ввел его в комнату пушистика, которая располагалась сразу же за кухней Грего, Панчо был слегка удивлен, увидев там Генри Стенсона. Последний сыграл немалую роль в драматических событиях, лишивших Компанию лицензии. Кроме Алмаза и Сандры Гленн, воспитательницы пушистика, в комнате находился и сам Виктор Грего.

— Мистер Стенсон! — воскликнул Айбарра. — Какая встреча!

Стенсон засмеялся.

— Мы можем не скрывать наше знакомство, лейтенант, — ответил он. — Мистер Грего знает о моей второй профессии. Он не держит на меня зла, но требует, чтобы я больше не испытывал на нем свои механизмы.

— Мистер Стенсон изготовил прибор, который заинтересует вас, — сказал Грего, передавая Айбарре маленькую коробочку, похожую на электробритву с атомной батарейкой. — Снимите ваши наушники, лейтенант. Благодарю. Алмаз, поговори с Дядей Панко.

— П'ивет, Дядя Панко, — чистым и внятным голосом произнес пушистик, когда Грего поднес коробочку к его рту. — Сышите? Аммаз может гово'ить, как хагга!

— Я восхищен! Ты говоришь прекрасно!

— Как это поюсяется? — спросил Алмаз. — Есть гово'ящая штука, я гово'ю, как хагга. Нет гово'ящей штуки, хагга меня не сышит. Пощему? Пощему так поюсяется?

Пушистики могли воспринимать весь звуковой диапазон, доступный людям. Не обладай они такой способностью, их раса не выжила бы в лесах, полных опасностей. В отличие от других млекопитающих Заратуштры они слышали звуки частотой до сорока тысяч герц. По теории Герда ван Рибека, пушистики представляли собой живых ископаемых, единственно уцелевших из большого и давно вымершего отряда так называемых квазиприматов Заратуштры. По мнению Герда, они развили ультразвуковое восприятие в ответ на какую-то древнюю угрозу, мешавшую их выживанию, — задолго до того, как научились описывать словами и символами свои мысли и идеи. Позже ультразвуковая речь помогала пушистикам прятаться от своих природных врагов.

— Пушистики слышат разговоры Больших, потому что хагга большие и их разговоры тоже большие, — ответил Айбарра. — А пушистики маленькие, и они делают маленький разговор. Большим нужны наушники, чтобы превращать маленькие слова в большие. Они могут слышать речь пушистиков только через эти штучки. Но Дядя Гарри сделал мегафон, с помощью которого пушистики будут говорить большие слова, как хагга. Теперь не надо наушников. Хагга слышат, что им говорит пушистик.

Судя по отсутствию вопросов, Алмаз уже все понял. Он понял, «пощему так поюсяется».

Грего усмехнулся:

— Прекрасное объяснение, лейтенант. Я прошу вас прочитать ему при случае небольшую лекцию об ультразвуке, электронике и акустике.

— А разве ваш главный пушистиколог еще не сделал этого?

— Я даже не пытался, — ответил Маллин. — Но вы знаете их язык лучше меня. Какие слова потребовались бы вам, чтобы объяснить подобные вопросы?

Он был прав. Любая раса — будь то Homo sapiens Terra или Pushisticus pushisticus Hollouеus Zaratustra — понимала лишь те явления, которые могли быть описаны ее языковым символизмом. Таким образом, пушистики могли понять только те идеи, для описания которых у них были слова.

— Скажите ему, что это терранская черная магия, — предложила Сандра Гленн.

Это вполне сработало бы на планетах Локи, Тор или Иггдрасиль. Обитатели Шеши и Уллера удовлетворились бы ссылкой на таинственные силы богов. Но у пушистиков магия и религия находились примерно на том же уровне, что и ядерная физика, электроника или теория привода Эббота.

Панчо шагнул вперед и протянул открытую ладонь.

— Со-йоссо-аки, Алмаз. Со-покко Дяди Панко.

Пушистик отдал ему предмет, который держал обеими руками. Сходство с бритвой оказалось неслучайным: механизм был вставлен в ее пластмассовый корпус. На месте лезвий находился микрофон, а на боку виднелся микродинамик, который передавал преобразованные и усиленные звуки. Устройство приводилось в действие обычным тумблером электробритвы.

— Я оставил блок питания тем же, — сказал Стенсон, показывая маленькую капсулу размером с пистолетный патрон. — Основная часть схемы копирует ультразвуковой приемопередатчик. Но я еще не закончил доработку корпуса. Мне хочется снабдить его рукояткой, наподобие пистолета, и небольшим выключателем-курком. Тогда прибор будет запускаться в действие автоматически, как только пушистик возьмет его в руки. Кроме того, мегафон должен быть гораздо легче и меньше по размерам. — Он показал чертежи, на которых виднелись диаграммы, схемы и какие-то записи. — Парни в моей мастерской уже работают над этим, и через неделю мы планируем изготовить пробный экземпляр. Завод Компании готов приступить к серийному производству. Им остается лишь закончить настройку конвейерных линий, и дело пойдет на лад.

— Мы подали заявку на патент, — добавил Грего. — Наш новый прибор будет называться пушистикофоном Стенсона.

— Грего—Стенсона. Это же ваша идея.

— Нет, черт возьми. Я только дал вам заказ. А пушистикофон изобретали вы сами.

Виктор вновь повернулся к Айбарре:

— Получив патент, мы запустим прибор в серийное производство. Не знаю, какой будет на них спрос, но думаю, что цена в двадцать солов за штуку устроит каждого.

Флора и Фаун были озадачены. Они сидели у ног Папы Бена и смотрели на забавных людей, которые то появлялись, то исчезали на квадратике стены. Люди о чем-то говорили, но пушистики знали, что на самом деле это был «эк'ан». Они давно уяснили, что с экрана ничего не возьмешь и внутрь его не залезешь. Однако у Больших имелось множество странных штучек, которых пушистики не могли понять. И это было интересно.

Внезапно на экране появился Папа Бен. Флора и Фаун испуганно оглянулись, подумав, что он ушел. Но нет, Папа Бен по-прежнему сидел на месте, покуривая трубку и раскачиваясь в кресле. Они потрогали его, проверяя действительно ли он здесь, а затем взобрались к нему на колени и показали на второго Папу Бена.

Ничего не зная о видеозаписи, пушистики удивлялись, что Папа Бен оказался в двух местах одновременно. Это вызывало тревогу. Это казалось им невозможным.

— Все нормально, ребята, — успокоил их Бен. — Я здесь, а там меня нет.

— Есть, — возразила Флора. — Я вижу.

— Нет, — опроверг ее Фаун. — Папа Бен здесь.

Возможно, Панчо Айбарра и Рут ван Рибек могли бы объяснить им феномен телевидения, но Бен не находил для этого слов.

— Конечно же, я здесь, — сказал он, обнимая обоих пушистиков. — А там мое ненастоящее подобие.

«Объявляется незаконным, — говорил с экрана Папа Бен, — захват пушистиков в их естественной среде обитания с помощью токсических, наркотических и усыпляющих веществ, звуковых парализаторов и ловушек. Данный тип преступлений будет расцениваться как похищение. Объявляются незаконными: содержание пушистиков на привязи или взаперти, а также их перевозка с континента Бета в любую другую часть планеты без соответствующего разрешения комиссии по делам аборигенов. На

каждом разрешении должны быть проставлены отпечатки пальцев перевозимого пушистика. Объявляются незаконными передача и продажа пушистиков другим физическим лицам для последующей транспортировки в пределах и за пределами Заратуштры. Данный тип преступлений также будет причисляться к похищению и наказываться по тем же статьям уголовного кодекса Федерации».

Лицо на экране нахмурилось. Пушистики оглянулись, чтобы посмотреть на настоящего Папу Бена.

— Гово'ишь о пушистиках? — спросила Флора.

— Да. Говорю о том, что Большим нельзя обижать пушистиков, — ответил он. — О том, что все плохие Большие будут строго наказаны.

— Их деять ме'твыми? — спросил Фаун. — Как того пнохого Бойшого, кото'ый деять ме'твой Затоваску?

— Вроде того.

Все пушистики, присутствовавшие на суде, считали, что Келлога казнили за смерть Златовласки. Флора и Фаун не имели понятия о таких явлениях, как покаяние и самоубийство, и Бену не хотелось объяснять им сейчас такие трудные вопросы.

Возможно, это и к лучшему, подумал он. Пусть пушистики верят, что в случае со Златовлаской плохой Большой получил по заслугам.

Шеф сыскного агентства ЗСОА, капитан Ахмед Хадра и полковник Ян Фергюссон, командовавший колониальной полицией, сидели в кабинете Макса Фейна, судебного исполнителя колонии. Все трое слушали выступление губернатора, которое транслировали в теленовостях.

«Любое физическое лицо, принудительно захватившее или перевозившее пушистика с целью последующей продажи, будет обвиняться в порабощении разумного существа», — говорил Бен Рейнсфорд.

— Ого! — воскликнул Макс Фейн.

Он поднес указательный палец к виску и громко щелкнул языком, изображая выстрел.

— Декларация смертного приговора! Боюсь, что Верховный суд не одобрит такого решения.

— Все дела о пушистиках переходят в ведение Ива Джанивера, — сказал Фергюссон. — А он любит этих существ и ненавидит тех, кто плохо обращается с ними.

— Да, я знаю, как Джанивер относится к смертной казни, — согласился Фейн. — Он считает, что преступность —

это опасная болезнь и что нарушивших закон надо расстреливать не за их поступки, а как переносчиков неизлечимого вируса. По его мнению, их надо отстреливать, словно больных вельдбизонов — для профилактики и в качестве санитарной меры.

— Если Херцкерд и Новис не дураки, они явятся с повинной, — сказал Фергюссон. — Интересно, эти пять пушистиков еще у них?

Хадра покачал головой:

— Мне кажется, их продали в Мэллори-порте — сразу после того, как вывезли из здания Компании. Вот если бы узнать — кому...

— Я могу назвать дюжину возможных каналов сбыта, и за каждым из них будет стоять Хьюго Ингерманн, — произнес Макс Фейн.

— Хотелось бы мне однажды поймать его и усадить под детектор лжи, — мечтательно сказал Фергюссон.

— Вам это не удастся, мой друг. Ингерманн — адвокат, а чтобы усадить адвоката под детектор лжи, его надо поймать на месте преступления — лучше всего над трупом, с пистолетом в руке или с окровавленным ножом. Но и тогда вам придется еще здорово потрудиться.

«Многие люди хотят иметь пушистиков в своих семьях, и мы знаем это, — продолжал губернатор Рейнсфорд. — Теперь они могут исполнить заветную мечту. Если вы хотите заботиться о пушистиках и наслаждаться весельем этих очаровательных малышей, мы не станем препятствовать вашему счастью. Обращайтесь в бюро опекунства, работу которого возглавила супруга главного судьи Пендарвиса. Бюро располагается в здании Верховного суда, и вы можете прийти туда уже завтра утром».

— Ах, папочка! Мама! — закричала девочка. — Вы слышали, что он сказал? Губернатор говорит, что люди могут брать в свои семьи пушистиков. Мы возьмем себе одного? Я буду любить его. Или ее. Мне все равно — лишь бы это был пушистик!

Родители переглянулись и посмотрели на свою двенадцатилетнюю дочь.

— Что ты об этом думаешь, Боб?

— Тебе придется самой заботиться о нем, Марджори, а это потребует и времени, и труда. Зверька надо будет кормить, купать и выгуливать...

— О, я буду кормить и выгуливать его. Я буду делать все, что в моих силах. Но люди не должны называть пушистиков зверьками. Они такие же разумные, как и мы. Разве ты называл меня зверьком, когда я была маленькой?

— Боюсь, что твой отец иногда так и делал, малышка. Но только в самом начале. А ты понимаешь, что тебе придется выучить их язык? Пушистики не говорят на терранском наречии. Ах, Боб, не знаю, как тебе и сказать... Мне кажется, я сама буду рада, если у нас появится пушистик.

— Я тоже. Значит, решено? Тогда завтра с утра отправляемся в бюро опекунства...

Глава 11

Вечеринка в доме Пендарвиса шла полным ходом. Сидя на корточках, Джек Холлоуэй покуривал трубку и переводил слова приветствия, которыми судья и его супруга обменивались с почетными гостями — двумя пушистиками, прилетевшими этим вечером вместе с Хуаном Хименесом. Гас Браннард, недавно приехавший из резиденции губернатора, развалился в одном из больших кресел и тихо посмеивался в густую бороду. Хуан и Ахмед, сняв наушники, отошли в дальний угол комнаты. Попивая напитки, они обсуждали поездку Хименеса на континент Бета, где он показывал парням из бригады Джорджа Ланта последнюю стоянку своей прошлой экспедиции.

— Эти бандиты действительно возвращались туда, — рассказывал Хуан. — Мы нашли место, где они сажали аэромобиль. Но смотреть, в общем-то, было не на что. Перед отлетом они все старательно убрали — даже золу и мусор.

— И улики, — добавил Хадра.

— Юримицу и Кэлдерон сказали то же самое, когда осмотрели мой бывший лагерь. Место стало гораздо чище, а ведь до этого я не замечал у Новиса и Херцкерда особой тяги к чистоте.

— Тяга к чистоте на месте преступления присуща только худшим отбросам Галактики. Мне все это чем-то напоминает деятельность продажных адвокатов. Но суть ясна. Теперь мы точно знаем, что пушистиков привезли Херцкерд и Новис. У нас есть свидетель.

— А вы сможете подтвердить показания пушистика? — спросил Браннард, лениво оглядываясь через плечо. — Например, на особом детекторе лжи? Если нет, защита будет возражать.

Пендарвис поднял голову и обернулся:

— Вы правы, мистер Браннард. Боюсь, мне придется поддержать такое возражение. Как, впрочем, и судье Джаниверу, который будет слушать дело о похищении. На вашем месте я побеспокоился бы об этом заранее. Тебя можно допрашивать на детекторе лжи? — спросил он самца-пушистика, сидевшего у него на коленях.

Тот увлеченно открывал и закрывал «молнию» на куртке судьи.

— Уиик?

Пендарвис почесал ему затылок, зная, что эта ласка нравилась пушистикам больше всего.

— За какое время можно выучить их язык? — спросил он у Холлоуэя.

— Довольно быстро, — ответил Джек. — За один день я усвоил все, что удалось обнаружить ученым с Ксеркса. Когда мы вернулись домой после суда, нашим беседам уже не было конца. Я запоминал их слова и учил пушистиков терранским фразам. Кстати, как вы назовете своих новых друзей?

— А разве у них нет имен? — с удивлением спросила Клодетт.

— Насколько я знаю, нет. В лесу они ходят группами, от шести до восьми пушистиков в семье. Их имена похожи на наши местоимения: «я», «ты», «этот» и «тот».

— Вы должны придумать им имена, — добавил Браннард. — Они понадобятся в акте опекунства.

— В лагере мы дразнили их «молодоженами», — сказал Хадра.

— А что, если назвать этих пушистиков Пьеро и Коломбина? — предложила миссис Пендарвис.

Ее муж согласно кивнул.

— Это очень красивые имена, — сказал он и ткнул пальцем себе в грудь. — Аки Папа Фредерик. Со Пьеро.

— Аки Пейо? Пейо сигго Папа Ф'еде'ик?

— Он принял имя. Малыш сказал, что любит вас. Миссис Пендарвис, что вы будете делать с ними завтра? У вас есть прислуга, которая могла бы присматривать за этой симпатичной парой?

— Нет, наше хозяйство полностью автоматизировано, но мне не хотелось бы оставлять их с роботами. Во всяком случае, до тех пор, пока они не научатся ими пользоваться.

— Отправьте их в резиденцию губернатора, — предложил Браннард. — Там они смогут поиграть с Фауном и

Флорой. Я свяжусь с Виктором Грего и приглашу его Алмаза. Пусть у них тоже будет своя вечеринка. Первое общественное мероприятие пушистиков этого года.

Мягко прозвучал мелодичный звонок. Судья опустил Пьеро на пол и, извинившись, вышел. Пьеро побежал за ним в коридор. Через несколько секунд оба вернулись.

— Звонит шеф Эрли, — сообщил Пендарвис. — Он хочет поговорить с капитаном Хадрой или с мистером Холлоуэем.

Судья говорил о новом шефе полиции Мэллори-порта. Джек кивнул Хадре, и тот покинул комнату.

— Наверное, нашли что-то по делу Херцкерда и Новиса, — высказал догадку Браннард.

— Вы действительно хотите обвинить их в порабощении? — спросила миссис Пендарвис. — По закону им грозит смертная казнь!

— Если они ловят разумных существ, лишают их свободы и превращают в свою собственность, этому деянию есть только одно определение — порабощение! — возразил прокурор. — Любимый невольник все равно остается рабом, поскольку он полностью находится во власти своего хозяина. Я не знаю, какую работу могут выполнять пушистики...

— Развлечения в ночных клубах, аттракционы в барах, небольшие номера...

В комнату вернулся Хадра. Он надел берет и портупею с кобурой.

— Шеф полиции сказал, что кто-то видел пушистика в многоэтажке на северной окраине города, — сообщил он. — По словам информатора, пушистика держат на одном из верхних этажей. Эрли уже отправил туда своих людей.

Возможно, это был один из пленников Херцкерда и Новиса. В таком случае все вставало на свои места. Очевидно, двое бывших служащих Компании сдали их оптом какому-то теневому дельцу Мэллори-порта, и тот продал пушистиков в пять различных мест. Вот кого на самом деле стоило расстрелять. Тем временем двое бандитов могли вернуться на континент Бета и поймать еще одну партию малышей. Этот замкнутый круг следовало разорвать немедленно. Допросив людей, купивших пушистиков, полиция могла получить не только важных свидетелей, но и выйти на след преступного синдиката.

— Я прослежу за этим делом лично, — сказал Хадра. — Позвоню при первой же возможности. Не знаю, сколько

я там пробуду и вернусь ли сюда. Поэтому благодарю вас за прекрасный вечер, господин судья. И вас, миссис Пендарвис.

Он торопливо вышел, и в комнате на несколько секунд воцарилась тишина.

— Если это пушистик из группы Херцкерда—Новиса, его надо показать Алмазу, — заговорил Хуан. — Только он может узнать товарища по несчастью.

Впрочем, Хадра наверняка подумал об этом. Миссис Пендарвис выразила надежду, что все обойдется без стрельбы. Полиция Мэллори-порта славилась своей любовью к громким операциям. Разговор то начинался, то затихал, и единственными беззаботными гостями здесь были только два пушистика.

Хадра вернулся примерно через час. Оставив в холле берет и портупею, он вошел в гостиную и налил себе бокал бурбона.

— Ну что? — спросил его Браннард.

Джеку не терпелось узнать, все ли в порядке с пушистиком.

— Информатор ошибся, — с сожалением ответил Хадра. — Мы нашли там терранскую мартышку. Эти люди привезли ее на Заратуштру пару лет назад. Купили на Терре. Кто-то заметил обезьяну из аэромобиля и решил, что это пушистик. Интересно, сколько еще таких сообщений получит полиция?

А Джека удивляло то, что он не встречал подобного содействия, когда искал своих маленьких друзей.

Глава 12

На следующее утро, подлетая к зданию Верховного суда, Джек Холлоуэй не заметил особых перемен в движении воздушного транспорта. Стоянки шести этажей были забиты машинами до отказа, но во время суда по делу пушистиков их прибывало сюда гораздо больше. Лишь ступив на эскалатор и спустившись на четвертый этаж, где располагалось бюро опекунства, он начал подозревать, что на пушистиков появился огромный спрос.

Коридор, ведущий из центрального холла к названному вчера кабинету, оказался заполненным людьми. Это в основном была солидная, хорошо одетая и спокойная публика. Большинство пар цеплялись друг за друга, чтобы в давке их не вытеснили из очереди. Все выглядели

счастливыми и возбужденными, как в праздничной толчее у супермаркетов в канун Нового года.

К Джеку протиснулся офицер муниципальной полиции. Коснувшись рукой козырька, он участливо спросил:

— Пытаетесь пробраться в свой кабинет, мистер Холлоуэй? Тогда идите здесь. С другой стороны такая же очередь.

В коридоре собралось около пятисот или шестисот человек. Но многие пришли парами. Таким образом, требовалось рассмотреть примерно триста—четыреста заявлений.

— Сколько это уже продолжается? — спросил Джек, заметив несколько пар, которые пришли после него.

— С семи утра. Сначала было лишь несколько человек, а с половины девятого народ повалил лавиной.

Некоторые люди в толпе узнавали его. «Смотри! Вон идет Холлоуэй!», «Это Джек Холлоуэй, уполномоченный по делам пушистиков», «Эй, мистер, а пушистики уже здесь?»

Полицейский провел его по коридору и открыл дверь небольшого кабинета. Стол, стулья и другие предметы покрывал густой слой пыли. Пройдя через него, они вышли в служебный коридор, где еще один полицейский спорил с какими-то людьми, проникшими сюда тем же путем.

— А почему вы пропускаете его? — закричала женщина. — Эй вы, остановитесь!

— Он здесь работает. Это Джек Холлоуэй.

— О! Мистер Холлоуэй! Скажите, когда мы получим пушистиков?

Первый полицейский подтолкнул его вперед, провел по коридору, словно арестанта, и открыл еще одну дверь:

— Сюда, мистер Холлоуэй. Это кабинет миссис Пендарвис. Извините, но я должен вернуться и успокоить толпу.

Он вскинул руку к козырьку и поспешил обратно.

Миссис Пендарвис сидела за столом спиной к двери и просматривала лежавшую перед ней кипу анкет. Прочитав очередное заявление, она передавала его девушке, которая работала за соседним столом. Та принимала документ и шепотом начинала диктовать в микрофон компьютера какие-то данные. За третьим большим столом сидели еще две девушки. Одна из них говорила с кем-то по видеофону.

Услышав шаги, миссис Пендарвис спросила: «Кто там?», повернула голову, а затем поднялась и протянула руку.

— А, мистер Холлоуэй, доброе утро! Как там сейчас в коридоре?

— Вы же видите, что мне пришлось пробираться в обход. Я думаю, там собралось не меньше пятисот человек. Как вы управляетесь с ними?

Миссис Пендарвис кивнула на дверь приемной. Джек приоткрыл ее и заглянул в небольшую щелку. Пять девушек за пятью столами беседовали с посетителями. Шестая собирала заполненные анкеты и относила их к небольшой конторке, где сортировала и направляла в соседнюю комнату.

— Я пришла в восемь тридцать, — сказала миссис Пендарвис, — сразу после того, как отвезла Пьеро и Коломбину в резиденцию губернатора. Коридор уже был полон, но люди все идут и идут. Сколько у вас пушистиков, мистер Холлоуэй?

— Для передачи в семьи? Не знаю. Если вычесть мое семейство, малышей четы ван Рибек и Джорджа Ланта, то на позавчерашний день их было всего сорок. Вчера вечером в лагере находилось уже сто три пушистика.

— А в настоящий момент мы зарегистрировали триста одиннадцать заявлений. Возможно, через минуту или две мне принесут еще двадцать штук. К закрытию их будет около пяти-шести сотен. Что же нам делать с ними? Некоторые люди хотят получить одного пушистика, другие — двух или всю семью. В свою очередь, мы не можем разъединять пушистиков, которые хотят жить вместе. Если вы разлучите Пьеро и Коломбину, они умрут от тоски. А как быть с семьями из пяти-шести пушистиков? Разве они не хотят оставаться друг с другом?

— Не всегда. На самом деле эти группы — не семьи. Вы можете считать их временными объединениями, созданными для общей взаимопомощи. Впятером в лесу жить легче, чем одному. Они охотятся и собирают растительную пищу. Их экономика находится на уровне палеолита. Когда группа становится слишком большой, она разделяется на несколько частей. Когда одна пара встречается с другой, они объединяются, чтобы охотиться вместе. Вот почему у них такой развитый и единый язык. И вот почему новость о «затку» так быстро распространилась по всему ареалу пушистиков. Их супружеские пары не сохраняются долго. Например, ваша парочка очень молода. Это их первый брак, и они считают друг друга самыми лучшими на свете. Но у вас будут и другие пары, которые не захотят

разъединяться. Их надо отдавать в одну семью. — Холлоуэй задумался на мгновение. — Вам не следует подбирать пушистиков по каждому конкретному заявлению. Почему бы просто не бросить жребий? Каждая из этих анкет имеет номер, верно? Вот и вытаскивайте из шляпы счастливые номера!

— Хм-м! Мы можем назначить в жюри наших людей из комиссии, и они возьмут на себя функции распределения! — радостно сказала Клодетт. — Лотерея решит половину проблем!

— Но вам все равно придется проверить каждое заявление. Хотя, думаю, это не займет много времени.

— Проверкой анкет занимается капитан Хадра. Ему выделили людей из школ и полицейской академии. Кроме того, Грего перевел к нему на время нескольких опытных кадровиков Компании, а я задействовала группы родителей и учителей из ассоциации детского благополучия. Но нам надо набрать свой собственный штат, и как можно быстрее. Думаю пригласить людей из общественных служб Компании. Я слышала, что мистер Грего собирается приостановить их деятельность как минимум на три месяца.

— Я тоже слышал об этом. Компания снимает со своего финансового обеспечения не только школы, но и госпитали. А почему вам не поговорить с Эрнстом Маллином? Доктор подберет вам нужных людей. Теперь он тоже присоединился к «друзьям Маленького Пушистика».

— Хорошо, допустим, мы проведем лотерею. А что дальше? Люди полетят в ваш лагерь забирать свои пушистиков?

— О мой Бог! Только не это! У нас и без того хватает проблем, а тут такая толпа народа. — Джек еще не думал о процедуре выдачи пушистиков. — Нам надо найти в Мэллори-порте свободное здание, где мы могли бы разместить около двухсот малышей. Тогда люди, получившие право на опекунство, будут приходить туда и выбирать тех, кто им понравится.

Он представил себе большое здание с прилегающим парком и высокой оградой, которая могла бы уберечь пушистиков от любопытных глаз и загребущих рук. Прекрасное и хорошо оборудованное место, где малыши могли бы развлекаться и жить, ожидая своих опекунов. Не зная в Мэллори-порте такого места, Джек попросил совета у Клодетт.

— Я поговорю с мистером Арсвиком, руководителем общественных служб Компании. Он что-нибудь подскажет. Ах, мистер Холлоуэй, я даже не представляла себе, насколько все это будет сложно.

— А я повторяю эти слова каждый час с тех пор, как Бен Рейнсфорд назначил меня уполномоченным по делам пушистиков. Да, чуть не забыл! Нам надо провести с людьми беседы по следующим темам: «Забота о пушистиках и их питание», «Психология пушистиков и их язык». Поручите кому-нибудь подготовить брошюры и учебные аудиокассеты для изучения языка. И закажите ультразвуковые приемопередатчики.

Джек направился к двери, на которой висела табличка с надписью «Сыскное бюро». Войдя в кабинет, он увидел Ахмеда Хадру. Тот говорил по видеофону с офицером городской полиции.

— Вы добились от них каких-то показаний? — спросил капитан.

— Да почти ничего, — ответил полицейский. — Вчера мы целый день таскали сюда всех, кто мог сказать что-то ценное. Но едва они попадали к нам, как появлялся Хьюго Ингерманн и утаскивал их обратно. Очевидно, он имеет в нашем управлении пару информаторов с портативными рациями, и, как только мы приводим стоящего свидетеля, они тут же сообщают об этом какому-то чинуше в Верховном суде. Тот выписывает повестку в суд и ордер на срочный осмотр имущества. К нам приходит Ингерманн и забирает свидетеля. Многих мы вообще не успели допросить. Бьемся день и ночь, а толку — ноль. Ни один из тех, кто давал показания на детекторе лжи, ничего не знает об этом проклятом деле.

— А что известно о подозреваемых? Неужели у них не было друзей?

— Конечно, были. В основном это служащие Компании с довольно низким окладом. Они от нас ничего не скрывают, но их показания несущественны для следствия.

Разговор продолжался несколько минут. Отключив экран, Ахмед повернулся к Холлоуэю и прикурил сигарету.

— Ты сам все слышал, Джек, — сказал он. — Преступники исчезли, прихватив с собой пушистиков. И я не удивлен, что их коллеги по работе ничего не знают. Эти парни предусмотрели все. Мы обыскали их комнаты, но они перед уходом произвели основательную уборку.

Мафия словно в рот воды набрала, а агентура и осведомители полиции не могут выяснить, чей это был заказ.

— Знаешь, Ахмед, я начинаю беспокоиться. Как представлю себе, что могло случиться с этими пушистиками...— Джек сел на край стола и достал из кармана трубку. — Когда ты сможешь начать проверку анкет? Людям не терпится получить пушистиков.

Герд ван Рибек наполнил свою чашку и передал кофейник Джорджу Ланту, который сидел по другую сторону стола. Пора было возвращаться к работе. После того как и Джек и Панчо покинули лагерь, а Ахмеду Хадре поручили розыск пушистиков, дел навалилось невпроворот.

— Восемьдесят семь, не считая ваших, моих и Джека, — подвел итог Джордж Лант.

— У нас кончается ПР-3.

Сегодня им пришлось сократить порции ПР-3. На следующей неделе они будут выдавать его через день или два. Пушистикам это вряд ли понравится.

— Джек сказал, что все запасы ПР-3 скупили спекулянты. Как только пушистики появились в Мэллори-порте, цены на ПР-3 стали просто невозможными.

На Заратуштре почти не осталось ПР-3. В прежние времена люди хранили в аэромобилях по банке-две на случай вынужденной посадки в диких лесах, которые покрывали девяносто процентов всей поверхности планеты. Так что до открытия пушистиков общее потребление ПР-3 практически равнялось нулю. Кое-какие припасы имелись на базе Ксеркса, но они не могли быть использованы, поскольку предназначались для снабжения космических кораблей и мобильных десантных частей. Окружной командующий Флота уже послал соответствующий запрос в Верховный штаб. Однако контейнер с ближайшей планеты Федерации можно было ждать только через четыре месяца. Вот почему оставшиеся запасы таяли на глазах.

— Я бы хотел, чтобы их собралось не восемьдесят семь, а восемь тысяч семьсот, — сказал Лант. — Только не считай меня сумасшедшим. Слава Богу, что пушистики идут к нам, а не в сельскохозяйственные регионы. Я слышал, что так далеко забрело пока одно семейство, но оно попало на лесную ферму, и все обошлось хорошо. А представь себе, что начнется миграция на сахарные плантации и фермерские угодья? Мы ведь с Джеком сначала считали,

что должны защитить пушистиков от людей. Но теперь я думаю, что дело может принять другой оборот.

— Что верно, то верно. Пушистики не хотят приносить нам никакого вреда, но я слышал, что семейство Джека, вырвавшись из клеток, разгромило кабинет Хуана Хименеса. Я не виню их за это, однако они иногда ведут себя вразрез обычаям людей. Например, пушистики не имеют понятия о частной собственности — особенно если в пределах видимости нет законного владельца.

— Вот об этом я и говорю. О зерновых. Пушистики не поймут, что кто-то посадил эти растения для собственных нужд. Наткнувшись на посевы, они сочтут их своей добычей. А я еще не видел фермера, который, защищая имущество и урожай, не выстрелил бы первым.

— Мы займемся воспитанием пушистиков, — сказал Герд.

— Чтобы зажарить индюка, его прежде надо поймать, — ответил Лант. — Да, мы можем воспитать тех пушистиков, которые находятся в лагере. Но что ты скажешь об остальных?

— Тогда необходимо воспитывать фермеров. Какую пищу потребляют пушистики, кроме ПР-3?

— Им нравятся «затку». Они уже уничтожили их вокруг лагеря. Нам приходится высылать патрульные машины на пару миль вперед, чтобы расстреливать гарпий.

— А ты знаешь, сколько урожая губят сухопутные креветки? Я пока не в курсе, но обязательно изучу этот вопрос. Никакие объяснения не сравнятся с реальной пользой, и, мне кажется, фермеры поймут простой расчет. Да, возможно, пушистики нанесут урожаю некоторый ущерб. Но каждый из них уничтожит за день до полудюжины сухопутных креветок. Таким образом они с лихвой окупят себя. И выгода от них во много раз превысит убытки.

— Напиши об этом статью, и мы выпустим ее вечером в эфир. «Будьте добры к пушистикам! Они лучшие помощники фермеров!» Я думаю, кто-то задумается над этими словами.

Герд кивнул.

— Итак, у нас восемьдесят семь пушистиков. А сколько из них детенышей?

— Не считая Беби, четыре.

— Кроме того, пять беременных самок. Впрочем, это лишь предположение Линн. За неимением оборудования она выслушивает их стетоскопом. Пушистики — слишком

маленькие существа, чтобы беременность вызывала у них какие-то заметные изменения. Но допустим, пять из восьмидесяти семи. Тогда каков у них процент рождаемости, Джордж?

Лант долил себе кофе и машинально подул на давно остывший напиток. Когда-то и где-то — вероятно, в школе полиции — ему подавали горячий кофе, прямо с огня. Появившийся в столовой робот приступил к уборке помещения. Рядом с ним ходило полдюжины пушистиков, которые восторженно наблюдали за движениями мелькавших манипуляторов.

— Я могу сказать одно: демографического взрыва ожидать не приходится.

— Ты прав, Джордж. Это вымирающая раса. Я не знаю, какова продолжительность их жизни в естественных условиях, но думаю, что четверо из пяти пушистиков обычно умирают насильственной смертью. Когда кривая рождаемости спускается ниже уровня смертности, раса вымирает.

— Четыре ребенка на сто два пушистика. Плюс пять малышек забеременели. И ты считаешь, что доктор Эндрюс могла кого-то упустить, так как она определяет беременность с помощью стетоскопа.

— Как ты, наверное, заметил, я немного удивлен. Это неплохая деторождаемость для самок, у которых для спаривания имеется не годовой, а ежемесячный цикл. Но если говорить о четырех детенышах, я должен признать, что мы ничего не знаем о периоде их взросления. За те три месяца, в течение которых мы наблюдаем за ними, Беби прибавил только шесть унций и подрос на дюйм. По моим подсчетам, для полного возмужания ему понадобится лет пятнадцать или, по крайней мере, десять.

— Значит, рождаемость здесь ни при чем, — подытожил Лант. — Причиной вымирания является детская смертность. Малышам не удается выжить, вот и все.

— По-видимому, так оно и есть, и это меня тревожит. Рут и Линн разделяют мои опасения. Если мы не выясним причину угасания их расы и не ликвидируем ее, на этой планете вскоре не останется пушистиков.

— Прямо как в старые времена, — сказал Кумбс, развалившись в одном из кресел. — Никого, кроме нас.

— И не говори.

Грего достал из бара графин и два стакана, а затем поставил их на низкий столик, стараясь не разрушить ле-

жавшую там мозаику, которая была собрана из цветных керамических кусочков.

— Как тебе нравится творчество пушистика? Работа еще не закончена, но в ней уже проглядывает глубокий символический смысл.

— Да? Ты его видишь? А я — нет. — Кумбс кивнул, принимая бокал, и сделал большой глоток. — А где остальные?

— Алмаз гостит в том месте, где мое присутствие нежелательно. Он в резиденции губернатора у Флоры и Фауна. В данный момент они знакомятся с Пьеро и Коломбиной — пушистиками судьи. Сандра находится в свите сопровождения. Эрнст обсуждает с миссис Пендарвис вопрос о здании, куда можно было бы привезти на неделю двести пушистиков, предназначенных для вручения счастливым опекунам.

— О, я смотрю, твой пушистик и пушистиколог вошли в контакт с влиятельными и нужными людьми. Ты видел интервью с Хьюго Ингерманном? Его передавали сегодня днем.

— Нет. В моем штате есть люди, которые делают это за меня. Я получил лишь краткий и семантически точный отчет с готовым логическим анализом. В такой интерпретации занудную речь Ингерманна можно свести к трем главным пунктам: а) Бен Рейнсфорд старается перехитрить Виктора Грего; б) Виктор Грего пытается сделать то же самое по отношению к Бену Рейнсфорду; и в) они вступили в сговор, чтобы ограбить и поработить всю планету, включая пушистиков.

— Я записал его речь на видеокассету, надеясь, что он забудется и даст мне повод для судебного преследования. Но Ингерманн неплохо подготовился. Ему как адвокату известно, что является клеветой. Во всяком случае я не нашел в его выступлении ни одной зацепки. Иногда мне хочется уличить этого ублюдка в каком-нибудь проступке и усадить его под детектор лжи, но пока... — Кумбс пожал плечами.

— Я заметил один штрих его стратегии, — задумчиво произнес Виктор. — Ингерманн нападает на Компанию и на Рейнсфорда, но в то же время пытается разжечь между нами ссору. Он боится, что мы объединимся против него.

— Да. Взять хотя бы дело с космодромом. «Почему наш честный и справедливый губернатор не покончит с монополией на космические перевозки? Компания

"Заратуштра" по-прежнему диктует нам свои условия и душит экономику планеты!»

— А ты знаешь, почему губернатор этого не делает? Потому что космический транспорт обойдется ему в пятьдесят миллионов солов. Потому что его кораблям придется загружаться и разгружаться на орбите. Это кажется актуальным вопросом только для тех людей, которые сами ничего не смыслят. Впрочем, они-то и составляют подавляющее большинство избирателей. Знаешь, Лесли, чего я боюсь? Ингерманн обвиняет Рейнсфорда в сговоре с Компанией. Если губернатор начнет доказывать обратное, он нам может здорово навредить.

— Да, это вполне вероятно, — согласился Кумбс. — Благодаря судебному решению Пендарвиса на Заратуштре появилось демократическое правительство. Оно предполагает острую политическую борьбу. Ингерманн контролирует в Мэллори-порте теневую сферу шантажа и вымогательства, а политика целиком и полностью соответствует этой сфере. Похоже, он претендует на пост политического руководителя планеты.

Глава 13

Аэромобиль опустился на землю, едва не задев полдюжины пушистиков, выбежавших на посадочную площадку. Сержант-десантник, сидевший за рулем, облегченно вздохнул. Панчо Айбарра открыл дверь, пропустил вперед своего спутника в зеленом кителе и спрыгнул на траву. Сопровождаемые толпой пушистиков, к нему подошли Джордж Лант в слегка видоизмененной полицейской форме и Герд ван Рибек в куртке цвета хаки и высоких ботинках. Пушистики восторженно поприветствовали Дядю Панко и поинтересовались, где Папа Джек.

— Папа Джек в Долине больших домов, — ответил Айбарра. — Папа Джек не полетел сюда с Дядей Панко. Но он скоро вернется. Через два света и две темноты. Он делает большой разговор с другими людьми.

— Деять 'азгово'ы о нас? — спросил его Маленький Пушистик. — Хочет найти Бойших для всех пушистиков?

— Да. И место, где пушистики могли бы жить в Долине больших домов, — ответил Айбарра.

— Для этого он и улетал, — добавил Герд. — Скоро каждый пушистик будет иметь своего большого друга.

— Да, Джек уже работает над этим вопросом, — произнес Панчо. — Кстати, познакомьтесь. Капитан Касагра.

Герд ван Рибек, майор Лант и пушистики. Капитан погостит у нас пару дней. Завтра прилетит лейтенант Пейн с пополнением: пятьдесят человек и пятнадцать боевых аэромобилей для патрулирования. Они останутся здесь до тех пор, пока мы не укомплектуем свои собственные силы.

— Рад это слышать, капитан, — сказал Лант. — Нам необходимы и люди и машины.

— Мы понимаем, что вам приходится патрулировать большую территорию, — ответил Касагра. — Лейтенант Айбарра уже сказал, что я останусь здесь на несколько дней. Хочу войти в курс дел. Лейтенант Пейн поступает в ваше распоряжение до тех пор, пока вы не наберете и не обучите собственные кадры. Или пока в животноводческих регионах вновь не вспыхнут фермерские войны.

— Будем надеяться, что не вспыхнут, — сказал Лант. — И мы благодарны вам за людей и транспорт.

— Несколько машин выделяет компания «Заратуштра», — добавил Панчо. — Кроме того, Ахмед Хадра, помимо своей основной работы, приступил к вербовке в отряды ЗСОА.

— А Джеку не удалось достать хотя бы немного «рациона»? — спросил Герд.

Панчо покачал головой:

— Он пытался приобрести несколько ящиков для приемного пункта, где будут размещаться пушистики, но база Ксеркса отказала в его просьбе. В ближайшее время ПР-3 начнет производить компания «Заратуштра». Однако Грего говорит, что понадобится пара недель на отладку конвейерной линии и пробные выпечки этого продукта.

— Я слышал, что формула довольна проста, — сказал Касагра.

— Да, но некоторые производственные процессы требуют детальной проработки. Я беседовал на эту тему с Виктором Грего. Его специалисты по пищевому синтезу были настроены не очень оптимистично. Он давил на них как мог, и вчера на утреннем совещании ему представили уже готовую техническую документацию.

— Не верю своим ушам! — воскликнул Герд. — Виктор Грего полюбил пушистиков? Только не надо мне говорить, что Маллин и Хименес последовали его примеру. Я уже представляю себе, что скажет моя деликатная жена, когда услышит эту новость!

— Тот, кто был врагом на прошлой войне, может стать союзником в следующей битве, — с улыбкой напомнил

Касагра. — Я служил пару лет на Торе. Кланы, которые стреляли в нас без предупреждения, через сезон становились нашими закадычными друзьями, а позже опять вели себя как коварные предатели.

Из-за бараков НФПЗ поднялся патрульный аэромобиль. С юга возвращалась вторая машина, совершавшая плановый облет лагеря.

— Счастливого патрулирования! — крикнул Лант и, повернувшись к Касагре, пояснил: — Пушистики перебили всех сухопутных креветок на пять миль вокруг. С каждым днем им приходится уходить на охоту все дальше и дальше. Между тем гарпии выслеживают пушистиков с таким же азартом, как те — креветок. Поэтому мы прикрываем наших подопечных с воздуха. За время отсутствия Панчо парни убили двадцать гарпий. Причем четверых из них сегодня днем. А может быть, и больше, я не знаю.

— Среди пушистиков были какие-нибудь потери?

— От гарпий — нет. Но вчера вечером мы едва не потеряли целый десяток. Две семьи устроили настоящее побоище. Поспорив из-за игрушек, они пустили в ход свои лопатки, и некоторые получили серьезные ранения. Вон один из них!

Лант указал на пушистика с белой повязкой на голове. Судя по виду героя, тот очень гордился ею.

— Одному бедолаге сломали ногу. Док Эндрюс наложила ему гипс и оставила его в больнице. Прежде чем я успел ввязаться в драку, Маленький Пушистик, Ко-Ко, Мамуля и пара моих малышей разогнали враждующих противников. Они подавили бунт с таким мастерством, словно всю жизнь занимались этой работой. А видели бы вы, как Маленький Пушистик распекал драчунов! Он говорил с ними, как старший сержант с новобранцами.

— Так они дерутся между собой? — спросил Касагра.

— У нас это первый случай, но, думаю, они иногда сражаются друг с другом в лесах своими деревянными «затку-ходда». У них довольно интересный стиль фехтования. Он не имеет ничего общего со стандартами Межзвездных олимпийских игр, но очень эффективен. Именно этим я и объясняю тот факт, что половина спорщиков не была убита в первые пять секунд.

Лант посмотрел на часы:

— Капитан, не хотите ли составить мне компанию? Я отправляюсь в штаб национальной полиции, и мы могли бы согласовать там наши действия. Мне хотелось бы

услышать ваше мнение о том, как нам лучше использовать помощь лейтенанта Пейна и его людей.

Касагра подошел к аэромобилю и что-то сказал сержанту-пилоту. Он и Лант забрались в кабину. Помахав им руками, Герд и Айбарра направились в лабораторию.

— Одна из беременных самок потеряла ребенка, — рассказывал по дороге Герд. — Малыш родился мертвым. Мы заморозили недоношенное существо. И Линн говорит, что оно эквивалентно шестимесячному внутриутробному плоду. Однако ребеночек не выжил бы и при нормальных родах. У него есть внешние дефекты, и я полагаю, что внутренности тоже не в порядке. Мы еще ничего с ним не делали. Линн хотела, чтобы ты тоже его увидел. Все пушистики опечалены. Они решили устроить похороны, но мы объяснили Маленькому Пушистику, что должны выяснить причину неправильного развития плода. Я попросил его передать мои слова другим пушистикам, но еще не знаю, что из этого вышло.

Пушистики, бежавшие впереди них, закричали наперебой:

— Мама Вут! Тетя Линн! Дядя Панко! Дядя Панко биззо деять-нитто!

Когда они вошли в лабораторию, там поднялся невероятный шум. Рут, работавшая за одним из столов, попыталась успокоить пушистиков.

— С приездом, Дядя Панко! — поприветствовала она Айбарру, спеша закончить работу. — Я сейчас освобожусь.

Сделав несколько записей, она проставила фломастером жирный номер на пробирке, затем опустила ее в миниатюрный штатив-холодильник и закрыла крышку.

— Я не занималась этим со времен медучилища. А Линн сейчас трудится в госпитале и вместе с добровольными помощниками-пушистиками заботится о жертвах побоища. — Она достала сигарету, прикурила и, устроившись в кресле, спросила: — Панчо, что ты думаешь об Эрнсте Маллине? Ему можно доверять?

— Да. Он действительно любит пушистиков. Кроме того, ему уже не нужно защищать политику Компании, попирая собственную совесть. Я видел его с пушистиками Бена, Пендарвисов и Грего. Он наслаждался общением с ними.

— Если бы я была на твоем месте, то не поверила бы своим глазам. Мне никогда не забыть, что он делал с Ид,

Суперэго, Комплексом и Синдромом. Это чудо, что они не сошли с ума.

— Но ведь не сошли! Они так же здоровы, как и другие пушистики. А Маллин, сожалея о содеянном, ни секунды не жалеет о том, что сумел узнать. Он говорит, что пушистики — единственные разумные существа, которых можно назвать абсолютно здоровыми. Они никогда не теряют рассудка. Маллин мечтает научить людей их логике и мышлению. Он верит, что тогда все психиатрические лечебницы опустеют, а психиатры потеряют работу.

— Они просто похожи на маленьких детей — умных и шаловливых проказников. Но говорить о логике...

— А вдруг эти дети настолько умны, что не хотят взрослеть? Возможно, и мы походили бы на пушистиков, если бы взрослые не заражали нас с момента рождения своим безрассудством и тупоумием. Надеюсь, что мы не передадим пушистикам эту жуткую заразу. Расскажи-ка мне о вчерашней драке.

— Она началась из-за игрушек, разбросанных вокруг. Новая группа, которая пришла вчера днем, увидела их и решила забрать себе. Игрушки были общие — ими мог играть каждый пушистик, но новички не знали этого. Возник спор, потом в ход пошли «руби-копай». Те, кто затеял драку, теперь сожалеют о случившемся. Они уже подружились с нашими пушистиками.

Дверь, ведущая в госпиталь, открылась, и в комнату вошла Линн. Рядом с ней шагали два маленьких помощника. Пушистики, собравшиеся в лаборатории, побежали в палату, чтобы навестить своего раненого друга. Линн подошла и поздоровалась с Панчо. Герд спросил ее о пациенте. Тот вел себя спокойно и не возражал против вынужденного пребывания в постели.

— А как чувствует себя малышка, у которой случился выкидыш?

— Уже бегает, словно ничего не произошло. Ах, Панчо, это было душераздирающее зрелище. Плод оказался настолько бесформенным, что я так и не определила его пол. А бедняжка взглянула на маленький трупик, дотронулась до него и сказала: «Худда. Ши-нозза».

— «Снова мертвый. Как всегда», — перевел Герд. — Она отнеслась к этому так, словно ничего другого и не ожидала. Мне кажется, у них выживает не больше десяти процентов новорожденных. Панчо, хочешь взглянуть на него?

Айбарра не хотел. К тому же он ничего не смыслил в этой области. Но эмбриология пушистиков была абсолютно новой областью даже для Линн Эндрюс. Они подошли к одной из холодильных камер, и Герд вытащил оттуда завернутый в марлю плод. Тот оказался меньше мыши, и Панчо пришлось воспользоваться лупой, чтобы рассмотреть его. Ручки и ножки были короткими и недоразвитыми, а голова — совершенно бесформенной.

— Мне нечего сказать, — со вздохом произнес Айбарра. — Хорошо, что он родился мертвым. И что вы теперь будете с ним делать?

— Я не хочу анатомировать его сама, — ответила Линн. — У меня нет соответствующего опыта. Дело слишком важное, а я могу все испортить.

— Я тоже не силен в анатомировании, — сказал Герд. — Надо отвезти его в госпиталь Мэллори-порта. — Он завернул плод в ткань и положил его обратно в холодильную камеру. — Чем больше людей с ним поработают, тем меньше знания будет упущено. А мы хотим выяснить причины детской смертности у пушистиков.

— Хорошо, я позвоню в столицу и подниму на ноги всех, кто может нам помочь.

В лабораторию ввалилось еще полдюжины пушистиков. Они несли убитую сухопутную креветку. Не обращая внимания на людей, они направились в палату к своему сородичу.

— Панчо, идем посмотрим, — сказал Герд. — Они принесли подарок своему больному другу. Им пришлось тащить эту креветку три или четыре мили.

Когда аэромобиль подлетел к резиденции губернатора, Джек заметил в саду на западной стороне двух людей и пятерых пушистиков: капитана Ахмеда Хадру и Сандру Гленн, а также Пьеро и Коломбину, Алмаза, Флору и Фауна. Пушистики играли с золотисто-красным мячом, диаметр которого равнялся двум футам, или их среднему росту. Они толкали мяч и весело бегали по лужайке, время от времени подкатывая его к тому месту, где стоял Хадра. Тот пинал мяч ногой и снова возвращал его в игру. Джек Холлоуэй улыбнулся. Он вспомнил, как затевал с пушистиками такую же возню на полянке перед своей избушкой, когда там еще была полянка и в лагере обитало лишь одно его семейство.

— Бен, высади меня там, — попросил он губернатора. — Мне захотелось поиграть в старый добрый пушистиковский футбол.

— Я тоже не прочь размяться, — ответил Рейнсфорд. — Билл, спустите нас на лужайку, если можно.

Аэромобиль сделал круг над садом и завис в нескольких дюймах над травой. Оба пассажира вышли из кабины. Увидев спускавшуюся машину, пушистики бросились к ней. Джек подумал было, что кто-то подарил им игрушечные револьверы. У каждого пушистика имелся пояс с небольшой кобурой, из которой торчала маленькая пистолетная рукоятка. Но Холлоуэй ошибся. Когда малыши, достав «револьверы», поднесли их ко ртам, он заметил на концах предметов трехдюймовые черные диски.

— Папа Бен, Папа Джек! — хором закричали они. — Сышите? Мы гово'им тепей, как Бойшие!

Джек выключил свой ультразвуковой приемопередатчик. И точно! Все пушистики говорили в доступном для людей диапазоне.

— Это деять Папа Вик, — гордо сообщил Алмаз.

— Нет, приборы сделал Генри Стенсон, — поправила его девушка. — Вернее, изобрел по заказу мистера Грего. Это пушистикофоны.

— Хеета, Папа Джек! — крикнул Алмаз, протягивая Холлоуэю свой приборчик. — Уик-иик. У-и-ик!

Его рассердило вмешательство Сандры, но он тут же вспомнил, что убрал пушистикофон от лица.

— Пушистик гово'ит сюда, с этой сто'оны, — сказал он, приблизив прибор ко рту. — Тут азговох настет. Он выходит с этой сто'оны — бойшой, как азгово'ы хагга.

— Очень хорошая штучка, Алмаз, — похвалил Холлоуэй. — Просто замечательная. Что ты на это скажешь, Бен?

Рейнсфорд присел на корточки перед своими пушистиками и протянул руку.

— Со-покко-аки, Флора, — сказал он.

Самочка отдала ему пушистикофон и ответила:

— Кеффи, Папа Бен. Деять-амать.

— Нет, ломать не надо. — Рейнсфорд с любопытством осмотрел прибор и отдал его назад. — Хорошая вещь. В какую бы руку пушистик ни взял прибор, микровыключатель на рукоятке все равно включится. Микрофон находится посередине, поэтому они могут говорить с любой стороны.

Очевидно, Стенсон учел тот факт, что пушистики одинаково хорошо владели обеими руками. Герд выдвинул по этому поводу целую теорию. Пушистики плохо разбирались в анатомии — возможно, потому, что не пользовались огнем и не резали маленьких животных перед тем, как жарить их мясо. Они ничего не знали о местоположении и важности сердца, и в битвах с врагами не прикрывали грудь от ударов. Предки терранских гомо сапиенс, вероятно, тоже свободно владели обеими руками, но в драках и сражениях, защищая область сердца, чаще брали оружие в правую руку. По мнению Джека, в этой теории имелся здравый смысл, как, впрочем, и в других рассуждениях Герда.

— Так вы говорите, что их сделал Стенсон? — переспросил Бен.

— Да, в своей мастерской, — ответила Сандра. — Но скоро Компания начнет серийное производство пушистикофонов. Их будут изготавливать на заводе электронного оборудования.

— Передайте мистеру Грего, что он сделал своему изделию неплохую рекламу, — с усмешкой сказал Холлоуэй. — Я думаю, что его электронный завод получит от нашей комиссии большой заказ.

— Мисс Гленн, вы пообедаете с нами? — спросил Рейнсфорд.

— Благодарю вас, но я должна отвезти Алмаза домой.

— А я обещал Пендарвисам забрать Пьеро и Коломбину, — сказал Хадра. — Сандра, какие у вас планы на вечер?

— Займусь домашними делами. Затем буду учить язык пушистиков.

— Может быть, вам помочь? — смущенно спросил Хадра. — Я говорю на их языке как заправский пушистик.

— Ну, если это вас не затруднит... — кокетливо ответила девушка.

Холлоуэй улыбнулся:

— Кого вы пытаетесь обмануть, мисс Гленн? Если вы думаете, что какому-то парню в возрасте Ахмеда будет хлопотно учить вас языку пушистиков, взгляните на себя в зеркало. Эх, мне бы скинуть десяток годков, так я бы сам занялся вашими уроками.

Пьеро и Коломбина нашли этот разговор слишком скучным для себя и, подкатив мяч к Хадре, скомандовали:

– Мек кикко!

Хадра ударил по мячу ногой, и тот, оторвавшись от земли, полетел на лужайку. Пушистики побежали за ним.

— Доктор Маллин говорил, что вы осматривали вместе с ним санаторий, — сказала Сандра.

— Да, это хорошее место, — ответил Холлоуэй. — Ты был там, Ахмед?

— Только в воздухе, — сказал Хадра. — Большая территория и используется только на десять процентов.

— Нам предложили здание, предназначенное для нервнобольных. Вокруг него — квадратная миля парка с добротной оградой. Так что пушистики не заблудятся и не потеряются. Мы можем разместить там до пятисот—шестисот малышей, и еще свободное место останется. Даже не знаю, сколько времени потребуется, чтобы заполнить все здание. Хотя через неделю там уже будет сто или сто пятьдесят пушистиков.

— В бюро опекунства уже зарегистрировано восемьсот семьдесят два заявления, — сказал Хадра. — Джек, когда ты собираешься возвращаться в лагерь?

— Послезавтра. Но прежде я хочу удостовериться, что строительные бригады начали работы в приемном центре. И, возможно, мне удастся найти какое-то количество «рациона». Я хочу разобраться с той кучкой спекулянтов, которые скупили весь ПР-3 и взвинтили на него цены.

Пушистики загнали мяч в кусты и никак не могли вытащить его оттуда. Сандра Гленн решила помочь им, и Бен Рейнсфорд пошел вместе с ней.

— Скорее всего это люди Хьюго Ингерманна, — сказал Хадра.

— Возможно. Скажи, ты узнал что-нибудь новое о Херцкерде и Новисе? И о пяти пушистиках?

— Клянусь, Джек, я начинаю думать, что Херцкерд, Новис и пять пушистиков залезли в преобразователь материи. Они бесследно исчезли.

— Вряд ли пушистиков успели продать до указа, который Бен объявил позавчера в теленовостях. После открытия нашего бюро все только и говорят о похищении и порабощении. И я не думаю, что кто-нибудь захочет покупать контрабандных пушистиков. Но если бандитам не удастся продать своих пленников, они постараются избавиться от них.

А каким образом? Вот этот вопрос и беспокоил Джека. Будь у преступников побольше мозгов, они бы отвезли пушистиков на континент Бета и выпустили там на сво-

боду. Но он боялся, что дело дойдет до убийства малышей. Отныне все знали, что живой пушистик мог дать на суде свидетельские показания.

— Мне кажется, эти бедняжки уже мертвы.

— А я так не считаю, — ответил Хадра. — Восемьсот семьдесят два заявления на сто пятьдесят предлагаемых пушистиков — это очевидный факт. Неудовлетворенный спрос породит контрабандный рынок. Знаешь, о чем я думаю, Джек? Тех пушистиков привезли не для продажи. Скорее всего банда похитителей — Херцкерд, Новис и кто-то еще — тренирует их для отлова других пушистиков. Как ты считаешь, это возможно?

— Думаю, да. Впрочем, наши крошки в лагере занимаются тем же. Знаешь, о чем говорит Маленький Пушистик, когда выманивает сородичей из леса? Он говорит, что Большие люди — хорошее приобретение. Любой пушистик, приручивший Большого, живет без всяких забот. И Больших людей много. Их хватит каждому пушистику. Да, Ахмед. Похоже, ты прав.

— У меня есть еще одна версия. Эта банда могла заключить сделку с капитаном какого-нибудь грузового корабля. Если они вывезут пушистиков с Заратуштры, их продажа принесет огромную прибыль. Слухи о наших малышах уже распространились по всем планетам, и теперь пушистиков можно продать где угодно — на Терре, Одине, Фрейе, Мардуке, Атоне, Бальдре и других планетах. Отныне этот бизнес доступен любому, кто может вывести свой корабль на орбиту Заратуштры. Главное, иметь небольшой космокатер для посадки на поверхность. Тогда можно не пользоваться космодромом Компании, которая осуществляет таможенный досмотр. До Гимли, ближайшей планеты, всего лишь месяц полета. То есть уже через два месяца корабль может вернуться за новым грузом.

— Космопорт! Вот почему Ингерманн так упорно копает под компанию «Заратуштра» и трубит о монополии на космические перевозки. Если у него появится собственный космопорт, то он...

— Займется контрабандой, — закончил Хадра. — И не только наркотиков и солнечников, но и пушистиков.

К ним подошли Рейнсфорд и Сандра Гленн. Девушка несла Алмаза на руках, за ней бежали Пьеро и Коломбина, а Флора и Фаун катили мяч. Джеку не терпелось поделиться с Рейнсфордом своей тревогой. Требовались новые законы, запрещавшие вывозить пушистиков с планеты.

Как жаль, что никто из них не подумал о такой возможности раньше.

«Надо поговорить об этом с Грего», — сказал себе Джек. Космодром Компании был единственным выходом в космос.

Линн Эндрюс выпрямилась, сняла очки и, положив их на стол, закрыла глаза. Остальные четверо мужчин и две женщины в халатах раздвигали в стороны хирургические лампы, увеличительные линзы, видеокамеры и передвижные столики с инструментами.

— Он не прожил бы и тридцати секунд, даже если бы родился в срок, — сказал один из мужчин. — Боюсь, что мы не узнали ничего нового об эмбриологии пушистиков. — Он был известным специалистом в своей области науки, но до сих пор имел дело лишь с эмбриологией людей. — Я проанатомировал около пятисот выкидышей и могу сказать, что ни один из них не выглядел так плохо, как этот.

— А какой он маленький, — добавила акушерка. — Я даже не могу поверить, что он соответствует шестимесячному человеческому плоду.

— Зато я могу, — возразил ей кто-то. — Во время суда мне довелось присматривать за пушистиком-детенышем, которого Джек Холлоуэй назвал Беби. Не думаю, что оплодотворенная яйцеклетка пушистика так уж сильно отличается от человеческой. По аналогии с последней она должна постоянно развиваться, однако в данном случае плод сформировался лишь на две трети. Причем с явно выраженным отклонением.

— Вот именно, доктор! С отклонением. А что, по-вашему, могло вызвать эту аномалию?

— Затрудняюсь сказать, коллега.

— Они приходят с северной части Беты. Разведка там велась только с воздуха. Мы не знаем, каков уровень радиации в их ареале обитания. А ведь этот показатель может дать нам готовый ответ. Я видел материалы о ядерных бомбардировках в эпоху Первой Федерации. После третьей и четвертой мировых войн Терра походила на жерло атомного реактора. Так вот, на тех фотографиях я встречал кое-что похуже, чем этот недоношенный плод.

— Вы правы, северные территории не изучены. Но военные обследовали их сканером. Если бы уровень радиации был достаточно высок, это давно бы заметили на базе Ксеркса.

— Черт побери! Пушистики могли зачать малыша на пятачке уранинита размером с ваш портфель...

— А если это результат химического воздействия? — предположила акушерка. — Какой-нибудь яд, попавший в пищу беременной самки?

— Талидомидные дети! — воскликнул кто-то. — Первый век между второй и третьей мировыми войнами! У беременных женщин, принимавших талидомид, происходило то же самое.

— Вы правы, коллега. Пусть этим займутся биохимики.

— Надо позвонить Крису Хонвельду, — сказал кто-то из присутствующих. — Еще не поздно, и он мог бы подъехать.

Пушистики не устраивали бесед за коктейлем. Это Большие любили сидеть за столом и делать большой разговор. Пушистики просто приходили к обеду и интересовались пищей, в зависимости от того, как прошла их охота. Поев, они резвились и играли до тех пор, пока не уставали, а позже собирались в группы и лениво болтали о том о сем перед сном.

В лесу все было по-другому. Когда солнце начинало спускаться в «дупло», пушистики искали безопасные места, где до них не могли добраться большие животные. Пока все спали, сбившись в кучу, один из них охранял покой остальных. Но здесь Большие отгоняли опасных хищников от лагеря, и если те подбирались слишком близко, убивали их бабахающей штукой. Никакой тебе опасности — живи и гуляй себе как хочешь. А еще у Больших имелся домик, который делал свет, и когда небо совсем темнело, в лагере становилось светло как днем. Всем пушистикам нравилось жить с Большими. У них было много новых вещей. Они делали веселые разговоры, и многие пушистики верили, что лагерь был сказочным хоксумитто, Чудесным Местом, о котором рассказывали их предки.

Но сегодняшний день был самым счастливым, потому что вернулся Папа Джек.

Маленький Пушистик достал свою новую трубку, которую Папа Джек привез ему из места, Где Много Больших Домов. Набив ее табаком, он вытащил маленькую зажигалку и засмеялся, когда некоторые новички из леса, сидевшие вокруг него, испуганно отпрыгнули в стороны. Они никогда не пользовались огнем, потому что видели,

как пламя сжигало деревья. И когда огонь появлялся в лесу, всем сразу становилось плохо. Но то был дикий огонь, а не пламя, приручённое Большими. Маленький Пушистик знал, что, если его не трогать руками и не отпускать на волю, оно никому не причинит вреда.

— Значит, завтра мы пойдем в другое место, и каждый из нас получит своего Большого? — спросил один из пушистиков. — У нас будут Большие друзья, как твой Папа Джек?

— Не завтра и не на следующий день. А вот когда, — ответил Маленький Пушистик, поднимая вверх три пальца. — Сначала надо будет лететь на штуке, которая шумит высоко-высоко, потом идти к такому месту, как это. И тогда к вам придут Большие и сделают большой разговор. Вы понравитесь им. Они полюбят вас и уведут с собой туда, где вы будете жить вместе с ними.

— В хорошие места, как это?

— Да, в хорошие места. Но не как это. У вас будут другие места.

— Мы не хотим уходить. Здесь лучше. Здесь много всяких штучек.

— Тогда не уходите. Папа Джек никого не прогонит. Но если вы захотите уйти, он найдет вам хороших Больших.

— А если они не будут хорошими? Если они нас станут обижать?

— Тогда к ним придут Папа Джек, Папа Джо'дж, Дядя Ахмед, Папа Ге'д и Дядя Панко. Они достанут бабахающую штучку, и плохие Большие получат за все! Бах, бах! Бабах!

Глава 14

Мира была раздражена.

— К вам мистер Данбар. Главный химик завода синтетических продуктов, — сообщила она таким тоном, будто Грего этого не знал. — У него какой-то пакет, и он говорит, что может передать его только вам в руки.

— Это мой заказ, Мира. Попросите его войти.

Малькольм Данбар торопливо вошел в кабинет, прижимая к груди картонную коробку. Очевидно, она и рассердила Миру. Данбар был руководителем отдела, а начальникам не полагалось носить пакеты и письма. Это мог бы сделать его посыльный.

Данбар положил коробку на край стола.

— Вот, мистер Грего, это первая пачка. Мы закончили химический анализ, и я могу сказать, что наш продукт тождествен тому образцу, который нам дали военные.

Виктор поднялся, обошел вокруг стола и вытащил из коробки светло-коричневую плитку. Отломив кусочек, он пожевал его и одобрительно кивнул. Как и настоящий продукт, тот имел слегка прогорклый, маслянистый и сладковатый привкус. И, конечно же, он вполне отвечал научным принципам диетологов, которые испокон веков считают, что еда для удовольствия — величайший грех. Если бы кто-то из людей потреблял эту дрянь в охотку, он прослыл бы великим чудаком. Но Pushisticus pushisticus Hollouеus были от нее просто в восторге.

— Вы уверены, что это можно есть?

Данбар обиженно поморщился:

— Боже мой! Неужели я мог бы принести для вашего пушистика непроверенный продукт? Клянусь, все сделано в строгом соответствии с инструкцией вооруженных сил Терранской Федерации. Основной наполнитель — пшеничная мука, которую используют на аргентинских фабриках синтетических продуктов и в диетических центрах Одина. Остальные компоненты представляют собой химически чистые, синтетические питательные вещества. У нас на заводе работает человек, который был инженером-химиком в одном из диетических центров Одина. Он лично исследовал все составные части и подтвердил их идентичность. Кроме того, мы проверили продукт на наших лабораторных животных: терранских хомяках и макаках, тилбрасах Тора и кхолфах Фрейи. — Он криво усмехнулся. — Кхолфам эта пища не понравилась, но она не повредила никому из них. Однако требовалась окончательная проба. И вот пару часов назад я сам съел целую плитку! Правда, чтобы избавиться от этого гадкого привкуса, мне пришлось выпить пинту виски, — добавил мученик науки.

— Хорошо. Вы меня убедили, что продукт пригоден к употреблению. К счастью, вся столичная популяция пушистиков играет сейчас у меня на террасе. Идемте, устроим дегустацию.

Алмаз, Флора, Фаун, Пьеро и Коломбина находились в комнате за кухней. В этот дождливый день, довольно редкий для Мэллори-порта, в саду было неуютно и сыро. Пушистики сидели на полу и складывали из цветных треугольников мозаичные узоры. Сандра Гленн читала книгу и вполглаза присматривала за ними. Заметив вошедших,

малыши вскочили, заулюкали, но, вспомнив о пушистикофонах, быстро достали их из-за поясов и закричали:

— П'ивет, Папа Вик!

Грего попытался им объяснить, что Папой Виком его может называть только Алмаз, а остальные — Дядей Виком. Но пушистики отказались делать какое-либо различие. Папа одного пушистика был Папой для всех.

— Папа Вик даст «пиэ'тьи», — сказал Грего. — Это новый «пиэ'тьи» и очень хороший.

Он положил коробку на пол, достал одну из плиток и, разломав ее на пять частей, раздал кусочки пушистикам. У малышей были хорошие манеры: Пьеро и Коломбина, получившие лакомство первыми, не приступали к еде, пока Виктор не вручил кусочки всем остальным. После этого каждый из них осторожно попробовал новый продукт. Они попробовали и скривили лица.

— Не хо'ошо, — заявил Алмаз. — Не пиэ'тьи. Мы хотил пиэ'тьи.

— Пнохо, — высказалась Флора и, выплюнув на ладошку кусочек, который держала во рту, понесла его к мусорному ящику. — Пиэ'тьи хороший, а этот — нет.

— Смот'ишь, пиэ'тьи. Кушаешь — не пиэ'тьи, — добавил Пьеро.

— Что они говорят? — спросил Данбар.

— Они говорят, что это не ПР-3. Они удивляются, как мы могли перепутать их любимую пищу с такой невкусной едой.

— Но послушайте, мистер Грего! Это ПР-3. Состав химически идентичен тому продукту, который они ели прежде.

— Пушистики ничего не смыслят в химии. Они знают только одно: с виду это похоже на «рацион-три», но по вкусу им не является.

— А на мой вкус, это настоящий «рацион»...

— Но вы же не пушистик, — напомнила ему Сандра.

Повернувшись к огорченным малышам, она объяснила им, что Папа Вик и другой Большой не хотели обидеть их. Они думали, что это хороший ПР-3.

— Папа Вик ошибся, — подтвердил Грего. — Папа Вик хотел дать настоящий «пиэ'тьи».

Он взял коробку, отнес ее на кухню и, открыв один из шкафов, достал ящик с настоящим ПР-3. У него осталась только дюжина банок. Пора было переходить на режим экономии. Виктор разрезал плитку на шесть частей, отло-

жил один кусок на ужин Алмазу и раздал остальное пушистикам.

Данбар все еще доказывал Сандре, что вещество, которое он принес, по всем химическим параметрам соответствует ПР-3.

— Малькольм, я вам верю, — с печальной улыбкой сказал Грего. — Но пушистикам плевать на химический состав. — Он посмотрел на этикетку банки. — Вы говорили, что один из ваших сотрудников работал в диетическом центре на Одине, верно? А ПР-3 нам поставляет аргентинская фабрика синтетических продуктов. Скажите, там, на Одине, они не добавляли в наполнитель местное зерно?

— Нет. Насколько мне известно, они используют земную муку. А аргентинцы применяют пшеницу, выращенную в пампасах и в Северной Америке... э-э... в долине Миссисипи.

— Совершенно разная почва, другие бактерии. О, черт! Да возьмите, к примеру, табак. Мы выращиваем его на всех колонизированных планетах, и он везде имеет свой собственный уникальный вкус.

— А у нас есть ПР-3, выпущенный диетическим центром Одина? — спросила Сандра.

— Умница. Ставлю «пять» за хорошую идею. У нас он есть?

— Да, — ответил Данбар. — Мы импортируем «рацион» из Аргентины, а база Флота на Ксеркссе — с Одина.

— Но пушистики не видят в них никакого различия. Этому уже есть подтверждение. Джек Холлоуэй купил ПР-3 у нас, и тот понравился его пушистикам. Потом, когда они попали на Ксеркс, военные кормили их своим «рационом». А вы, случайно, не добавляли в продукт нашу местную пшеницу?

— Да, мы использовали муку, которую нам поставляет фабрика на континенте Гамма. Они выращивают какой-то южноамериканский сорт пшеницы.

— Итак, Малькольм, мы должны узнать, в чем тут дело. Проведите полное исследование, изучите это вещество и разберите его на молекулы. Кто наш лучший биохимик?

— Хонвельд.

— Подключите его к работе. В продукте есть какое-то отличие, которое улавливают пушистики. И еще один вопрос. Вы говорили, что ваша смесь изготовлена по инструкциям военных.

— Да, она полностью отвечает всем стандартам. И это подтвердила проверка госконтроля.

— На Ксерксе у Напье имеются большие запасы ПР-3. Он не дает их нам, потому что это неприкосновенный запас на случай критической ситуации. Но если мы обменяем ваш продукт на несколько его контейнеров...

— Да вы совсем свихнулись на этом! — закричал директор завода синтетических продуктов. — Пушистики едят ПР-3 не день и не два! Это их любимая пища! И если они не желают потреблять ваш продукт, значит, он просто не является «рационом».

— Послушайте, Эйб! Я вам клянусь, что это «рацион-три»! Мы в точности воспроизвели его химический состав. Спросите у Джо Веспи! Он работал в диетическом центре на Одине и знает...

— Я это подтверждаю, мистер Фич. Все этапы процесса повторяют технологию Одина. Насколько я помню...

— Насколько вы помните? — злорадно воскликнул Фич. — Значит, вы могли что-то и забыть?

— Да что вы, мистер Фич. Взгляните, вот схема. Мука, наш основной наполнитель, идет вот сюда, к этим пресс-печам...

Доктор Ян Кристиан Хонвельд не скрывал раздражения. Он был известным ученым, а Виктор Грего, обычный бизнесмен и администратор, пытался навязать ему какое-то задание.

— Мистер Грего, вы должны понять, что у меня сейчас слишком много работы. Доктор Эндрюс, доктор Рейнир и доктор Досихара попросили меня выяснить биохимическую причину преждевременных и дефективных родов среди пушистиков. Вы же требуете, чтобы я бросил все это и узнал, почему пушистики предпочитают одну пачку ПР-3 другой. В нашем городе есть оружейный мастер, у которого на двери мастерской висит табличка с надписью: «В сутках двадцать четыре часа, и только один из них мой!» Иногда мне хочется повесить такую же табличку на двери моей лаборатории. — Он нахмурился и, помолчав несколько секунд, спросил: — Мистер Грего, а вам не приходило в голову, что решение проблемы может корениться во вкусовом восприятии пушистиков? Мне кажется, ваши алхимики с завода синтетических продуктов должны учесть этот фактор.

— Я убежден, что пушистики со своим чувством вкуса заткнут за пояс самых лучших дегустаторов Галактики. И все же вряд ли их восприятие сравнится с точностью ваших химических анализаторов. Если пушистики отличают продукт нашего завода от «рациона», изготовленного в Аргентине, мы должны найти причину этого различия. Доктор, я не знаю, кто мог бы справиться с такой задачей лучше вас. Вы наша последняя надежда.

Доктор Хонфельд высокомерно хмыкнул и на миг прикрыл ладонью лицо. Ему польстили последние слова, но он не хотел показывать это своему собеседнику.

— Хорошо, мистер Грего. Я сделаю все, что смогу...

Глава 15

«Я должна быть очень ласковой с доктором Маллином. Я должна быть приветливой и учтивой. Я должна понравиться ему...»

Рут ван Рибек мысленно повторяла эти фразы, словно записывала их в сотый раз на воображаемой классной доске. Воздушный бот, снижая высоту и пролетая над городом, пронесся мимо небоскреба Компании и оставил слева широкое, похожее на бочку, здание Верховного суда. Впереди показалась территория санатория. Среди парка виднелись маленькие белые коттеджи.

Последний раз Рут встречалась с Маллином во время суда. Но даже тогда она старалась говорить с ним как можно меньше. Отчасти это было вызвано жестокостью опытов, которые он проводил над четырьмя пушистиками. Панчо Айбарра однажды сказал, что Рут, кроме всего прочего, испытывает вину за предательство Компании. Какая чепуха! Она выполняла секретное задание. И только это помешало ей уйти тогда из компании «Заратуштра». Она вообще не чувствовала никакой вины. Да и чего там было стыдиться...

— Я должна быть любезной с доктором Эрнстом Маллином, — сказала она вслух. — Проклятье, мне предстоят чертовски трудные деньки.

— Мне тоже, — ответил ее супруг, сидевший рядом. — Но и Маллину придется быть учтивым с нами. А ведь он помнит, как мой пистолет упирался ему в спину в тот день, когда убили Златовласку. Я думаю, он чувствовал, как мало мне было надо, чтобы нажать на курок.

— Панчо утверждает, что Маллин исправился.

— Панчо видел его недавно. Возможно, он и прав. Во всяком случае, Маллин помогает нам, а мы сейчас нуждаемся в любой поддержке. Кроме того, Ахмед Хадра и миссис Пендарвис не спускают с него глаз, так что ему не удастся навредить пушистикам.

Малыши, столпившиеся на грузовой палубе, возбужденно уикали. На огромном экране фронтального обзора они видели парк и площадку, куда спускался бот. Об этом месте им рассказывали Папа Джек и Папа Герд, Дядя Панко и Маленький Пушистик. Именно сюда за ними придут хорошие Большие, чтобы забрать в прекрасные места, где их ждет безмерное счастье.

Рут надеялась, что большинство из них не будет разочаровано. Ей очень хотелось, чтобы все пушистики остались довольны своими опекунами.

Воздушный бот приземлился на площадку из стеклобетона, расположенную неподалеку от здания. Само строение выглядело довольно неплохо. Его построили для содержания душевнобольных, но оно никогда не использовалось по назначению. По крайней мере, так говорил Джек. На каждом из четырех этажей имелась открытая терраса, а на крыше находился декоративный сад. Крыша и террасы были оборудованы высокими решетчатыми оградами, установленными для того, чтобы уберечь пушистиков от падения с высоты. Вокруг зеленели деревья и кусты — настоящий рай для маленького лесного народа.

Их уже ожидала группа встречающих. Они помогли пушистикам спуститься на землю и проводили их в здание. Рут поздоровалась с миссис Пендарвис, с которой была давно дружна, кивнула Сандре Гленн, рыжеволосой красавице, присматривавшей за пушистиком Грего, и подошла к Ахмеду Хадре, чей новый штатский костюм слегка оттопыривался под мышками. Гостей обступили с десяток других людей, которых она знала по школьному департаменту и комиссии по делам несовершеннолетних. Затем к ней приблизился Эрнст Маллин. Одетый в черный деловой костюм, он выглядел напыщенным педантом. «Я должна быть с ним милой и обходительной...» Рут протянула ему руку:

— Добрый день, доктор Маллин.

Возможно, Герд прав, и она действительно чувствует вину за то, что обманула его доверие. Возможно, вся ее ненависть к Маллину возникла только для того, чтобы как-то оправдать себя.

— Добрый день, Рут... э-э... доктор ван Рибек, — поправился он. — Может быть, проведем наших питомцев в столовую?

Он кивнул на полторы сотни пушистиков, которые, возбужденно уиикая, бродили по просторному холлу. Рут не поверила своим ушам. Маллин назвал их «нашими питомцами». Наверное, он тоже решил казаться милым и обходительным.

— Мы приготовили для них праздничный обед. С рационом-три. Ну и, конечно, с раздачей игрушек.

— Где вы достали рацион? — спросила Рут. — За последнюю неделю нам не удалось получить ни крошки.

Маллин подарил ей одну из своих редких загадочных улыбок.

— Мы привезли его с Ксеркса. Компания приступила к производству ПР-3, но, к сожалению, наш продукт не понравился пушистикам. Нам пока не ясны причины несоответствия, поскольку химический состав воспроизводился по уже разработанной формуле. Тем не менее наш рацион прошел проверку госкомиссии, и мистер Грего, переговорив с коммодором Напье, обменял изготовленный продукт на запасы военных. Теперь у нас имеется около пяти тонн ПР-3. Скажите, сколько вам надо для лагеря Холлоуэя? Две тонны вас устроят?

Хватит ли им пары тонн?

— Я даже не знаю, как вас благодарить, доктор Маллин! Конечно, это нас устроит. В данный момент мы даем пушистикам по четверти плитки через день.

«Я должна быть с доктором Маллином очень и очень обходительной!»

— А почему им не понравился продукт, который начали выпускать на вашем заводе?

— Мы и сами пока не знаем. Мистер Грего был просто вне себя. Производственный процесс выверялся до мельчайших деталей...

Когда Малькольм Данбар включил экран, на нем появилось лицо доктора Хонвельда. Ян Кристиан Хонвельд не стал тратить время на приветствие и другие излишества.

— Кажется, что-то вырисовывается, мистер Данбар. В образцах с Одина и Терры имеется один компонент, который отсутствует в вашем продукте. Он не относится к питательным веществам, витаминам и гормонам, входящим в формулу. И насколько мне известно, он не

синтезировался ни в одной коммерческой или экспериментальной лаборатории. Это очень сложная и длинная цепочка органической молекулы. В основном она состоит из кислорода, водорода и углерода, но в ней присутствуют несколько атомов титана. Если вашим пушистикам не хватает именно ее, то я могу сказать, что их вкусовое восприятие несравненно тоньше, чем у любых других разумных и неразумных существ Галактики!

— Черт! Наверное, так оно и есть. Я своими глазами видел, как они с отвращением выплевывали наш ПР-3, а потом едва не визжали от восторга, когда мистер Грего дал им аргентинский продукт. Как много этого неизвестного компонента содержится в ПР-3?

— Около одной сотой процента, — ответил Хонвельд.

— А титана?

— Пять атомов из шестидесяти четырех в молекуле.

— Действительно тонкий вкус. — Данбар на мгновение задумался. — Полагаю, все дело в пшенице. А остальные ингредиенты синтезированы точно?

— Более-менее, мистер Данбар, — покровительственно ответил Хонвельд. — Во всяком случае, так будет записано в моем заключении.

— У нас имеется небольшой запас металлического титана. Это старые фабричные пресс-формы, которые мы заменили на стальные. Скажите, доктор Хонвельд, вы могли бы синтезировать эту молекулу?

Ян Кристиан Хонвельд посмотрел на Данбара с неприкрытым презрением:

— Конечно, мог бы. За полтора-два года. Но насколько я знаю, вы производите этот продукт лишь для того, чтобы восполнить его нехватку в первые шесть месяцев, пока ПР-3 не начнет поступать на Заратуштру с Мардука. Так что, если мистер Грего не даст мне прямого указания, я не буду тратить на вас свое драгоценное время.

Конечно, все закончилось вечеринкой с коктейлями. Где бы ни появлялись терране, они всегда первым делом сажали табак и кофе, чтобы дополнить свой завтрак сигаретой и бодрящим напитком. На какие бы планеты ни прилетали их корабли, терране всегда находили продукты, из которых можно было изготовить спирт, чтобы ежедневно в семнадцать тридцать начинать традиционный час коктейлей. Аборигены Локи, Гимли и Тора и даже Шеши и Уллера считали это религиозным ритуалом пришельцев.

А впрочем, так оно и было.

Сделав маленький глоток, Герд ван Рибек на мгновение отвлекся от общей беседы и прислушался к тому, о чем говорили его жена, Клодетт Пендарвис, Эрнст Маллин, Ахмед Хадра и Сандра Гленн.

— Мы хотим подержать пушистиков в этом здании до конца недели и только потом отдать их людям, — сказала супруга главного судьи. — Рут, не могли бы вы остаться на пару дней и объяснить малышам, что ожидает их в новых домах?

— И вы должны прочитать курс лекций будущим опекунам, — добавила Сандра Гленн. — Например, о том, как надо обращаться с пушистиками. И еще мы могли бы по вечерам преподавать им язык.

— А мне хотелось бы передать несколько пушистиков санаторию, чтобы они навещали больных, — смущенно сказал доктор Маллин. — Я думаю, это понравилось бы пациентам. Вы же знаете, у них тут мало развлечений.

Да, подумал Герд. Эрнст Маллин изменился. Раньше он не думал о важности развлечений и не проявлял такой заботы о других. Неужели его научили этому пушистики?

За столом Герда сидели несколько служащих из научного центра и отдела общественного здоровья. Одна женщина, гинеколог, поинтересовалась, что сумел обнаружить Крис Хонвельд.

— А что он мог обнаружить? — ответил ей патолог Рейнир. — У него имеется только один образец, и вряд ли по нему можно о чем-либо судить. Скорее всего причина аномалии заключена в метаболизме матери. Мои коллеги предположили влияние радиоактивности, но облучение могло привести лишь к отдельному случаю, а, насколько мы знаем, деградация плода уже стала характерной особенностью этой расы. Думаю, нам следует акцентировать внимание на диетических пристрастиях пушистиков.

— Например, на сухопутных креветках, — добавил кто-то. — Мне говорили, что их поедают только пушистики. Это правда, Герд?

— Да. До открытия пушистиков мы считали, что сухопутные креветки вообще не имеют естественных врагов. Но, изучая наших маленьких друзей, Рут и я убедились, что они не едят плохую или вредную для них пищу.

— Да, они не потребляют того, что может вызывать боль в животе или голове. В этом случае пушистики улавливают прямую связь. Но они не могут осознать причину

аномальных родов, которые мы сейчас исследуем. И посмотрите, выкидыши стали для них такими привычными, что уже не вызывают у пушистиков опасений. Возможно, нам действительно стоит присмотреться к сухопутным креветкам.

— Конечно. Давайте поручим это Крису Хонвельду.

— Только просите его об этом сами. Или пусть лучше с ним поговорит Виктор Грего. Его-то Крис не выбросит из своей лаборатории. Когда Хонвельд слышит о пушистиках, он выходит из себя.

— Одного утробного плода недостаточно. Нам необходим дополнительный материал. У нас здесь сто пятьдесят пушистиков, и мы должны...

— Изолировать всех беременных самок. Надо попросить миссис Пендарвис не раздавать их пока...

— ...проведем несколько операций...

— ...посредством микрохирургического вмешательства удалим оплодотворенную яйцеклетку...

У Герда, Рут и Джека Холлоуэя даже в мыслях такого не было, когда они везли пушистиков в Мэллори-порт. Но они понимали: если не сделать что-то сейчас, через несколько поколений на планете вообще не останется пушистиков. И даже если некоторые из них пострадают в ходе экспериментов...

А ведь если бы не убийство Златовласки, пушистиков, возможно, до сих пор не признали бы разумными, подумал Герд.

— Титан? — переспросил Виктор Грего. — Как интересно.

— Неужели это все, что вы можете сказать? — возмутился с экрана Данбар. — Мне его слова показались настолько невероятными, что я провел личное расследование. Оказалось, что титана на Заратуштре так же чертовски мало, как кальция на Уллере. Он присутствует, но его почти нет. Держу пари, что в наших пресс-печах было больше титана, чем на всей планете, пока семь лет назад мы не заменили их на стальные.

Конечно, Данбар преувеличивал. Титан на планете был — это факт. Однако его не могли извлечь каким-либо выгодным методом. Все, что на других планетах делалось из титана, на Заратуштре приходилось изготавливать из легких сплавов и стали. В пшенице, выращенной на Земле или Одине, титан мог присутствовать в виде следов, но в злаках Заратуштры отсутствовал напрочь.

— Похоже, мы зашли в тупик, — констатировал Грего. — Так вы считаете, что Крис Хонвельд может синтезировать эту молекулу? Если мы добавим ее к другим составным частям...

— Он сказал, что ему понадобится на это от шести месяцев до года. Он согласен приступить к работе только в том случае, если вы дадите ему категорический приказ.

— К тому времени у нас будет столько «рациона», сколько потребуется. А до тех пор пушистики, включая и моего, как-нибудь обойдутся без ПР-3.

Он отключил экран, прикурил сигарету и взглянул на глобус Заратуштры, который Генри Стенсон вновь синхронизировал с реальным временем. Сандра Гленн уехала в новый центр опекунства и должна была вернуться через час. Алмаз гостил у друзей в резиденции губернатора. Лесли сообщил, что не придет сегодня на коктейль. Он планировал отправиться на континент Эпсилон, чтобы переговорить с нужными людьми о делах, которые нельзя было обсуждать по видеосвязи. Бен Рейнсфорд наконец-то объявил о выборах делегатов на конституционное собрание, и они хотели провести туда своих кандидатов. Все шло к тому, что вечерний коктейль Грего придется пить лишь с шефом компании «Заратуштра», то есть с самим собой. Как жаль, что рядом не было хорошего собеседника.

Титан, подумал он с раздражением. Вот где коренилась разгадка проблемы. Как же они называют этот металл? Ах да, нимфоманиакальным. При нагреве он может соединяться с другими веществами. Внезапно Виктор остановился посреди кабинета и прикрыл глаза. Его осенила идея. Обдумав ее, он бросился к видеофону и набрал код доступа на монитор Данбара.

Данбар ответил только через несколько минут. Он появился на экране в плаще и шляпе.

— Я уже собрался уходить, мистер Грего.

— Вижу. Скажите, этот парень, Веспи, который работал на Одине... Вы можете его позвать?

— К сожалению, нет. Он уехал с работы двадцать минут назад, и я не знаю, где его искать.

— Не беда. Поговорим с ним завтра утром. Послушайте, Малькольм, из чего сделаны ваши пресс-печи и формы?

— Из легкой нержавеющей стали местного производства. А что такое?

— Узнайте у Веспи, какие печи использовались на диетической фабрике Одина. Не будем предугадывать ответ, но, возможно, они были сделаны из титана.

Глаза Данбара расширились. Он тоже слышал о химической нимфомании титана.

— Я знаю, что они используют титановые жернова. И на аргентинской фабрике тоже. Послушайте, давайте я позвоню в полицию, и они за полчаса отыщут нам Джо.

— Не беспокойтесь. Это дело может подождать и до утра. Сначала я хочу провести небольшой эксперимент.

Он отключил экран и вызвал Миру Фалладу. Та никогда не уходила с работы раньше Грего.

— Мира, позвоните на склад и закажите пять фунтов чистой пшеничной муки. Только обязательно убедитесь, что она смолота из местного зерна. Пришлите ее в мои апартаменты через пятнадцать минут.

— Через пятнадцать минут прислать вам муку? — переспросила секретарша. — А зачем она вам нужна? Для маленького чудовища? Будет сделано, мистер Грего.

Ощутив азарт исследователя, он забыл о коктейле, который хотел разделить с управляющим «Заратуштры». Намечалось важное дело, и выпивка могла подождать.

Когда Сандра Гленн привела Алмаза в его комнату, из кухни донесся грохот. Она открыла дверь и заглянула туда. Пушистик раздвинул ее колени и тоже уставился на то, что происходило в небольшом помещении. Мистер Грего, стоя у плиты, варил какую-то смесь в помятой кастрюле, которую Сандра никогда прежде не видела. Он оглянулся и сказал:

— Привет, Сандра. Привет, Алмаз. Возьми пушистикофон, а то у Папы Вика нет наушников.

— Что деять Папа Вик? — спросил Алмаз.

— Я тоже хотела бы это узнать.

— Сандра, скрестите ваши пальчики. Когда эта штука будет готова и охлаждена, мы дадим ее Алмазу и посмотрим, понравится ли она ему. Думаю, нам удалось решить проблему с ПР-3.

— Пиэ'тьи? Ты деять пиэ'тьи? — закричал пушистик. — Настоясий? Не как тот пнохой?

— Попробуешь — узнаешь, — ответил Папа Вик. — А заодно и нам все расскажешь.

— А что это? — спросила Сандра.

— Хонвельд обнаружил элемент, который отсутствовал в нашем рационе-три.

В университете она изучала лишь курс общей химии, и поэтому объяснение Грего показалось ей немного путаным. Тем не менее Сандра уловила идею. ПР-3 нравился пушистикам только в том случае, если его выпекали в титановых формах.

— Эта кастрюля сделана из титана. Я привез ее с Земли.

Помешав еще раз белую массу, Грего снял кастрюлю с печи, обжег пальцы и выругался. Одним словом, он вел себя так, как и любой мужчина на кухне.

— Теперь подождем, пока остынет...

Алмаз понюхал его стряпню и сразу же захотел ее отведать. Грего с трудом уговорил пушистика немного подождать. Взявшись за предательски ненадежные ручки, Сандра отнесла кастрюлю в комнату Алмаза, и мистер Грего наполнил тарелку малыша густой остывшей кашей. Пушистик осторожно попробовал ее на вкус и вдруг яростно замахал ложкой, запихивая кашу в рот.

— Да вы просто гигант мысли, — сказала Сандра. — Смотрите, ему действительно понравилось.

Алмаз расправился с кашей и выразительно взглянул на воспитательницу.

— Тебе понравилось? — спросила она. — Ты хочешь добавки?

— Дайте ему оставшуюся кашу. Сейчас я позвоню доктору Яну Хонвельду и предложу ему небольшой эксперимент. Кстати, мисс Гленн, вы не могли бы оказать мне одну любезность? Может быть, выпьете со мной бокал коктейля?

Джек Холлоуэй засмеялся:

— Так вот в чем дело! И кто же это обнаружил?

— Мне сообщил об этом Маллин, а ему рассказал Виктор Грего, — ответил Герд, улыбаясь с экрана. — Они уже начали демонтировать формы из нержавеющей стали и устанавливать вместо них титановые. Джек, а в лагере есть какая-нибудь титановая посуда?

— Нет, у нас все из стали. Хотя, возможно, подойдет листовой титан, из которого сделаны мой дом, навес и старый ангар. Что-нибудь придумаем. — Он помолчал несколько секунд, а затем улыбнулся: — Мы не будем варить пищу в титановой посуде, Герд. Мы будем варить титан в

их еде. Нарежем его кусками и положим в кастрюли. Должно сработать, верно?

— О, черт! — воскликнул Герд. — Я бы до такого не додумался. Могу поспорить, что в нашем лесу ты самый умный и сообразительный мужик.

Доктор Ян Кристиан Хонвельд был раздражен, разочарован и смущен, но более всего, конечно, возмущен.

Ему повезло открыть доселе неизвестное биохимическое вещество в одном из самых изученных продуктов — «рационе-три», который давно и в больших количествах поступал на рынки Галактики. Он прекрасно понимал, почему эту молекулу не обнаружили до него: она являлась побочным эффектом производственных процессов. А поскольку продукт считался безвредным и питательным для людей и других существ со сходной биохимией и метаболизмом, никто его не исследовал как положено. Науке просто повезло, что маленькие создания, признанные нынешней властью разумными, эмпирически обнаружили отсутствие этого ингредиента в плитках местного рациона. Впрочем, подобное случалось довольно часто. Доктор гордился своей работой и хотел назвать открытое вещество хонвельдином. Он даже мог бы синтезировать его в течение года, о чем и говорил не раз своим коллегам по научному центру.

А что же вышло? Его молекулу синтезировали, если так можно выразиться, за один день. И сделал это дилетант, рядовой любитель, абсолютный профан в вопросах биомолекулярной химии. Причем не в лаборатории с новейшим оборудованием, а на кухне, с помощью старой помятой кастрюли!

Но худшим оказалось то, что этим дилетантом оказался его работодатель. А от слов Виктора Грего просто так не отмахнешься. Во всяком случае, научный сотрудник компании «Заратуштра» не мог позволить себе такого удовольствия.

Ну ладно. Грего выяснил что хотел. Теперь об этом можно не тревожиться. У Хонвельда имелась другая важная работа: доскональное и долгосрочное изучение различий между биохимическими процессами Терры и Заратуштры. Пусть и небольшие, они тем не менее существовали, и он хотел исследовать их с помощью совершенных научных методов.

Но его продолжали гонять, как зайца, наседая с расспросами о детской смертности и аномальных родах у пушистиков. Никто даже не знал, существуют ли эти проблемы на самом деле, но его упорно лишали покоя и сна. А что он мог сделать при отсутствии материала? У него и был-то один шестимесячный плод, который привезла Линн Эндрюс. Да еще куча недоказанных теорий Герда ван Рибека. И вот теперь всем вдруг захотелось узнать, а не являются ли причиной аномальных родов сухопутные креветки. Кошмар! Имея на руках один случай и тысячу гипотез, они уже делали выводы. А ведь для этого требовались годы наблюдений, сотни идентичных случаев, неисчислимые анализы для подтверждения каждого нюанса проблемы...

Доктор поднялся с кресла и медленно прошелся вдоль лабораторных столов, за которыми работали его десять помощников. Восемь из них занимались новыми проектами, возникшими после того, как юный Герд ван Рибек, ткнув пальцем в небо, отвлек лучшие силы отдела от серьезных и плановых научных исследований.

Хонвельд остановился у стола, за которым работала молодая женщина.

— Мисс Тресса, неужели вам так трудно держать свое рабочее место в чистоте и порядке? — раздраженно высказался он. — У каждой вещи должно быть свое место. Чем вы тут занимаетесь?

— У меня имеются некоторые предположения относительно хокфусина.

Предположения! Подумать только! Они поразили весь научный центр. Тысячи догадок и предположений, и ни одной достаточно здравой теории.

— Ах, простите. Я имела в виду соединение с добавками титана. Это название предложил мистер Грего — от слов «хоксу фуссо» — «прекрасная еда». Так пушистики окрестили рацион-три.

Хокфусин! Ну и ну! Эти дилетанты вносят в научную терминологию слова каких-то пушистиков.

— На какое-то время вам придется забыть о своих «предположениях», — с язвительной улыбкой сказал Хонвельд. — У беременной самки, за которой сейчас ведется наблюдение, взято много анализов: ткани, кровь, органические вещества, моча и гормоны. На мой взгляд, во всем этом не больше смысла, чем в ваших «предположениях», но нас попросили представить результаты обследования анализов

в исключительно сжатые сроки. Они всегда хотят все в сжатые сроки. Так что, милочка, убирайте хаос с вашего стола и приступайте к конкретному заданию. Я уже устал вам повторять, что первым достоинством любой научной работы является порядок.

Глава 16

Они сидели в гостиной Джека, которая выглядела почти так же, как в ту ночь, когда Герд ван Рибек, Рут и Хуан Хименес приехали сюда посмотреть на пушистиков. В то время они и подумать не могли, что эти маленькие существа лишат Компанию лицензии. За две недели, которые Рут и Герд провели в Мэллори-порте, в лагерь прибыло новое оборудование, внесшее некоторый беспорядок в уютную избушку Холлоуэя. Но здесь по-прежнему стояла та же крепкая и удобная мебель, сделанная Джеком, на полу лежали шкуры чащобного лешака и вельдбизона, а над скатанным в рулон постельным бельем располагалась оружейная полка.

Их снова было пятеро — как и в тот вечер, три месяца назад. А ведь казалось, что прошло три столетия. Хуан Хименес и Бен Рейнсфорд остались в столице, но их заменили Панчо Айбарра, устроившийся в одном из глубоких кресел, и Линн Эндрюс, сидевшая рядом с Рут на кушетке. Джек, откинувшись на спинку кресла за письменным столом, старался не дать Беби взобраться ему на голову. Посреди комнаты на полу играли взрослые пушистики. Они складывали мозаику, привезенную из Мэллори-порта. Семейство Джека объявило избушку «своим местом», и другие пушистики не вторгались на их территорию.

Джек был рад, что Рибеки привезли мозаику, а не детский набор для моделей молекул. За последние две недели он повидал этих моделей столько, что хватит на всю оставшуюся жизнь.

— Неужели мы ничего не можем сделать? — спросила Линн.

— К сожалению, не можем. Наша наука не в силах помочь пушистикам. Ученые Мэллори-порта уже отказались от каких-либо попыток. Они пока еще продолжают исследования, но только для того, чтобы написать научно обоснованную эпитафию для вымирающей расы.

— А нельзя ли как-то направить этот процесс в обратную сторону?

— Он необратим, — ответила Рут. — И проблема не в пище, не в среде обитания и не в каких-то внешних воздействиях. Во всем виноват гормон НФМп, выделяемый их организмом. Именно он и препятствует нормальному развитию зародыша. Мы не можем помочь им даже хирургическим вмешательством, так как ампутация железы, которая вырабатывает этот гормон, приведет к бесплодию.

— Но этот злобный гормон иногда не действует, — напомнил Джек, снимая Беби со своего плеча. — Например, нашему чертенку он не помешал родиться.

— Очевидно, выкидыши происходят в девяти случаях из десяти. Мы наблюдали за десятью беременными самками. Нормальным и здоровым родился только один пушистик. У остальных дело закончилось либо преждевременным отторжением недоразвитого плода, либо рождением мертвого детеныша, либо смертью родившегося младенца.

— И все-таки исключения есть, — сказала Линн. — Наш Беби и тот крошка пушистик в приемном центре. А мы не можем каким-либо образом увеличить число этих исключений?

— Столичные ученые изучают такую возможность, — ответил Герд, — хотя и без особого энтузиазма. Как и терранские гомо сапиенс, пушистики имеют менструальный цикл и особые ритмы оплодотворения. Мы предполагаем, что выбросы гормона НФМп тоже происходят циклично. Когда два этих цикла находятся в противофазе, рождается нормальный здоровый ребенок. Однако такое случается не часто. Таким образом, необходима индивидуальная коррекция менструального цикла в строгом соответствии с биоритмами каждой самки, но как ее осуществить, никто себе не представляет.

— И все же, Герд, я чувствую, что у этой задачи есть разгадка, — сказал Айбарра. — Конечно, мое «чувство» не стоит и гроша ломаного — я признаю свое невежество в данной области науки. Но если эти гормоны являются характерной чертой целой расы, они должны передаваться по наследству. А какая причина могла запустить в действие наследственную тенденцию к выкидышам, аномальному развитию плода и младенческой смертности? Ты можешь ответить на этот вопрос?

— Вряд ли. Нам не хватает информации. Мы ничего не знаем о расовой истории пушистиков и почти ничего — об истории Заратуштры. Предположим, что пятьдесят тысяч лет назад на планете обитали миллионы пушистиков,

а состояние окружающей среды в корне отличалось от нынешнего. Образование гормона НФМп помогало пушистикам выжить в том прошлом окружении и защищало внутриутробный плод от влияния какой-то природной составляющей, которая теперь исчезла. С течением времени окружающая среда изменилась: заморозки, ледниковый период, колебание уровня морей — да я могу придумать дюжину причин. Но, будучи адаптированными к первоначальным условиям, пушистики не смогли приспособиться заново. Мы наблюдали нечто подобное на каждой планете. Даже на Терре зарегистрированы сотни похожих случаев. Пушистики попали в генетическую ловушку, откуда никак не могут выбраться. А мы не в состоянии помочь им и вытащить их оттуда.

Ван Рибек взглянул на игравших малышей. Шесть радостных пушистиков передвигали разноцветные сегменты мозаики, создавая красивый симметричный узор. Они были счастливы в своем неведении.

— Узнав, сколько детей может иметь самка на протяжении жизни и сколько у нее бывает выкидышей, мы можем подсчитать примерную дату их исчезновения. Десять маленьких пушистиков, восемь маленьких пушистиков и, в конце концов, ни одного.

Маленький Пушистик решил, что Большие говорят о нем. Он поднял голову и оглядел людей.

— Но они же не исчезнут за несколько минут, — сказал Джек. — Думаю, эта компания переживет меня, а кто-то из пушистиков — и вас тоже. Надеюсь, они будут радовать людей еще пару миллионов лет. Нам просто надо относиться к ним так хорошо, как мы только можем. Давайте сделаем их по возможности еще счастливее... Да-да, Беби, забирайся папочке на голову, раз уж тебе так хочется.

Глава 17

Лучшим временем, которое телекомпания отвела для выступлений политических деятелей, считался период между двадцатью и двадцатью одним часом — период, когда люди отдыхали после ужина, готовили напитки для гостей или одевались для вечерней прогулки. Правда, это было немного поздновато для континентов Бета и Гамма, но западные Дельта и Эпсилон могли прослушать выступления при ночном повторе новостей, а восемьдесят процентов населения планеты проживало на континенте Альфа. До сих пор Хьюго Ингерманну не удавалось получать эфир

в такое время. Он всегда называл этот период заказным, потому что тут обычно шли лекции по уходу и питанию пушистиков или выступали члены Лиги гражданского правления, которой тайно управляли Лесли Кумбс и Виктор Грего. Об этом знали все, но никто не мог привести никаких серьезных доказательств. Хьюго даже ошалел, когда в телестудии кто-то свалял дурака и время с двадцати до двадцати одного часа досталось ему.

Из динамика доносился голос диктора:

«...Пользуясь правом демократического самоуправления и в силу решения Пендарвиса, каждый из претендентов выступит с обращением к гражданам колонии. Сейчас вы услышите речь почтенного Хьюго Ингерманна, организатора и лидера Партии благополучия планеты. Прошу вас, мистер Ингерманн».

Лучи софитов переместились и осветили фигуру Хьюго. Он приветственно помахал рукой и начал свое выступление:

«Мои... хм-м... друзья!..»

В груди Фредерика Пендарвиса росло холодное раздражение. Ингерманн обвинял бюро опекунства, которое было для судьи не просто абстрактной организацией, а детищем Клодетт, его супруги. Эта напыщенная ложь задевала Пендарвиса за живое, хотя ему как судье всегда полагалось сохранять невозмутимую беспристрастность. Вот почему, глядя на полного человека с вежливым лицом и большими голубыми глазами, сиявшими наигранной искренностью, судья Пендарвис перебирал в уме кандидатуры возможных секундантов. По примеру других планет гражданские законы Заратуштры разрешали проведение дуэлей, но судьям в них участвовать запрещалось. Однако самым худшим, на его взгляд, являлось то, что теперь, выступая в суде против Ингерманна, он будет получать намеки на предвзятое отношение и личную месть.

«А взять хотя бы это позорное анкетирование граждан, — продолжал Ингерманн. — Эту регистрацию, которая была пронизана своячеством, несправедливостью и предвзятостью. Бюро приняло тысячу двести заявлений и тут же отклонило двести из них на совершенно невразумительных и порой оскорбительных основаниях...»

— А именно: психическая или эмоциональная неустойчивость, неспособность содержать пушистиков и заботиться

о них, безответственность, плохой характер, неподходящие домашние условия, — с гневом перечислила Клодетт.

Пьеро и Коломбина играли на полу с лентой Мебиуса, которую им кто-то сделал из полоски бумаги. Они испуганно взглянули на Маму Клод, но затем, сообразив, что та обращается не к ним, а к сумасшедшему дяде на стенке, вновь вернулись к своим размышлениям о том, куда же девается вторая сторона полоски.

«Из оставшейся тысячи удовлетворено лишь триста сорок пять заявлений, хотя с момента открытия бюро в город завезли пятьсот шестьдесят шесть пушистиков. Сто семьдесят два заявителя получили по одному пушистику, сто пятьдесят пять — по два, а восемнадцать особо приближенных взяли себе восемьдесят четыре пушистика.

Все эти пушистики, почти без исключения, достались известным общественным и политическим деятелям — преуспевающим и богатым людям. Как вы могли и сами догадаться, простому человеку получить пушистика практически невозможно. Давайте посмотрим, а кто же они, эти люди, ставшие опекунами по так называемому закону о пушистиках. Между прочим, этот закон является не чем иным, как указом правителя, опирающегося на военных! Итак, первый ордер на опекунство был выписан... Угадайте кому? Виктору Грего! Руководителю теперь уже нелицензированной компании «Заратуштра». Следующая пара досталась мистеру Фредерику Пендарвису и его жене. А кем работает его жена? Да конечно же, главой вышеназванного бюро опекунства! А посмотрите на другие имена! Девять десятых из них являются служащими Компании!»

Оратор поднял руку, словно призывал к тишине в свисте и криках справедливого негодования.

«Я не хочу сказать, что наша власть погрязла в коррупции и взяточничестве. Я этого даже не предполагаю, но...»

— Проклятье! — рявкнул Пендарвис. — Тебе лучше действительно этого не предполагать! Иначе я не стану привлекать тебя за клевету. Я просто пристрелю тебя, ублюдок!

— Его обвинения беспочвенны, — спокойно сказала жена судьи. — Тем не менее мне придется прилюдно ответить на них. Я буду выступать перед народом в свидетельском кресле, под детектором лжи. А Хьюго Ингерманн никогда не осмелится сделать то же самое.

— Клодетт! — воскликнул потрясенный судья. — Ты собираешься выступить в теленовостях? Под детектором лжи?

— Да, в теленовостях! У людей не должно остаться никаких сомнений. Детектор лжи докажет мою честность, что будет достойным ответом на клевету. Пусть все увидят истину. Пусть все уличат настоящего лжеца.

«А кто платит за это безобразие? — вопрошал с экрана Ингерманн. — Вы думаете, правительство? Когда коммодор Напье навязал нам под дулом пистолета избранную им власть и своего губернатора, на счету нашей колонии в банке Мэллори-порта хранилось ровно полмиллиона солов. Но недавно правитель Рейнсфорд позаимствовал в Банковском картеле еще полмиллиарда! А как он собирается отдавать долг? Очень просто. Сформировав послушную ему законодательную власть, губернатор ограбит нас непомерными налогами! Но, может быть, вы хотите узнать, на что он тратит миллионы ваших денег? На проект, который позволит ему увеличить рождаемость пушистиков! В то время как они начнут плодиться для его друзей и покровителей, вы будете страдать от налогов, все больше погружаясь в пучину нищеты и отчаяния...»

— Черт побери, он же отъявленный лжец! — возмущенно воскликнул Виктор Грего. — Все научные исследования оплачивает Компания. Исключением являются только небольшие изыскания Рут ван Рибек, ее мужа, Панчо Айбарры и Линн Эндрюс, которые работают на Холлоуэя. Я должен объяснить эти факты нашим акционерам.

— А к чему приведет такая гласность? — поинтересовался Кумбс.

— Не забывай, что это ты у нас эксперт по политической борьбе. Так что ты думаешь, Лесли?

— Я считаю, что публикация некоторых данных поможет не только нам, но и Рейнсфорду. Однако мы должны оставаться в тени, чтобы не попасть под прямые удары. Я поговорю с Гасом Браннардом. Пусть это информация просочится в прессу через Джека Холлоуэя.

— Мне кажется, миссис Пендарвис тоже захочет сделать заявление. Ей известно истинное положение дел. Посоветуй ей рассказать об этом.

— Дядя гово'ить о пушистиках? — спросил Алмаз, зачарованно наблюдавший за Хьюго Ингерманном.

— Да. Но этот дядя не любит пушистиков. Он — плохой Большой. Тош-ки хагга. Папа Вик не дружит с ним.

— И Дядя Лесли тоже не дружит, — добавил Кумбс.

Ахмед Хадра презрительно выдохнул сигаретный дым в лицо на экране. А Хьюго Ингерманн продолжал свою речь:

«Ладно, если несколько политиков и служащих Компании забрали себе всех пушистиков, так почему бы им не заплатить за них? Им, денежным мешкам, а не нам, простым и честным гражданам планеты! И почему бы не назначить плату за право опекунства? Скажем, от пятисот до тысячи солов? Каждый, кто приобрел привезенных пушистиков, мог бы выплатить такую сумму без особых проблем. Деньги, полученные от этой акции, не только погасили бы часть издержек на содержание комиссии по делам пушистиков...»

Так вот к чему он вел! К оплате права опекунства! Черный рынок не мог конкурировать с бюро, которое раздает пушистиков бесплатно, но если бы оно назначило по пятьсот солов за каждого из них...

— Вот, значит, что ты хочешь, сын кхутхра? Конкурентоспособный рынок!

Глава 18

— Вы узнали об этом от одного из моих помощников! — догадался Ян Кристиан Хонвельд. — От Шарлотты Трессы?

Он сидел в кубической кабинке, расположенной в углу биохимической лаборатории, и через стеклянную перегородку за его спиной Хуан видел среди работающих людей своего информатора. Не обращая внимания на тон и манеры собеседника, доктор Хименес подрегулировал резкость экрана и бесстрастно произнес:

— Вы правы, доктор Хонвельд. Я встретил мисс Трессу на вечеринке у знакомых. Она и несколько других сотрудников нашего центра дискутировали о различных экспериментах, связанных с исследованием пушистиков. В ходе беседы ваша лаборантка обмолвилась, что нашла хокфусин или его возможный аналог в пищеварительном тракте сухопутной креветки. По ее словам, она доложила вам о своей находке неделю назад. Почему вы не сообщили об этом мне?

— Потому что не счел нужным, — огрызнулся Хонвельд. — Во-первых, она вообще не должна была работать

с сухопутными креветками и хокфусином. — При последнем слове он презрительно поморщился. — Ей полагалось выискивать гормон НФМп в том месиве кишок и прочей дряни, которую теперь везут в мою лабораторию со всей планеты. Во-вторых, мисс Тресса обнаружила лишь намек на присутствие титана, и, вероятнее всего, она сама загрязнила эту пробу. К слову сказать, я еще никогда не встречал такую беспечную и неаккуратную лаборантку. А в-третьих, — бушевал Хонвельд, — по какому праву вы опрашиваете за моей спиной сотрудников лаборатории?

— Вам нужен ответ на этот вопрос? Пожалуйста. Они не ваши лаборанты, доктор Хонвельд. Они такие же служащие Компании, как вы и я. Что касается биохимической лаборатории, то и она не является вашей частной собственностью. Это одно из подразделений научного центра, которым заведую я. А с моего места различие между вами и Шарлоттой едва заметно. Вам все понятно, доктор Хонвельд?

Ян Кристиан смотрел на Хименеса с таким испугом, словно в руке у того был пистолет. Хуан и сам немного испугался. Месяц назад он даже подумать не мог, что будет говорить со своим подчиненным подобным тоном — тем более с человеком намного старше его и с такой внушительной репутацией. Но, будучи руководителем научного центра, он знал, что в любой работе должен быть только один начальник.

— Я осведомлен о вашем внезапном продвижении, доктор Хименес, — язвительно ответил Хонвельд. — Через головы многих уважаемых людей.

— Включая и вашу. И теперь я знаю, почему вы не получили этот пост. Так вот, уважаемый коллега: биохимическая лаборатория должна выполнить порученную ей работу. Если вы не можете или не хотите делать ее, я без труда заменю вас на другого сотрудника.

— А что, по-вашему, мы можем сделать? Каждый лесничий и охотник компании отстреливает все, от чертовой скотины до простой землеройки, а затем тащит пищеварительные и воспроизводящие органы в мою лабораторию... Прошу прощения, я хотел сказать, в лабораторию нелицензированной компании «Заратуштра».

— Вы нашли в этом материале какой-нибудь след НФМп?

— Результаты отрицательные. У этих зверей нет желез, которые вырабатывали бы указанный гормон. Мои слова

может подтвердить любой ученый, знакомый со сравнительной анатомией млекопитающих.

— Тогда прекратите их изучение, а я прикажу остановить сбор образцов. Но обязательно повторите анализы сухопутных креветок. Я хочу знать, что же все-таки обнаружила мисс Тресса: настоящий хокфусин, его аналог или просто случайный след титана. Если это хокфусин, попытайтесь выяснить, каким образом он попадает в организм сухопутной креветки и в каких частях тела концентрируется. Кроме того, я предлагаю, а вернее, требую, чтобы мисс Тресса вела эту работу самостоятельно и лично докладывала мне о результатах опытов.

— Эрнст, что вы думаете о Крисе Хонвельде? — спросил Виктор Грего.

Маллин нахмурил брови — верный признак того, что, обдумывая серьезный вопрос, он взвешивал каждое слово.

— Доктор Хонвельд — выдающийся ученый. Его энциклопедические знания и непогрешимая память сочетаются с целеустремленностью и способностью прилагать огромные усилия в решении поставленных задач.

— Это все?

— А разве мало?

— Конечно. Компьютер тоже обладает такими качествами — причем в гораздо большей степени. Но он не сделает научного открытия и за сотню миллионов лет. Компьютер не имеет воображения. Как и доктор Хонвельд.

— Я допускаю, что воображения у него маловато. Но почему вы спрашиваете о нем?

— Хуан Хименес ведет с ним настоящую войну.

— Да, могу себе представить, — ответил Маллин. — Хонвельд имеет одну особенность, которая отсутствует у компьютеров: эгоизм. А на что вам жаловался Хименес?

— Да он мне вообще не жаловался! Переполошил весь научный центр, но так и не обратился за помощью к большому брату. Я получил эти сведения неофициально. Хуан поставил Хонвельда на место, и теперь тот поубавил свою спесь.

— Они решили проблему с гормоном НФМп?

— Нет, но висят у нее на хвосте. Им не ясна причина, по которой пушистики производят этот гормон. Его выделение каким-то образом связано с пищеварительной системой. А оттуда он попадает в кровь и половые клетки.

Пока из тридцати шести родов только три были нормальными.

С террасы донеслись голоса пушистиков и их веселый смех. Они говорили друг с другом через пушистикофоны, чтобы походить на хагга. Последняя когорта угасавшей расы.

Все это дело чертовски разрослось, чтобы приносить какое-то удовольствие, подумал Джек Холлоуэй. Месяц назад здесь были только Герд и Рут, Линн Эндрюс и Панчо Айбарра, Джордж Лант и его помощники, которых он переманил из полиции. Перед ужином они пили коктейли, ели за одним столом, болтали до поздней ночи, и каждый знал другого как свои пять пальцев. В ту пору в лагере было только сорок или пятьдесят пушистиков, не считая их собственных семейств.

А теперь Герд имел трех ассистентов. Рут забросила свою работу по психологии пушистиков и помогала мужу во всем, что бы тот ни делал. Но Джек чувствовал в этом какую-то нелогичность — вернее, несвоевременность. Панчо только тем и занимался, что совершал ежедневные рейсы в Мэллори-порт и обратно. В лагерь зачастил Эрнст Маллин, прилетавший сюда по крайней мере раз в неделю. Забавно, подумал Джек. Прежде он считал Маллина твердолобым трехмерным ублюдком, а теперь вдруг зауважал его и принял за своего. Однажды их навестил Виктор Грего. Он прилетал всего лишь на два дня, но успел всем понравиться. Нормальный мужик.

У Линн тоже появилась пара помощников. На ее попечении находились госпиталь, клиника и школа для пушистиков, где малыши изучали терранский язык, знакомились с пушистикофонами и странными обычаями хагга. В школе работали несколько добрых старушек, которых Рут переманила из столичных учебных заведений, но на самом деле там хозяйничали Маленький Пушистик, Ко-Ко, Золушка, Лиззи Борден и Диллинджер.

Джек уже не мог перебросить парой слов с Джорджем Лантом, потому что их кабинеты находились в противоположных концах огромного и длинного здания. Отныне двух друзей разделяло сто двадцать футов маленьких контор и комнат, забитых столами, деловыми бумагами, клерками-роботами и людьми, которые заправляли этим канцелярским адом. У него появилась секретарша, а у той тоже

была своя секретарша — или стенографистка? — черт бы их всех побрал.

Вошел Герд ван Рибек. Бросив шляпу на ящик с микрофильмами, он снял пояс с кобурой и положил его на соседний стул.

— Привет, старина. Какие новости?

Неделю назад Герд и Рут отправились в экспедицию по южным районам континента. Джек представил себе, как здорово им было в компании Комплекса, Суперэго, Доктора Криппена и Катастрофы Джейн, с ночевками в воздушном боте Герда или на сторожевых постах, которые Лант расставил вдоль кромки больших лесов.

— А я собирался спросить тебя о том же. Где Рут?

— Она, Суперэго и Комплекс пробудут неделю на киртлендских плантациях. Там собралось от пятидесяти до семидесяти пяти пушистиков. Рут помогает фермерам общаться с ними и наставляет малышей, чтобы не трогали побеги сахарного тростника. Жители Киртленда страдают от нашествия затку, и пушистики для них как бальзам на раны. Ну а что нового в Мэллори-порте?

— Они проверили почти всех животных, но так и не нашли в них этого жуткого гормона. Зато им удалось обнаружить кое-что интересное в сухопутных креветках.

— И только-то? — Герд уже слышал о находке Трессы. — Они уже выяснили, что это такое?

— Во всяком случае не хокфусин. Какая-то титановая соль, которую сухопутные креветки накапливают в себе, поедая мох, грибы и другие растения. Из тонны пищи они извлекают около десяти атомов титана. Соль откладывается в их кишечнике, и пушистики, переваривая сухопутных креветок, преобразуют ее во что-то еще. Мне прислали целый трактат на эту тему, но я понял только то, что в сравнении с титановой солью наш хокфусин дает гораздо лучший эффект. Ученые центра продолжают свои исследования.

— Будем считать, что, поедая затку, пушистики получают столь любимый ими титан. Но сухопутные креветки расплодились в таком большом количестве только этой весной. А что же пушистики ели раньше, когда жили на севере?

— Нам известно, что, кроме затку и пищи, которую мы им даем, они едят добытую на охоте мелкую живность, фрукты, яйца птиц, маленьких желтых ящериц и личинок.

— А что делают на северных территориях люди Пейна? Они якобы ищут ловцов пушистиков, но, мне кажется, таковых не существует.

— Десантники ведут воздушное патрулирование, фотографируют местность и составляют карты. Они сообщают, что севернее Барьера обитает множество пушистиков. По каким-то причинам те еще не начали миграцию на юг. Возможно, они еще не слышали, что в наших краях скопились полчища затку.

— Я собираюсь слетать туда, Джек. Мне хочется взглянуть на них и посмотреть, как они живут в естественных условиях.

— Только не сейчас. Подожди неделю, и я отправлюсь с тобой. Мне надо утрясти целую кучу дел. Завтра я отправляюсь в Мэллори-порт. Касагра отзывает Пейна, его людей и патрульные боты. Ты знаешь, чем грозит нам такое распоряжение.

Герд кивнул.

— Мы должны удвоить силы национальной полиции, иначе Ланту придется снять посты вдоль кромки больших лесов. Кроме того, надо вести воздушное патрулирование в сельскохозяйственных регионах и охранять пушистиков на севере.

— В принципе мы можем завербовать еще пару сотен человек. Но я не знаю, из каких средств выплачивать им жалованье. Комиссия уже сейчас использует бюджет следующего года. Но я постараюсь убедить Бена Рейнсфорда. Возможно, он выделит нам немного денег.

— Черт побери! Я не могу дать ему денег! — закричал Бен Рейнсфорд.

Он яростно запыхтел своей трубкой, выпуская клубы дыма, и лучи заходящего солнца окрашивали их в красный цвет.

Надо быть осторожным, подумал Бен. Если люди услышат, что он разговаривает сам с собой, то на следующий день в его резиденции, да и во всем Мэллори-порте только и будут говорить, что об обезумевшем губернаторе. Впрочем, тут было от чего сойти с ума.

Флора, Фаун и Алмаз строили маленькую беседку из деревянных штакетин, заготовленных садовником для изгороди цветника. Они вопросительно посмотрели на Папу Бена, но затем решили, что его крик к ним не относится, и вернулись к прежнему занятию. Солнце оседлало

горизонт. Небо теряло светлые тона, и пушистики хотели закончить работу до того, как совсем стемнеет. Им всегда не хватало времени — совсем как правительству Бена Рейнсфорда.

Да, времени не хватало. Компания «Заратуштра» дала ему лишь девяносто дней на приемку общественных служб, которые она больше не собиралась поддерживать. Половина из них уже перестала функционировать. Выборы делегатов на конституционное собрание должны были состояться через месяц, но он понятия не имел, как долго избранные делегаты будут спорить друг с другом, вырабатывая конституцию планеты. А сколько времени потом займет организация колониального законодательного органа? Сколько времени потребуется для подписания законов о налогах, на основании которых правительство сможет получать какие-то деньги?

Ах, как бы он хотел занять сейчас в Банковском картеле те полмиллиарда солов, о которых распинался Ингерманн. Позднее Хьюго пришлось уменьшить эту сумму до реальных пятидесяти миллионов и отказаться от преувеличенных заявлений по поводу бюро опекунства. Тем не менее народ еще верил его первоначальным утверждениям и не обращал внимания на последующие опровержения. К тому же пятьдесят миллионов означали для людей огромную сумму. Они и понятия не имели, в какой нужде находилось правительство планеты. Впрочем, Бен и сам не ожидал, что понадобится такая уйма денег.

Взять хотя бы комиссию по делам аборигенов. Они с Джеком считали, что для ЗСОА вполне достаточно ста пятидесяти человек. Теперь стало ясно, что людей не хватит, даже если их будет втрое больше. Два месяца назад они думали, что ван Рибеки, Линн Эндрюс и Панчо Айбарра проведут все необходимые исследования и эксперименты. Теперь над этим работали научный центр и госпиталь Мэллори-порта. Финансировавшая их компания «Заратуштра» могла потребовать от правительства компенсации. Вопреки всем ожиданиям бюро опекунства забрало столько денег, сколько первоначально планировалось истратить на комиссию по делам аборигенов.

И все-таки ему удалось кое в чем помочь старине Холлоуэю. Алекс Напье согласился, что защита аборигенов на планетах четвертого класса входит в функции вооруженных сил. Он приказал Касагре вернуть пятьдесят отозванных десантников и прибавить к ним два десятка новых.

Внезапно пушистики прекратили строительство беседки и повернулись к Бену. Алмаз схватил пушистикофон и закричал с удивлением и восторгом:

— Папа Вик! Иди сюда! Смот'и, что мы деять!

Флора и Фаун радостно выкрикнули приветствия. Бен поднялся и, обернувшись, увидел коренастого мужчину, которого он знал только по телепередачам и газетным статьям. До сих пор он избегал с ним личных встреч.

Виктор Грего поздоровался с пушистиками и, кивнув Бену Рейнсфорду, сказал:

— Добрый вечер, губернатор! Извините за вторжение, но мисс Гленн взяла сегодня выходной, и мне пришлось самому заехать за Алмазом.

— Добрый вечер, мистер Грего, — ответил Бен, удивляясь, что не испытывает к незваному гостю никакой враждебности. — Не могли бы вы немного подождать? У них важный проект, и они хотят закончить его до наступления темноты.

— Хорошо, я подожду.

Грего немного поболтал с пушистиками на их языке и выслушал небольшой рассказ о строительстве беседки.

— Ах вот как! Тогда не буду вам мешать.

Пушистики снова приступили к делу. Рейнсфорд и Грего сели в шезлонги, и Виктор закурил. Бен искоса посматривал на главу нелицензированной компании «Заратуштра», а тот наблюдал за работой пушистиков.

Нет, это не мог быть Виктор Грего, подумал Рейнсфорд. «Виктор Грего» олицетворял собой черное зло и безжалостный эгоизм. А этот вежливый и учтивый джентльмен любил пушистиков и заботился о своих сотрудниках.

— У мисс Гленн свидание с капитаном Хадрой, — сказал Грего, стараясь завязать разговор. — Уже пятое за последние две недели. Боюсь, что после их свадьбы я лишусь хорошей воспитательницы для Алмаза.

— Возможно, вы правы. У них довольно серьезные отношения. Если дело дойдет до свадьбы, она получит хорошего мужа. Я знаю Ахмеда давно. Мой лагерь на континенте Бета располагался рядом с его полицейским постом. Жаль, что он так и не закончил следствие по делу Херцкерда и Новиса. Впрочем, его обвинять тут не в чем. Он старался как мог.

— Мой шеф полиции тоже готов отказаться от этого дела, — ответил Грего. — А когда от дела отказывается Гарри Стифер, оно абсолютно безнадежно.

— Что вы думаете о той версии, которую они сейчас отрабатывают? О том, что кто-то обучает пушистиков заманивать в ловушки своих сородичей?

Грего покачал головой:

— Вы знаете пушистиков не хуже меня. С момента похищения прошло два месяца. За это время пятерых малышей могли научить чему угодно. Но я не понимаю, зачем кому-то ловить диких пушистиков и попадать при этом под расстрельную статью, которую вы провозгласили своим кровожадным указом. Преступник идет на риск только в том случае, если это ему выгодно. А какая тут выгода, если любой человек может получить пушистика бесплатно?

Он был прав. С черного рынка не поступало никаких сведений о торговле пушистиками. Патрули Джека на севере Бета не находили ничего такого, что указывало бы на отлов и похищение новых жертв.

— Ахмед считает, что они могут идти на экспорт. Что, если пушистиков ловят для контрабандного вывоза и продажи вне планеты?

— Он говорил об этом Гарри Стиферу, и мы с Джеком Холлоуэем уже обсуждали такую возможность. Контрабанду пушистиков можно пресечь на корню. Смотрите сами. Загрузка похищенных пленников возможна только на Дарии, а отправка грузов на Дарий осуществляется с нашей площадки в Мэллори-порте. До тех пор пока будет сохраняться «скандальная и отвратительная монополия на космический транспорт», вы можете быть уверены, что пушистики не вывозятся с планеты.

— Значит, вы считаете, что Ингерманн каким-то образом связан с контрабандистами? — спросил Рейнсфорд в ответ на цитату.

— Если на Заратуштре появилась контрабанда пушистиков, прикрывать ее будет Хьюго Ингерманн, — ответил Грего таким тоном, словно констатировал общеизвестный факт. — Он пакостит на этой планете около шести лет. Я много знаю об этом «почтенном политическом лидере», но ничего хорошего о нем сказать не могу.

— Ахмед Хадра тоже считает, что, нападая на космическую монополию Компании, Ингерманн надеется обойти таможенные пункты ваших космопортов на Заратуштре и Дарии. В своей речи он говорил о правительственном космопорте и строжайшем контроле, но на самом деле...

Немного подумав, Грего бросил сигарету на землю, придавил ее каблуком и наклонился к Рейнсфорду:

— Отняв у нас монополию, вы не сможете построить здесь второй космопорт. Это понятно не только вам, но и Ингерманну. Вот почему он нападает на Компанию и в то же время провоцирует вас. Он знает, что у правительства нет средств на большие проекты, и хочет урвать этот кусочек для себя.

— О, черт! А где он возьмет столько денег?

— Ингерманн получит их без всяких проблем. Если я не ошибаюсь, он уже имеет огромную сумму. Или ему скоро передадут ее с курьером, который недавно отбыл отсюда на Мардук. Некоторые транспортные компании давно мечтают составить конкуренцию транслинии «Земля—Бальдр—Мардук». Многие экспортно-импортные ассоциации хотят торговать с Заратуштрой в обход Компании. Объединив свои силы, они за шесть месяцев могут построить здесь космопорт, через который хлынет поток контрабанды. Им остается лишь получить для этого участок земли. А благодаря моей огромной ошибке, совершенной восемь лет назад, у них имеется такая возможность.

— О каком участке земли вы говорите?

— Он находится здесь, на континенте Альфа — менее чем в сотне миль отсюда. Прекрасная площадка для космопорта. Когда вы прилетели к нам, губернатор?

— Мне стыдно в этом признаваться, но я прилетел сюда шесть с половиной лет назад на том же корабле, который доставил и Ингерманна.

— Ну, тут нет вашей вины. Простое стечение обстоятельств. Значит, вы не застали тот большой эмиграционный бум? В ту пору наша Компания была заинтересована в развитии местного производства, а межпланетная торговля — в мясе вельдбизонов. Повсюду открывались независимые концерны по изготовлению пищевых продуктов, и, поощряя этот процесс, мы продали им землю севернее города — прямоугольный участок общей площадью в две квадратные мили. Затем поток эмигрантов иссяк, а многие из прибывших улетели обратно. Для них здесь просто не нашлось работы. Большинство новых компаний разорились. Некоторые фактории прекратили свою деятельность, и большинство из них так и остались недостроенными. Часть земли отошла в уплату банку. Остальные участки попали в руки перекупщиков и ростовщиков. А после знаменитого суда по делу пушистиков почти все документы на право собственности приобрел Ингерманн. Только

он и скупал тогда недвижимое имущество. Остальные надеялись получить землю даром — по декрету правительства.

— Да, вероятно, он получит какую-то прибыль от этой сделки, но управлять космопортом и торговлей будут люди, вложившие капитал. Не так ли?

— Конечно, особенно вначале. Однако это честный бизнес, и Ингерманн им не интересуется. Он надеется, что население планеты в ближайшие пять лет увеличится в два-три раза. При восьмидесяти процентах земли, отданных в общественные владения, это вполне реальный расчет. Большинство людей станут избирателями, и Ингерманн уже сейчас пытается заручиться их поддержкой. Как и все отъявленные жулики, он хочет взять власть демократическим путем.

Если это ему удастся... Позиция Бена была надежной и незыблемой: он назначенный колониальный губернатор. Хотя тот же Ингерманн называл его марионеткой, получившей власть в результате военной интервенции. Однако правление колониального губернатора было ограничено моментом создания законодательного органа, и оно могло быть продлено лишь с разрешения этой структуры власти. Рейнсфорд не питал никаких радужных надежд относительно депутатов, попавших под контроль Ингерманна. И знал, что думал по этому поводу Виктор Грего.

Тем не менее ему следовало сохранять предельную осторожность. Грего хотел вернуть Компании прежнее господство над планетой, которым она обладала до открытия пушистиков. При этой мысли Бен почувствовал вспышку возмущения.

Почти стемнело. Пушистики проверили прочность решетчатого каркаса беседки и сбились в кучку, ожидая, когда Папа Бен и Папа Вик посмотрят на их работу. Оба человека подошли и, оценив мастерство пушистиков, высказали свою похвалу. Грего взял Алмаза на руки. Флора и Фаун присели отдохнуть.

— Я уже думал об этом, — сказал Бен, вновь устроившись в шезлонге и посадив пушистиков на колени. — Большинство старых планет перенаселено, а на Терре уже некуда ногу поставить. Не пройдет и года, как к нам хлынет поток людей. И если я стабилизирую положение...

Выждав паузу, Грего бесстрастно произнес:

— Если вас обременяют службы общественного благосостояния, можете на какое-то время забыть о них. Я знаю, Компания хотела отказаться от общественных служб в

течение трех месяцев, но это решение было принято сразу после вердикта Пендарвиса, и никто не представлял себе, как сложится дальнейшая ситуация. Если хотите, мы можем поддерживать их на своих субсидиях еще один год.

— К тому времени у правительства не будет денег, — сказал Бен. — А вы потребуете компенсации.

— Конечно, потребуем. Но вы можете рассчитываться с нами не золотом и не банкнотами Федерации, а налогами, облигациями и акциями на землю...

Акции на землю? А ведь это неплохая идея. Закон гласит, что колониальное правительство должно отдать землю гражданам Федерации. Но нигде не говорится, что это надо делать бесплатно. Таким образом правительство получает еще одну доходную статью!

А что, если компания «Заратуштра» пытается загнать правительство в долги? Они готовы пойти на все, чтобы вернуть себе господство над планетой, которого их лишили пушистики.

— Вы можете поручить это дело Гасу Браннарду, и он обсудит его с Лесли Кумбсом, — предложил Виктор Грего. — Надеюсь, вы доверяете ему и не ждете от него какого-то подвоха.

— Хорошо, мистер Грего. Я подумаю над вашим предложением. И благодарю вас за помощь. Реорганизация общественных служб тревожила меня больше всего остального.

Однако Бен не чувствовал облегчения. Как не чувствовал и благодарности к этому человеку. Им овладели замешательство и гнев — гнев на себя, а не на Грего.

Глава 19

Пригибаясь за краем невысокого утеса, Герд ван Рибек медленно поворачивал диск сканера на маленьком экране. Вид плавно изменялся. Видеокамера была установлена пятьюдесятью футами ниже утеса и пятьюстами ярдами левее. На экране ничто не двигалось, кроме ветвей и листвы, танцующих под ветром. Из динамика доносилось мягкое жужжание насекомых, которое изредка нарушалось звонкими «твит-твонк» сексуально озабоченного самца птицы-банджо. Внезапно внимание Герда привлек какой-то странный звук, пробившийся сквозь шелест опавшей листвы. Он слегка повернул регулятор громкости.

— Что ты об этом думаешь?

Джек Холлоуэй встал на одно колено и поднял бинокль:

— Я ничего не вижу. Попробуй еще раз.

Герд снова повернул диск сканера. Видеокамера показала вереницу деревьев, сквозь листву которых пробивались солнечные лучи. Они снова услышали шелест и приближающийся топот ног. Ультразвуковой приемопередатчик уловил набор коротких фраз. «Сюда. Уже недалеко. Найдем хагга-зосса».

Джек взглянул на пологий склон, тянувшийся ниже утеса.

— Я вижу шестерых из тех, кого они назвали глупышами, — шепнул он Герду. — И, вероятно, столько же осталось за бугром. — Он замолчал, прислушиваясь к звукам, и через минуту добавил: — Они идут сюда.

Пушистики остановились, тихо переговариваясь и почти не издавая шума. Затем они вошли в зону видимости — восемь маленьких фигурок, шагавших друг за другом. Их оружие было длиннее и тяжелее, чем у пушистиков-южан. Лопатки выглядели более округлыми, а не веслообразными, и имели один заточенный край. Каждый из пушистиков нес камень. Трое из них снова вернулись в кусты. Пять других развернулись в цепь и стояли ожидая. Герд отключил экран, подполз к Джеку и выглянул из-за кромки утеса.

Теперь на склоне паслось уже семь глупышей. Зверьки, полутора футов длиной и шести дюймов в холке, походили на грызунов с темно-серым мехом. Они усердно обдирали кору и подкапывали корни молодых деревьев. Неудивительно, что леса на севере были такими редкими. При большом количестве глупышей оставалось только поражаться тому, что здесь вообще сохранились деревья. Герд поднял фотоаппарат и, отрегулировав резкость, сделал несколько снимков.

— Ого! Кто-то решил устроить себе ленч, — сказал Джек, окинув небо взглядом. — Я вижу гарпию в паре миль отсюда. Ух ты, еще одна. Давай задержимся, Герд. Кажется, мы можем помочь нашим друзьям.

Пятеро пушистиков стояли, выжидая, на поляне. Глупыши не замечали их, продолжая обдирать и жевать кору. Внезапно три пушистика, обошедшие их с тыла, выскочили из кустов, швырнули камни и, размахивая своим оружием, бросились вперед. Один камень попал в глупыша и сбил его с ног. Подбежавший пушистик на ходу

размозжил ему голову заостренной лопаткой. Двое других напали на второго глупыша и быстро расправились с ним. Уцелевшие грызуны побежали в сторону затаившейся цепочки пушистиков. Два глупыша были тут же убиты камнями. Остальные удрали. Собравшись в группу, пушистики кратко обсудили свои военные действия и подсчитали добычу. У них имелось четыре грызуна: по половинке на каждого. На обед хватало.

Они стащили дичь в одно место и, пользуясь пальцами и зубами, освежевали тушки. Помогая друг другу, они отдирали шкуру от мяса и дробили кости острыми камнями. Герд снимал их пиршество на пленку.

— Наши пушистики ведут себя за столом гораздо лучше, — прокомментировал он.

— У них есть стальные ножи, сделанные нами. И потом, они едят только сухопутных креветок — да и то лишь самые лучшие части. Но в одном отношении эти пушистики превосходят наших. Смотри, как четко и слаженно они провели свою охоту.

Две точки в небе быстро приближались. К ним присоединилась третья.

— Кажется, пора заняться ими вплотную, — сказал Герд и потянулся за ружьем.

— Пожалуй, — согласился Джек, опуская бинокль и проверяя индикаторы ружья. — А ребятки жуют и не знают, что через минуту их ожидает большой сюрприз.

Внезапно пушистики почувствовали присутствие гарпий. Вероятно, они уловили ультразвуковые колебания их крыльев, хотя Джек и не был уверен в этом. Его приемник регистрировал тысячи ультразвуковых шумов, которые доносились из леса. Очевидно, требовалась особая подготовка, чтобы разбираться в них. Пушистики начали есть быстрее. Наконец один из них вскочил на ноги, указал на приближавшихся гарпий и крикнул: «Готза биззо!» «Готза» было известным зоологическим термином, хотя пушистики в лагере Холлоуэя называли этих животных «га'пиями». Маленькие охотники похватали свое оружие и остатки мяса, намереваясь спрятаться в лесу. Однако тварь, похожая на птеродактиля, уже кружилась над ними. Второе чудовище находилось в паре сотен ярдов от первого, а третье быстро приближалось к месту событий. Джек перекинул ремень через левую руку, прижал приклад к плечу и оперся локтем о колено. Ближайшая гарпия, заметив движение в кустах, сделала крутой разворот и быстро

помчалась вниз. Ружье калибра 9,7 выпустило лазерную пулю. Чудовище закувыркалось в воздухе и упало в колючий куст. Вторая гарпия резко взмахнула крыльями и попыталась набрать высоту, но Герд сбил ее с первого выстрела. Ружье Джека громыхнуло вновь, и третья тварь упала на камни, распластав перепончатые крылья.

Внизу воцарилась тишина, а потом пушистики закричали:

— Гарпии умерли! Как это получилось?

— Потому что гремел гром. Он убил гарпий. Он может убить и нас.

— Плохое место! Биззо, фаззи!

Слово «фаззи» означало «убираться». Джек рассмеялся:

— Маленький Пушистик вел себя более спокойно, когда я убил при нем первую гарпию. Правда, он к тому времени уже столько повидал, что вообще перестал удивляться. — Холлоуэй перезарядил ружье и еще раз взглянул в бинокль. — Ладно. Биззо, фаззи. Здесь мы больше ничего не увидим.

Облетев на аэромобиле территорию, приятели собрали ранее установленные ими видеокамеры, затем набрали высоту и повернули на юг в сторону Барьера — горной цепи, которая, словно перекладинка буквы «Н», протянулась между прибрежными Западными и Восточными Кордильерами. Пушистики довольно редко пересекали эту природную границу. Язык северных групп был понятен, но заметно отличался от того диалекта, на котором пушистики говорили в лагере Холлоуэя. По-видимому, новость о небывалом нашествии затку сюда еще не дошла.

Обсуждая этот вопрос, Герд и Джек летели на юг на высоте пяти тысяч футов. Внизу проплывали скалистые отроги Барьера. Герд предложил устроить временный лагерь для контактов с северными пушистиками. Он хотел привезти им игрушки и оружие, а затем наладить теплые и дружеские отношения. Джек напомнил ему, что бюджет комиссии не резиновый и вряд ли позволит новые незапланированные расходы. Потом они немного поспорили, решая, остаться ли им здесь на несколько дней или вернуться в лагерь.

— Я думаю, нам лучше вернуться, — с некоторым сожалением сказал Джек. — Давай прилетим сюда через неделю. Меня волнуют дела на Альфе и в нашем лагере.

— Если бы там что-нибудь случилось, нас вызвали бы по рации.

— Знаю. И все же нам лучше вернуться. Давай перелетим Барьер, переночуем где-нибудь на той стороне, а завтра утром двинемся дальше.

— Биззо, — ответил Герд, поворачивая аэромобиль немного влево. — Доберемся до истока этой реки и махнем на другую сторону.

Река несла свои воды через широкую долину. По мере того как они приближались к истоку, ее берега сужались, а течение становилось быстрее. Наконец аэромобиль оказался над тем местом, где пенистый поток вырывался из каньона, прорезавшего цепь Барьера. Герд снизился на несколько сотен футов, сбросил скорость и влетел в ущелье. Оно было довольно нешироким. По обеим сторонам потока тянулись песчаные берега. Чуть дальше по краям крутых откосов росли деревья. Над ними вздымались гранитные скалы и выветренный песчаник, а на высоте двухсот футов виднелись серые полоски кремневого слоя.

— Герд, возьми немного вверх и поближе к склону, — попросил Джек и, передвинувшись к иллюминатору, достал бинокль. — Хочу взглянуть на породу.

— Зачем тебе это? — лениво спросил Герд, но внезапная догадка заставила его улыбнуться. — Ты думаешь, что здесь...

— Кремень — спутник солнечников.

Судя по хмурому виду Джека, увиденное огорчило его.

— Вон там небольшой выступ. Давай сделаем остановку. Я хочу убедиться в своей догадке.

Выступ, на котором с трудом уместился аэромобиль, был покрыт тонким слоем земли. Рядом росло несколько кустов и маленьких чахлых деревьев. Выше, на добрую сотню футов, поднималась серая полоса кремневой породы. Герд не брал с собой подрывных зарядов, но, покопавшись в ящике для инструментов, друзья нашли вибромолот и микролучевые радары. Просканировав небольшой участок откоса, Джек довольно быстро нашел гнездо самоцветов. Герд взялся за молот, и через пару часов у них уже было два солнечника — шар неправильной формы семи-восьми миллиметров в диаметре и крупный эллипсоид вдвое больше первого камня. Когда Джек подержал их над своей дымящейся трубкой, они засияли алым цветом.

— Сколько же они могут стоить? — спросил Герд.

— Не знаю. За большой камень скупщики могут дать от шестисот до восьмисот солов. Когда Компания держала монополию, такие самоцветы покупали за двести монет,

а затем продавали на Терре за две с половиной тысячи. Но посмотри вокруг. Толщина этого слоя триста футов. Он тянется вдоль всего каньона, то есть на десять—пятнадцать миль. Да еще на другой стороне такой же слой. — Джек выколотил трубку, продул ее и положил в карман. — И все это богатство принадлежит пушистикам.

Герд улыбнулся, а потом вздохнул и нахмурился. По декрету правительства эти земли действительно принадлежали пушистикам. Они владели всем, что находилось на их территории, а комиссия по делам аборигенов являлась лишь органом опеки.

— Джек, но они не могут добывать солнечники. Они даже не знают, что с ними делать.

— Да, не могут. Однако это их страна. Пушистики здесь родились. И имеют полное право жить на земле своих предков. Все, что находится на их территориях, принадлежит им и только им. Не только эти солнечники, но и все остальное.

— И все же, Джек...

Герд посмотрел на склоны каньона и серые полосы кремневых отложений. Джек прав, подумал он. Этот слой тянется на мили. Даже если допустить, что из десяти кубических футов можно извлечь лишь один самоцвет, и учесть затраты на его добычу...

— Неужели ты хочешь, чтобы местные пушистики гоняли тут глупышей и бегали по драгоценным камнями, которые так и останутся в земле? — Эта мысль ужаснула ван Рибека. — Они ведь даже не знают, что эти земли отданы им.

— Но они считают эту территорию своим домом. Успокойся, Герд. Подобное уже случалось на других планетах, куда прилетали люди. Терране отводили аборигенам территории и клялись словом чести, что отныне эти земли будут принадлежать им навеки. А затем они находили там что-нибудь ценное: на Локе — золото, на Торе — платину, на Хаторе — ванадий и вольфрам, на Игтдрасиле — нитраты, на Гимли — уран. Аборигенов отправляли в другое место, потом в следующее и так далее. Неужели мы тоже поступим так с пушистиками?

— А что ты предлагаешь? Сохранить эти залежи в тайне? Тогда давай выбросим самоцветы в речку и забудем о них. Но где гарантия, что этот кремневый слой не увидят другие люди?

— Значит, надо не пускать сюда других людей. Здесь, между прочим, владения пушистиков, а не парк.

— Верно, мы не будем пускать сюда посторонних, и я думаю, десантники Пейна и помощники Ланта справятся с этой задачей. Джорджу я доверяю полностью, Пейна почти не знаю, а что касается их подчиненных, тут вообще возникает большой вопрос. Рано или поздно кто-нибудь из них пролетит этим каньоном, увидит залежи, и все наши труды пойдут насмарку. Что будет потом, ты можешь догадаться и сам. — Помолчав минуту, Герд взглянул Холлоуэю в глаза: — Ты расскажешь об этом Бену Рейнсфорду?

— Лучше бы ты не спрашивал, Герд. — Джек теребил в руках кисет с табаком. — Наверное, расскажу. Эти камни являются собственностью правительства. Если ты не против, я отдам их ему. Ну, биззо, летим прямо к лагерь. — Он посмотрел на солнце. — Через три часа будем дома, а завтра я отправляюсь в Мэллори-порт.

— Я даже боюсь поверить в это, — сказал Эрнст Маллин. — Просто чудо какое-то! Надеюсь, вы не шутите, доктор Хименес?

— Мы убеждены, что нормальному развитию плода мешает гормон НФМп, — ответил с экрана Хуан. — Теперь мы убедились и в том, что хокфусин нейтрализует воздействие данного гормона. В это поверил даже Крис Хонвельд. А ведь он собственноручно проверял все анализы. Кроме того, мы надеемся, что хокфусин оказывает тормозящий эффект на секрецию желез, вырабатывающих гормон НФМп. Это станет ясно через четыре месяца — после того, как начнут рожать мамаши, питавшиеся «рационом-три». Хотя в идеале нам следует дождаться того момента, когда родится следующее поколение детей — особенно у тех самок, которым мы даем ежедневные порции чистого хокфусина. Как бы там ни было, я верю в успех.

— А как ваши люди обнаружили это?

— Предчувствие, — с улыбкой ответил молодой ученый. — Догадка одной из лаборанток уважаемого доктора Хонвельда. Ее зовут Шарлотта Тресса. — Ему так и не удалось удержаться от смеха. — Хонвельд просто взбешен. Вы же знаете, что он обычно говорит. «Нет теоретической базы. Слишком много предположений». Ему пришлось смириться с фактом — тем более он сам проверил результаты

опытов, — но старик напрочь отвергает все ее рассуждения.

Как это похоже на Яна Кристиана Хонвельда. Он привык к неукоснительному порядку, привык продвигаться крохотными шажками: от А к Б, потом к В и Г. Но если кто-то вдруг перескакивал сразу на С или Т, а потом на Я — это выводило его из себя. К своей чести, Эрнст Маллин уважал интуицию и предчувствия. Он знал, как много энергии уходит на то, чтобы вытащить из подсознания мелькнувшую мысль. И в данный миг он сожалел лишь о том, что в его собственной карьере ученого таких догадок и предчувствий было очень мало.

— И как же она рассуждала? — поинтересовался Маллин. — Или это можно объяснить ее интуицией?

— Шарлотта решила, что хокфусин может нейтрализовать гормон НФМп. А рассуждала она следующим образом: все пушистики любят мясо сухопутных креветок — причем все без исключения. Этот факт можно считать их расовой константой. Верно?

— Да. Их страсть к затку сродни инстинктивному влечению. Хотя я признаю, что такое сравнение не соответствует научному подходу.

— А еще все окультуренные пушистики любят ПР-3. Попробовав его однажды, они поглощают это блюдо при каждом удобном случае. И дело тут не во вкусе, каким мы его себе представляем, говоря о сортах табака, кофе или алкогольных напитков. Реакция пушистиков на «рацион» однозначная и автоматическая. Вы понимаете, к чему я клоню, доктор?

— О да. Я видел нескольких пушистиков, которые впервые пробовали «рацион-три». Вы правы, их реакцию можно описать как физический отклик организма. — Маллин задумался на миг и добавил: — Но если это действительно инстинкт, он должен быть результатом естественного отбора.

— Да. Мисс Тресса считает, что вкусовое определение нескольких молекул титана, которые присутствуют в мясе затку и в ПР-3, способствовало выживанию пушистиков. Те из них, кто не обладал такой способностью, вымерли в далеком прошлом, а остальные передали ее потомству. Несмотря на неистовые возражения Хонвельда и упреки в бесполезной трате времени, мисс Тресса продолжила проверку этой гипотезы и выяснила действие хокфусина на гормон НФМп. И вот теперь наши физиологи, выдви-

нувшие теорию о цикличном производстве гормона, которое якобы то совпадает, то не совпадает по фазе с менструальным циклом, обнаружили, что секреция НФМп вообще не циклична, а связана с потреблением хокфусина.

— Какое стечение обстоятельств! Все сходится и встает на свои места! Итак, вам потребуется около года, чтобы удостовериться в зависимости полноценных родов от количества потребляемого хокфусина. Черт! Я готов поставить свой оклад на то, что вы окажетесь правы.

Хименес усмехнулся:

— Я уже заключил подобное пари с доктором Хонвельдом. Считайте, что ваши денежки у меня в кармане.

Беннет Рейнсфорд погрел два самоцвета в ладонях и бросил на стол, словно пару игральных костей. Такой радости он не испытывал даже тогда, когда Грего сообщил ему о взаимосвязи между НФМп и хокфусином. Он сразу почувствовал, что научный центр идет по верному пути. А значит, скоро все детишки пушистиков будут рождаться живыми и здоровыми.

А затем, сразу после ленча, Джек Холлоуэй привез новости с континента Бета.

— Тебе не удастся сохранить это в тайне, Джек. Ни одно открытие нельзя засекретить навечно, потому что его обязательно сделает кто-нибудь другой — пусть немного позже, но сделает. Вспомни, как в первом веке власти пытались утаить информацию о прямом преобразовании ядерной энергии в электрический ток. У них ничего не вышло.

— Это разные вещи, — упрямо ответил Холлоуэй. — Мы говорим не о научном принципе, который можно открыть сразу на нескольких планетах. Речь идет об определенном месте, и если туда не пускать людей...

— Quis custodiet ipsos custodes? — Понимая, что латынь для Джека — terra incognita, Рейнсфорд перевел: — Кто будет следить за наблюдателями?

— То же самое мне сказал и Герд, — сказал Джек. — Для любого слабохарактерного человека это будет великим соблазном. А если о каньоне узнают другие старатели, начнется настоящая война.

— На меня начнут давить, чтобы я открыл людям доступ на территорию пушистиков. Свора дельцов поднимет вой — все эти Ингерманны, Джоны Доу и Ричарды Роу.

До выборов законодательного органа я еще могу удерживать их на короткой цепи, но потом...

— Я имел в виду не политическую борьбу, а старательский бум. Представь, что туда отправятся двадцать тысяч человек и у каждого будут глубинные взрыватели и антигравитационные установки. А дальше — хуже. Ведь в ближайшие шесть месяцев сюда начнут прибывать эмигранты.

Бен об этом не подумал. Ему доводилось бывать на других пограничных планетах, где открывали богатые залежи полезных ископаемых, и он знал, какие там царили порядки и нравы. А при расчете цены на объем солнечники не имели аналога во всей Галактике.

— Понимаешь, Бен, я прикидывал и так и эдак, — произнес Холлоуэй. — Мне и самому не нравится такая идея, но я могу предложить тебе только ее. Залежи самоцветов сосредоточены в небольшом районе, который занимает примерно пятьдесят квадратных миль на северной стороне Барьера. Что, если правительство объявит эту зону заповедной и само начнет добычу солнечников? Прежде чем тайное станет явным, ты расскажешь народу, что на территории пушистиков обнаружено месторождение самоцветов, которое будет разрабатываться правительством от имени местных разумных существ. Это решит все вопросы, и никто не посмеет тебя обвинять. Мы выведем пушистиков из зоны работ, и они не пострадают от подземных взрывов. А деньги, вырученные от продажи камней, пойдут на защиту пушистиков, медицинскую помощь, закупку «рубикопай», рюкзачков, игрушек и ПР-3.

— Ты не прикидывал, сколько нам понадобится денег для начала разработок, прежде чем мы начнем получать выручку за самоцветы?

— Я довольно долго добывал солнечники и знаю, что их разработка обойдется в кругленькую сумму. Но у нас будет хороший товар, а с хорошим товаром ты всегда найдешь людей, готовых оказать финансовую поддержку.

— Да, деньги помогли нам защитить права пушистиков. Но предварительные расходы...

— Хорошо. Давай сдадим рудник в аренду тем, кто больше заплатит. Правительство получит деньги, пушистики — защиту, а заповедная земля останется нетронутой.

— А у кого есть такие средства? Кто способен арендовать рудник самоцветов?

Задавая этот вопрос, Бен уже знал ответ. Месторождение могла поднять только нелицензированная компания

«Заратуштра». В сравнении с проектом Большого Черноводья рудник в каньоне мог показаться случайным заработком. Однако если сдать им права на все минеральные богатства заповедника, это остановит неконтролируемый штурм старателей и убережет пушистиков от уничтожения.

Но тогда он поставит Компанию в то исключительное положение, которое она занимала до решения Пендарвиса. Он своими руками вернет ей монополию на солнечники. А это вызовет такой резонанс... Нет, черт возьми! Даже думать противно!

Да, противно. Но думать все равно придется. Иначе как же он примет решение?

Виктор Грего затушил сигарету в пепельнице, с облегчением откинулся в кресле и закрыл глаза. Из комнаты пушистика доносились приглушенные голоса и частые звуки выстрелов. Алмаз смотрел по телевизору художественный фильм. По доброте душевной он уменьшил громкость, чтобы не мешать Папе Вику. Однако тот все равно беспокоился, что малыш почерпнет из этих фильмов какие-то жуткие идеи о жизни хагга. Правда, хороший хагга в конце концов всегда побеждал плохого, но это было, пожалуй, единственным плюсом подобных картин.

Мысли Виктора перескочили на четырех конкретных хагга — причем очень плохих хагга: Айвана Боулби, Спайка Хинена, Рауля Лапортье и Лео Такстера.

Трущобы Мэллори-порта были заполнены плохими хагга, но эта четверка возглавляла их генеральный штаб. Боулби держал в руках индустрию развлечений: телепередачи, включая и ту, которую смотрел в данное время Алмаз, призовые бои, ночные клубы, проституцию и, без сомнения, наркотики. Он с удовольствием бы привлекал пушистиков в аттракционы своих ночных клубов и продавал их людям, которые, не желая утруждать себя опекунством, хотели позабавиться с малышами тем или иным образом. Такие развлечения шли бы у него по фантастическим ценам. Если на планете существует подпольная продажа пушистиков, то он играет в ней важную роль.

Спайк Хинен контролировал игорный бизнес, различные аферы, шантаж, вымогательство и букмекерство. Он тесно сотрудничал с Боулби — особенно при проведении различных спортивных шоу. Лапортье занимался вымогательством и преступлениями в стиле «кантри», то есть

разбоями, убийствами и кражами. Свои накопления он обычно вкладывал в незаконную скупку солнечников.

Лео Такстер был наиболее респектабельным из этой четверки. Он управлял маклерской фирмой, которая выдавала займы и выступала в роли финансового посредника частных лиц. Такстер открыто давал заем на законных семи процентах. Но он также ссужал и тех бедолаг, которые, попав в переплет, уже не могли занять денег в других местах. Проценты тут были гораздо выше, а клиентуру в основном составляли молокососы, разорившиеся на азартных играх Спайка Хинена. Чтобы выбить из них долги, он использовал бандитов Рауля Лапортье.

Вершиной же этой пирамиды был всем известный, но пока неизобличенный Хьюго Ингерманн — генералиссимус преступного мира Мэллори-порта.

Впрочем, у Компании появилась возможность доказать его вину. Помощники Лесли Кумбса установили, что четверо преступных авторитетов, особенно Такстер, являлись подставными владельцами земель, которые так необдуманно были проданы Компанией восемь лет назад. В настоящий момент эта северная окраина Мэллори-порта представляла собой скопище брошенных факторий и недостроенных деловых зданий. Кроме того, удалось узнать, что именно эта четверка и была Джоном Доу, Ричардом Роу и прочими «гражданами планеты», которых Ингерманн представлял в суде после вердикта Пендарвиса.

Из комнаты пушистика доносились звуки музыки. Очевидно, на экране шла какая-то мелодрама. Грего открыл глаза, достал сигарету и, прикурив ее, начал вспоминать те скудные данные, которые он имел на четырех подельников Ингерманна. Такстер: этот тип появился на Заратуштре несколькими годами раньше Ингерманна. Поначалу он вел себя как второсортный шантажист, но затем организовал союз рабочих. Быстро уловив, что Компания не одобряет «союзы», основанные посторонними людьми, Такстер прекратил политические игры. Он учредил кооператив независимых плантаторов, потом увлекся займами и принялся сколачивать капитал. В ту пору ему помогала какая-то женщина — то ли жена, то ли любовница.

Возможно, она до сих пор находится на планете, подумал Грего. Надо посоветовать Кумбсу поискать ее. Не

исключено, что она согласится рассказать о бывшем дружке-компаньоне.

Пушистик выбежал из своей комнаты:

— Папа Вик! Пожауста, погово'и с Амазом.

Лейтенант Фиц Мортлейк, дежуривший в детективном бюро Компании с восемнадцати до двадцати четырех часов, лениво зевнул. До конца смены оставалось двадцать минут, а если Берт Эгжерс придет пораньше, то и еще меньше. Он поправил стопку чистых бланков, лежавших на столе, и положил на них пресс-папье. Из дежурной комнаты доносились звуки монтируемой видеозаписи и писк принтеров, но их уже начинали заглушать голоса и смех людей, прибывавших на смену. Фиц еще не решил, куда ему пойти после работы: домой, где его ожидали недочитанная книга и постель, или в бар, в котором он мог подцепить какую-нибудь девчонку. Протиснувшись между двух сержантов, на пороге появился Берт Эгжерс.

— Привет, Фиц! Как дела?

— Пока все тихо. Мы нашли, где Джайсер прятал ворованное. Теперь у нас есть надежные доказательства. Милмен и Нагахара поймали тех ребят, которые воровали на десятом складе запасные части от машин. Мы арестовали их, но пока не допрашивали.

— Хорошо, я позабочусь о них. Они служащие Компании?

— Двое. Третий парень — их подельник, ему всего семнадцать лет. Отправь его в комиссию по делам несовершеннолетних. Кстати, у нас есть предположение, что они передавали краденые вещи Честному Хайми.

— Диалектика человеческой природы! — ответил Эгжерс, снимая пиджак и усаживаясь на освободившееся кресло. — Если ты узнаешь, что какой-то парень начинает называть себя Честным Кем-то, можешь смело тащить его за решетку.

Берт достал из маленького сейфа наплечную кобуру с пистолетом и, надев ее, снова облачился в пиджак. Потом вытащил зажигалку и кисет, осмотрел все ящики стола и наконец нашел свою любимую трубку в пачке каких-то фотографий.

— Что это за люди? — спросил он, взглянув на снимки.

— Пара лесных бродяг, которые возвращались на континент Эпсилон. Их приняли за Херцкерда и Новиса. Очередная ложная тревога к тысяче предыдущим.

Эгжерс недовольно поморщился.

— Эти проклятые пушистики только добавляют нам работы, — угрюмо проговорил он. — А тут еще мои малыши визжат и требуют, чтобы я достал им одного. И жена тоже. Ты же знаешь, пушистики стали символом престижа. Если у тебя нет пушистика, значит, можешь отправляться в трущобы к бездельникам и нищим.

— У меня нет пушистиков, но я не собираюсь отправляться в трущобы.

— Просто у тебя нет детей, приятель.

— Слава Богу, нет.

— Тогда ты не поймешь, какие проблемы с деньгами испытывает женатый мужчина, — сказал один из сержантов, стоявших в дверях.

Берт хотел что-то добавить по этому поводу, но его мысли спутал тоненький голосок:

— Уиик!

— Я слышу голос дьявола! — пошутил высокий охранник.

— Фиц, у тебя здесь пушистик? — спросил Эгжерс. — Где он, черт бы его побрал?

— Вон! Из подсобки выскочил! Там, смотрите! — закричал второй сержант, показывая на кресло.

Пушистик вышел на открытое пространство. Он дернул Эгжерса за полу пиджака и снова уиикнул. Берт впервые видел такого горбатого пушистика.

— Эй! А что у него на спине? — спросил он и пригнулся к малышу. — Где ты взял эту штуку?

Берт с удивлением разглядывал маленький рюкзак с кожаными ремешками и веревочными завязками. Почувствовав его интерес, пушистик облегченно вздохнул, освободился от ремней и со счастливым видом передал лейтенанту свою ношу. Мортлейк взял рюкзак и положил его на стол. Тот весил не меньше десяти фунтов — многовато для пушистика. Эгжерс развязал веревки и запустил в рюкзак руку.

— Да здесь какие-то камешки, — сказал он, вытаскивая пригоршню самоцветов.

Камни засияли алым цветом. Эгжерс высыпал их на стол, словно они действительно были горячими, какими выглядели с виду.

— Боже милосердный! — воскликнул лейтенант. Никто и не знал, что он может кричать таким фальцетом. — Это же солнечники!

Глава 20

— Но засем? — настаивал Алмаз. — Засем Бойшой «бабах» по д'ругим юдям и деять их ме'твыми? Нехо'ошо! Посему он не под'ужился с ними, не помог и не поиг'ал в иг'у?

— Некоторые Большие рождаются плохими людьми. Они начинают создавать проблемы, и другим Большим приходится бороться с ними.

— А посему Бойшие становятся пнохими? Посему они не хотят д'ужить, помогать и быть хо'ошими?

Вот же черт! Разве можно ответить на такие вопросы? Наверное, Эрнст Маллин и имел это в виду, когда называл пушистиков самыми разумными существами, которых когда-либо видел. Возможно, их разум действительно не позволял им становиться плохими, но как объяснить Алмазу тот факт, что человек обычно действовал не по воле разума, а по принципам злобного хищного зверя?

— Папа Вик не знает. Попробуй спросить об этом у Дяди Эрнста или Дяди Панко.

Тихо зазвенел звонок кодированного видеофона. Алмаз с удивлением оглянулся, поскольку такое случалось не часто. Сняв пушистика с колен и усадив его на стул, Грего встал, подошел к экрану и набрал на клавиатуре код доступа. Звонил капитан Морган Ланский — помощник Гарри Стифера. Он выглядел так, словно перед ним упала термоядерная бомба, которая еще не успела взорваться.

— Мистер Грего! Чрезвычайное происшествие в хранилище драгоценностей! Там пушистики! Они нас грабят!

Грего с трудом подавил желание спросить у Ланского, не пьян ли он и не сошел ли с ума. Но Ланский был просто очень напуган.

— Успокойтесь, Морган. Расскажите мне все по порядку. Сначала то, что вы знаете о случившемся, а затем свое мнение по этому поводу.

— Да, сэр. — Ланский немного помолчал, восстанавливая самоконтроль. — Десять минут назад в детективном бюро началась пересменка. В тот момент когда в кабинете офицеров находились оба лейтенанта, из маленькой кладовки к ним вышел пушистик. На его спине был рюкзак, в котором оказалось около двенадцати фунтов солнечников. Хотите взглянуть на его добычу?

— Позже. Рассказывайте дальше. — Но, прежде чем Ланский продолжил доклад, Грего спросил: — Вы уверены, что пушистик вышел из кладовки?

— Да, сэр. В дежурной комнате было пять или шесть человек. Он мог попасть в кабинет офицеров только через вентиляционную трубу. Об этом свидетельствует открытая решетка.

— Звучит правдоподобно. Он действительно мог попасть в хранилище через вентиляционную систему.

Верхняя площадка лестницы, ведущей в хранилище самоцветов, располагалась на том же уровне, что и детективное бюро. Все подходы к хранилищу были оснащены видеокамерами, благодаря чему просматривался каждый метр пространства. Но солнечники могли быть похищены только из подвала. Вчера Грего и Ивинс перенесли в хранилище все, что накопилось в сейфах закупочных пунктов.

— Вы сказали, что прошло уже десять минут. Что сделано за это время?

— Расследование возглавил Карлос Хартадо. Он закончил смену, но остался здесь, как и большинство других сотрудников. Мы подняли по тревоге всю полицию Компании, блокировали четырнадцать нижних уровней и второй блок пятнадцатого. Я вызвал шефа Стифера, и он уже в пути. Хартадо связался с полицией Мэллори-порта. Нам обещали помочь людьми и транспортом, чтобы блокировать здание снаружи. Мой помощник только что созвонился с доктором Маллином и мистером Ивинсом. Кроме того, я послал двух парней на склад, чтобы они принесли нам несколько ультразвуковых приемопередатчиков.

— Хорошо. Сейчас же пришлите ко мне аэроджип. Я собираюсь открыть хранилище драгоценностей. Пусть меня встретят ваши люди. Возьмите шокеры — там могут оказаться другие пушистики. Вызовите управляющего зданием и инженера по вентиляционным сетям. Пусть они захватят с собой планы всех нижних уровней.

— Будет сделано. Что-нибудь еще, мистер Грего?

— Пока все. Остальное на ваше усмотрение.

Он отключил экран. Алмаз, сидевший на стуле, смотрел на него широко открытыми глазами.

— Папа Вик, што-то не так? Што-то пнохо?

Грего взглянул на Алмаза.

— Помнишь, когда плохие Большие привезли тебя сюда, вместе с тобой были другие пушистики? — спросил он. — Ты узнал бы их, если бы увидел снова?

— Конешно. Доб'ый д'уг. Узнаю снова.

— Тогда подожди меня здесь. Папа Вик сейчас вернется.

Грего пошел на кухню, взял пару банок ПР-3 и отыскал в шкафу ультразвуковой приемник. С тех пор как Алмаз начал пользоваться пушистикофоном, надобность в наушниках отпала, но Виктор на всякий случай хранил у себя один комплект. Вернувшись в гостиную, он посадил Алмаза на плечо и вышел на террасу. К ним тут же спустился бордовый аэроджип Компании, на боку которого виднелась серебристая надпись «ПОЛИЦИЯ». У Грего мелькнула мысль, что полицейский транспорт должен отличаться по цвету от других машин Компании. Он решил обсудить этот вопрос с Гарри Стифером. Пилот открыл дверцу. Грего взобрался в джип и усадил Алмаза на колени. Когда пилот доложил своему начальству о готовности к вылету, Виктор взял у него трубку мобильного радиотелефона.

— Говорит Грего. Кто на приеме? — спросил он.

— Хартадо. Мы блокировали шестнадцать уровней здания — изнутри и снаружи. Капитан Ланский и лейтенант Эгжерс встретят вас у входа в хранилище. К нам приехали доктор Маллин, мисс Гленн и капитан Хадра из сыскного бюро ЗСОА. Возможно, им удастся что-нибудь выяснить у этого пушистика. — Офицер немного помолчал и со злостью добавил: — Допрос пушистика! К чему мы катимся, босс?

— Кто-то научил пушистиков взламывать сейфы. Я даже не представляю себе, какой вид преступлений будет следующим. Вы получили планы вентиляционных систем?

— Инженер-вентиляционщик уже на подходе. Вы думаете, там окажутся другие пушистики?

— Как минимум четыре. И два человека. Их зовут Фил Новис и Мозес Херцкерд.

Хартадо тихо зарычал и выругался:

— Черт возьми! Как же я не подумал об этом? Да! Похоже, что это они!

На посадочной площадке третьего уровня аэроджип влетел в транспортную шахту. Везде стояли полицейские с автоматами и ручными пулеметами. Шлюз шахты охраняли две патрульные машины. Пролетая по горизонтальным ответвлениям, Виктор замечал, что в некоторых кабинетах по-прежнему продолжалась работа, хотя и не такая интенсивная, как обычно. В вертикальной шахте подвальных уровней дорогу им преградила полицейская машина. Пилот джипа включил красно-белую мигалку и крикнул в мегафон: «Это мистер Грего! Пропустите нас».

Аэромобиль вильнул в сторону и прижался к стене.

Пятнадцатый нижний уровень был царством полиции. Здесь стояла особенная тишина, которую лишь изредка нарушали машины, сновавшие по горизонтальным туннелям. Тем не менее на парковочных площадках у порталов вертикальной шахты не было ни одного свободного места. Пилот посадил джип перед входом одного из служебных помещений. Здесь располагалось ведомство по скупке самоцветов. Морган Ланский и лейтенант из детективного бюро ожидали на тротуаре. Грего вылез из кабины и помог выбраться Алмазу. Пилот передал детективу банки с ПР-3. Ланский, к которому вернулся его обычный апломб, с усмешкой спросил:

— Привезли переводчика, мистер Грего?

— Да. Кроме того, Алмаз поможет нам провести опознание. Я думаю, он знает этого пушистика.

Пару секунд Ланский переваривал информацию, а затем с восторгом закивал:

— Я уверен, что знает. Черт! Это же объясняет все!

Они прошли через дверь в караульное помещение, и Грего тут же отметил, что полиция задействовала план боевой тревоги. Опускные решетки были подняты, но перед ними стояли два автоматчика. Позади них виднелось еще шесть охранников с шокерами и короткими лучевыми карабинами, дула которых расширялись на концах, как у древних мушкетов. Дверь в конце короткого коридора тоже была открыта, и никто не стал задерживать прибывших для опознания и проверки.

Грего прошел на лестницу, ведущую в хранилище самоцветов, и его опять никто не остановил. Впрочем, он даже не заметил этого. Ланский, Эгжерс, охранник с банками ПР-3 и шесть других полицейских с шокерами и лучевыми карабинами последовали за ним. Он быстро набрал на клавиатуре бессмысленный текст, служивший ключом к замку. Массивная дверь подалась назад и скользнула в сторону.

Как всегда, освещение внутри хранилища было включено. На черном бархате стола сидела парочка пушистиков. Среди тысячи сияющих солнечников они казались светлыми пушистыми шарами. Малыши зачарованно перебирали камни, а над ними висела веревочная лестница, конец которой скрывался в открытом вентиляционном отверстии.

Оба пушистика испуганно подняли головы. Один из них обиженно сказал:

— Вы не гово'ии, што камни деять свет. Вы гово'ии, што камни как все.

Второй пушистик присмотрелся к вошедшим и тихо прошептал:

— Это не те Бойшие! Как они сюда попаи?

Ланский, который держал Алмаза на руках, пока Грего набирал шифр, отдал пушистика Виктору. Узнав сидевших на столе сородичей, Алмаз возбужденно зауиикал. Грего посадил его на стол рядом с другими пушистиками.

— Не бойтесь, — сказал он. — Я вас не обижу. Вот ваш друг. Покажите ему забавные камешки.

Узнавание было обоюдным. Пушистики обняли Алмаза и что-то быстро залопотали. Ланский подошел к экрану видеофона и начал набирать код вызова.

— Вы тоже убежаи от пнохих Бойших? — спросил Алмаз. — Как вы нашьи это место?

— Нас п'инесьи Бойшие. Заставии идти сюда по днинной узкой но'е. Сказаи нам взять камни, как мы б'али их в д'угом месте.

Грего хотел расспросить воришек об этом «другом месте», но тут заговорил другой пушистик:

— Эти Бойшие все в'емя заставьяи нас ходить по днинным узким но'ам, заставьяи б'ать камни. Еси мы п'иносии камни, Бойшие даваи нам есть хо'ошую еду. Еси мы не п'иносили камни, Бойшие обижаись и се'диись, сажаи нас в темное место, не даваи есть, заставьяи деять снова.

— У кого «рацион-три»? — спросил Грего. — Откройте банку.

— Пиэ-тьи, — повторил Алмаз, услышав его слова. — Папа Вик дает пиэ-тьи, хоксу-фуссо.

На экране возникло изображение Хартадо. Ланский отошел в сторону, чтобы тот мог увидеть трогательную встречу, которая происходила в хранилище самоцветов. Хартадо выругался.

— Теперь нам придется переделывать все здание, — проворчал он. — Эти маленькие воришки могут пробраться куда угодно. — Потом оглянулся и добавил: — Шеф идет. Шеф, быстрее сюда. Посмотрите, что там творится.

Эгжерс открыл банку с ПР-3, достал плитку, разделил ее на три части и, дав по куску каждому пушистику, аккуратно отодвинул в сторону кучку самоцветов общей стоимостью в пару миллионов солов. Двое грабителей уже были знакомы с этим продуктом и с жадностью набросились на «рацион». Не сводя с них глаз, детектив подошел

к экрану. Грего услышал ругань Стифера. Тот выражался еще более виртуозно, чем Хартадо. Затем, очевидно, вспомнив о правилах приличия, Гарри оборвал себя на полуслове.

— Здравствуйте, мистер Грего. В хранилище остались еще какие-нибудь камни, кроме тех, что лежат на столе?

— Я еще не проверял.

Грего осмотрелся вокруг. Все ящики были выдвинуты. Чтобы достать поддоны верхнего ряда, пушистики вставали на нижние и перемещались по ним как по лестнице. Обнаружив два брезентовых рюкзачка, Ланский внимательно рассматривал материю на свет.

— Вы что-то нашли, капитан?

— Не ходите вокруг стола, — предупредил Ланский. — Камни рассыпаны по всему полу.

— Давайте отойдем к двери. Когда же наконец появится Конрад Ивинс?

— Мы пытаемся связаться с ним, — ответил Стифер. — Доктор Маллин и капитан Хадра ожидают вас в дежурной части. Мисс Гленн подойдет через несколько минут. Я отправляюсь сейчас в оперативно-командный пункт, но здесь будет дежурить один из моих помощников.

— Надеюсь, вы оставите пушистиков на наше попечение? Я возьму эту пару наверх, в дежурную часть. Алмаз поможет нам расспросить их о похищенных камнях.

Стифер согласился, а затем, извинившись, отвернулся и начал отдавать распоряжения своим подчиненным. Один из полицейских вышел из хранилища и вернулся с метелкой и совком. Он и Ланский собрали самоцветы с пола. Грего с облегчением понял, что их оказалось больше, чем он ожидал — возможно, даже половина от прежнего количества. С помощью охранников он пересыпал камни в выдвижные ящики. Они не обращали внимания ни на размер, ни на качество камней. Сортировкой можно было заняться позже. Когда Виктор начал собирать самоцветы со стола, пушистики дружно запротестовали. Алмазу тоже хотелось поиграть с красивыми камнями. Грего утешил малышей новой порцией рациона и при поддержке Алмаза заверил их в том, что они получат от Папы Вика другие хорошие штучки.

— А теперь, капитан, слушайте мой приказ, — сказал он. — Вы останетесь здесь вместе с лейтенантом Эгжерсом и двумя полицейскими. Я думаю, что остальные двое пушистиков вернутся сюда за оставшимися камнями. Если сможете, поймайте их руками. Если они начнут удирать,

оглушите их шокерами. Только постарайтесь обойтись без травм. Пойманных пушистиков доставите в кабинет Стифера. Я буду ожидать вас там.

— О Христос-спаситель, пусть они поторопятся! Как ты думаешь, что их могло задержать?

За последние двадцать минут Фил Новис произнес эту фразу двенадцатый раз. Он был на грани нервного срыва. Он пребывал на грани срыва с тех самых пор, как они прилетели сюда, и с каждой минутой раздражался все больше и больше. Мозес Херцкерд тоже начинал беспокоиться, но понимал, что потеря хладнокровия могла обернуться для них бедой.

Ничего, подумал он. Пусть Фил немного побесится. Возможно, это собьет с него спесь. А каким самонадеянным он был в начале.

Они довольно удачно спрятали аэромобиль на десятом незанятом уровне — недалеко от того места, где два месяца назад держали пушистиков. После того как один из этих проклятых гномов сбежал и объявился в личных апартаментах Виктора Грего, полиция Компании начала патрулировать незанятые уровни. Однако место, где они спрятали машину, было относительно безопасным.

Долгий спуск к пятнадцатому уровню среди водопроводных труб и вентиляционных патрубков, тянувшийся почти на тысячу футов, оказался трудным и опасным. Пушистики пищали и толкались в ящике. Антигравитационная платформа то и дело цеплялась за переплетения труб. В какое-то мгновение Фил даже пожалел, что встретил этих пушистых уродцев. Хотя в то время он был еще в норме. Ситуация требовала внимания и сосредоточенности. Он удерживал платформу от раскачивания, облетал ажурные выступы креплений, и это отвлекало его от пугающих мыслей. Но когда они добрались до нужного вентиляционного отверстия, нервы Фила начали сдавать.

— Успокойся, приятель, — прошептал Мозес Херцкерд. — Здесь всего полмили. Только и делов, что пройти по патрубку. Наверное, набивают сейчас рюкзаки самоцветами и любуются каждым камнем. Этих педрил никогда не заставишь поторопиться.

— Может, что-то случилось? Может, они свернули не в том месте и погибли? Эта система в сто раз сложнее той, где мы их тренировали.

— Да не волнуйся ты за них. Три удачные ходки уже позади. Сделаем еще парочку и свалим отсюда. И не разговаривай так громко, черт бы тебя побрал!

В принципе его только это и тревожило. Все силы внутренней полиции концентрировались вокруг хранилища, так что Херцкед и Новис могли их не опасаться. Однако рядом находились другие службы: пожарная бригада, отдел радиационной безопасности, станция скорой помощи, гараж и мастерские. И следовало помнить, что звуки по этим шахтам, патрубкам и трубам разносились на огромные расстояния.

— У нас уже достаточно камней, — настаивал Фил. — Давай бросим пушистиков и уйдем сейчас. За этот чемодан самоцветов мы можем получить миллионов пятьдесят.

— Ты хочешь уйти и оставить пушистиков?

— А на кой черт они нам нужны? — закричал Фил.

— И он еще спрашивает! Неужели ты забыл, что пушистики умеют разговаривать. Мы два месяца сидели взаперти с этими вонючими комками меха, и все из-за того, что пушистик Грего узнал нас по фотографиям. Нет, приятель! Мы должны дождаться наших пятерых сморчков и удавить их, как слепых котят. Запомни: если они заложат нас полиции, пощады нам уже не будет.

Фил наклонился к квадратному отверстию и прислушался.

— Я что-то слышу. Ага, это двое пушистиков, и они разговаривают.

Херцкерд включил ультразвуковой приемник и приставил микрофон к металлическому кожуху воздушного патрубка. Да, двое пушистиков болтали друг с другом и гадали, сколько им еще ходить по длинным норам.

— Когда они выйдут, я столкну их в мусоропровод, — сказал Фил, кивнув в сторону трубы, которая вела к преобразователю энергии, расположенному на глубине в семьсот футов.

Да, подумал Мозес, это будет последней «длинной норкой» для пятерых пушистиков. Но сначала они должны притащить сюда все самоцветы из ящиков хранилища. По его расчетам, малыши принесли лишь половину солнечников.

— Не спеши. Еще слишком рано. Они идут сюда. Хватай первого, а я — второго.

Как только пушистик появился в отверстии, Новис подхватил его и усадил к себе на колени. Херцкерд помог

выбраться второму малышу. Рюкзаки обоих пушистиков были полны. Фил снял с первого наплечный мешочек, распутал завязки и высыпал содержимое в открытый чемодан с самоцветами. Затем снова закрепил рюкзак на спине пушистика.

— Молодец. Иди в нору и возьми еще камней.

Пушистик недовольно забормотал какие-то неразборчивые фразы. Мозес уловил лишь слово «фуссо», которое означало пищу — очень важное слово на их языке.

— Нет. Сначала принеси камни, а потом я дам тебе «фуссо».

Он втолкнул пушистика в вентиляционное отверстие, затем взялся за второго.

— Сейчас мы освободим твой наплечный мешочек, и ты пойдешь за своим приятелем. Будете ходить по норе, пока не принесете нам все камни.

За столом Стифера сидел полицейский в мундире сержанта. Он курил сигару, взятую скорее всего из коробки шефа, и разговаривал по видеофону с девушкой. Из соседней комнаты доносились голоса Эрнста Маллина, Ахмеда Хадры и Сандры Гленн. Они расспрашивали пушистика о планах Больших и о том месте, куда он должен был принести украденные самоцветы. Малыш устроился на краешке стола и с удовольствием жевал кусок «рациона». Хадра был одет в вечерний костюм, а Сандра — в прелестное платье со множеством черных кружев. На среднем пальце ее руки пылал оправленный в золото солнечник. Такого кольца Грего у нее прежде не видел.

«О-хо-хо, — подумал он. — Требуется воспитательница для пушистика. Обращаться к Виктору Грего».

Опустив Алмаза и его друзей на пол, Грего поблагодарил охранника, который помогал ему нести пушистиков. Трое малышей заметили своего приятеля, подняли веселый крик и подбежали к нему, а тот, соскочив со стола, бросился им навстречу.

— Вы что-нибудь узнали от него? — спросил Грего.

— Да. Кражу самоцветов организовали Херцкерд и Новис, — ответил Хадра, с отвращением произнося имена преступников. — Я искал их на черном рынке, а они все время находились здесь, у нас под боком, обучая пушистиков воровать самоцветы. Малышей дрессировали как животных! О Боже! Какие ублюдки!

— Значит, Херцкерд и Новис. А кто еще?

— Двое других мужчин, одна женщина и пять пушистиков, которых Херцкерд и Новис привезли вместе с Алмазом. Все это время их прятали в каком-то доме, от которого до здания Компании не больше пятнадцати минут ходьбы. Бандиты учили пушистиков перемещаться по вентиляционным шахтам, открывать решетки, пользоваться веревочной лестницей и доставать из поддонов камни. Они соорудили копию вентиляционной системы, ведущей в хранилище солнечников. В качестве учебных пособий использовалась обычная речная галька. Если пушистики проникали в подвал и приносили камни, им давали «рацион-три» и мясо сухопутных креветок. Если нет, малышей наказывали ударами электрического тока, закрывали в темной комнате и морили голодом. Уже за одно это суд может приговорить преступников к расстрелу.

— Таких мерзавцев надо не расстреливать, а сжигать на костре! — сердито вскричала Сандра.

«Вот он, мягкий и нежный слабый пол», — подумал Грего.

— Если нам удастся их поймать, меня устроит и расстрел. У вас есть какие-нибудь сведения о том, где искать бандитов?

— Почти никаких, — ответил Маллин. — Его запас слов ограничен, и он не может выразить свои чувства. Мы пытались расспросить пушистика о маршруте по вентиляционной системе, но он не знает, как нам это рассказать.

— Алмаз, ты должен помочь Папе Вику. Сделай разговор для Дяди Эрнста, Дяди Ахмеда и Тети Сандры. Помоги пушистикам рассказать о плохих Больших, о месте, где они были, и о том, как ходили по длинной норе. — Грего повернулся к Хадре: — Вы показывали ему видеопортреты Херцкерда и Новиса?

— Еще нет. Мы только вели с ним беседу.

— Покажите троим пушистикам эту видеозапись и проведите опознание. Продолжайте расспросы о вентиляционной шахте. Возможно, пушистики расскажут вам, в каких направлениях они двигались к хранилищу, куда сворачивали и в каком месте вошли в систему.

Глава 21

Пройдя через холл, он вошел в помещение оперативно-командного центра. Здесь царила спокойная и деловая атмосфера. Каждый из сотрудников знал свои обязанности и выполнял их с максимальной эффективностью и

минимальной суетой. Группа полицейских и инженеров теснилась у большого стола, на котором лежал огромный лист с планом вентиляционных шахт. По бокам светились мониторы компьютеров и экраны видеофонов. Еще одна группа людей собралась вокруг большой объемной модели, которая проецировалась тремя голографическими установками. На ней отображались три последних уровня здания — четырнадцатый, пятнадцатый и шестнадцатый. Прозрачная модель походила на учебный эскиз из курса анатомии человеческого организма. Только вместо дыхательной системы здесь изображались вентиляционные шахты и патрубки, а вместо системы выделения — трубы, мусоропроводы и водосборные стоки.

Ситуация была простой и понятной. В этот мощный организм проникла пара вредных микробов, называемых Фил Новис и Мозес Херцкерд. Полицейские-лейкоциты старались обнаружить их и нейтрализовать.

Понаблюдав за их работой, Грего направился к панели обзорных экранов. Сотни коридоров и транспортных шахт были почти пусты и находились под контролем полиции. Стоянки и посадочные площадки охранялись мобильными группами вооруженных вольнонаемных рабочих. Десятки патрульных машин, оснащенных видеокамерами, совершали облет снаружи здания. Вид с аэромобиля, зависшего в тысяче футах над зданием, вызывал благоговейное восхищение. Грего удовлетворенно усмехнулся. Преступники не могли покинуть здание незамеченными. Как только они появятся на одном из экранов, полиция приступит к стадии захвата.

Видеокамера, установленная над дверью хранилища, показывала Моргана Ланского, Берта Эгжерса и двух полицейских, которые замерли вокруг стола с электрическим подогревом. Вспотев от жары и ожидания, они сняли мундиры. Их взгляды были прикованы к веревочной лестнице, которая, свисая из отверстия вентиляционного патрубка, отбрасывала на стол причудливую тень. На другом экране мелькали лица Эрнста Маллина и Ахмеда Хадры. Они посылали запрос на видеопортреты преступников. Сандра Гленн сидела на полу рядом с Алмазом и задавала его трем друзьям какие-то вопросы. За столом Стифера скучал сержант, а шеф полиции в это время вел переговоры с группами поиска. Грего подошел к нему и опустился в соседнее кресло.

— А-а, мистер Грего, — устало произнес Гарри Стифер. — Пока ничем не могу вас порадовать. Однако мы приняли все меры предосторожности.

— Репортеры теленовостей еще не в курсе?

— Похоже, нет. «Всепланетные новости» заметили над зданием Компании кружащиеся аэромобили и связались с городской полицией. Какой-то остряк ответил им, что ведется погрузка ценностей для отправки на космическую станцию. И представляете, они приняли эту глупость за чистую монету.

— Нам не удастся скрыть факт кражи.

— Надеюсь, о ней узнают лишь после того, как мы схватим этих субчиков.

— Вы отыскали Конрада Ивинса?

— Нет. Все время нарываюсь на автоответчик. Посмотрите сами.

Стифер набрал комбинацию вызова, и на экране перед Грего появилось широколобое треугольное лицо главы коммерческой службы по скупке самоцветов.

«Эта запись сделана в двадцать один ноль-ноль, — произнес Конрад Ивинс. — Мы с женой ушли и вернемся после полуночи».

Экран мигнул, и запись повторилась снова.

— Я мог бы вызвать его по экстренной связи, но у меня появились кое-какие подозрения, — сказал шеф полиции. — Мы не знаем, сколько человек участвуют в этом преступлении. И мне не хотелось бы пока тревожить подельников Херцкерда и Новиса.

— Банда состоит из четырех мужчин и одной женщины. Пушистики говорят, что сюда их привезли два человека — предположительно, Херцкерд и Новис. Значит, остальные двое мужчин и женщина ждут их где-то снаружи. В настоящее время Ивинс нам не нужен. Полночь уже прошла. Оставьте на его автоответчике сообщение с просьбой перезвонить вам, как только он вернется домой.

Возможно, Ивинс и его жена отправились в ночной клуб или в гости. Грего с удивлением подумал о том, что никогда еще не видел супругу Конрада. Кстати, о ней ходили какие-то странные слухи... Отогнав от себя эти беспокойные мысли, он спросил у Стифера:

— Почему бы вам не воспользоваться маленькими роботами-ищейками, которые предназначены для ремонта вентиляционных шахт?

— У инженера Гаррина есть дюжина таких роботов. Он предлагал запустить их в систему, но я отказался до согласования этого вопроса с вами. Роботы оснащены антигравитационными установками, а их генераторы создают ультразвуковые шумы. По нашим предположениям, в вентиляционной системе находятся еще два пушистика. Зачем же мы будем пугать эту пару?

— Конечно, не надо. Есть шанс, что они вернутся в хранилище самоцветов.

Грего взглянул на панель обзорных экранов. Хадра и Маллин прокручивали видеозапись с портретами Херцкерда и Новиса. Сандра перенесла пушистиков на стол и усадила их перед монитором проектора. Алмаз объяснял сородичам, что они видят изображение, а не самих людей.

В хранилище самоцветов намечалось что-то интересное. Ланский и полицейские, упираясь руками в стол, прислушивались к каким-то звукам. Эгжерс и один из охранников надели наушники ультразвуковых приемников. Ланский повернулся в сторону камеры и начал подавать какие-то знаки. Стифер взял микрофон и велел операторам включить звуковое сопровождение видеопередачи из хранилища солнечников.

В течение десяти секунд, показавшихся вечностью, на экране ничего не происходило. Внезапно в вентиляционном отверстии что-то мелькнуло, и по лестнице начал спускаться пушистик. Один из полицейских хотел схватить его, но Эгжерс знаком приказал ему не делать этого. Мгновением позже показался второй пушистик.

Эгжерс обеими руками схватил его за ноги и сдернул с лестницы. Пушистик ударил его рукой по губам. Первый малыш, уже спустившийся на стол, попытался снова взобраться на лестницу. Ланский подхватил его и прижал к груди. Оба полицейских бросились на помощь Эгжерсу. Через секунду борьба прекратилась, и пленники были нейтрализованы.

— Мы взяли их, шеф! — крикнул Ланский. — Сейчас принесем наверх!

Стифер приказал оператору обеспечить двустороннюю связь, вызвал Ланского к экрану видеофона и велел ему лично охранять самоцветы. Эгжерс и один из полицейских взяли пушистиков и вышли из помещения.

В это время в кабинете Стифера трем воришкам показывали видеопортрет Мозеса Херцкерда. Это был старая запись, где Херцкерд рассказывал о своем образовании и

прежнем месте работы. Шеф полиции окликнул по селектору сержанта, сидевшего за его столом, и попросил подозвать к видеофону Ахмеда Хадру.

— Прекрасно! — воскликнул Хадра, услышав о поимке оставшихся пушистиков. — Значит, все пятеро у нас в руках. Когда их доставят сюда, мы снова покажем им видеопортреты Херцкерда и Новиса. Первая тройка утверждает, что это они привезли их сюда вечером.

— Оба мерзавца находятся в здании, — сказал Стифер. — Но двое мужчин и женщина остались снаружи. Хотел бы я...

— Мне кажется, я их знаю, — произнес Виктор Грего.

Конечно, это было только предположение, но оно довольно точно подходило к общей картине преступления. Он вспомнил наконец те слухи, которые ходили о миссис Ивинс.

Когда Лео Такстер, ныне преуспевающий маклер и финансовый посредник частных лиц, прибыл десять лет назад на Заратуштру, с ним прилетела сестра — сестра, а не жена и не любовница. Ее звали Роза Такстер. Через некоторое время она вышла замуж за минералога Компании Конрада Ивинса, который после открытия солнечников стал главой отдела по закупке самоцветов.

— Как позвонить Ивинсу? — спросил Грего у Стифера.

Тот назвал номер, и Виктор повторил его Ахмеду Хадре.

— Когда к вам принесут тех двух пушистиков, наберите этот шифр. Автоответчик покажет видеозапись. Я думаю, наши малыши опознают его.

Стифер с улыбкой взглянул на Виктора и восхищенно показал большой палец:

— А я не додумался бы до этого, мистер Грего. Черт! Похоже, все сходится.

— Интуиция, — ответил Грего. Если кто и ценил интуицию, так это полицейские. — Просто я вспомнил, что Ивинс женился на Розе Такстер.

— Вот же... — воскликнул Стифер и добавил что-то шепотом. — Я ведь знал об этом! Знал! И не придал значения! А как все сходится!

Пару минут они говорили о том, что дело проясняется все больше, и в то же время следили за событиями, происходившими в кабинете Стифера. Туда вошли лейтенант Эгжерс и помогавший ему полицейский. Оба были без кителей, и пушистик, которого нес детектив, пытался достать пистолет из его наплечной кобуры.

Да, ситуация прояснялась. Преступники имели точный план хранилища, о котором знали лишь несколько человек — в том числе и Конрад Ивинс. Схемы вентиляционной системы не считались секретными документами. Любой руководитель такого высокого ранга, как глава отдела по скупке самоцветов, мог получить их без особого труда. Расследование установило, что пушистиков содержали в просторном помещении, где преступники соорудили макет хранилища и точную копию вентиляционной системы. Такое здание могло находиться в районе, названном в народе «закладными землями». Там было множество заброшенных заводов и пустых складов. Этот район принадлежал Хьюго Ингерманну, а подставным лицом при его покупке выступал не кто иной, как Лео Такстер. Пока оставалось лишь гадать, как в их компанию затесались Херцкерд и Новис. На данный вопрос предстояло ответить следствию после ареста всех членов банды. Тем не менее Грего мог поставить десять против одного, что связующим звеном и организатором преступления являлась Роза Такстер, супруга Конрада Ивинса.

Пушистики в кабинете Стифера весело праздновали свое воссоединение. Ахмед Хадра, доктор Маллин и Сандра пытались успокоить их и усадить перед экраном. Грего повернулся к Стиферу:

— Пошлите несколько человек на квартиру Ивинса и сделайте обыск. Возможно, там найдутся какие-нибудь доказательства.

— Вряд ли Ивинс держал пушистиков в своей квартире.

— А я этого и не утверждаю. Скорее всего их прятали в одном из складов на «закладных землях», и теперь мы должны выяснить, в котором именно. Мне надо переговорить об этом с Яном Фергюссоном.

Когда Виктор рассказал Фергюссону о своих подозрениях, тот утвердительно кивнул:

— Разумное предложение, мистер Грего. Я попрошу помощи у городской полиции. Мы перекроем все подходы, чтобы никто не мог ни войти, ни выйти, а затем начнем обыск. Там только две тысячи квадратных миль и около трехсот зданий. Я постараюсь уговорить Касагру. Возможно, он даст мне десантников.

— Только не тяните с обыском. Оставьте кого-нибудь в своем кабинете для связи. При первой же возможности пошлем вам подкрепление.

Грего взглянул на обзорную панель. Хадра в кабинете Стифера позвонил Ивинсу, и автоответчик прокрутил видеозапись, на которой хозяин дома сообщал, что он с женой появится только после полуночи. Пушистики узнали его. Они возмущенно показывали на него пальцами и на что-то жаловались Сандре.

— Объявите общую тревогу и арестуйте Ивинса, его жену и Лео Такстера. Можете не беспокоиться, что вы наделаете слишком много шума.

— Тогда мы возьмем и других: Айвана Боулби, Рауля Лапортье, Спайка Хинена и всех их головорезов, — добавил Фергюссон и на мгновение задумался. — А заодно и Хьюго Ингерманна. Наконец-то мы сможем допросить его как подозреваемого. Я свяжусь с Гасом Браннардом.

— И с Лесли Кумбсом. Он поможет.

— Всем постам! Готовность номер один! — раздался голос Стифера. — Пушистиков в системе больше нет. Начинайте спектакль!

Он встал и обошел вокруг стола. Хадра позвонил по видеофону и доложил о результатах:

— Все нормально. Они узнали Ивинса. Он тоже член банды. А кем он у вас работал?

— Руководил отделом по скупке самоцветов, — ответил Грего. — Но это было пятнадцать минут назад, а теперь он уволен без выходного пособия и рекомендательных писем. — Он внезапно замолчал, и на его лице промелькнула улыбка. — Капитан, вы заметили, какие грязные ноги у этих пушистиков?

— Что? — с недоумением переспросил Хадра и взглянул на пушистиков. — Да, так оно и есть! Серо-коричневая пыль. У них весь мех в пыли.

— Это хорошо.

Грего поднялся с кресла и подошел к голографической модели, рядом с которой Стифер проводил инструктаж полицейских. Заметив Нильса Гаррина, инженера-вентиляционщика, Виктор отвел его в сторону и спросил:

— Нильс, внутри ваших шахт и патрубков очень пыльно?

— Конечно, — ответил инженер. — Использованный воздух поступает в очистители, но в помещениях так много пыли...

— Значит, патрубки пыльные! Так-так, хорошо. А ваши роботы-ищейки могут пройти по следам, оставленным пушистиками в запыленных шахтах?

— Да, я уверен, что могут. Они оснащены оптическими рецепторами, которые работают при обычном и инфракрасном свете. К тому же есть всевозможные усилители...

— Тогда запустите в систему пару роботов. Из хранилища самоцветов и из детективного бюро. Сколько времени вам понадобится для этого?

— Пара минут. Мы уже подключили их видеокамеры к экранам. Прикажете начинать?

— Приступайте. — Грего повысил голос: — Шеф Стифер! Капитан Хартадо и лейтенант Мортлейк! Ду-биззо. Мы запускаем в вентиляционную систему роботов-ищеек.

Фил Новис взглянул на часы. Стрелки показывали час тридцать ночи. Конечно, проклятые часы могли остановиться, но он был уверен, что заводил их перед началом операции. Подставив запястье под тусклый луч света, он скосил глаза на циферблат. Секундная стрелка медленно двигалась по кругу. Прошло лишь несколько минут с тех пор, как он в последний раз смотрел на часы.

— Потерпи, — прошептал Херцкерд. — У нас впереди еще вся ночь.

— Трое других ушли час назад. С ними что-то случилось. Мы можем ждать тут, пока ад не замерзнет...

— Успокойся, Фил. Подождем еще немного. Мы просто обязаны дождаться своих пятидесяти миллионов, отловить пушистиков и заставить их замолчать навеки.

— У нас уже есть пятьдесят миллионов. Если мы останемся здесь, то вообще ничего не получим, кроме дыры в башке. Я знаю, что случилось. Пушистики сбились с пути и вышли где-то в другом месте. Они бегают сейчас по зданию с рюкзаками, набитыми солнечниками...

— Потише, Фил! — Херцкерд достал из кармана наушники, включил ультразвуковой приемник и просунул голову в отверстие вентиляционной шахты. — Я что-то слышу. — Он покрутил настройку приемника, прислушался и облегченно вздохнул. — Какой-то слабый ультразвуковой сигнал. Наверное, от вибрации стенок и креплений. Так что успокойся, парень. Никто не знает о том, что сейчас происходит в хранилище. Открыть его может только Грего, а он не будет делать этого еще пару недель. Все камни из конторы Ивинса перетащили в подвал вчера вечером. Пройдет полмесяца, прежде чем эти олухи узнают, что сокровища исчезли.

— А что, если пушистики вылезут где-нибудь в другом месте? О, черт! Там же рядом полицейское управление!

Конечно, это могло произойти, и Филу было неприятно осознавать такую возможность. Но теперь у него появилась полная уверенность, что его догадка верна.

— Если так, то нас уже ищут.

Однако Херцкерд его не слушал. Он сел на корточки возле открытой решетки, развернул жевательную резинку и предусмотрительно сунул обертку в карман. Ему хотелось закурить. Никто бы не учуял дыма из вентиляционной шахты. Но эти глупые перестраховщики запретили им все — и курево, и даже разговоры. Он снова покрутил настройку приемника. Звук, исходивший из патрубка, стал громче.

— В шахте что-то движется, — сказал он.

Надев очки ночного видения, Мозес включил инфракрасный фонарь и нагнулся над отверстием.

— Не делай этого! — крикнул Новис.

Херцкерд не послушался его и осветил утробу шахты невидимым лучом. По патрубку что-то перемещалось. Это был каплевидный металлический предмет, тихо скользивший в направлении отверстия.

— Черт! Ищейка! Они засекли нас, Фил! Они запустили в шахту робота-ищейку... Бери чемодан с камнями! Уходим!

— Я же говорил тебе! — застонал его напарник. — Надо было сматываться раньше!

Новис захлопнул крышку чемодана, бросил его в ящик на антигравитационной платформе и зацепил карабин страховочного ремня за одну из штанг подъемника. Обернувшись, он увидел, что Херцкерд вытащил пистолет. Выстрелив в робота, Мозес подбежал к платформе, закрепил свой страховочный трос и поднял два шеста с крюками на концах. Один из них он передал Филу Новису.

— Включай подъем! Уходим, парень! Уходим!

Фил надавил на стартовую клавишу, и они начали подниматься: ящик с чемоданом, он, Херцкерд и громоздкая платформа, которая взмыла вверх с широкого выступа и, раскачиваясь, понеслась по темной магистрали.

— Зачем ты стрелял? — крикнул Фил, отталкиваясь шестом от стены. — Нас же могли услышать.

— А ты хотел, чтобы робот сел нам на хвост? Осторожно! Справа трубы!

Идиот, подумал Новис. Возможно, робот проводил профилактический осмотр. Что, если они зря ударились в панику? Нет, что-то тут было не так. Эти полудурки пушистики вышли в каком-то другом месте, и их поймали полицейские...

В шахте проходило множество труб и электрических кабелей. Отталкиваясь шестами от стен, Фил и Мозес отводили подъемник от выступавших патрубков и креплений. Однажды платформу заклинило между стенкой и стальными тросами, и у них мелькнула мысль, что они застряли здесь навсегда. Но потом подъемник дернулся и вновь пришел в движение, а белые цифры XV на металлических опорах шахты сменились цифрами XIV. Они покинули пятнадцатый уровень. Оставалось еще пять и два этажа. И тогда ищи ветра в поле.

Внезапно рядом раздался голос, усиленный мегафоном:

«Восемнадцатой, девятнадцатой и двадцатой машинам! Четырнадцатый уровень, четвертый этаж, сектор ДА-231».

Откуда-то издалека донеслась еще одна команда:

«Двенадцатый пост, объединитесь с тринадцатым и следуйте на шестой этаж...»

Фил выругался и ткнул Херцкерда локтем в бок:

— Кто-то говорил, что они обнаружат кражу не раньше чем через полмесяца!

— Заткнись! Мы выберемся из шахты двумя этажами выше. Сдай влево! Они перекрывают нам путь.

— Если мы остановимся, то попадем к ним прямо в руки, — возразил Фил Новис.

— Они ждут нас наверху. И нам нельзя больше оставаться в шахте. Ничего, браток! Прорвемся!

Рядом тянулись водопроводные трубы, патрубки вентиляционной системы и полупрозрачные каналы пневмопочты. Вцепившись крюками в поручни небольшой обзорной площадки, злоумышленники втянули подъемник в боковой проход и пролетели около сотни футов, прежде чем Херцкерд взял управление на себя и опустил платформу на пол. Они отстегнули страховочные ремни.

Служебный проход был довольно широким. По нему мог пройти небольшой аэромобиль или джип. Обслуживающий персонал использовал его при замене вентиляторов и водяных насосов. Херцкерд и Новис двинулись вперед, таща на буксире подъемник. В поисках выхода они внимательно осматривались по сторонам. Здесь могли

оказаться другие вертикальные шахты, хотя не было никакой гарантии, что их тоже не перекрыли полицейские посты.

— Как мы отсюда выберемся?

— Откуда мне знать, черт побери! — парировал Херцкерд. — Я еще не научился видеть через стены. — Он остановился и указал на открытый дверной проем. — Там лестница. Попробуем подняться на пару этажей.

Они направились к двери. Откуда-то из дальнего, почти неосвещенного прохода донеслись голоса. Кто-то выкрикивал по мегафону неразборчивые приказы. Очевидно, этот проход соединялся с другим туннелем, и дальше идти по нему, конечно же, не стоило.

— Платформа не пролезет через дверь. — Фил попробовал протащить подъемник наискось, но тот оказался слишком громоздким для узкого проема. — Черт! Придется нести чемодан самим.

— Снимай ящик с подъемника, — велел Херцкерд. — Чемодан слишком тяжелый, и нас с ним быстро поймают. Мы потащим его в ящике. Там есть антигравитационная подушка.

В верхней крышке ящика размерами четыре фута на четыре были просверлены отверстия, предназначенные для того, чтобы пушистики не задохнулись при перевозке. Фил еще раз пожалел, что они связались с этими чертовыми существами. Он открыл крышку и вытащил чемодан. Нести его было тяжеловато. С таким грузом от погони не убежишь. Ящик крепился к подъемнику четырьмя полукруглыми скобами. Херцкерд достал из кармана нож, среди лезвий которого имелась отвертка, и начал откручивать винты.

— А там, куда мы пойдем...

— Хватит гадать, придурок! Ты меня уже достал! Эти ржавые винты не идут! Поищи веревку! Мы могли бы обвязать чемодан...

Через плечо Херцкерда, в сотне футов от дверного проема, Новис увидел джип, кативший по проходу. На секунду Фил замер от страха, потом крикнул: «Сзади!..» — и бросился в открытую дверь. Спотыкаясь об узкие ступеньки, он побежал на следующий этаж. Сзади дважды прогремели пистолетные выстрелы, потом послышалась автоматная очередь и два взрыва: взрыв, секунда тишины, а затем второй. Снизу донесся сдавленный крик.

Они взяли Херцкерда! Они взяли солнечники! Ну и черт с ними! Лишь бы удрать! Скорее наверх! Скорее!

Увидев на верхней площадке стальную дверь, Фил начал молить всех богов Вселенной, чтобы она оказалась незапертой! Он бросился на нее с разбегу, и та легко поддалась. На лестнице уже слышался топот бежавших за ним полицейских. Перескочив порог, Фил захлопнул дверь и сделал пару шагов по освещенному коридору.

В пятнадцати футах от него стоял полицейский, державший наготове шокер с расширяющимся дулом. Новис упал на пол, доставая из-за пояса пистолет. Дуло шокера качнулось в его сторону. Не успел Фил вытащить оружие и наполовину, как луч карабина опалил его мозг, и он потерял сознание.

В помещении оперативно-командного пункта воцарилась тишина. Когда руководитель группы захвата закончил доклад, никто не проронил ни слова. Затем послышался легкий шорох движений, и все облегченно вздохнули. Грего заметил, что по-прежнему сжимает кулаки. Рядом стоял Гарри Стифер. Он дышал, как стайер, закончивший трудную дистанцию.

— Ну что же, — произнес шеф полиции. — Я рад, что им удалось взять Новиса живым. Через пару часов мы приступим к его допросу.

Он достал из пачки две сигареты, протянул одну из них Грего и щелкнул зажигалкой.

А вот Мозеса Херцкерда допрашивать не придется, подумал Виктор. Автоматная очередь заставила его замолчать навеки.

— Что делать с солнечниками? — спросил по видеофону один из детективов.

— Отнесите в хранилище. Мы рассортируем их завтра или когда будет время.

Грего повернулся к мониторам, через которые шла связь с городской и колониальной полицией. Взглянув на лица офицеров, которые замещали Ральфа Эрли и Яна Фергюсона, он вежливо поинтересовался:

— Вы, очевидно, поняли, что произошло?

— В основном, да, — ответили они. — Вам удалось взять грабителей и вернуть самоцветы. Но не могли бы вы рассказать об этом подробнее?

— Они использовали антигравитационный подъемник. Преступники поднялись по одной из вертикальных шахт до четырнадцатого уровня и вышли в небольшой служебный коридор. Их заметили с одного из патрульных

джипов. Херцкерд попытался завязать бой, и его превратили в гамбургер со свинцовой начинкой. Новис поднялся по лестнице на следующий этаж и попал прямо на мушку шокера дежурившего там полицейского. Через некоторое время он придет в себя, и тогда мы узнаем, кто затеял эту историю с пушистиками. А что творится у вас в районе «закладных земель»?

— Мы окружили территорию, — ответил заместитель Фергюссона. — Если они и проскочат сквозь кольцо, то только пешком. На транспорте это им не удастся. У нас над головой висят три военных корабля с радарами и видеосканерами. Но блокада довольно слабая. В распоряжении Касагры, кроме наших людей, находится всего лишь сотня десантников.

— Я ничем не могу вам помочь, — ответил офицер, замещавший шефа городской полиции Мэллори-порта. — Все наши люди на облаве. Если вы позволите, мистер Грего, я отзову наши машины от здания Компании. Мы уже взяли Айвана Боулби, Спайка Хинена и Рауля Лапортье. Теперь предстоит отловить их помощников и бандюг. Лео Такстер еще на свободе. Очевидно, он находится в районе «закладных земель» и вместе с Ивинсами ждет, когда Херцкерд и Новис привезут добычу. Полчаса назад мы арестовали Хьюго Ингерманна. Он наотрез отказался давать показания. Шеф поднял судью Пендарвиса с постели, и тот подписал ордер на арест и обыск. Теперь у нас есть все основания для допроса на детекторе лжи. Мы начнем с мелюзги, а Ингерманна прибережем напоследок.

Грего не сомневался, что Лео Такстер принимал активное участие в разработке плана кражи самоцветов. Вряд ли Боулби, Хинен и Лапортье имели какое-то прямое отношение к краже из хранилища. Тем не менее их можно было допросить как предполагаемых соучастников — и не только по этому делу, но и по многим другим. А на детекторе лжи им не удастся скрыть правду. Их показания автоматически станут актом самообвинения.

— Пойду узнаю, что рассказали пушистики, — произнес Грего. — Может быть, Маллин и Хадра выяснили какие-то новые подробности.

Виктор взглянул на экран, который показывал людей, собравшихся в кабинете Стифера. Среди них он с изумлением увидел Джека Холлоуэя. Неужели старик прилетел

сюда с континента Бета, услышав о неприятностях с камнями? Нет, он просто не успел бы долететь.

— Я свяжусь с вами позже, — сказал Грего Стиферу и вышел из оперативно-командного центра.

Он пересек холл и присоединился к группе, которая расспрашивала пятерых пушистиков. Кроме Маллина, Хадры и Гленн, тут были Хуан Хименес и пара докторов, которые работали с пушистиками в приемном центре столичного бюро опекунства. Здесь же находилась Клодетт Пендарвис.

Как только Грего вошел в кабинет, к нему подбежал Джек Холлоуэй. Они пожали друг другу руки.

— Я решил, что могу помочь вам, и прилетел сюда, — сказал Джек. — Послушайте, мистер Грего, вы не собираетесь выдвигать каких-нибудь обвинений против этих пушистиков?

— О Боже! Конечно, нет!

— Да, но они признаны разумными существами, — напомнил Холлоуэй. — И в данном случае эти малыши нарушили закон.

— Юридически они приравниваются к десятилетним детям, — возразила миссис Пендарвис. — И не могут отвечать за содеянное преступление, потому что совершали его по принуждению. Моральную и уголовную ответственность должны нести те люди, которые обучали их воровать самоцветы.

— Да, наша версия о порабощении подтвердилась, — сказал Ахмед Хадра. — За это предусмотрена смертная казнь.

— Я надеюсь, что расстреляют и эту женщину, Розу Ивинс! — возмущенно вскричала Сандра Гленн. — Она оказалась хуже всех остальных. Представляете?! Она наказывала пушистиков электрическим током! Избивала малышей за каждую допущенную ошибку.

— Мистер Грего, — прервал ее Эрнст Маллин. — Что-то я ничего не понимаю. Этим пушистикофоном может пользоваться любой пушистик. Когда малыши берут его за рукоятку, они нажимают на микровыключатель, и прибор начинает работать. Алмаз говорит через него без всяких проблем, но у остальных пушистиков ничего не получается. Вот, послушайте сами.

Алмаз взял свой пушистикофон и заговорил. Его было слышно. Когда он передал аппарат другим пушистикам, люди услышали только однообразное уиканье.

— Дайте-ка посмотреть.

Грего взял пушистикофон и отнес его к столу. Осмотрев прибор снаружи, он взял отвертку и открыл крышку. Механизм на вид казался неповрежденным. Грего вытащил маленькую батарейку и заменил ее другой, которую он нашел в столе Стифера. Отдав пушистикофон Маллину, он попросил:

— Пусть через него поговорит какой-нибудь пушистик. Только не Алмаз.

Маллин передал пушистикофон тому драчливому малышу, которого Эгжерс поймал в хранилище солнечников. Доктор о чем-то спросил у пушистика. Тот поднес пушистикофон ко рту и отчетливо ответил на вопрос. Все собравшиеся дружно воскликнули: «Что за черт!» или какую-то похожую фразу.

— Алмаз, тебе больше не нужна эта штучка, которая делает маленький разговор большим, — сказал Грего. — Теперь ты сам можешь говорить, как Большой. Попробуй! Произнеси что-нибудь на языке Больших.

— Вот так? — спросил Алмаз.

— Как он это делает? — воскликнула миссис Пендарвис. — Ведь пушистики говорят только в ультразвуковом диапазоне!

— Я понял ход ваших мыслей! — сказал доктор Маллин. — Когда в приборе села батарейка, Алмаз начал копировать те звуки, которые привык издавать с помощью пушистикофона. Верно?

— Вероятно, так. Он слушал свой голос и учился управлять им, имитируя звуки доступного нам диапазона. Держу пари, что Алмаз говорит подобным образом уже целую неделю. А мы ничего не замечали.

— Скорее всего он и сам этого не знал, — сказал Джек Холлоуэй. — Интересно, он может научить такой имитации других пушистиков?

— И насколько это трудно? — добавил Маллин. — Неужели он действительно не осознавал, что произносит слова в человеческом диапазоне?

— Мистер Грего, — вмешался в разговор сержант, сидевший у видеоселектора. — Шеф Стифер спрашивает, вы пойдете в хранилище проверять содержимое того чемодана, который мы нашли у преступников?

— А что, там некому его проверить?

— Капитан Ланский уже сделал это, но...

— Хорошо. Заприте чемодан в хранилище. Мне сейчас не до него. Проверю завтра. Передайте вашему шефу, что я занят.

Глава 22

— Вас устроит цена в двести солов за карат? — спросил Виктор Грего.

Беннет Рейнсфорд взял со стола зажигалку, озабоченно осмотрел ее со всех сторон и начал раскуривать трубку, которая, кстати, в этом совсем не нуждалась. Чем больше он узнавал Виктора Грего, тем сильнее тот ему нравился. Но губернатор все еще присматривался к нему. Виктор Грего олицетворял собой нелицензированную компанию «Заратуштра», а эта организация была далека от принципов филантропизма.

— На мой взгляд, нормально, — согласился Джек Холлоуэй. — Когда я был старателем и добывал солнечники, мне платили примерно такую же сумму.

— Двести солов, Джек! На терранском рынке за один карат дают тысячу, не меньше!

— Но здесь не Терра, Бен. Терра находится за пятьсот световых лет отсюда, и до нее надо лететь целых шесть месяцев. Я считаю, что мистер Грего сделал нам хорошее предложение. Ты будешь подсчитывать свои денежки в банке, а всем остальным займется Компания.

— Какую месячную прибыль будут иметь от этого пушистики?

Грего пожал плечами:

— Я не могу назвать сейчас такую цифру. Возможно, мне подскажет Джек. Что вы думаете по этому поводу?

— Все будет зависеть от количества и качества того оборудования, которое вы собираетесь использовать. С вибромолотами и сканерами вы будете добывать примерно по одному самоцвету из каждой тонны кремня.

— Я думаю, что в месяц мы обработаем немало тонн. А судя по описаниям Джека, этот рудник будем разрабатывать не только мы, но и наши потомки. Знаете, губернатор, если дело пойдет на лад, то пушистики перестанут нуждаться в вашей благотворительной помощи. Вскоре они сами смогут оплачивать счета правительства.

Все это надо просчитать, подумал Бен. Рудник не должен превратиться в источник политического подкупа. Через месяц начнутся выборы делегатов на Конституционное

собрание. Если избранники окажутся достойными людьми, они примут такую конституцию, которая увековечит права пушистиков на их исконные земли.

Он почему-то верил, что может рассчитывать в этом вопросе на поддержку Виктора Грего.

Лесли Кумбс протянул свой бокал, и Гас Браннард начал наполнять его из пузатой бутылки.

— Этого достаточно. Благодарю.

Лесли добавил кубик льда и разбавил виски содовой.

— Жаль, что Хьюго Ингерманн оказался невиновным, — печально произнес он.

— Да, он не имеет отношения к порабощению пушистиков и краже самоцветов из хранилища Компании, — согласился Гас, подливая виски в свой бокал.

Когда Браннард готовил себе виски с содовой, он обычно обходился без льда... и без содовой.

— Впрочем, это, пожалуй, единственное преступление на планете, к которому он не имел отношения. Нет, он не уйдет от наказания.

Браннард сделал глоток, и Кумбс внутренне содрогнулся: у этого парня желудок был из легированной стали или коллапсия.

— Во время допросов по делу о похищенных пушистиках мы получили серьезные доказательства о связях Ингерманна с бандой Такстера. Его неплохо знают девочки из порноагентств Боулби, продажные бойцы Хинена и мускулистый сброд Лапортье. Я начинаю на Хьюго большую охоту. Я окружу его таким ореолом обвинений, что он уже никогда не вернет себе прежних позиций. И даже если мне не удастся изобличить его в конкретных преступлениях, он будет лишен права заниматься адвокатской деятельностью. В этом можете не сомневаться. Его Партия благополучия планеты получит хороший фитиль. Она взорвется изнутри и разлетится на мелкие части. Ее будут называть партией мучителей и похитителей пушистиков. Все, кто был каким-то образом связан с ней, попрячутся, как крысы.

— Объединившись, мы примем хорошую конституцию и изберем достойную законодательную власть. Скажите, а можно ожидать, что губернатор Рейнсфорд согласится с Виктором Грего по поводу того, какими должны быть «хорошая» конституция и «достойная» законодательная власть?

— Можно, — ответил Браннард. — У нас в запасе есть еще несколько месяцев, прежде чем начнется вторжение эмигрантов. Бен Рейнсфорд тревожится о нем не меньше Виктора Грего. Лесли, если вы обратитесь в суд с требованием нанести на карту и вернуть Компании все отобранные у нее земли, я позабочусь о том, чтобы губернатор не противодействовал вашему начинанию. Как вам такое предложение?

— Заманчиво. Но помимо земель нам необходимы права на разработку месторождений и рудников. А я, в свою очередь, предложу Грего назначить Маленького Пушистика почетным членом совета директоров. С титулом «Благодетель Компании номер один».

Маленький Пушистик взобрался на колени к Папе Джеку и немного поворочался, усаживаясь поудобнее. Он был счастлив, что они вернулись назад. Конечно, в «месте, где много домов» жилось хорошо и весело — и ему, и Мамуле, и Ко-Ко, и Золушке, и Синдрому, и Ид, и Неду Келли, и Доктору Криппену, и Катастрофе Джейн. Они встречались с другими сородичами, которые жили со своими Большими, и у них было особое место, где все пушистики могли собираться вместе и играть во всякие игры. Он видел там своих друзей, прозванных Пьеро и Коломбиной. Он видел Алмаза, о котором ему рассказывал Дядя Панко. И еще он встречался с Папой Виком.

Дядя Панко и Тетя Линн повезли его к Алмазу на небесной штучке — в «место, где много больших домов». Алмаз узнал, как можно разговаривать с Большими без пушистикофона. Он учил этому других пушистиков. Учеба была трудной и веселой. Алмаз обнаружил свой дар случайно, но когда он учил пушистиков, они тоже начинали делать это. И вот теперь Папа Герд и Мама Вут повезли туда новую группу — Майка и Мицци, Комплекса и Суперэго, Диллинджера и Лиззи Борден. Скоро они тоже будут говорить как Большие. А Беби уже научился этому у Мамули. Завтра они откроют школу для всех сородичей, которые живут в «хоксу-митто».

— Ско'о все пушистики будут деять 'азговох, как Бойшие, — сказал он. — Не надо гово'ящих штущек. Бойшие могут сушать нас так. Все будут гово'ить, как я сещас. П'авда?

— Правда, — ответил Папа Джек. — Большие и пушистики будут говорить вместе. Они станут хорошими друзьями.

— Тогда пушистики узнают, как помогать Бойшим. Пушистики будут много помогать, еси Бойшие скажут им как.

— Вы очень поможете нам, если будете оставаться такими, какие вы есть, — сказал Папа Джек.

А какими еще они могли быть? Пушистики — это пушистики, а Большие — Большие.

— Кроме того, — продолжал Папа Джек, — пушистики теперь очень богатые.

— Богатые? Это хо'ошо?

— Многие люди считают, что очень хорошо. Когда ты богатый, у тебя есть деньги.

— Деньги? Их можно кушать? — спросил малыш. — Как «пиэ-тьи»?

Он так и не понял, почему засмеялся Папа Джек. Возможно, он смеялся потому, что был счастлив. Или его забавляло то, что Маленький Пушистик ничего не знал о деньгах.

Впрочем, у Больших имелось еще много всяких штучек, с которыми предстояло разобраться его маленькому народу.

СОДЕРЖАНИЕ

Маленький Пушистик, роман,
перевод О. Васант 7

Пушистик разумный, роман,
перевод С. Трофимова 191

Всем, кто любит фантастику!

ЕДИНСТВЕННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ В РОССИИ

Журнал «Если» был основан в 1991 году, а с 1993 года распространяется преимущественно по подписке.

Ценители жанра найдут в «Если» **лучшие образцы новейшей зарубежной фантастики.** Залог тому – наше сотрудничество с двумя ведущими американскими НФ-журналами – Asimov's и Analog, критико-библиографическим изданием Locus, а кроме того, тесные контакты с крупнейшими литературными агентствами и ведущими зарубежными писателями.

«Если» внимательно следит за развитием отечественной фантастики. **Ряд произведений российских авторов, напечатанных в нашем журнале, получили престижные премии.**

В разделах критики и библиографии читателей ждут очерки, посвященные истории жанра, статьи о новейших течениях НФ и фэнтези, рецензии на новые книги, литературные портреты, встречи с писателями, новости фэндома.

Журнал выходит в удобном формате, с использованием современного дизайна, европейской бумаги, зарубежной полиграфии. Большой популярностью у читателей пользуется **красочный раздел «Видеодром» – все о фантастическом кино.**

Переписка с читателями сделала «Если» **заочным клубом любителей фантастики** и местом встреч поклонников жанра.

«ЕСЛИ» – ЭТО 300 СТРАНИЦ НОВЕЙШЕЙ ФАНТАСТИКИ!

Подписка на журнал проводится по объединенному каталогу «ПОДПИСКА-98» (I том, раздел «Журналы»).

ИНДЕКС ЖУРНАЛА – 73118

Каталожная цена подписки на журнал – 48 тысяч рублей на полугодие плюс стоимость почтовых услуг.

Каталог есть в каждом почтовом отделении России.

«Тьма опустится на Галактику. И продлится тридцать тысяч лет. — Селдон обвел собравшихся взглядом. — Я могу сократить этот срок до девятисот девяноста двух лет».

Айзек Азимов

«Хроники Академии»

Лучший научно-фантастический сериал всех времен и народов — такого звания удостоена «Академия».

Пять томов запутанных интриг и непрекращающихся авантюр, сотни лет истории и роковые мгновения: решающие судьбы Галактики — это «Академия».

«Прелюдия к Академии»
«На пути к Академии»
«Академия»
«Академия и Империя»
«Вторая Академия»
«Край Академии»
«Академия и Земля»

все это

«Академия»!

«ПОЛЯРИС». ВСЕГДА В ДВИЖЕНИИ!

Л.Рон Хаббард
«Миссия "Земля"»

Самый искрометный

Самый увлекательный

Самый опасный

Самый большой

фантастический

роман последнего

десятилетия —

это декалогия

МИССИЯ «ЗЕМЛЯ».

Им восхищались знаменитейшие фантасты мира —
Роджер Желязны, Энн Маккефри, А. Э. Ван Вогт
Орсон Скотт Кард, Филип Хосе Фармер.

Следите за приключениями
Джеттеро Хеллера, спасителя Земли!

Том 1 «План вторжения»

Том 2 «Во мраке бытия»

Том 3 «Внутренний враг»

Том 4 «Дело инопланетян»

Том 5 «Судьба страха»

«ПОЛЯРИС». ВСЕГДА В ДВИЖЕНИИ!

Миры Пирса Энтони

Издательство «Полярис» представляет один из лучших сериалов в истории мировой фантастики — «Воплощения бессмертия» Пирса Энтони. Все семь романов — «На коне бледном», «Властью Песочных Часов», «С запутанным клубком», «Владея мечом кровавым», «Будучи зеленой матушкой», «Из любви ко злу», «И вечность» — увидят свет в серии «Миры Пирса Энтони».

Имя Пирса Энтони, одного из самых популярных и плодовитых авторов НФ и «фэнтези», известно всем любителям фантастики в нашей стране. Из-под его пера вышли такие циклы, как «Ксант» и «Голубой адепт», такие романы, как «Макроскоп» и «Сос-Веревка». Но до сих пор ни один его сериал не был издан на русском языке полностью, и лучшие его вещи до сих пор оставались в тени.

А между тем уже ранние книги Энтони открывали вдумчивого и смелого мыслителя, стремящегося открывать новые земли. На грани 60-х и 70-х Энтони ворвался в литературу несколькими интереснейшими романами: «Хтон», блистательный юмористический роман «Дантист с плюсом» и знаменитый «Макроскоп». А в 1977-м Энтони начинает серии «Скопление» и «Ксант», которые вывели его в первые ряды американских фантастов.

Теперь писатель ищет новые идеи, новые сюжеты. Но его популярность остается неизменной. Уже пятнадцать лет флоридский затворник Пирс Энтони остается самым любимым фэнами писателем-фантастом.

«ПОЛЯРИС». ВСЕГДА В ДВИЖЕНИИ!

Миры Роберта Шекли

Самый веселый,
Самый ироничный,
Самый непредсказуемый!

К читателям возвращается
блистательнейший Роберт Шекли!

Вновь ждут читателей его рассказы —
хорошо знакомые и мало известные,
смешные, ехидные и грустные —
но всегда великолепные!

В свет выходит собрание лучших работ писателя — две книги великолепных рассказов величайшего юмориста мировой НФ.

ОБРАЩАТЬСЯ С ОСТОРОЖНОСТЬЮ

ПРИКЛАДНАЯ ДЕМОНОЛОГИЯ

ОБРАЩАТЬСЯ С ОСОБОЙ ОСТОРОЖНОСТЬЮ!

«ПОЛЯРИС». ВСЕГДА В ДВИЖЕНИИ!

«Зачем ты пришел сюда, землянин? Чего искал? Ваше племя никогда не будет истинными правителями Марса».

Миры Ли Брэкетт

Ее называли «королевой космической оперы».
Она была писательницей и женой писателя.
Ее имя гремело среди любителей фантастики.
Она создала «Звездные войны».

Ли Брэкетт создала свой фантастический мир — мир героических подвигов, жутких древних тайн, удивительных краев. Под ее пером оживали планеты Солнечной системы — умирающий Марс, первобытная Венера, безумный Меркурий и холодные камни внешних миров.

Том 1
Пришествие
землян

Том 2
Вуаль
Астеллара

«ПОЛЯРИС». ВСЕГДА В ДВИЖЕНИИ!

МИРЫ БИМА ПАЙПЕРА

МАЛЕНЬКИЙ ПУШИСТИК

Составитель *Д. Смушкович*
Ответственный за выпуск *Е. Чутов*
Редактор *М. Проворова*
Технический редактор *К. Козаченко*
Корректоры *Ж. Голубева, Н. Дундина, А. Хиршфелде*
Оператор компьютерной верстки *Н. Амосова*
Оформление шмуцтитулов: *Д. Затравкин*

ЛР № 065224 от 17.06.97.
Подписано в печать 20.10.97. Формат 84×108 1/32.
Гарнитура Таймс. Печать высокая.
Усл. печ. л. 20,16. Тираж 5 000 экз. Заказ № 1537.

ООО издательство «Полярис»
101000, Москва, Главпочтамт а/я 900

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Государственного Комитета Российской Федерации по печати
170040, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

МАЛЕНЬКИЙ ПУШИСТИК

Крохотное мохнатое существо, забредшее в дом Джека Холлоуэя, и не подозревало, какие события развернулись на планете Заратуштра с его появлением. Потому что существование маленького, но разумного пушистика угрожает могущественной Компании. А Компания не остановится ни перед чем, чтобы защитить свою монополию. Даже перед убийством...

ПУШИСТИК РАЗУМНЫЙ

Решением Пендарвиса пушистики признаны разумными. Но проблемы только начинаются. Потому что всегда найдутся не только те, кто хочеет спасти новую разумную расу от грозящего ей вымирания, но и те, кто готов использовать наивных аборигенов Заратуштры в своих грязных целях.

ISBN 5-17-001815-3

МИРЫ БИМА ПАЙПЕРА • МАЛЕНЬКИЙ ПУШИСТИК